Пис. Сапожк. Гр. Афанасьев.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть пятнадцатая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1833.

Digitized by Google

Sin 2501/50a ... /№5-8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Марта 15 дня, 1833 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

945331

6.

Digitized by Google

№ V. МАРТЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОСАДА АНТВЕРПЕНА,

подъ предводительствомъ Принца Пармскаго, въ 1584 и 1585 годахъ.

(Продолженіе).

Но, между тѣмъ какъ въ Антверпенѣ доказывали сколь безразсудно предпріятіе Герцога Пармскаго, Герцогъ совершилъ его. Когда были построены бастіоны Санта-Марія и Санктъ-Филиппъ, которые могли защищать своими пушками работы и рабошниковъ, тогда отъ обоихъ противоположныхъ береговъ сдѣлали въ рѣкѣ основу моста, употребивъ для сего мачты *большихъ* кораблей. Искуснымъ расположеніемъ брусьевъ умѣли дать сей постройкѣ такую прочность, что она, какъ послѣ доказалъ опытъ, могла противиться стремительному напору льда. Балки, укрѣпленныя надежно и твердо на днѣ рѣки, выставлялись изъ воды

Digitized by Google

довольно высоко, и были покрыты досками, составившими удобный путь. Онъ былъ столь широкъ, что восемь человѣкъ, одинъ подлѣ другаго, могли стать на немъ; по обѣимъ сторонамъ его простирались перила, защищавшія отъ ружейнаго огня непріятельскихъ кораблей. Эстакады, какъ называли оба начала моста, простирались съ противоположныхъ береговъ такъ далеко въ рѣку, какъ то позволяла увеличивающаяся глубина и сила воды. Отъ нихъ уменьшилась ширина рѣки почти на тысячу сто футовъ; но средняя, или настоящая рѣка, не позволяла продолжать ихъ далѣе, и потому между обѣими эстакадами все еще оставалось болѣе нежели на шесть сотъ шаговъ открытаго пространства, гдѣ могъ удобно пройдти цѣлый флотъ съ провіантомъ. Герцогъ рѣшился замѣстить сіе пространство мостомъ изъ судовъ, которыя надлежало доставить изъ Дюнкирхена. Но, кромѣ того, что тамъ было ихъ немного, трудно было и провести ихъ мимо Антверпена безъ большой потери. Надлежало покуда удовольствоваться тѣмъ, что ширина рѣки уменьшена въ половину, и прохожденіе непріятельскихъ кораблей было затруднено гораздо болѣе прежняго. Обѣ эстакады оканчивались по срединѣ рѣки продолговатыми четыреугольниками, уставленными пушками, и среди самой воды составляли родъ крѣпости. Всѣ

Digitized by Google

суда, которыя отваживались проходить симъ проливомъ, подвергались жесточайшему огню съ башарей; однако это не мѣшало, цѣлымъ флотиліямъ и отдѣльнымъ кораблямъ, счастливо совершать сей опасный путь.

Между тѣмъ сдался Гентъ, и это неожиданно-быстрое завоеваніе вдругъ вывело Герцога изъ затруднительнаго его положенія. Онъ нашелъ въ Гентѣ все необходимое для довершенія судоваго моста, и трудность состояла только въ доставкѣ оттуда необходимыхъ предметовъ. Для этого, самъ непріятель открылъ ему естественную дорогу. Когда въ Зафтингенѣ отворили плотину, то большая часть земель округа Весъ была наводнена, до самаго мѣстечка Борхтъ, такъ что при этомъ было легко плавать черезъ тамошнія поля на плоскодонныхъ судахъ. Герцогъ велѣлъ вывести свои суда изъ Гента, и приказалъ, когда пройдутъ они Дендермонде и Рупельмонде, пробить лѣвую плотину Шельды, оставить Антверпенъ въ правой сторонѣ и идти къ Борхту, черезъ покрытыя водою поля. Для обезпеченія сего пути, при мѣстечкѣ Борхтъ былъ заложенъ бастіонъ, который долженъ былъ угрожать непріятелю. Все исполнилось по его желанію, хотя и не безъ жестокаго боя съ непріятельскою флотиліею, которая была выслана

Digitized by Google

для прегражденія сего пути. Пробивши еще нѣсколько встрѣтившихся плотинъ, суда достигли Испанскаго укрѣпленія въ Каллоо, и счастливо вступили въ Шельду. Войска были обрадованы этимъ, и потому болѣе, что вскорѣ узнали, какой великой опасности избѣгли пришедшія суда, ибо едва успѣли они отразить непріятельскіе корабли, какъ изъ Антверпена отправили новое подкрѣпленіе къ онымъ, подъ предводительствомъ мужественнаго защитника Лилло, Одета Телиньи. Когда онъ увидѣлъ, что непріятель избѣжалъ отъ него, то немедленно овладѣлъ плотиною, черезъ которую прошли суда, и построилъ на ней бастіонъ, для воспрепятствованія Генпскимъ судамъ вновь проходить симъ путемъ.

Такимъ образомъ Герцогъ Пармскій былъ снова въ большомъ затрудненіи. У него еще не было достаточнаго числа судовъ, ни для моста, ни для защиты онаго, а путь, по которому прошли прежнія, былъ теперь прегражденъ укрѣпленіемъ Телиньи. Осматривая окрестности, для того чтобы найдти новый путь для своего флота, онъ вдругъ попалъ на мысль, которая не только выводила его изъ настоящаго затруднительнаго положенія, но и придавала всему предпріятію новый, живописный оборотъ. Не вдалекѣ отъ деревни Штеккенъ, на

Digitized by Google

землѣ округа Весъ, откуда оставалось не болѣе пяти тысячь шаговъ до наводненныхъ земель, течетъ небольшая рѣчка Меръ (Moer), впадающая около Генша въ Шельду. Отъ этой рѣчки велѣлъ Герцогъ провести каналъ, до того мѣста, гдѣ начиналось наводненіе; но вода была тамъ не вездѣ довольно высока, и потому каналъ былъ продолженъ между Беверномъ и Верребрёкомъ до Каллоо, гдѣ соединялся онъ съ Шельдою. Пятьсотъ піонеровъ безпрерывно занимались этою работою, и для возбужденія солдатъ къ труду, Герцогъ самъ, своими руками, работалъ съ ними. Въ семъ случаѣ онъ возобновилъ примѣръ двухъ знаменитыхъ Римлянъ, Друза и Корбулона, которые подобнымъ трудомъ соединили Рейнъ съ Зюдерзее и Маасъ съ Рейномъ.

Каналъ сей былъ названъ войсками, въ честь творца его, *каналомъ Герцога Пармскаго.* Онъ простирался въ длину на четырнадцать тысячь шаговъ, при соразмѣрной глубинѣ и ширинѣ, такъ, что могъ поднимать весьма значительные корабли. Онъ доставилъ судамъ, шедшимъ изъ Генша, не только болѣе надежный, но и гораздо болѣе краткій путь къ Испанской главной квартирѣ, ибо имъ уже не нужно было послѣ сего слѣдовать по длиннымъ извилинамъ Шельды: прямо входили они въ Меръ, и ош-

Digitized by Google

туда, мимо Шпеккена, черезъ каналъ и наводненныя земли достигали въ Каллоо. Въ Генпѣ сбирались произведенія всей Фландріи, и потому сей каналъ привелъ Испанскій станъ въ сообщеніе со всею областію. Изъ всѣхъ мѣстъ, со всѣхъ концовъ ея спремились туда избытки, такъ что до самаго окончанія осады шамъ уже не знали ни въ чемъ недостатка. Но важнѣйшее преимущество, доставленное Герцогу сею работою, состояло въ томъ, что онъ получилъ достаточное число плоскодонныхъ судовъ, для довершенія начатаго имъ моста.

Во время сихъ приготовленій наступила зима. Шельда несла ледъ, и въ постройкѣ моста надлежало сдѣлать довольно продолжительную перемежку. Съ безпокойствомъ глядѣлъ Герцогъ на приближеніе сего времени года, которое могло во многомъ повредить начатымъ его работамъ, а непріятелямъ особенно способствовать къ рѣшительному нападенію на оныя. Но искуство его инженеровъ отвратило первую изъ сихъ опасностей, а нерѣшительность непріятеля избавила его отъ другой. Хотя много разъ случалось, что во время морскихъ приливовъ огромные куски льда пробивались къ эстакадамъ, и съ необычайною силою потрясали ихъ, однакожъ постройка вы-

Digitized by Google

держивала удары, и свирѣпство грозной стихіи только доказывало прочность строенія.

Между тѣмъ въ Антверпенѣ тратили драгоцѣнное время на безплодныя разсужденія, и въ распряхъ партій забывали общее благо. Правленіе города было раздѣлено между множествомъ *лицъ*, и буйная толпа принимала въ ономъ слишкомъ большое участіе, такъ что не было возможности разсуждать спокойно, избирать мѣры съ осмотрительностью и выполнять ихъ съ твердостью. Кромѣ Магистрата, гдѣ Бургомистръ имѣлъ только одинъ голосъ, въ городѣ было множество сословій, которыя завѣдывали внѣшнею и внутреннею безопасностію, снабженіемъ города съѣстными припасами, укрѣпленіемъ онаго, морскою силою, торговлею, и прочимъ. И всѣ хотѣли участвовать въ сужденіяхъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ! Толпы говоруновъ, по волѣ вторгались въ совѣщательныя собранія и одерживали тамъ поверхность крикомъ и своею многочисленностію, если не могли убѣдить своими доказательствами. Черезъ это, народъ пріобрѣлъ пагубное вліяніе на публичныя совѣщанія, и естественное противоборство столь многихъ противоположныхъ выгодъ, останавливало исполненіе самыхъ благотворныхъ распоряженій. Власть, шаткая и безсильная, не могла внушить

Digitized by Google

уваженія буйнымъ матросамъ, и слишкомъ высоко думавшимъ о себѣ солдатамъ. Отъ того, повелѣнія города исполнялись худо, и отъ безпечности, если не отъ явнаго возстанія войска и матросовъ, не одинъ разъ была потеряна рѣшительная для дѣйствій минута.

Впрочемъ, несогласіе въ выборѣ средствъ для защиты отъ непріятеля, не могло-бы нанести столь много вреда, если-бы совершенно единодушны были въ самой цѣли дѣйствій. Но и въ семъ случаѣ, достаточные граждане и народъ раздѣлились на двѣ партіи, ибо первые не безъ основанія опасались всего отъ бѣдственной крайности, и потому были готовы вступить съ Герцогомъ Пармскимъ въ переговоры. Они скрывали свои чувствованія до тѣхъ поръ, когда укрѣпленіе Лифкенсгёкъ пало въ руки непріятеля, и всѣ начали опасаться, что плаваніе по Шельдѣ будетъ прервано. Нѣкоторые изъ гражданъ совершенно удалились и предоставили судьбѣ городъ, въ которомъ жили они во время его благосостоянія, но не хотѣли раздѣлять общаго бѣдствія. Отъ шестидесяти до семидесяти человѣкъ, оставшихся изъ сего разряда, подали Городовому Совѣту просьбу, гдѣ изъявляли желаніе, чтобы съ Королемъ были начаты переговоры. Какъ скоро народъ свѣдалъ объ этой просьбѣ, онъ пришелъ

Digitized by Google

въ неисповство, такъ, что едва могли утишить его, посадивъ въ тюрьму просителей мира и наложивъ на нихъ денежный штрафъ. Но и послѣ этого, спокойствіе возстановилось тогда только, когда Правительство постановило, что всякій, кто тайно или явно станетъ склонять къ миру, долженъ быть наказанъ смертію.

Герцогъ Пармскій имѣлъ въ Антверпенѣ, и во всѣхъ другихъ городахъ Брабанта и Фландріи, лазутчиковъ, которые служили ему усердно. Отъ нихъ узналъ онъ о всѣхъ сихъ волненіяхъ и не упустилъ случая воспользоваться ими. Хотя онъ уже сдѣлалъ многое для безпокойства города, однакожъ гораздо болѣе оставалось еще сдѣлать для овладѣнія онымъ; а между тѣмъ одно несчастное мгновеніе могло уничтожить труды нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Посему, не ослабляя ни одной изъ своихъ военныхъ мѣръ, онъ рѣшился сдѣлать рѣшительный опытъ овладѣть городомъ безъ боя. Въ *Ноябрѣ* мѣсяцѣ, онъ передалъ главному Антверпенскому Совѣту письмо, гдѣ были употреблены всѣ ухищренія склонить гражданъ къ сдачѣ города, или по крайней мѣрѣ усилить между ними раздоръ. Въ письмѣ своемъ, онъ старался представить ихъ *увлеченными*, и слагалъ вину ихъ отпаденія отъ Правительства, и со-

Digitized by Google

противленіе оному, на пронырливаго возмутителя, Принца Оранскаго, отъ котораго недавно избавило ихъ правосудіе небесное. Онъ думалъ, что теперь отъ нихъ самихъ зависѣло прозрѣть, послѣ долговременнаго ослѣпленія, и возвратиться къ Королю, который готовъ помиловать ихъ. Для этого, продолжалъ Герцогъ, съ радостью предлагаю вамъ посредникомъ самого себя, ибо я никогда не переставалъ любить ту землю, гдѣ родился и провелъ я самое счастливое время своей юности. Онъ побуждалъ ихъ прислать уполномоченныхъ, съ которыми можно будетъ вступить въ переговоры о мирѣ, и давалъ надежду на условія самыя благопріятныя, если они поспѣшатъ покориться; но въ тоже время онъ устрашалъ ихъ самыми тяжелыми послѣдствіями, если они доведутъ неповиновеніе до послѣдней крайности.

На это письмо, въ которомъ съ удовольствіемъ замѣчаемъ совсѣмъ не тотъ языкъ, какимъ за десять лѣтъ, въ подобномъ случаѣ, говорилъ Герцогъ Альба, городъ отвѣчалъ съ приличіемъ и скромностью. Отдавая полную справедливость личному характеру Герцога, и благодаря его за благосклонное расположеніе, граждане сожалѣли, что тяжелыя современныя обстоятельства не позволяютъ ему дѣйство-

Digitized by Google

вашь сообразно съ его характеромъ и наклонностями. Они объявляли, что ему лично готовы были-бы они предоставить въ распоряженіе свою судьбу, если-бы онъ былъ полный властелинъ своихъ дѣйствій, и не принужденъ повиноваться чуждой волѣ, которую собственная справедливость его не назовешь благодѣтельною; что, слишкомъ извѣстны, и неизмѣнное рѣшеніе Короля Испанскаго, и обѣтъ, данный имъ Папѣ, и что съ сей стороны нѣтъ для нихъ никакой надежды. Далѣе, съ благороднымъ жаромъ защищали они память Принца Оранскаго, своего благодѣтеля и спасителя, и указывали на истинныя причины, породившія сію несчастную войну и заставившія Соединенныя Области отдѣлиться отъ Испанской короны. Притомъ не скрывали они, что надѣются сыскать въ Королѣ Французскомъ новаго, благодѣтельнаго властителя, и уже по одной этой причинѣ не могутъ войдти съ Королемъ Испанскимъ ни въ какія соглашенія, не сдѣлавшись виновными въ самомъ пагубномъ легкомысліи и въ безразсудной неблагодарности.

Въ самомъ дѣлѣ, упавшія духомъ при стеченіи множества несчастныхъ событій, Соединенныя Области рѣшились наконецъ вступить подъ власть Франціи, и пожертвованіемъ неза-

Digitized by Google

висимости купить свое существованіе и спасти свои прежнія привиллегіи. Для переговоровъ по сему обстоятельству, было отправлено въ Парижъ посольство, и надежда на могущественнаго защитника всего болѣе подкрѣпляла мужество Антверпенцевъ. Король Французскій, Генрихъ III-й, былъ охотно готовъ воспользоваться ихъ предложеніемъ; но безпокойства, произведенныя въ собственномъ его Королевствѣ пронырствами Испаніи, заставили его наконецъ, противъ воли, отказать Нидерландцамъ. Сіи послѣдніе обратились тогда съ своими предложеніями къ Англійской Королевѣ Елисаветѣ, которая и оказала имъ пособіе дѣятельное, но слишкомъ позднее для спасенія Антверпена. Между тѣмъ, когда Антверпенъ ожидалъ успѣха отъ сихъ переговоровъ, и надѣялся на отдаленную помощь чужихъ земель, были упущены естественныя и ближайшія средства къ спасенію и потеряна цѣлая зима, которою непріятель умѣлъ воспользоваться съ большимъ успѣхомъ.

Бургомистръ Антверпена, Сентъ-Альдегондъ, не переставалъ побуждать Зеландскій флотъ къ нападенію на непріятельскія работы, желая въ тоже время подкрѣпить сію экспедицію изъ Антверпена. Длинныя и часто бурныя ночи могли благопріятствовать сему предпріятію,

Digitized by Google

и если-бы вмѣстѣ съ шѣмъ гарнизонъ укрѣпленія Лилло рѣшился сдѣлать вылазку, то непріятель едва-ли могъ-бы воспротивиться сему тройному нападенію. Но по несчастію, между начальникомъ Зеландскаго флота, Вильгельмомъ Блуаскимъ, Трелонгомъ, и шамошнимъ Адмиралтействомъ, возникли какія-то недоумѣнія, и отъ того вооруженіе флота замедлилось самымъ непостижимымъ образомъ. Желая ускорить предпріятіе, Телиньи рѣшился самъ отправиться въ Миддельбургъ, гдѣ были собраны Зеландскіе чины; но непріятель занималъ всѣ выходы, и попытка сія стоила Телиньи свободы. Въ немъ Республика лишилась мужественнѣйшаго изъ своихъ защитниковъ. Между шѣмъ, многіе предпріимчивые корабельщики, подъ покровомъ ночи, во время морскихъ приливовъ, пробирались, не смотря на огонь непріятельскихъ орудій, еще сквозь открытый тогда мостъ, доставляли въ городъ хлѣбъ, и вмѣстѣ съ отливомъ моря возвращались домой. Но, видя что многіе изъ такихъ судовъ попадаютъ въ руки непріятеля, Совѣтъ приказалъ, чтобы впередъ, для безопасности, отваживались въ сей путь не иначе, какъ опредѣленнымъ числомъ судовъ; слѣдствіемъ было то, что суда перестали приходить, ибо никогда не собиралось опредѣленнаго числа оныхъ. Изъ Антверпена были сдѣланы также.

Digitized by Google

довольно счастливые поиски противъ Испанскихъ кораблей: нѣкоторые изъ нихъ были взяты, другіе потоплены, и оставалось только продолжать сіи дѣйствія въ бо́льшемъ видѣ. Но, какъ ни ревностно забошился объ этомъ Сентъ-Альдегондъ, не нашлось ни одного корабельщика, который отважился-бы на предпріятіе, довольно опасное.

Въ такихъ-то медленіяхъ прошекла зима. Когда осаждающіе замѣтили, что ледъ началъ исчезать, они тотчасъ, съ новою дѣятельностью, приступили къ дальнѣйшей постройкѣ моста. Между обоими стакетами оставалось еще не занятаго пространства болѣе нежели на шестьсотъ шаговъ; къ наполненію его были употреблены слѣдующія средства. Тридцать двѣ плоскія барки, каждая въ шестьдесятъ шесть футовъ длины и двадцать ширины, были соединены одна съ другою, съ кормовой и носовой стороны, толстыми канатами и желѣзными цѣпями, по такимъ образомъ, что между каждою изъ нихъ оставалось около двадцати футовъ пространства, гдѣ вода рѣки протекала свободно. Каждая барка была укрѣплена, по теченію и противъ теченія рѣки, двумя якорями, которые можно было, соображаясь съ приливомъ и отливомъ воды, ослаблять и натягивать. Сверху были наложены

Digitized by Google

большія мачтовыя деревья, которыя доставали съ одной барки на другую; ихъ покрыли досками, и такимъ образомъ сдѣлали по нимъ путь, который, такъ-же какъ и стакеты, былъ по бокамъ защищенъ перилами. Этотъ судовой мостъ, для коего стакеты служили только продолженіемъ, простирался, вмѣстѣ съ ними, на двѣ тысячи четыреста шаговъ въ длину. Громада сія, сдѣланная столь искусно и уставленная орудіями, наносившими смерть, была подобна живому существу, могла защищать сама себя, изрыгала при командныхъ словахъ огнь, и уничтожала все, что приближалось къ ней. Кромѣ двухъ укрѣпленій, Санта-Маріи и Сп. Филиппа, которыя находились у оконечностей моста, и кромѣ двухъ деревянныхъ бастіоновъ, бывшихъ на самомъ мосту, наполненныхъ солдатами и обставленныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ пушками, на каждой изъ придцати двухъ барокъ было по придцати вооруженныхъ человѣкъ и при нихъ по четыре матроса. Сверхъ того, съ которой-бы стороны ни явился непріятель, отъ Антверпена или отъ Зееландіи, на него было устремлено съ каждой барки орудіе. Всего было тутъ девяносто семь пушекъ, расположенныхъ на мосту и подъ онымъ, и болѣе тысячи пяти сотъ человѣкъ, въ бастіонахъ и на баркахъ. При первой надобности, люди сіи могли под-

Digitized by Google

крѣплять огонь пушекъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Но Герцогъ полагалъ, что это еще недовольно предохраняло мостъ его отъ всѣхъ опасныхъ случаевъ. Можно было ожидать, что непріятель непремѣнно попытается сбить, тяжестью своихъ машинъ, среднюю, слабѣйшую часть моста. Для предотвращенія сего, Герцогъ поставилъ вдоль моста, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ онаго, еще новую защиту, долженствовавшую удержать всякій напоръ матеріяльной силы. Защита сія состояла изъ тридцати трехъ барокъ, значительной величины, поставленныхъ рядомъ поперегъ рѣки, и скрѣпленныхъ по-трое мачтовыми деревьями, такъ что онѣ образовали одиннадцать отдѣльныхъ плотовъ. Каждый изъ оныхъ, подобно ряду вооруженныхъ пиками солдатъ, выставлялъ, въ горизонтальномъ направленіи, четырнадцать длинныхъ деревъ, которыя могли встрѣтить непріятеля желѣзными оконечностями. Барки сіи были наполнены только балластомъ, и укрѣплены двойными якорями, на слабо-натянутыхъ канатахъ, которые допускали ихъ двигаться по теченію внизъ и вверхъ рѣки, отъ чего онѣ были въ безпрерывномъ движеніи и потому названы *плавунами*. Весь мостъ и даже часть шлакетовъ были прикрыты сими плавунами, расположенными по обѣимъ сторонамъ

Digitized by Google

моста. Кромѣ всѣхъ сихъ защитительныхъ средствъ, убереговъ стояли еще сорокъ военныхъ судовъ и служили для защиты всей постройки.

Этотъ изумительный трудъ былъ оконченъ въ Мартѣ 1585 года, въ седьмой мѣсяцъ осады. День его довершенія былъ празднествомъ для всѣхъ войскъ. Дикій звукъ радости возвѣстилъ осажденному городу совершеніе великаго предпріятія, и войска, будто желая еще сильнѣе удостовѣриться въ торжествѣ своемъ, разсыпались по всей длинѣ новой постройки, и глядѣли какъ послушно и мирно струится гордая рѣка, подъ возложеннымъ на нее игомъ. При этомъ взглядѣ были забыты всѣ безчисленные, перенесенные ими труды, и изъ всѣхъ, кто принималъ какое нибудь участіе въ общемъ подвигѣ, не было человѣка столь ничтожнаго и мелкаго, который-бы не присвоивалъ себѣ части славы, увѣнчавшей великаго начинателя. Но ничто не можетъ сравниться и съ ужасомъ Антверпенскихъ гражданъ, когда они узнали, что Шельда дѣйствительно заперта для нихъ, и всякое сообщеніе съ Зеландіею прервано. Къ умноженію своего ужаса, почти въ то-же время узнали они, что городъ Брюссель, изнуренный голодомъ, сдался непріятелю. Въ эти-же самые дни, покушеніе Графа Гогенлоге овладѣть Герцогенбушемъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать диверсію, оказалось неудачно, и

Digitized by Google

такимъ образомъ стѣсненный Антверпенъ, вдругъ потерялъ всю надежду на прибышіе подвозовъ, водою или сухимъ путемъ.

Печальныя извѣстія сіи были принесены въ городъ немногими бѣглецами, которымъ удалось пробраться черезъ Испанскіе аванпосты. Лазутчикъ, посланный Бургомистромъ для обозрѣнія непріятельскихъ работъ, еще болѣе увеличилъ своими разсказами общее уныніе. Онъ былъ схваченъ и приведенъ къ Герцогу Пармскому, который велѣлъ показать ему все, и особенно дать осмотрѣть устройство моста. Послѣ этого, опять привели его къ Полководцу, который отослалъ его въ городъ, съ сими словами: «Поди и разскажи имъ, кто посылалъ тебя, «все что ты видѣлъ здѣсь. Объяви имъ при «томъ, что я твердо рѣшился или погребсти «себя подъ развалинами этого моста, или «пройдши по немъ въ вашъ городъ.

Но достовѣрная опасность вдругъ оживила рвеніе союзныхъ гражданъ, и не отъ распоряженій ихъ зависѣло, что одна часть ихъ обѣта не была приведена въ исполненіе. Уже давно Герцогъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на движенія, которыя были производимы въ Зееландіи для освобожденія города. Отъ него не скрылось, что отшуда онъ долженъ былъ ожидать

Digitized by Google

опаснѣйшаго удара, и что если Антверпенскій и Зеландскій флоты, въ надлежащее время и вдругъ нападутъ на него соединенными силами, то всѣ укрѣпленія его будутъ не великою защитою противъ нихъ. Нѣкоторое время онъ умѣлъ занять вниманіе Зеландскаго Адмирала, и медленія сего послѣдняго оставляли его въ безопасности; но теперь, не терпящая отсрочки необходимость вдругъ ускорила всѣ приготовленія, и чины, собранные въ Мидделькургѣ, не дожидаясь болѣе своего Адмирала, послали, на помощь осажденнымъ, Графа Юстина фонъ Нассау, съ такимъ числомъ кораблей, какое только могли снарядить. Флотъ сей остановился передъ Лифкенсгёкомъ, находившимся въ рукахъ непріятеля, и началъ обстрѣливать сіе укрѣпленіе, при содѣйствіи нѣсколькихъ кораблей, высланныхъ изъ противолежащаго укрѣпленія Лилло. Канонада была производима съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ валы были сбиты и взяты приступомъ. Валлонцы, составлявшіе гарнизонъ укрѣпленія, не оказали той твердости, какой можно было ожидать отъ солдатъ Герцога Пармскаго. Они робко оставили укрѣпленіе непріятелю, который вскорѣ овладѣлъ всѣмъ островомъ Дѣлемъ, и всѣми сдѣланными на ономъ окопами. Потеря сихъ укрѣпленій, которыя впрочемъ скоро были взяты обратно, оскорбила Герцога столь чув-

Digitized by Google

ствительно, что онъ велѣлъ отдать подъ судъ начальниковъ оныхъ, и виновнѣйшимъ изъ нихъ отрубилъ головы. Но сіе важное завоеваніе открыло Зеландцамъ свободный путь до самаго моста. Для нихъ настала минута, когда по сдѣланнымъ съ Антверпенцами сношеніямъ, надлежало произвести рѣшительное нападеніе на сей мостъ. Условились, что въ то время, когда уже приготовленныя въ Антверпенѣ машины взорвутъ мостъ, Зеландскій флотъ долженъ быть готовъ, съ надлежащимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, и тотчасъ пройдти, сквозь сдѣланный проломъ, въ городъ.

Надобно сказать, что прежде нежели Герцогъ Пармскій окончилъ свой мостъ, былъ въ стѣнахъ Антверпена человѣкъ, который уже думалъ о разрушеніи онаго. Этотъ человѣкъ, Фридрихъ Джіанибелли, былъ предназначенъ судьбою сдѣлаться Архимедомъ Антверпена, и показать такое-же искуство, и такой-же безплодный успѣхъ, какіе находимъ въ предпріятіи самого Архимеда. Онъ былъ родомъ изъ Маншуи, и сначала явился въ Мадритѣ, съ тѣмъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, чтобы предложить Королю Филиппу свои услуги въ войнѣ съ Нидерландами. Утомленный долгимъ ожиданіемъ, сей художникъ инженеръ оскорбился и оставилъ Испанскій Дворъ, съ намѣреніемъ показать гор-

Digitized by Google

дому Монарху самымъ чувствительнымъ образомъ, что онъ не умѣлъ признать и оцѣнить его достоинствъ. Онъ искалъ службы у Англійской Королевы Елисаветы, которая была отъявленнымъ врагомъ Испаніи. Она-то, послѣ нѣкотораго испытанія, послала Джіанибелли въ Антверпенъ. Онъ поселился тамъ, и теперь, во время стѣсненнаго положенія города, посвятилъ на защиту его все свое искуство, и одушевлялся самымъ пламеннымъ усердіемъ.

Удостовѣрившись, что непріятель дѣйствительно занятъ постройкою моста, и что предпріятіе сіе уже близко къ окончанію, онъ обратился къ Магистрату Антверпенскому, и просилъ у него три большіе корабля, во сто пятьдесятъ и до пяти сотъ тоннъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать въ нихъ мины. Сверхъ того онъ требовалъ шестьдесятъ плоскихъ барокъ, которыя, будучи связаны одна съ другою канатами и цѣпями и усѣяны крючьями, могли-бы быть, во время отлива, приведены въ движеніе и довершить дѣйствіе брандеровъ, ибо онъ хотѣлъ составить изъ нихъ уголъ, и всею тяжестію сей массы ударить въ мостъ. Но онъ обращался къ людямъ, которые были неспособны постигнуть мысль необыкновенную, и не могли, даже тогда какъ дѣло шло о спасеніи отечества, освободиться отъ своей мѣлочной раз-

Digitized by Google

счетливости. Они нашли, что предпріятіе Джіанибелли будетъ стоить очень дорого, и потому съ большимъ затрудненіемъ дали ему два небольшіе корабля, отъ семидесяти до восмидесяти тоннъ, и при томъ небольшое число плоскихъ барокъ.

Джіанибелли назвалъ одинъ изъ сихъ кораблей *Счастіе*, а другой *Надежда*, и распорядился ими слѣдующимъ образомъ. На днѣ каждаго изъ нихъ построилъ онъ изъ плитнаго камня ящикъ, пяти футовъ въ ширину, четырехъ съ половиною въ вышину, и сорока футовъ въ длину. Каждый ящикъ наполнилъ онъ шестьюдесятью центнерами мѣлчайшаго пороха, изобрѣтеннаго имъ самимъ, и покрылъ его могильными и мѣльничными каменьями въ такомъ количествѣ, какое только могъ сдержать корабль. Сверхъ этого, онъ сдѣлалъ крышу, изъ такихъ-же каменьевъ, которая выходила на шесть футовъ выше краевъ корабля. На крышу были навалены желѣзныя цѣпи и крючья, металлическія и мраморныя ядра, гвозди, острыя желѣза и множество другихъ убійственныхъ снарядовъ. Остальное пространство каждаго корабля, не заняпое ящикомъ, было наполнено каменьями, и все покрыто досками. Въ ящикахъ были сдѣланы небольшія отверстія для фитилей, которые должны были зажечь мины. Ко всему этому Джіанибелли прибавилъ еще часы: они въ опредѣленное

Digitized by Google

время издавали изъ себя искры, и, вслучаѣ если-бы фишили погасли, могли взорвать брандеры. Чтобы заставишь непріятеля думать, что корабли сіи назначены только для зажженія моста, на верху каждаго изъ нихъ былъ разведенъ огонь, поддерживаемый селитрою и смолою, такъ что онъ могъ горѣть въ продолженіе цѣлаго часа. Желая еще болѣе отвлечь вниманіе непріятеля отъ истинной опасности, онъ приготовилъ придцать двѣ небольшія плоскодонныя барки, гдѣ были зажжены обыкновенные огни фейерверковъ, для того только, чтобы обманутъ ими бдительность враговъ. Было рѣшено, пускать малые брандеры къ мосту четырьмя различными отдѣленіями, черезъ каждые полчаса, и держать непріятеля цѣлые два часа въ безпрерывномъ ожиданіи, для того, чтобы онъ утомился своею безполезною стрѣльбою и щетнымъ ожиданіемъ. Ослабивъ его вниманіе, хотѣли двинуть настоящіе волканы. Прежде всего этого, Джіанибелли хотѣлъ пустить нѣсколько судовъ, съ нѣкоторымъ количествомъ пороха, чтобы взорвать плавучее укрѣпленіе и тѣмъ очистить путь для главныхъ судовъ. Въ тоже время надѣялся онъ занять вниманіе непріятеля предварительнымъ сраженіемъ, вызвать его на мостъ и подвергнуть всему убійственному дѣйствію своихъ волкановъ.

Digitized by Google

Ночь съ 4-го на 5-е Апрѣля была предназначена для выполненія великаго предпріятія. Темный слухъ распространился объ этомъ и въ Испанскомъ станѣ, особенно когда замѣтили многихъ водолазовъ, которые старались пробраться отъ Антверпена къ судамъ и обрубить у нихъ якори. Всѣ понимали, что готовится важное нападеніе, но не знали истиннаго назначенія онаго, и думали, что надобно будетъ болѣе сражаться съ людьми, нежели со стихіями. Герцогъ велѣлъ удвоить стражу вдоль всего берега, и поставилъ большую часть своего войска вблизи моста, гдѣ находился онъ и самъ. Чѣмъ болѣе приближалась опасность, тѣмъ тщательнѣе старался онъ отвратить ее. Едва начало темнѣть, какъ увидѣли, что со стороны Антверпена отдѣлились и поплыли три пламенѣющія барки; за ними еще три, и тотчасъ за сими еще такое-же число. Въ Испанскомъ станѣ тотчасъ скомандовали быть въ готовности. Весь мостъ покрылся войсками. Между тѣмъ число пламенѣющихъ судовъ увеличивалось, и они шли внизъ по рѣкѣ, по два и по три, въ нѣкоторомъ порядкѣ, ибо сначала ими управляли. Неизвѣстно, отъ небрежности-ли, или съ какимъ нибудь намѣреніемъ, Адмиралъ Антверпенскаго флота, Якобъ Якобсонъ, сдѣлалъ ошибку въ томъ, что слишкомъ скоро допустилъ отплыть одно за дру-

Digitized by Google

гимъ первыя четыря отдѣленія судовъ, и вслѣдъ за ними тотчасъ послалъ оба корабля съ минами; это разстроило весь порядокъ дѣйствія.

Но страшный флотъ приближался, и темнота ночи еще сильнѣе обозначала удивительное зрѣлище. Все пространство рѣки, какое только могъ обнять взоръ, было въ пламени, и брандеры кидали отъ себя столь сильный огонь, какъ будто они сами горѣли. Далеко освѣщена была поверхность водъ. Плотины и бастіоны вдоль рѣки, знамена, оружіе и солдаты, которые стояли подъ ружьемъ, на берегу и на мосту, все отражало огненный отблескъ. Съ чувствомъ ужаса и удовольствія глядѣли войска на это странное зрѣлище, которое болѣе походило на празднество, нежели на непріятельское приближеніе; но именно отъ этой столь непостижимой противоположности наружнаго вида съ внутреннимъ назначеніемъ, умы были поражены какимъ-то дивнымъ трепетомъ. Когда сей огненный флотъ приблизился къ мосту на двѣ тысячи шаговъ, тогда проводники его зажгли фитили, привели оба корабля съ минами на самую средину рѣки, а всѣ остальныя суда оставили на произволъ волнъ, и сами поспѣшно кинулись въ лодки, заблаговременно приготовленныя.

Digitized by Google

Тогда шествіе судовъ смѣшалось, и нѣкоторыя изъ нихъ, уже никѣмъ не управляемыя, пристали отдѣльно, въ безпорядкѣ, къ пловучей преградѣ, и прицѣпились къ ней, а другія разлетѣлись подлѣ берега. Переднія суда, начиненныя порохомъ и предназначенныя зажечь пловучее укрѣпленіе, были брошены внезапно возставшимъ вѣтромъ на Фландрскій берегъ; даже одинъ изъ двухъ главныхъ брандеровъ, названный *Счастіемъ*, погрузился на дно, не дошедши до моста, и взрывомъ своимъ убилъ лишь нѣсколько солдатъ, работавшихъ въ ближнихъ окопахъ. И другой, большой брандеръ, *Надежда*, едва не подвергся той-же участи. Волны рѣки бросили его къ Фландрскому берегу, гдѣ онъ прицѣпился къ пловучему укрѣпленію, и если-бы въ эту минуту былъ взорванъ, то главное дѣйствіе его осталось-бы безполезнымъ. Обманутые пламенемъ, которое горѣло на немъ, такъ-же какъ и на всѣхъ другихъ судахъ, Испанцы почли его обыкновеннымъ брандеромъ, предназначеннымъ зажечь мостъ. Видя, какъ эти пламенѣющія суда угасаютъ одно за другимъ, безъ всякаго дѣйствія, они ободрились совершенно, и начали смѣяться надъ приготовленіями непріятеля, которыя начались такъ торжественно, а оканчивались такъ смѣшно. Нѣкоторые изъ самыхъ отчаянныхъ солдатъ даже бросились въ рѣку, чтобы

Digitized by Google

разглядѣшь брандеръ ближе и погасишь его; но въ это время онъ, тяжестію своею, проломилъ пловучее укрѣпленіе, останавливавшее его, и съ такою силою устремился къ мосту, что всѣ были приведены въ ужасъ. Все пришло въ движеніе: Герцогъ закричалъ матросамъ остановить брандеръ шестами, и погасить на немъ огонь, прежде нежели онъ обхватилъ балки.

Въ сію страшную минуту Герцогъ находился на внѣшней оконечности лѣвой эстакады, гдѣ сія послѣдняя составляла бастіонъ, укрѣпленный въ водѣ, и продолжалась мостомъ. Подлѣ него стояли Маркграфъ Рисбургъ, кавалерійскій Генералъ, Губернаторъ области Артуа, бывшій прежде въ службѣ у Нидерландцевъ и сдѣлавшійся изъ защитника Республики злѣйшимъ врагомъ ея; Баронъ Билли, Губернаторъ Фрисландскій и начальникъ Нѣмецкихъ полковъ; Генералы Кахетанъ и Гуасто, и многіе изъ значительнѣйшихъ офицеровъ. Всѣ они забыли о личной своей опасности и думали только объ отвращеніи бѣдствія общаго. Тогда къ Герцогу подошелъ одинъ Испанскій знаменосецъ, и заклиналъ его удалишься съ этого мѣста, гдѣ угрожала явная опасность его жизни. Онъ еще настоятельнѣе повторилъ свою просьбу, замѣтивъ что Герцогъ не внимаетъ ему,

Digitized by Google

и наконецъ, упавши на колѣна, умолялъ его послушаться только въ этомъ случаѣ совѣта слуги. Говоря такимъ образомъ, онъ схватилъ его за плашье, какъ-бы желая силою стащить съ мѣста, и Герцогъ, не столько убѣжденный силою словъ, сколько изумленный смѣлостью этого человѣка, наконецъ отошелъ, съ Кахетаномъ и Гуасто, на берегъ. Едва успѣлъ онъ дойдти до форта Санта-Маріи, на береговомъ окончаніи моста, какъ за нимъ раздался ужаснѣйшій взрывъ: казалось, потряслась земля и распался сводъ небесный. Герцогъ упалъ, какъ убитый, и съ нимъ вмѣстѣ вся армія... Прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели могли опамятоваться.

Но какое зрѣлище представилось глазамъ тѣхъ, кто возвратился къ жизни!... Силою вспыхнувшаго волкана, Шельда была потрясена во всей глубинѣ своей, и волны, стѣнамъ подобныя, были переброшены черезъ окружавшую ихъ плотину, такъ что всѣ береговыя укрѣпленія стояли въ водѣ на нѣсколько футовъ. Земля поколебалась на три мили кругомъ. Почти вся лѣвая эспакада, къ которой приставалъ брандеръ, и часть самаго моста, были взорваны, разрушены и унесены въ воздухъ, со всѣмъ, что находилось на нихъ, со всѣми бревнами, пушками и людьми. Громада

Digitized by Google

камней, покрывавшая мину, силою волкана была брошена въ сосѣдственныя поля, такъ что послѣ выкапывали изъ земли многіе каменья за тысячу шаговъ отъ моста. Шесть кораблей были сожжены и многіе разбиты на мѣлкія части. Но всего ужаснѣе было опустошеніе, сдѣланное убійственнымъ снарядомъ между людьми. Пятьсотъ, а по другимъ извѣстіямъ восемьсотъ человѣкъ были жертвою смертоноснаго взрыва, не считая тѣхъ, которые были изувѣчены или ранены. Самые противоположные роды смерти постигли многихъ въ эту ужасную минуту. Иные были сожжены огнемъ волкана, другіе обварены кипящею водою рѣки, третьи задохлись отъ убійственнаго селитрянаго дыма; нѣкоторые были погребены въ волнахъ рѣки, другіе закиданы градомъ разбросанныхъ камней, изрѣзаны остріями желѣза, исперзаны крючьями, или раздроблены ядрами, вылетѣвшими изъ брандера. Даже были найдены мертвые, безъ всякаго видимаго поврежденія: ихъ, вѣроятно, убило одно жестокое потрясеніе воздуха. Ужасно было зрѣлище въ первую минуту послѣ взрыва. Многіе были вшиснуты между перилами моста; другіе старались освободишься изъ-подъ груды каменьевъ; нѣкоторые висѣли на корабельныхъ снастяхъ. Отвсюду слышались раздирающіе сердце крики и мольбы о помощи, на которые

Digitized by Google

отвѣтомъ были одни безсильныя стенанія, ибо каждый думалъ только о собственномъ спасеніи.

Многіе изъ уцѣлѣвшихъ спаслись совершенно чудеснымъ образомъ. Одинъ офицеръ, именемъ Туччи, былъ всброшенъ на воздухъ какъ перо, оставался нѣсколько времени въ вышинѣ, и потомъ былъ тихо спущенъ въ рѣку, откуда и выплылъ на берегъ. Другаго, сила взрыва подняла на Фландрскомъ берегу и перенесла на Брабантскій берегъ, при чемъ онъ получилъ только легкую контузію въ плечо, и тотчасъ всталъ. Послѣ онъ разсказывалъ, что, во время быстраго воздушнаго путешествія, въ немъ было такое чувство, какъ будто имъ выстрѣлили изъ пушки. Самъ Герцогъ Пармскій никогда не былъ ближе отъ смерти, какъ въ сіе мгновеніе, ибо полминуты спасли его жизнь. Едва вступилъ онъ въ форпъ Санта-Марію, какъ его приподняло, будто вихремъ бури, и одна балка ударила его въ плечо и въ голову, и положила на землю бездыханна. Нѣсколько времени полагали, что онъ точно убитъ, ибо за немного минутъ видѣли его еще на мосту. Наконецъ онъ былъ найденъ, между сопутниками своими, Кахетаномъ и Гуасто: опершись на шпагу, онъ приподнимался съ земли. Это извѣстіе возвратило жизнь всему войску. Но

Digitized by Google

тщетно было-бы стараться изобразить чувствія Герцога въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ все опустошеніе, однимъ мгновеніемъ произведенное въ трудѣ многихъ мѣсяцевъ. Мостъ, на который всего болѣе надѣялся онъ, былъ разрушенъ; большая часть войска его погибла, другая часть была изранена и надолго неспособна къ службѣ; многіе изъ лучшихъ офицеровъ его лишились жизни, и, какъ будто мало было этого общаго несчастія, онъ вскорѣ услышалъ горестную вѣсть, что Маркграфъ Рисбургъ, Генералъ, котораго цѣнилъ онъ дороже всѣхъ другихъ, нигдѣ не опыскивался. Но самое худшее оставалось еще впереди, потому что надобно было безпрестанно ожидать, изъ Антверпена и Лилло, непріятельскаго флота, который, при ужасномъ состояніи войска Испанскаго, не встрѣтилъ-бы рѣшительно никакого сопротивленія. Мостъ былъ разломанъ, и ничто не помѣшало-бы Зеелландскому флоту пройдти сквозь проломъ на всѣхъ парусахъ; сверхъ того, въ сіи первыя минуты войско Испанское оказалось въ такомъ разстройствѣ, что не было возможности ни отдавать, ни исполнять приказанія; ибо многіе отряды не находили своихъ начальниковъ, а начальники своихъ отрядовъ, и даже едва можно было, при всеобщемъ разгромѣ, узнать тѣ причины, гдѣ кто находился. Къ

Digitized by Google

этому должно прибавить, что всѣ береговые редуты были затоплены, многія пушки сбиты, фитили измочены, и запасы пороху испорчены водою. Какая минута для непріятеля, если-бы только онъ умѣлъ ею воспользоваться!

Повѣрятъ-ли Историку, что этотъ превзошедшій всѣ ожиданія успѣхъ, остался безъ всякой пользы для Антверпена потому только, что — о немъ ничего не знали? Хотя Сеншъ-Альдегондъ, едва услышавъ громъ взрыва, послалъ многія галеры къ мосту, и велѣлъ начальникамъ ихъ пустить въ верхъ нѣсколько чиненыхъ ядеръ и горящихъ стрѣлъ, какъ скоро они счастливо пройдутъ мостъ, а потомъ идти далѣе, прямо къ Лилло, дабы немедленно заставить вспомогательный Зеландскій флотъ вступить подъ парусы, между тѣмъ какъ Антверпенскому Адмиралу было приказано, увидѣвши условные знаки, тотчасъ идти съ своими кораблями и напасть на непріятеля въ первомъ его замѣшательствѣ; но, несмотря даже на то, что посланнымъ для увѣдомленія корабельщикамъ была обѣщана большая награда, они не посмѣли приблизиться къ непріятелю, и возвратились, не исполнивъ порученія, съ извѣстіемъ, что мостъ цѣлъ и что брандеръ не произвелъ никакого дѣйствія. Въ слѣдующій день такъ-же худо старались узнать истинное

Digitized by Google

состояніе моста, и видя что флотъ, находившійся въ Лилло, не смотря на благопріятный вѣтеръ, не дѣлаетъ никакого движенія, убѣдились въ своемъ предположеніи, что брандеры не сдѣлали ничего. Даже никому не пришло на мысль, что недѣятельность союзниковъ, которая оставляла въ заблужденіи Антверпенцевъ, могла удерживать дѣйствія и Зееландцевъ. Это и было въ самомъ дѣлѣ. Виновнымъ въ такой неслыханной безотчетности могло быть только Правительство неуважаемое, безсильное и слѣдующее совѣтамъ толпы, надъ которою ему надлежало-бы властвовать. Но чѣмъ недѣятельнѣе дѣйствовали противъ непріятеля, тѣмъ сильнѣе неистовствовали противъ Джіанибелли, котораго хотѣла истерзать бѣшеная чернь. Два дни жизнь этого художника была въ ежеминутной опасности, пока наконецъ, въ третье утро, явился посланный изъ Лилло, проплывшій подъ мостомъ, и привезъ достовѣрное извѣстіе о разрушеніи, но, въ тоже время, и о совершенномъ возстановленіи онаго.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

о Камчаткѣ.

16 Марта зашелъ я въ гости къ одному изъ моихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ. «Вотъ 35 N° Сѣверной Пчелы,» сказалъ мнѣ хозяинъ, поздоровавшись: «въ ономъ напечатано посланіе изъ «Камчатки; вы жили тамъ, и я увѣренъ, что «сія статья васъ займетъ.» Я взялъ листокъ и прочиталъ *Разсужденіе*, читанное въ Камчаткѣ, вѣроятно въ присутствіи акціонеровъ *Компаніи для начатія земледѣлія въ томъ краѣ.*

Я находился въ Камчаткѣ когда Компанія составлялась. По пріѣздѣ въ Иркутскъ я узналъ, что Государь, Отецъ своего народа, покровитель всѣхъ добрыхъ начинаній, дозволилъ существовать сей Компаніи. Я думалъ, что цѣль сей Компаніи состоитъ въ томъ, чтобы *распространить* земледѣліе, а не *начать* тамъ, гдѣ оное давно начато! Меня удивили слова: *для начатія земледѣлія.*

Digitized by Google

Дабы познакомить читателей Моск. Телеграфа съ временемъ начала землепашества въ Камчаткѣ, и показать, что и прежде бывшіе начальники Камчатки, всегда обращали особенное вниманіе на бѣдность шого края, и, прилагая стараніе о введеніи всего полезнаго, дѣлали опыты и по части землепашества, о чемъ въ Россіи не совсѣмъ извѣстно, потому что дѣлавшіе опыты не печатали объ оныхъ, по скромности своей, извѣстій въ пышныхъ выраженіяхъ, я рѣшился просить васъ, М. Г., напечатать, въ одномъ изъ NN издаваемаго вами Журнала, слѣдующія мои замѣчанія.

Въ началѣ письма изъ Камчатки (помѣщеннаго въ 35 N° С. П.), сказано: «Въ дополненіе къ доставленному мною извѣстію *о началѣ земледѣлія въ нашемъ краѣ. . . .*» Изъ сего читатели могутъ заключить, что земледѣліе есть новость въ Камчаткѣ, и весьма ошибутся.

Верстахъ въ 40 отъ подошвы извѣстной огнедышащей Ключевской сопки, на берегу рѣки Камчатки, въ селеніи Ключевскомъ, поселены Русскіе крестьяне, взятые въ зачетъ рекрутовъ, въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, если не прежде, съ намѣреніемъ начать, и буде можно распространить, землепашество въ Камчаткѣ. Сначала былъ успѣхъ въ

Digitized by Google

семъ благомъ намѣреніи: крестьяне, пріобыкшіе къ хлѣбу, превозмогая трудности, наконецъ достигли того, что собирали до 3 ш. пудовъ ржи. Сама природа, какъ-бы сжалясь надъ пришельцами, смягчила на время климатъ. Но впослѣдствіи, нѣсколько лѣтъ сряду, ранніе морозы (которые и теперь нерѣдко случаются въ Іюлѣ) истребили сѣмена. Потомки поселенцевъ теперь не сѣютъ болѣе ржи; они сѣютъ только ячмень и коноплю. Въ Россіи, по-шерю сѣменъ легко замѣнить изъ сосѣднихъ мѣстъ, но въ Камчаткѣ, кромѣ затруднительной доставки и большихъ издержекъ, сѣмена могутъ въ дорогѣ испортиться. Если Компанія всѣ издержки на доставку сѣменъ возьметъ на себя, то ей должно имѣть большія суммы (а ихъ нѣтъ и не будетъ), дабы снабжать сѣменами, въ случаѣ потери оныхъ, всю Камчатку въ такомъ количествѣ, чтобы можно было замѣнить привозную муку. А если ожидать снабженія отъ малаго количества выписныхъ сѣменъ, то, при каждой потерѣ, должно будетъ приниматься за рыбные промыслы—и землепашество въ Камчаткѣ останется всегда во младенчествѣ!

Селеніе Милково, лежащее въ 12 верстахъ отъ Верхне-Камчатска, на берегу той-же рѣки Камчатки, заселено Рускими-же, кои и теперь еще занимаются небольшимъ землепашествомъ. Сверхъ сихъ двухъ селеній, въ коихъ осталась

Digitized by Google

шѣнь земледѣлія, кажется былъ небольшой посѣвъ въ Большерѣцкѣ, но теперь совсѣмъ оставленъ!

Въ Тигильской крѣпости, лежащей болѣе нежели на 4° къ сѣверу отъ Петропавловскаго порта (шир. Тиг. 57° 45′ N.), дѣланы мною опыты: въ первый годъ родился хлѣбъ хорошо, а въ послѣдующіе ранній морозъ испреблялъ мой не большой посѣвъ.

Портъ Петра и Павла почти на одной параллели съ Тамбовомъ. (широта: Петропавл. 53° 1′ 20″ N., Тамб. 52° 43′ 44″ N). Тамбовская губернія хлѣбородна; и такъ судя по сходству широтъ, должно-бы предполагать, что и въ мѣстахъ около Петропавловска можетъ родиться хорошій хлѣбъ, если только найдется земля годная для посѣва. Но въ Тамбовѣ не случалось, чтобы въ Іюлѣ выпалъ снѣгъ и покрылъ землю болѣе нежели на два вершка, а въ Камчаткѣ подобное случилось въ 1827 году, и еще можетъ случиться. Да и опытами доказано, что изъ двухъ мѣстъ, лежащихъ на одной параллели, восточнѣйшее всегда имѣетъ климатъ болѣе суровый (долгота Петропавл. 150°, 25, 45″ O., Тамбова 39° 25′ O., отъ Парижа). Снѣгъ въ семъ краѣ падаетъ въ Октябрѣ, часто въ Сентябрѣ, и нерѣдко въ Іюнѣ еще покрываетъ землю. Иней начинаются въ Августѣ. Зима не жестока, говоря собственно о Петропав-

Digitized by Google

ловскѣ и мѣстахъ около него, ибо къ сѣверу хотя снѣга не глубоки, но сильные морозы бываютъ; однако вообще она столь продолжительна, что занимаетъ болѣе нежели двѣ трети года. Горы и тундры встрѣчаются почти на каждой верстѣ. Поѣзжайте по сему полуострову лѣтомъ: вамъ представятся обширныя равнины, издали кажущіяся прелестными и способными къ обработыванію. Приближьтесь—очарованіе исчезнетъ! Вы увидите топкую тундру, и если полюбопытствуете узнать, что находится подъ верхнею оболочкою оной, то часто, углубясь не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина, найдете ледъ. Горы покрыты кедровымъ сплянцомъ (?); массагоръ разрушенный порфиръ. Вотъ мѣста, на коихъ составившаяся Компанія желаетъ развести земледѣліе въ большомъ видѣ, и столь громко объявляетъ свои надежды, прежде нежели успѣла въ томъ! Неужели небольшой лоскутъ земли, занятой Компаніею подъ посѣвъ, могъ родить исполинскія надежды перемѣнить климатъ въ странѣ вѣчнаго хлада? Пишу не съ тѣмъ, чтобы опорочить намѣренія Компаніи; пусть оная дѣлаетъ опыты; Правительство не оставитъ ея ревности къ пользѣ Камчадаловъ; но опыты останутся опытами, и если Гг. акціонеры будутъ откровенны, то со временемъ всѣ узнаютъ въ Россіи, сколь надежда была невѣрна.

Digitized by Google

Изъ упомянутаго Разсужденія можно видѣть желаніе, чтобы Камчадалъ оставилъ «*робкое ожиданіе отъ невѣрнаго моря*,» то есть прилѣпился-бы къ землепашеству. Рыбные промыслы, въ Камчаткѣ, рѣдко бываютъ неудачны. Зачѣмъ-же мѣнять вѣрное на невѣрное? Зачѣмъ обольщаться прекрасными, но несбыточными надеждами? Зачѣмъ желать такой неблагодарности? Море и лѣса всегда питали и питаютъ Камчадала. Сама природа — первая наша наставница — указала ему сіи два источника какъ единственные, отъ которыхъ можетъ онъ почерпать неизмѣнные способы для своего, если не слишкомъ роскошнаго, то, по крайней мѣрѣ, изобильнаго и вѣрнаго содержанія. Зачѣмъ, наконецъ скажу я, желать чтобы отсталъ Камчадалъ отъ своихъ занятій, столь сродныхъ природѣ, въ которой онъ живетъ, и въ дѣйствительной пользѣ которыхъ убѣдилъ его многолѣтній опытъ? Не для того-ли, чтобы приняться за посѣвъ хлѣба, въ выгодной жатвѣ коего разувѣряетъ Камчадала многократный опытъ, въ глазахъ его повторенный! Не предаваясь излишней мечтательности, лучше пожелать, чтобъ первый промыселъ оставилъ Камчадалъ не прежде, какъ тогда только, когда онъ увѣрится въ истинной и прочной пользѣ послѣдняго, утвердившись не на успѣхѣ какомъ либо частномъ и временномъ, но на опытахъ посто-

Digitized by Google

янныхъ и долговременныхъ, столь-же убѣдительныхъ, какъ и тѣ, кои утвердили его, что звѣроловство и рыболовство суть такая промышленность, которою вскормлены всѣ дѣды его и отъ коей зависитъ собственное его существованіе. Обольстившись временною удачею въ землепашествѣ, онъ полюбитъ хлѣбъ, безъ котораго теперь можетъ обойдтись, и который тогда уже будетъ составлять не прихотливую, но необходимую потребность. Сколь жалко будетъ его положеніе, въ случаѣ неурожая нѣсколько лѣтъ сряду! Доставка-же хлѣба въ Камчатку столь дорога, что по необходимости Камчадалъ долженъ будетъ снова приняться за прежніе промыслы, и тогда ему трудно будетъ отвыкать отъ хлѣба. Что Камчадаловъ непремѣнно постигнетъ сія участь, если они примутся за земледѣліе, въ семъ удостовѣряетъ меня примѣръ, бывшій въ Камчаткѣ-же. Поселенцы, о коихъ я говорилъ выше, существуютъ не хлѣбомъ, но рыбными, звѣриными и птичьими промыслами. Увидѣвъ неблагодарность земли, они предались вѣрнѣйшему, и теперь имѣютъ ту-же пищу, что и Камчадалы. За всѣмъ симъ, они бодры, веселы, и живутъ до глубокой старости.

Въ упомянутомъ Разсужденіи представили Камчадаловъ не людьми, а тѣнью ихъ. Сочинитель говоритъ: «хлѣбъ (котораго они ни-

Digitized by Google

« когда не будутъ имѣть своего) укрѣпитъ « ихъ и сдѣлаетъ болѣе способными къ скорому « и продолжительному движенію. » Далѣе : « *Гг.* « *акціонеры*, тогда увидѣли-бы предъ собою не « того согбеннаго Камчадала, который и са- « мую радость встрѣчаетъ съ какою-то нерѣши- « тельною улыбкою, и нерѣдко въ цвѣтущемъ « своемъ возрастѣ возбуждаетъ ихъ сожалѣніе « своими наружными недугами ; увидѣли-бъ чело- « вѣка крѣпкаго, способнаго населить землю, « на которой Богъ судилъ жить ему, украсить « ее умомъ своимъ и сдѣлаться полнымъ ея « обладателемъ. » Періодъ сей витіеватъ, но не совсѣмъ справедливъ. Камчадалъ къ перенесенію движенія продолжительнаго и скораго болѣе способенъ нежели Русскіе крестьяне. Звѣроловъ не можетъ быть не проворенъ. Камчадалъ часто по цѣлымъ днямъ гоняется за своею добычею ! Правда, больныхъ много; болѣзнь у нихъ такого рода, что препятствуетъ народонаселенію, обезображиваетъ и дѣлаетъ человѣка ни къ чему неспособнымъ ; но хлѣбъ не можетъ служить лекарствомъ въ болѣзни, требующей строгой діеты и сильныхъ лекарствъ! Пусть Гг. акціонеры заглянутъ въ больницы, гдѣ отъ щедротъ Правительства больные Камчадалы получаютъ хлѣбъ, свѣжую пищу и лекарства; они увидятъ, что до сей поры мало оказалось пользы отъ сихъ пособій. Чтобы избавить

Digitized by Google

отъ свирѣпствующей болѣзни, надобно согласить опытнаго и хорошаго врача на поѣздку въ Камчатку: пусть онъ изслѣдуетъ свойство болѣзни, укажетъ лекарства и оставитъ по себѣ добрыхъ преемниковъ (*). Тогда, и съ шѣмъ хлѣбомъ, который теперь даютъ въ больницахъ, Камчадалы освободятся отъ заразы! А что Гг. акціонерамъ нерѣдко случалось видѣть Камчадаловъ, которые и самую радость встрѣчаютъ съ *какою-то нерѣшительною улыбкою*, то не хлѣбъ виною сему; Камчадалъ не прихотливъ, доволенъ юколою (**), ягодами, дичиною и кореньями. Нѣтъ-ли другой, важнѣйшей сему причины? Напрасно Г-нъ Сочинитель говоритъ, что когда введется земледѣлие, то Камчадалъ сдѣлается *полнымъ обладателемъ своей земли.* Онъ и теперь ею владѣетъ, собирая съ оной дань ягодами, кореньями, звѣрьми.

Далѣе Сочинитель объявляетъ объ охотной переимчивости Камчадаловъ, приводитъ въ примѣръ сему скотоводство, *разсчетливую хозяйственность*, домостроительство ихъ, Русскій

(*) Кажется, болѣзнь сія есть та самая, которую Англичане называютъ Sibbens.

(**) Вяленая рыба.

Digitized by Google

языкъ, которымъ они теперь говорятъ, и Христіанскую вѣру, коей они послѣдовали. Изъ сего выводитъ, что Камчадалъ охотно примется за землепашество; безъ слезъ позволитъ вырубить или выжечь лѣса, въ коихъ привыкъ онъ гоняться за своею добычею, и которые многимъ изъ нихъ доставляютъ одежду; забудетъ море, которымъ онъ вскормленъ!

Камчадалы также разсчетливы, какъ всѣ дикіе народы; они думаютъ только о настоящемъ; если есть лишнее, а нерѣдко и необходимое, то они пропьютъ его, или употребятъ на покупку чаю, который Камчадалы очень любятъ. Сей народъ охотно перенялъ языкъ, употребленіе ружья, послѣдовалъ Христіанской вѣрѣ. Къ первому побудила его необходимость; во-второмъ увидѣлъ онъ свои выгоды; а третье умѣли ему внушить достойные пастыри кротостію и добрыми примѣрами. Домостроительствомъ-же занимаются и теперь не всѣ: живущіе къ сѣверу Камчадалы (сидячіе Коряки) предпочитаютъ юрту рубленой избѣ, и не безъ основанія: юрта по климату удобнѣе избы, стѣны коей проникаются морозами (*). Скотоводство могло-бы быть

(*) Юрты, въ коихъ живутъ Камчадалы, обыкновенно окладываются снаружи землею, довольно толсто. Для свѣту и дыму дѣлается отверстіе, вверху, на ночь плотно закрываемое.

Digitized by Google

вездѣ по сему полуострову; сего легко достигнуть; нужны только пособія и поощренія. Когда управлялъ Камчаткою достопочтенный Петръ Ивановичъ Рикордъ, о коемъ Камчадалы воспоминаютъ съ благоговѣніемъ и чувствомъ истинной признательности, тогда раздавали лошадей и скотъ рогатый изъ приплоду; сею мѣрою оный разведенъ въ довольномъ количествѣ, даже за Тигиль, къ сѣверу до Лѣснаго острожка (300 верстъ отъ Тигиля (*). Съ оставленіемъ симъ Начальникомъ того края, до 1828 года слѣдовали его правиламъ, и можно было ожидать, что со временемъ и далѣе къ сѣверу скотоводство распространится; но съ сего года, непредвидимыя Камчадалами обстоятельства у нѣкоторыхъ убавили скотъ!

Въ Камчаткѣ огородные овощи родятся очень хорошо, и въ особенности картофель. Камчадалы охотно принимаются за сію работу и во многихъ острожкахъ есть огороды. Въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ есть провинціи, гдѣ картофель замѣняетъ хлѣбъ; почему-же въ Камчаткѣ не послѣдовать сему примѣру и не обратиться къ вѣрнѣйшему? Если Гг-мъ акціонерамъ хочется облагодѣтельствовать Камча-

(*) Лошади и рогатый скотъ покупались, кажется, на экономическую сумму, принадлежавшую Камчадаламъ.

Digitized by Google

даловъ, що почему не употребить собранныхъ денегъ на доставку сѣменъ сего плода, ибо одинъ недостатокъ въ сѣменахъ есть препятствіе къ разведенію повсемѣстно въ Камчаткѣ картофеля. Въ успѣхѣ сего Гг. акціонеры не могутъ сомнѣваться: каждый изъ нихъ имѣетъ свой огородъ, гдѣ распнетъ картофель и вознаграждаетъ съ избыткомъ трудъ. А въ распространеніи землепашества есть сомнѣвающіеся, и между Гг. акціонерами, о чемъ говоритъ самъ Сочинитель въ своемъ Разсужденіи. Какія же трудности родили сіи сомнѣнія? Сочинитель называетъ ихъ обыкновенными, съ коими человѣкъ *вездѣ* борется, принимаясь обрабатывать мѣста дикія; говоритъ, что и они имѣютъ орудія, *огонь* и *желѣзо*, кои употребляются *вездѣ*, дабы превозмочь трудности. Правда, *вездѣ* первоначально должно приготовить землю, очистивъ ее отъ дикихъ травъ и кустовъ. Для сего довольно огня и желѣза, но недостаточно, чтобы измѣнить климатъ! Въ Англіи туманы часты и ежегодно бываютъ продолжительны. Это участь всѣхъ приморскихъ мѣстъ, но они не вредятъ нашимъ посѣвамъ, ибо не падаютъ въ видѣ инея; а въ Камчаткѣ повреждаются, или вовсе истребляются посѣвы туманами, часто въ видѣ инея падающими. Чтобы истребить оные, надобно осушить тундры и вычерпать море, съ трехъ сторонъ окружаю-

Digitized by Google

щее Камчатку! Конечно суровость климата можетъ быть смягчена народонаселеніемъ и воздѣлываніемъ земли; но гдѣ взять для сего людей? Переселить изъ Россіи! Въ такомъ случаѣ, кромѣ чрезвычайныхъ издержекъ ничего болѣе не получатъ, ибо если и предположить, что найдется достаточно земли, годной къ обрабатыванію въ Камчаткѣ для настоящаго народонаселенія, то оной недостанетъ для прибылыхъ; но я смѣло утверждаю, что и теперь найдутъ мало земли, годной для землепашества, хотя-бы климатъ и дозволилъ оное.

Я не желаю лишить Гг. акціонеровъ надежды въ достиженіи благаго ихъ намѣренія. Да пособитъ имъ Всемогущій! Да благословитъ ихъ *начинанія*, и укрѣпитъ ихъ въ надеждѣ! Но къ крайнему прискорбію моему не могу утаить горькой истины, что не только никто изъ Гг. акціонеровъ, но и правнуки правнуковъ ихъ не доживутъ до того, чтобы было въ Камчаткѣ земледѣліе въ большомъ видѣ. Опыты останутся опытами, если Богъ не совершитъ чуда и не перемѣнитъ климата!

1832 года
Апрѣля 8 дня.
Иркутскъ.

Я. Забѣла.

Digitized by Google

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ БЫЛИНЫ:

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Отрывокъ первый.

(изъ 1-й части).

Высокій, правый берегъ Дана-Спры, озиралъ отлогій скатъ Понизовской земли. По рѣкѣ, и въ протяжныхъ долинахъ, впадающихъ въ оную, лежали городища, селища и деревни; между ними разстилались бархатные луга, за ними, по возвышенности, черный лѣсъ; за чернымъ лѣсомъ непостоянное небо, то голубое, то синее, то ясное, то пасмурное, то грозное, со всѣми причудливыми образами тучь и облаковъ.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ Дана-Спры пробилъ себѣ дорогу подъ самымъ утесомъ крутой стороны, огромная скала, одѣтая по бокамъ частымъ кустарникомъ, выдалась впередъ и споя-

Digitized by Google

ла надъ рѣкою, какъ задумчивый паломникъ, въ темной ризѣ, съ откры̀тою сѣдой головою.

За спиной этого старца лежалъ глубокій яръ, въ которомъ тоненькая струйка, вытекавшая изъ родника, пробиралась по мѣлкимъ камешкамъ, переговаривала съ ними, обѣщала имъ золотое дно, и увлекала довѣрчивыхъ на темное дно Дана-Стры.

Тропинка, отъ самой рѣки обвивалась около скалы, какъ змѣя около Первосвященника Аполлонова, и выносила голову свою къ самому челу ея — тутъ, подъ гранитнымъ навѣсомъ, была площадка, обведенная перилами. Въ камнѣ были вырублены нѣсколько келій, высоко занесенныхъ какъ гнѣзды хищныхъ птицъ.

Близъ одной изъ нихъ, на очагѣ, трещалъ огонекъ, перебираясь съ вѣтви на вѣтвь сухаго дерева, брошеннаго ему въ жертву.

Подлѣ очага сидѣла молодая женщина. Вечернее солнце тихо катилось за черный лѣсъ, въ ожиданіи лучей своихъ, кои прокрались сквозь облака и не могли насвѣтиться на ея красоту.

Только по слезамъ въ очахъ, по бѣлизнѣ лица, по тихому, нѣжному голосу и по волненію груди, можно было скоро догадаться, что это

Digitized by Google

сидѣлъ не юноша, ибо мужская одежда обманула-бы неопытный взглядъ прохожаго. *Червленая капа* (*), разъузоренная золотою тесьмою, прикрывала темнорусые локоны; красная бархатная *ячермица* (**), обнимала станъ ея; снѣжная риза, съ длинными широкими рукавами, отъ самой шеи, гдѣ свѣшилась запонка, скрывала пышную грудь, и перепягиваясь широкимъ шелковымъ поясомъ, струилась въ безчисленныхъ складкахъ, до колѣнъ; синія *шалвары* и красные на ногахъ *опанки* (***), заключали простой нарядъ ея.

Задумчиво сидѣла молодая женщина; низала на желѣзный прутъ нарѣзанные куски серны, и пѣла:

Бѣдуе, бѣдуе мое сердце,
Нарекае мушно злую вѣстьбу!
Чи ся растомила моя Мильцу?
Солнце-ли на небѣ темно свѣше;
Тоже солнце свѣше мнѣ въ оконце,
Да не ша ужь ласка въ дружнемъ взорѣ!

(*) Капа, капица — круглая шапочка, родъ скуфейки.

(**) Дечерма, или ячерма, ячерница, родъ шубки безъ рукавовъ.

(***) Полусапожки.

Digitized by Google

Помутися глубокая память,
Не шепчи мнѣ про старую пѣсню
То не снѣги-ль холмы убѣлили?
То не стадо-ль лебедей усѣло?
Кабы снѣги, стаяли-бы снѣги,
Лебеди давно-бы улетѣли;
То не снѣги холмы убѣлили,
То не стадо лебедей усѣло:
Черногорскій Юнакъ (*), храбрый Младень
Холмъ устлавилъ бѣлыми шатрами!
. . . . . .

Еще не успѣла она кончить пѣсни своей, какъ вдругъ въ яру раздались голоса; подъ горою, въ густотѣ лѣса, показалось нѣсколько всадниковъ. Быстро взнеслись они, одинъ за другимъ, на полугорье, соскочили съ коней; кони бросились подъ навѣсъ, устроенный подъ высокими деревьями; а они поднялись по тропинкѣ, до того мѣста, гдѣ сидѣла женщина.

Ихъ было семь человѣкъ; главный изъ нихъ приблизился къ молодой женщинѣ.

«Мильца!»

— Младень! — отвѣчала она, и протянула къ нему руку, которую онъ сжалъ въ своей рукѣ.

(*) Витязь, воинъ.

Digitized by Google

«Была-ли часть на ловѣ?»

«Властовицы не встрѣчали!.. съ горя, только двухъ орловъ снялъ съ поднебесья!... Утомился!.... Дай хмѣлю, Мильца!.. Пищи не хочу!.. Побрашими, сѣдите!.....

Мильца поставила въ куфахъ брагу, и на блюдѣ жареную серну, на постланный коверъ на площадкѣ.

Сбросивъ съ себя сабли и стрѣлы, всѣ усѣлись вкругъ огромнаго блюда и куфъ, опирая съ лица потъ; Младень раскинулся въ сторонѣ около перилъ, столкнулъ на бокъ свою шапку и подставилъ подъ голову ладонь.

Онъ былъ въ перепоясанномъ шелковомъ кафтанѣ, сверхъ коего была на немъ обшитая шнурками скурта. — Всѣ прочіе также были одѣты; но гораздо проще.

Младень былъ прекрасенъ собою и молодъ; черные волосы клубились изъ-подъ шапки, черные глаза пылали, смуглое лицо было мрачно. Товарищи его какъ родные походили другъ на друга: тѣже черные волосы, одинакій быстрый взглядъ, который не зналася ни съ страхомъ, ни съ нѣжностью; тоже выраженіе лица, не понимавшее ни смущенія, ни притворства; одинъ голосъ, громкій и рѣшительный, какъ приговоръ.

Digitized by Google

Согласуясь съ мрачнымъ расположеніемъ духа Младеня, всѣ молчали, заботясь только о. томъ, что̀ стояло и лежало на столѣ; но Младень прервалъ молчаніе.

« Служилъ я службу отчинѣ родной, Сервліи, владыки не рѣшили правду, не размыслили моего разуму и храбрости. Пусть-же имъ зле розлива се по утробѣ! На поганенье не дамъ се!

« Далече отъ отчины родной служу службу ей! Изъ темнаго лѣса, съ крутой горы, изъ глубокой воды, изъ-за черной тучи, крадусь на вражьи нехрестныя силы, и бью Ханскихъ Тапаръ и жадныхъ купцовъ морскихъ!—

« Слушайте-же побратими! Внимай Мильца!

« Видѣлъ я въ торговой вѣжѣ Грека, а у него дочь, дѣвойку юну! »

Мильца побѣднѣла.

« Видѣлъ я ее! чего-же вамъ еще, побратими? Слышала-ли, Мильца? Душа добудетъ славу, хочетъ другой; шакъ и сердце, Мильца?

« Да что-же мнѣ въ томъ, что видѣлъ я дѣвойку юну! Я хочу купить ее золотомъ или кровью!

Digitized by Google

«У Грека я купилъ-бы дочь его; да торговую вѣжу взяли бусурманы! Прозвали Хашынью, въ честь Гречанки юной; — взялъ Гречанку юну богашырь Сулшанли!

«Побрашими! ошбейше ее, ошдайше мнѣ!

«Ха!» — вскричали всѣ. «Гайдуки въ швоей волѣ, и дѣвойка швоя!»

«Твоя!» ошозвалось въ яру, въ горахъ и въ извилинахъ Дана-Стры.

Быстрою шѣнью пронеслась Мильца, мимо всѣхъ, къ периламъ, и вдругъ исчезла съ площадки. Подъ скалою раздался шумъ; похожій на бѣгъ лани сквозь чащу лѣса; эшошъ шумъ крашокъ; рога скоро сцѣпятся съ вѣшвями и ошановяшъ порывъ ея.

«Мильцу!» вскричалъ Младень.

Мильцу! повшорили всѣ прочіе гайдуки и бросились къ периламъ.

— Гдѣ она? —

«Подъ скалою!» сказалъ Младень изступленнымъ голосомъ.

«Принесите-же разбишый черепъ Мильцы! я напьюсь изъ него!

— Любила она! сказалъ одинъ изъ гайдуковъ.

Digitized by Google

«Не видно подъ скалой; разбилась о деревья, и скатилась въ яръ,» сказалъ другой.

— Жажда! жажда! принесите мнѣ хоть каплю крови ея! — вскричалъ Младень.

Всѣ гайдуки бросились по тропинкѣ, внизъ подъ скалу, обошли ее, приблизились къ тому мѣсту, гдѣ думали найдти трупъ Мильцы.

На землѣ ни Мильцы, ни слѣдовъ крови.

«Гдѣ-жь она?»

«Чи ли черный змѣй уѣлъ красную Мильцу?

Глухой звукъ стона раздался надъ ними.

Всѣ обратили глаза на пространный букъ, стоявшій подъ самой вершиной скалы, и окруженный частымъ ивнякомъ.

«А, пшаха! на чужое гнѣздо сѣла!»

Съ трудомъ взобрались гайдуки на крутизну.

«Тихо, братіе: слепишъ!»

«Вотъ она!»

Дикій виноградникъ, какъ сѣть звѣролова растянулся по корнямъ и вѣтвямъ бука, какъ паутина переплелъ длинныя свои нити, унизанныя огромными листьями.

Digitized by Google

Въ эту-то висѣвшую надъ пропастью колыбель, какъ будто устроенную нарочно для принятія новорожденнаго, упала Мильца, и лежала безъ памяти, какъ сонное дитя, опутанное пеленою.

Осторожно разорвали гайдуки зеленыя оковы ея, осторожно опустили внизъ, и вскорѣ безпамятная Мильца лежала на коврѣ, передъ Младенемъ.

«Вотъ она!» вскричалъ Младень, и взялъ безпамятную Мильцу за руку.

Тяжкій вздохъ вырвался изъ груди Мильцы; она очнулась; взоръ ея остановился на Младенѣ.

«Жива! жива Мильца!» вскричалъ снова Младень и обнялъ ее.

Радостно или тяжело это возвращеніе къ жизни; даже душа, обремененная горестями остается въ человѣкѣ, или душа обновленная, готовая опять предаться обманчивымъ надеждамъ и снамъ, любви и ненависти, улыбкѣ и горю, мѣлочнымъ блаженствамъ и воображаемымъ мученіямъ? Даже въ немъ остается душа, или очищенная отъ бремени суетныхъ мыслей, и сохранившая въ себѣ только безсмертіе?

Digitized by Google

« Мильца!» сказалъ Младень. « Мы были свободны, будемъ-же и всегда свободны! Своими черными очами ты подрѣзала крылья мои, Мильцу! Но они снова оперились; — хочу — воли.

« Богу-милый! Не хочу съ тобою розмирья!— Люби другую! Но дай и мнѣ волю! — произнесла жалобнымъ голосомъ Мильца.

« Мильцу! волю тебѣ? Чи-ли хочешь въ темномъ лѣсѣ заглохнуть? Чи-ли на дно воды кануть? Чи-ли на шеломяне вспѣть себѣ конечную пѣсню? Нѣшъ, любица моя! Не дамъ обвить тебя змію; не увидишь разлучницы своей — горе не опвѣешъ души твоей отъ тѣла; будешь спать на мягкихъ постеляхъ, подъ собольими покровами! Слышишь, Мильцу?

Какъ жалобный голосъ свирѣли заплакала Мильца слезами огненными.

Digitized by Google

Отрывокъ второй.

(Изъ 3-й части),

Слухами земля полнится, и потому возможно-ли, чтобъ стоустая молва и велерѣчивая слава умолчали о подвигѣ богатыря Ивы Олельковича.

Мамай *сердитуя* какъ левъ, *пыхая как неутолимая* эхидна, кочевалъ уже при устьѣ рѣки Воронежа. — Тутъ ожидалъ онъ своихъ пособниковъ Ягайла Липовскаго и Князя Олега Рязанскаго; но они, узнавъ что Князь Димитрій Московскій не *утулилъ* (*) лица своего, и съ Дворомъ Княжескимъ не бѣжитъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія, не торопились соединяться съ Мамаемъ.

Особенно Олегъ, хитрый и увертливый какъ птица, слѣдовалъ правилу: *кто силенъ, тотъ и правъ*; *кто въ золотѣ, тотъ и другъ*; и потому, до времени, онъ избралъ мудрую середину между Мамаемъ и Дмитріемъ, и дружески протянулъ одному правую, а другому лѣвую руку.

(*) Не спряталъ.

Digitized by Google

Медленно *стягивалась* рать его къ Окѣ ; Бѣлогородская опчина, принадлежавшая вдовствующей сестрѣ его, Яснельдѣ, также поставляла часть войска.

Пришедшіе изъ Бѣлгорода воины разсказывали про чудесное спасеніе города богатыремъ Ивою Олельковичемъ, отъ нечистой Измаильтянской силы.

Великъ и могучъ, говорили они, Богатырь Ива; ростомъ не выше Княжескихъ палатъ, а плечо отъ плеча далеко какъ утро отъ вечера; съ ногъ до головы окованъ въ желѣзную броню ; мечемъ рубитъ; горы на полы; лукъ у него величиною съ дугу радугу ; шулъ съ черную тучу полную громовыхъ стрѣлъ ; а палицѣ и мѣры нѣтъ.

Наслушавшись до сыта разсказовъ про Иву Олельковича , какъ однимъ махомъ побилъ онъ цѣлый лѣсъ силы нечистой , довѣрчивые Рязанцы, перенося ростъ и силу Ивы Олельковича изъ устъ въ уста, взлелѣяли его и взростили выше небесъ, сильнѣе древняго богатыря Силы Рязаныча , котораго едва земля на себѣ носила.

Слухи дошли до Князя. Олегъ возрадовался чудной новости — она предупредила его намѣреніе кличь кликать по всей опчинѣ своей,

Digitized by Google

и вызывать сильныхъ и могучихъ богатырей. Онъ слышалъ, что у Димитрія въ войскѣ есть витязи Пересвѣтъ и Ослябя, которые хвалятся одни идти на всю силу Мамаеву — какъ-же не повѣришь *самовидцамъ* о дивномъ богатырѣ Ивѣ?

Покуда Олегъ снаряжаетъ пословъ къ сестрѣ своей, проситъ отпустить къ нему великаго и могучаго нашего витязя, мы возвратимся въ тѣ четыре стѣны, между коими Ива Олельковичъ заключенъ.

Читатели могли полагать, что заключивъ героя Романа въ темницу, намъ нечего будетъ сказать про него до самой минуты освобожденія; но это несправедливо: человѣкъ живетъ двоякою жизнію: положительною, т. е. дѣятельною, видимо стремящеюся къ своему концу, и жизнью отрицательною, стремящеюся къ своему началу.

Посади въ темницу какого нибудь витязя настоящаго времени; онъ будетъ проклинать или судьбу, или людей, или обстоятельства, или жизнь, или день своего рожденія, или все вообще, чему не страшны проклятія; онъ будетъ даже лить слезы, чтобъ показать или злость, или слабость свою; онъ будетъ вымышлять всѣ средства, чтобъ избавиться отъ не-

Digitized by Google

воли и отмстить и другу и недругу за насиліе; но Ива Олельковичъ, какъ человѣкъ великій, какъ герой великодушный, стѣны окружающія его почитаетъ призракомъ, наваждѣніемъ Кощеевымъ, и не вооружаясь даже терпѣніемъ, чтобъ удобнѣе сносить гоненіе судьбы и людей, спокойно ждетъ видимой или невидимой руки, которая отопретъ запоры и возвратитъ ему волю и коня, чтобъ преслѣдовать похитителя Миріаны Боиборзовны.

Исключая мечъ, стрѣлы и копья, Ива заключенъ былъ во всеоружіи; кованые доспѣхи тяготѣютъ на плечахъ его; но разстегнутъ желѣзные запоны брони и снятъ ее нѣкому; и потому, во всемъ воинскомъ облаченіи, онъ склоняется на постланные на полу ржаные снопы, и предается вполнѣ дѣятельности жизни отрицательной.

Всякій день, сквозь отверстіе въ потолкѣ, спускается къ нему плетеница (корзина) съ хлѣбомъ, съ солью и съ водой, и чья-то рука зажигаетъ передъ иконой *олей*, и чей-то голосъ произноситъ:

«Государь Ива Олельковичъ, изволь сѣсть на столъ Княжескій Бѣлгородскій, прими Княгиню въ жены себѣ, и будетъ тебѣ честь и почесть.»

— Ась? —говоритъ обыкновенно Ива Олельковичъ.

Digitized by Google

Голосъ повторяетъ слова свои. « Нѣту-ть ! » отвѣчаетъ Ива Олелькович, вполнѣ увѣренный, что Бѣлгородъ, Княгиня Яснельда и весь Дворъ ея, суть нечто иное, какъ наваждение нечистой силы, и что съ появленіемъ дня, когда крикнутъ сторожевые пѣтухи, все должно разсыпаться; но день не показывается, пѣтуха какъ будто на свѣтѣ нѣтъ.

Опорожнивъ плетеницу, Ива Олелькович, по обыкновенію, укладывается на сонахъ и мыслитъ о великихъ дѣлахъ и подвигахъ сильныхъ и могучихъ богатырей: о Чурилѣ, о Добрынѣ, о Горынѣ, о Дубынѣ, о Усынѣ семи отцовъ сынѣ, о Королевнѣ Розыграѣ, о Жаръ-птицѣ, о Царь-дѣвицѣ и Мамазунахъ. (*) Съ ними Ива носится изъ Царства въ Царство, изъ земли въ землю, изъ края въ край, изъ града въ градъ; съ ними просыпается, встаетъ, умываетъ бѣлое лицо ключевой водою, молится Богу, облачается въ доспѣхи, кланяется на всѣ четыре стороны, садится на коня, выѣзжаетъ въ поле чистое, ломаетъ копья, пручитъ по шлемамъ мечемъ. То помогаетъ онъ Дубынѣ вырывать изъ земли столѣтніе дубы; то радуется на Горыню, когда онъ мечетъ подъ облака скалы и давитъ ими поганые Ханскіе полки; то ѣдетъ Ива съ Розы-

(*) Амазуни—на древнемъ Гескомъ языкѣ значитъ: Безгрудная.

Digitized by Google

грай Королевичемъ за воровкой Жаръ-птицей; то перескакиваетъ на конѣ чрезъ ограды каменныя и рветъ золотыя струны, протянутыя отъ бойницы до бойницы; то вылетаетъ изъ подземнаго царства на сѣромъ Журавлѣ и кормитъ его на полетѣ бѣлымъ своимъ тѣломъ; то несется вслѣдъ за коромысломъ съ двумя кувшинчиками, которые летятъ въ Индѣйскую землю за живой и мертвой водою; то входитъ въ шатеръ Царь-дѣвицы, и спасаетъ ее сонную отъ злобнаго Юды....

Такимъ образомъ, мечтая, Ива Олелькович погружается въ глубокій сонъ, и ему кажется что онъ понесся въ морѣ и является у подводныхъ хрустальныхъ чертоговъ водянаго дѣдушки Омуша.

Вотъ, все подводное царство дивится невиданному диву, съ земнаго царства пришельцу, или мимошельцу Ивѣ Олельковичу; морскіе богатыри, покрытые съ головы до хвоста чешуйчатыми лапами, ходятъ около него, хлопаютъ жабрами; бѣлая рыбица въ жемчужной ферязи ластится; вьюнъ крутится, бьетъ хвостомъ о желѣзные доспѣхи витязя; надутый лещъ остановился и поднялъ гребень отъ удивленія; строи морскихъ раковъ, лапниковъ, вооруженныхъ клещнями огромными, отступаютъ назадъ, и выпуливъ очи, хлопаютъ шейками.

Неслыханное плесканье рыбъ доходитъ до слуха Омуша. Высылаетъ онъ сѣдаго своего

Digitized by Google

думца Кита, узнать, что на днѣ морскомъ дѣется. — Выходитъ Китъ изъ хрустальныхъ чертоговъ, дивится на Иву Олельковича, и молча возвращается къ царю морскому, доноситъ ему о появленіи въ его царствѣ зашельца земнаго, богатыря въ чешуѣ желѣзной.

Взмутился Омутъ, заклокоталъ, закипѣлъ, запѣнился. «Призвать» говоритъ «его ко мнѣ!» Бѣгутъ золотоперые придворные звать Иву Олельковича. Морской конь подплываетъ подъ него и несетъ на себѣ въ чертоги царскіе; при входѣ стоятъ на часахъ Пила и Мечь. Вошъ Ива видитъ на жемчужномъ престолѣ сидитъ Водяная глыба, глаза—пузыри, носъ—синій смерчь, ротъ—пучина, волоса— водобои, — борода водопадъ.— «Ну!» говоритъ царь Омутъ. «Незваный гость, земной богатырь зашелецъ! слыхалъ я на землѣ славящся силой и воинской хитростью — посмотрю я вашего молодечества; дамъ я тебѣ подъ начало море воды, да конной рати называемой сельдь, двѣ шмы, да пѣхоты тяжелыхъ лапниковъ раковъ, одну шму съ полшмою, да иныхъ разныхъ рашныхъ рыбъ, одну шму съ пошемками; поведешь шы мою рашь на поганаго Кощея, который завладѣлъ горячимъ песчанымъ моремъ на оугѣ. Возьми шы въ полонъ Кощея, наводни горячее море, да насели его рыбою. Сослужишь службу вѣрой и правдою, дамъ я

Digitized by Google

тебѣ два вороша сухой воды, что у васъ зовутъ свѣтлымъ камнемъ алмазомъ, да женю тебя на моей возлюбленной дочери *Струѣ*; а не сослужишь мнѣ добромъ, запючу я тебя *въ мразное море*!»

Умолкъ царь Омутъ и велѣлъ позвать къ себѣ возлюбленную дочь свою.

Теченъ въ свѣтлицу свѣтлая прозрачная Струя; въ жилкахъ искрится радуга свѣтозарная; вмѣсто покрывала облечена она въ пѣну жемчужную; переливаясь по золотому дну подводныхъ чертоговъ грознаго своего родителя, шепчетъ она сладкія рѣчи на непонятномъ Ивѣ Олельковичу языкѣ. Катятся вслѣдъ за ней волны мамушки и нянюшки и красныя сѣнныя дѣвушки; онѣ плещутся, брыжжутся, ударяютъ въ хрустальныя стѣны.

«Возлюбленная дочь моя, Струя,» говоритъ царь Омутъ: «вотъ твой суженый, обними его ласково и привѣтливо!»

Струя повинуется, течетъ прямо къ Ивѣ Олельковичу.

Ива Олельковичъ отступаетъ; но нѣтъ спасенія: Струя хлынула въ его объятія, обдала его.... «Ухъ!» восклицаетъ Ива и вскакиваетъ; холодный потъ катится съ лица его. Онъ осматриваетъ все кругомъ себя: нѣтъ ни кру-

Digitized by Google

спальныхъ палашъ, ни Омуша, ни холодной Спруи.—Опять шемныя стѣны, опять ночникъ предъ иконой, ложе изъ ржаныхъ сноповъ и плешеница съ хлѣбомъ и съ солью.

Еще полный дремоты, чувствуетъ онъ голодъ; придвигаетъ онъ къ себѣ плешеницу съ пищей; береть круглый опрѣснокъ, ложится, кусаетъ, и новое чудо: хлѣбъ свѣтитъ какъ мѣсяцъ! Ива всматривается: въ рукахъ его ущербъ лунный; смотритъ на небо, оно шемнехонько; нѣкому его освѣтить. Жаль Ивѣ неба; поставлю, думаетъ онъ, свѣтлый мѣсяцъ на мѣсто. Вотъ шаритъ Ива рукою по небу. Гладко какъ стекло, не на что повѣсить мѣсяца. Опять шаритъ, ищетъ, вскакиваетъ съ досадой и—стукнулся объ небо шеменемъ. Хрустнуло небо; разлетѣлось въ дребезги; звѣзды посыпались на него какъ искры, обожгли его. Ива вскрикиваетъ, приходитъ въ себя, и—опять онъ въ шемницѣ, опять ночникъ теплится предъ иконой, опять лежитъ онъ поперегъ одра, съ опрѣснокомъ въ рукахъ. — Не вѣритъ Ива Олельковичъ глазамъ своимъ; взялъ опрѣснокъ въ обѣ руки, разсматриваетъ и боится, чтобъ опять не укусить свѣтлаго мѣсяца.

Digitized by Google

СОФІЕВКА (*).

Приближаясь къ Умани, уѣздному городу Кіевской Губерніи, нѣкогда мѣстечку, принадлежавшему Графу Станиславу Францовичу Потоцкому, коего обширныя помѣстья далеко выходили за границу нынѣшняго уѣзда, я съ нетерпѣніемъ спрашивалъ молчаливаго моего товарища Р. К: гдѣ Софіевка? Гдѣ этотъ несравненный, единственный садъ, который посѣщали великіе наши Самодержцы; который, уже нѣсколько лѣтъ, приманиваетъ въ свои тѣнистыя дубравы и благородное любопытство путешественниковъ, изъ отдаленныхъ Государствъ Европы,, и праздную юность, и зрѣлую опытность? Садъ, столько-же славный въ лѣтописяхъ Изящнаго, сколько замѣчательный по супружеской любви Польскаго Вельможи.... Напрасно я искалъ глазами Софіевки! Окрестности Умани, совсѣмъ не живописныя, увели-

(*) Статья изъ моихъ путевыхъ записокъ. *Сост.*

Digitized by Google

чивали только мои докучливые вопросы. Мы въѣхали въ городъ.

Тихій и прекрасный Іюльскій вечеръ въ полной мѣрѣ благопріятствовалъ моей прогулкѣ. Нанявъ фурмана, я поспѣшилъ видѣть Софіевку, и подъѣзжая къ воротамъ оной, въ послѣдній разъ спросилъ моего Еврея: гдѣ-же Софіевка? Израиль обернулъ голову, улыбнулся, пожалъ плечами (это привычка Жидовъ), поправилъ свою шляпу, ударилъ бичемъ по лошадямъ, и, чрезъ двѣ минуты, остановивъ тощихъ рысаковъ, сказалъ: «Извольте-сь выходить, васе-сь Высокоблагородіе! Вы, въ Софіевкѣ.»

Липовая, въ небреженіи оставленная аллея, ведущая изъ города въ садъ, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты, слишкомъ обыкновенна, и не можетъ дать идеи о столь знаменитомъ созданіи: на нее не обращаешь ни малѣйшаго вниманія. Дурно обрытый косогоръ, дурная дорога — ива и ветла, растущія по теченію ручейка — эти предметы введутъ въ заблужденіе самаго зоркаго, самаго опытнаго посѣтителя, а потому удивительно-ли не узнать Софіевки, находясь въ самой Софіевкѣ? Словомъ: отъ каменныхъ воротъ, недостойныхъ столь славнаго мѣста, до галлереи, устроенной по случаю пріѣзда Государя Императора, садъ еще не отдѣланъ...

Digitized by Google

Но все это выкупаетъ одинъ взглядъ на обширные пруды, огромные камни, крытыя аллеи, прелестныя извилины; одинъ только взглядъ на таинственные гроты, шумящіе водопады, кипучіе фонтаны — и вы восхищены, очарованы! Они доставляютъ чистѣйшее эстетическое наслажденіе.— Но подобные очерки неудовлетворительны; попробуемъ описать въ смиренной прозѣ то, что достойно истинной поэзіи.

Превосходная мысль: расположить садъ тамъ, гдѣ сама природа образовала дивныя красоты, принадлежитъ Графу С. Ф. Потоцкому; но исполненіе оной предоставлено было Матзелю, Капитану Польской Артиллеріи, родомъ Датчанину. Сія богатая мысль, впослѣдствіи столь счастливо приведенная въ возможное исполненіе, родилась отъ причинъ весьма естественныхъ. У Графа была супруга (урожденная Графиня Браницкая), прекрасная тѣломъ, но еще болѣе прекрасная душой. Онъ любилъ ее пламенно, и она была достойна его любви. Любовь (она ведетъ родословную свою отъ начала міра) была главною виновницею созданія великаго, изящнаго, великолѣпнаго — однимъ словомъ: Графъ, желая передать отдаленному потомству имя своей Софіи, имя, для него столь любезное, назвалъ садъ — *Софіевкою*.

Матзель (да будетъ извѣстенъ этотъ Гидрографъ моимъ читателямъ) началъ работу

Digitized by Google

свою въ 1795 году, и продолжалъ ее съ необыкновеннымъ успѣхомъ до 1811 года, подъ непосредственнымъ и неусыпнымъ надзоромъ самого Графа. Тысячи рукъ воздѣлывали, созидали мѣсто, назначенное удивлять признательное потомство; тысячи лошадей перевозили огромныя тяжести, поднимаемыя посредствомъ машинъ, нарочно для сего изобрѣтенныхъ искуснымъ механикомъ. По одному мановенію Графа, исполнявшаго свой геній на украшеніе сада, искапывались глубокіе пруды, озера и сажалки, насыпались высокіе холмы, длинныя и широкія плотины, планировались долины, срывались горы, прорѣзывались дорожки, устроивались скалы, ущѣсы, пропасти..... Драгоцѣнныя, по своей рѣдкости, деревья, разныхъ климатовъ, купленныя на значительную сумму, привезены, вздѣланы; небольшой ручей, доколѣ извѣстный жителямъ Умани своею чистою водою, запертой прочною плотиною, образовалъ обширнѣйшее водохранилище; сооружены храмы, воздвигнуты памятники, изсѣчены гроты, насажены цѣлыя рощи деревъ, тысячи благоухающихъ цвѣтовъ, и такимъ образомъ дикая, отдаленная пустыня, по желанію Вельможи, превратилась въ садъ Армидинъ. Я любопытствовалъ узнать итогъ всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на созданіе сего сада, и меня увѣряли, что сумма, выданная изъ кассы управ-

Digitized by Google

денія для сего предмета, простиралась за 20-ть милльоновъ злотыхъ.

Сей знаменитый садъ расположенъ въ Англійскомъ вкусѣ, вдоль глубокаго оврага, изрытаго вѣками и водой; подошвы горъ его омываетъ быстрый ручей, доселѣ удержавшій Польское названіе — Струмиха. Окружность всего сада имѣетъ слишкомъ двѣ версты. Едва пройдете галлерею, какъ обширный прудъ, образующій собою амфитеатръ, обставленный растущими деревьями, посреди котораго находится фонтанъ, выбрасывающій воду выше липъ и березъ, изумляетъ своими роскошными пріятностями. Далѣе увидите большіе камни, въ дикомъ безпорядкѣ нагроможденные одинъ на другой. Высоты оныхъ образовываютъ довольно пространныя площадки, украшенныя мраморными статуями. На одной изъ нихъ (замѣчательной по длинному камню, совершенно похожему на рыбу) Графъ намѣренъ былъ помѣстить бильярдъ, и украсить бока площадки высокими перилами изъ стали.

Широкая дорожка, какъ лента, опоясываетъ прудъ. Она ведетъ къ большому водопаду, коего пѣнистая вода падаетъ внизъ съ ужаснымъ шумомъ. Птицы, испуганныя паденіемъ воды, спѣшатъ оставить мѣста, обильныя красотами, и перелетѣвъ значительное разстояніе,

Digitized by Google

какъ-бы изъявляютъ сѣшованіе въ дикой гармоніи своего разнообразнаго напѣва. Тутъ переходите желѣзный красивый мостъ, переброшенный чрезъ узкую часть пруда и примыкающій къ пространной площади, на которой сдѣлана изъ камня небольшая сажалка. Обитатели Тихаго Океана, маленькія рыбки, часто и во множествѣ выплывающія на поверхность воды, обращаютъ на себя нѣкоторое вниманіе. Посрединѣ сей сажалки находится мраморная корзина съ цвѣтами разнаго рода. Далѣе замѣчаете мѣсто, назначенное для оркестра. Здѣсь, во время съѣзда публики, многочисленной и блестящей, играетъ музыка (29 Іюня). Не увеличивая предметовъ, должно сознаться, что это одно изъ лучшихъ, живописнѣйшихъ мѣстоположеній въ Софіевкѣ. Государь Императоръ Александръ былъ въ саду два раза, и проводилъ нѣсколько часовъ въ примѣтномъ удовольствіи. Однажды Его Величество, стоя на мосту и любуясь видами, достойными кисти Сальвапора Розы, изволилъ сказать: «Софіевка первый садъ въ Европѣ.» Мнѣніе сего Великаго Государя есть уже окончательный приговоръ и въ области Искуствъ Изящныхъ.

И дѣйствительно: въ двадцати саженяхъ величественный водопадъ, дивное произведеніе искуства и пруда, низвергая массу водъ на

Digitized by Google

камни, заросшіе бархатнымъ мхомъ, производитъ глухой рокотъ, уносимый эхомъ въ отдаленную чащу дубравы, между тѣмъ какъ взоры наслаждаются явленіемъ отмѣнно привлекательнымъ. Прямо и на право лежатъ камни, еще огромнѣйшіе, разбросанные рукою природы, въ такомъ живописномъ видѣ, въ такомъ миломъ безпорядкѣ, что самый равнодушный посѣтитель заплатитъ дань общаго удивленія сему несравненному ландшафту. На противоположной сторонѣ водопада находится площадка, украшенная мраморнымъ Купидономъ. Здѣсь замѣчателенъ дикій камень, обрушившійся на другой, внизу лежавшій. Громада сія, касаясь его одной только срединой, грозитъ своимъ паденіемъ. Подъ симъ-то камнемъ изсѣчена скамья, служащая для отдыха; но едва-ли можно усталому страннику предаваться негѣ и покою тамъ, гдѣ каждое мгновеніе боишься быть раздавленнымъ..... Въ прямомъ направленіи отъ моста протекаетъ журчащій, игривый ручей, и не достигая нѣсколько сажень до клубящихся водъ грознаго водопада, какъ-бы боясь оныхъ, скрывается подъ вѣковые камни. Еще далѣе, любопытный взоръ устремляется на пространство уединенной долины, гдѣ купы душистыхъ тополей, Американскія липы, сосны, и клёнъ, тюльпановыя, кедровыя и лавровыя деревья, Іерусалимскій тёрнъ, распростра-

Digitized by Google

ния въ воздухѣ легкое благоуханіе, раждаютъ въ душѣ мечты романическія. Прибавьте къ этой картинѣ высокія горы, совершенно заслоняющія собой дальнѣйшіе предметы, потомъ утёсы и скалы, тутъ старые дубы, развѣсистыя березы, пирамидальныя ели, тамъ красивые кустарники: бузина, синель, бальзамина, размѣщенныя съ искуствомъ и умомъ — и вы будете имѣть слабое понятіе о томъ, что въ натурѣ истинно плѣнительно и прекрасно....

Извилистая дорожка, то удаляющаяся подъ густую тѣнь деревьевъ, то снова выходящая на долину, ведетъ далѣе, во внутрь сада. Тамъ, гдѣ воздвигнутъ обломокъ огромной колонны, Графъ получилъ печальное изъ Тульчина извѣстіе о кончинѣ трехъ сына своего, Николая.... и назвалъ мѣсто сіе *смутнымъ*. Въ памятъ малютокъ сдѣланы три небольшіе водопада, которые и названы: водопадами дѣтей.

Вотъ величественный и вмѣстѣ таинственный гротъ, гдѣ бывали парадные обѣды во время Высочайшаго пребыванія. Посредствомъ всемогущаго пороха и механическихъ орудій, гротъ сдѣланъ изъ одного камня неизмѣримой величины, ибо основаніе онаго находится въ землѣ. Старыя и молодыя деревья осѣняютъ его съ подошвы до самаго верха, на которомъ

Digitized by Google

шакже устроено мѣсто для оркестра. При первомъ взглядѣ на сіе убѣжище меланхоліи, я невольно осшановился и долго разсмашривалъ его съ какимъ-шо почшишельнымъ удивленіемъ. Съ робосшію входишь подъ прохладные и шемные его своды. Въ одномъ углу сего грошта бьешъ чисшая вода, проведенная сверху, ошъ сильной спремишельносши кошорой раздаешся глухой грохошъ, подобный оподаленному эху. Здѣсь часшо, при захожденіи солнца, посѣшишели, уномленные дальнею прогулкою, собираюшся пишь чай, слушашь шрели соловья и дышашь аромашическимъ воздухомъ.

Храмъ, сооруженный въ честь Неппуна, примыкающій къ плошинѣ пруда и служащій резервуаромъ для всей Софіевки — прелесшенъ!... Восшочная роскошь и оншичный вкусъ замѣшны во всѣхъ часшяхъ его. Входъ въ сей храмъ причудливой изыскашельносши, напоминаешъ длинные корридоры Кіевскихъ пещеръ. Мраморныя колонны, Тосканскаго ордена, поддерживаюшъ нѣсколько каменныхъ сшупеней, по коимъ вода, вырвавшаяся изъ резервуара, шумя и клубясь, низвергаешся дугой на прошранство значишельное. Въ углубленіи храма, обложеннаго шесанымъ граншнымъ камнемъ, находишся Венера Медиційская (изваянная въ Парижѣ изъ бѣлаго мрамора), высокаго досшоинсшва въ ху-

Digitized by Google

дожественномъ отношеніи, и я не знаю мѣста, приличнѣйшаго для этой миѳологической богини, созданной плодовитымъ воображеніемъ Грековъ и олицетворенной геніями Фидія и Праксителя. Здѣсь нѣкогда игрывали въ карты, не боясь ярящейся стихіи надъ головою; а вечеромъ весь храмъ освѣщался кенкетами. Думаю, что эффектъ долженъ быть чудесный!... Близъ сего храма устроенъ фонтанъ, заключенный въ желѣзную клѣтку. Да, Мм. Гг., фонтанъ дѣйствительно бьетъ посреди желѣзной клѣтки, и это будто-бы для того, что въ ней, въ былое время, важивались разныя птицы.... По крайней мѣрѣ меня увѣрялъ въ томъ старый садовникъ, тотъ самый, трудами котораго взлелѣяны тысячи растеній.

Любопытство, возбужденное изящными предметами, достойными царскихъ гульбищъ, заставляетъ посѣтителя немедленно удовлетворять его. Поспѣшая болѣе и болѣе обозрѣть знаменитый садъ, невозможно оставить безъ надлежащаго вниманія пещеры или грота (какъ угодно), сдѣланнаго во вкусѣ Греческой бани. Въ немъ найдете колодезь, коего вода чиста какъ кристаллъ. Во время публичнаго гулянья, каменныя стѣны и своды его убираютъ душистыми цвѣтами и освѣщаютъ кенкетами. Отъ сего грота, до фонтана, бьющаго ключевую

Digitized by Google

воду въ мѣдную полувазу, идеше по одному камню, мѣрою въ 62 фута. Сверхъ того, каждый посѣтитель обращаетъ особенное вниманіе на устройство воды, проведенной по разнымъ направленіямъ обширной Софіевки. Замѣтимъ, что водопады и фонтаны не всегда наполняются водою, которую приводятъ въ движеніе или во время общаго гулянья, или по просьбѣ посѣтителей.

Наконецъ, вотъ занѣйливое созданіе прихотливаго вымысла, предметъ всеобщаго любопытства, словомъ: подземный гротъ, и о немъ-то сей часъ намѣренъ я говорить.

Читали-ль вы *Тысячу и одну ночь* — Арабскія сказки, или романы Радклифъ и Дюкре-Дюмениля — произведенія юродствующаго воображенія? Слыхали-ль въ дѣтствѣ такъ называемыя страшныя гисторіи? Все это воскресаетъ въ памяти вашей, когда видите въ самомъ дѣйствіи явленія, близко подходящія къ волшебству.

Посѣтитель садится въ шлюпку, управляемую шестью гребцами, которые проплывъ съ нимъ по небольшому со всѣхъ сторонъ окруженному деревьями озеру, вводятъ оную руками въ длинный, обложенный кирпичемъ и дикимъ камнемъ гротъ, коего ширина едва-ли

Digitized by Google

будетъ въ 14 футовъ. По мѣрѣ удаленія шлюпки отъ отверстія грота, усиливается борьба свѣта со тмою. Она подобна борьбѣ жизни со смертію, потому что послѣдняя часто одерживаетъ побѣду.... Наконецъ плавающіе находятся въ совершенной темнотѣ. Только посредствомъ однѣхъ отдушинъ, устроенныхъ вверху сводовъ (футовъ на 25 одна отъ другой), проницаетъ слабый свѣтъ, и тогда на нѣсколько секундъ можно различать окружающіе предметы. Какая-то гробовая тишина, рѣдко прерываемая плескомъ разсѣкаемой шлюпкою воды, нарушаетъ страшное сіе безмолвіе. Наслажденіе, полученное при разсматриваніи красотъ Софіевки, исчезаетъ: его смѣняютъ мрачныя, грустныя думы. Не хотѣлъ-ли Вельможа сею таинственною прогулкою, симъ мгновеннымъ переходомъ отъ удовольствія къ унынію, испытать различныя ощущенія души человѣческой? По крайней мѣрѣ не можно предполагать, чтобы одно удивленіе было предметомъ столь страннаго вымысла.... По шлюпку причалили къ воротамъ, и тотчасъ за ней опускаютъ шлюзъ; между тѣмъ, какъ-бы очарованный посѣтитель, находясь въ каналѣ, обшитомъ досками, и видя только небо и верхи деревъ, въ изумленіи не знаетъ: чѣмъ все это кончится.... Вдругъ открываютъ въ воротахъ клапанъ, и вода, быстро хлынувши подъ шлюп-

Digitized by Google

ку, но отнюдь не обезпокоивая сидящихъ въ ней, примѣтно начинаетъ поднимать оную, все выше и выше. Когда вода въ каналѣ достигаетъ той вышины, на которой находится прудъ, тогда отворяютъ ворота, и шлюпку осторожно выводятъ въ означенный резервуаръ. Объѣхавъ обширнѣйшее сіе водохранилище, осмотрѣвъ уединенный островъ, купальню, и, если угодно, оранжерею, взглянувъ на Софіевскую гавань, въ которой хранится двѣнадцати-весельная лодка съ надписью: посѣтитель возвращается слѣдующимъ образомъ. Шлюпку его, опять тѣмъ-же порядкомъ, вводятъ въ тѣже ворота, кои немедленно за нимъ затворяются, между тѣмъ какъ опущенный шлюзъ, посредствомъ механическаго колеса, тихо поднимаютъ. Вода мало по малу уходитъ въ гротъ, и шлюпка постепенно понижается. Когда-же вода совершенно сравнялась съ находящеюся въ подземномъ гротѣ, то посѣтитель, извѣстнымъ уже путемъ, возвращается въ пристань. Плаваніе сіе доставляетъ всякому живѣйшее удовольствіе, о которомъ воспоминаніе сохраняется на долго.

Я не долженъ утаить изустнаго преданія, имѣющаго историческое достоинство. Первое дерево въ Софіевкѣ (огромная сосна) привезено было, въ видѣ подарка, изъ деревни Мань-

Digitized by Google

ковки, крестьяниномъ оной, за что Графъ отдарилъ его двумя парами воловъ, и приказалъ не брать съ него оброка. Желательно былобы видѣть на сей соснѣ надпись, или что нибудь сему подобное, дабы антикваріи будущаго поколѣнія не затруднялись отыскивать слѣды древности.

Говорить-ли о блистательныхъ и многолюдныхъ праздникахъ, бывавшихъ въ Софіевкѣ, которой дубравы оглашались плѣнительною гармоніею духовой и роговой музыки? Исчислять-ли всѣхъ особъ, двадцать разъ видѣвшихъ знаменитый садъ, но съ новымъ любопытствомъ, съ непритворнымъ удовольствіемъ пріѣзжающихъ любоваться его видами? Къ сожалѣнію, я принужденъ обнаружить огорчительную истину, что здѣсь Графу Потоцкому до сихъ поръ нѣтъ приличнаго памятника, и что необъятные труды его едва, едва поддерживаются надзоромъ скуднымъ..... Скажемъ, что Софіевка удостоена была воззрѣнія нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы, Великаго Князя Михаила Павловича и Великой Княгини Елены Павловны.

Чтобы вполнѣ имѣть наслажденіе, должно гулять здѣсь одному. Я желалъ только взгля-

Digitized by Google

нуть на Софіевку.... и прожилъ въ Умани, единственно для, нея пять дней. Утро и полдень, вечеръ и глубокую ночь бродилъ я по романическимъ ея дорожкамъ, часто разбѣгающимся врозь, то взбираясь на крутые утесы и пріятныя возвышенности, то спускаясь на пространныя долины и цвѣтущія лужайки. Надобно быть лѣтомъ въ Софіевкѣ, въ лунную, тихую ночь: это очаровательная прелесть!.. Тогда посѣтитель увидитъ во всемъ великолѣпіи и блескѣ водопады и фонтаны, которыхъ воды льются серебромъ растопленнымъ; онъ увидитъ природу, сонную, безмолвную, но сколь краснорѣчивую для наблюдателя!... Тогда, невольно предавшись сладостной, безотчетной мечтательности (кто равнодушенъ будетъ къ сему зрѣлищу?), повторишь слова незабвеннаго Вѣнценосца: «Софіевка первый садъ въ Европѣ!»

1832 года.
Тула.

Николай Андреевъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

— *Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Манилѣ и Индо-Китайскомъ Архипелагѣ*, Петра Добеля, и проч. СПб. 1833. 2 тома, in-8.

Г. Добель очень много обязалъ читающую публику изданіемъ въ свѣтъ новѣйшаго своего путешествія въ Китай. Онъ первый показалъ намъ картину сего Государства съ южной его стороны, съ Кантона, гдѣ бываетъ вѣчный приливъ купечествующихъ иностранцевъ, изъ различныхъ странъ свѣта. Здѣсь Китаецъ, всегда вѣрный своему характеру, всегда постоянный въ своихъ обычаяхъ, является въ сношеніяхъ съ Европейцами совершенно въ иномъ видѣ, нежели какъ дѣйствуетъ онъ въ Ханъ-чжеу или Пекинѣ. Картина Кантонскихъ лицъ придаетъ Запискамъ Г. Добеля особенную занимательность.

Картины частной жизни разныхъ сословій, рисованныя имъ съ натуры, вообще близки къ подлинникамъ; его сужденія и заключенія, сдѣланныя по личнымъ наблюденіямъ, также основательны. Но тамъ, гдѣ онъ писалъ, основываясь или на разсказахъ, или на свидѣтельствѣ другихъ путешественниковъ, допущены невѣрности, въ которыхъ впрочемъ отнюдь не должно обвинять Г. Автора.

Digitized by Google

Чтобы отличить истину отъ сказокъ, при собраніи свѣдѣній о какой либо странѣ, для сего потребно самому предваритльно имѣть достаточное познаніе сей страны. Г. Добель сдѣлалъ что, что могъ. Онъ не иначе могъ смотрѣть на Китай, какъ съ Южной его черты, издали, и собирать свѣдѣнія чрезъ толмачей — людей малознающихъ, которые, какъ откроется ниже, не имѣли свѣдѣнія въ иностранныхъ языкахъ, достаточнаго къ объясненію многихъ, особенно отвлеченныхъ предметовъ. И такъ я навелъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на твореніе Г. Добеля, но не въ томъ намѣреніи, чтобы ослабить любопытство въ публикѣ и уваженіе къ труду сего почтеннаго Автора. Цѣль моя: предварить внимательныхъ читателей въ недоумѣніяхъ, каковыя они могутъ имѣть при чтеніи разныхъ повѣствованій о востокѣ Азіи, нерѣдко встрѣчая въ оныхъ противорѣчія, и не зная, какую степень довѣренности должно имѣть къ разнымъ повѣствователямъ. И такъ замѣтивъ нѣсколько погрѣшностей въ твореніи Г. Добеля, предлагаю для исправленія оныхъ краткія мои примѣчанія и поясненія.

ЧАСТЬ I.

« Стр. 18-я. Обычай покупать и продавать дѣтей « на нѣкоторое число лѣтъ весьма обыкновененъ, и « есть одинъ только родъ рабства, въ Китаѣ дозволя- « емый. » Это можно выразить однимъ словомъ: *кабалить*. Впрочемъ, въ Китаѣ кромѣ кабаленія еще существуютъ три *рода законнаго рабства*. Поло-

Digitized by Google

ненные на войнѣ, сосланные въ неволю, сами себя предавшіе, или родителями въ неволю проданные, дѣлаются крѣпостными рабами.

«Простыя Кишаянки не имѣютъ шѣхъ отвра-«тительныхъ малыхъ ногъ, коими отличается въ «Кишаѣ *высшій* классъ женщинъ.....» Однѣ Маньчжурки и Монголки, живущія въ Кишаѣ, не держатся сего обычая. Что касается до Кишаянокъ, изъ нихъ только самыя бѣдныя и безродныя остаются съ неизуродованными ногами, за что сіи несчастныя въ большомъ презрѣніи у мужчинъ. Крестьянки до суевѣрія держатся обычая стягивать ножки своимъ дочкамъ.

«Стр. 78-я. Названіе нынѣшней Кит. династіи *Минъ*.» *Минъ* есть названіе минувшей династіи, а нынѣшняя называется *Цинъ*.

«По кончинѣ отца его (нынѣшняго Китайскаго «Государя) наступило шестнадневное междуцар-«ствіе.» Покойный Государь объявилъ его наслѣдникомъ Престола за нѣсколько минутъ до своей кончины, а потому междуцарствія не было.

«Наименованіе — *Небесная Имперія*. вовсе не су-«ществуетъ на Китайскомъ языкѣ. Слова tiân hia «означаютъ: *поднебесный*. Другіе впрочемъ пере-«водятъ сіи слова: *Срединное царство*.» Tiân hia (Тьхянь-ся) значитъ: *поднебесная* или *подсолнечная*; но Китайцы подъ симъ словомъ разумѣютъ свою Имперію въ томъ значеніи, что всѣ прочія госу-

Digitized by Google

дарства на свѣтѣ, по ихъ мнѣнію, должны быть въ зависимости отъ Китая, но по невѣжеству не признаютъ сей зависимости. Срединное Государство по-Китайски: Чжунъ-го, а не tiân hia.

« Стр. 89-я. Богдоханъ есть владѣтель всѣхъ земель, « но отдаетъ оныя во владѣніе разнымъ лицамъ!» Исключая земли, лежащія по близости Пекина, которыя розданы Князьямъ и Пекинскимъ войскамъ, въ пособіе къ содержанію, прочія земли всѣ принадлежатъ частнымъ лицамъ, которыя владѣютъ оными по крѣпостямъ, совершаемымъ въ казенныхъ палатахъ. Дворъ пользуется только своими удѣльными землями и еще тѣми, кои поступаютъ въ его владѣніе чрезъ конфискацію имѣній.

« Стр. 96-я. Китайская Хронологія, восходящая за « 40 и за 50 вѣковъ до Р. Х.» Китайская Хронологія начинается съ 2357 года до Р. Х. См. въ *Метрологіи* Г. Пешрушевскаго слово: *Китай*.

Стр. 97-я. « Ихъ *Златое уложеніе*—для утѣшенія и « увеселенія націи.» Весь сей періодъ состоитъ изъ неосновательныхъ сужденій. Что касается до Уложенія, то въ Китаѣ находится оныхъ семь: шесть для шести Министерствъ и одно для Палаты внѣшнихъ сношеній. Которое-же изъ сихъ Уложеній почитаетъ золотымъ? Въ Китаѣ не знаютъ сего различія.

« Стр. 99-я. И сіе то объясненіе весьма употре- « бляется въ Китаѣ.» Напротивъ, въ Китаѣ употребляется подлинникъ, изданный Государемъ Правленія Юнъ-чженъ.

Digitized by Google

«Стр. 102-104-я. Лихоимство настоящаго Правительства сдѣлало безполезнымъ сіе прекрасное учрежденіе. Обманъ и сребролюбіе дозволяютъ нынѣ пославленному невѣжеству вступать неосвященными стопами туда, гдѣ одни достоинства и добродѣтели должны-бы были быть допускаемы. Сыновья богатыхъ лавочниковъ, имѣющіе болѣе денегъ, чѣмъ достоинствъ, избираются нынѣ преимущественно предъ тѣми, кои употребили много времени и стараній на пріуготовленіе себя къ государственной службѣ. Мандарины предлагаютъ темы, и кто напишетъ лучшее Разсужденіе, тому долженъ достаться и титулъ *Мандарина*. Но увы!» Сіе увы! по всей справедливости должно отнести къ толмачу, который сообщилъ Г. Добелю столь превратныя понятія объ ученыхъ испытаніяхъ въ Китаѣ. Въ вышеприведенныхъ словахъ нѣтъ и тѣни истины.

«Стр. 108-я. Самая ужасная язва въ *Китаѣ* была оспа. Въ Китаѣ также обыкновенна Арабская проказа.» Здѣсь, въ обоихъ мѣстахъ, вмѣсто *Китая* должно поставить: въ *Кантонѣ*, потому что оспа есть дѣтская болѣзнь, столь-же обыкновенная въ Китаѣ, какъ и въ Европѣ. Прививаніе оспы введено тамъ назадъ тому около 1000 лѣтъ; Докторъ Пирсонъ могъ сообщить прививаніе коровьей оспы нѣкоторымъ жителямъ Кантона. Что касается до проказы, сія болѣзнь существуетъ только въ Кантонской области.

«Стр. 110-я. Безъ сомнѣнія въ *Китаѣ* встрѣчается болѣе уродовъ, нежели гдѣ либо; сіе зависитъ, какъ

Digitized by Google

« полагаю, отъ сидячей жизни и слабаго сложенія « Кишайскихъ женщинъ, *живущихъ на берегу.* » Здѣсь очень примѣтно, что Г. Авторъ, отъ своихъ сосѣдовъ, жившихъ съ нимъ на берегу, сдѣлалъ заключеніе обо всемъ Кишаѣ: иначе не можно и представить себѣ, чтобы женщины во всемъ Кишаѣ жили *на берегу*.

« Стр. 127-я. Многоженство конечно причинило « много зла нравственности. » Въ Кишаѣ нѣтъ многоженства въ собственномъ значеніи. Законами опредѣлено имѣть одну жену; а содержать наложницъ предоставлено каждому, сколько достаткомъ дозволяетъ.

« Стр. 149-я. У нихъ есть также родъ игры, чтобы « заставлять другъ друга пить. » Это Итальянская игра *Ламбра*.

« Стр. 159-я. Можно смѣло нетерпимость Кишай- « скаго Правительства поставить на ряду съ Япон- « скимъ и нѣкоторыхъ Магомешанскихъ Правитель- « ствъ. » Въ Кишаѣ каждому иностранцу дозволяется свободно исповѣдывать свою религію, и открыто совершать свое богослуженіе: но проповѣдывать природнымъ жителямъ сего Государства, строго запрещено. Симъ образомъ и Христіанская Религія терпима наравнѣ съ прочими, но только въ отношеніи къ иностранцамъ, а не къ Кишайцамъ. Католическіе миссіонеры лишились плодовъ своей многолѣтней проповѣди, единственно чрезъ вѣронетерпимость, коею они вооружали брата противъ брата, сына противъ отца.

Digitized by Google

« Стр. 160-я. Бамбунъ-же есть исполнительный ин-« струменшъ, для передачи дѣйствій Богдоханскаго « гнѣва его Министрамъ. » Эту сказку давно пверд-яшъ въ Европѣ, и принимаютъ за непреложный факшъ. Я увѣренъ вполнѣ, чшо и Г. Добель не повшорилъ бы оной, есл-бы въ проекрашную бышность свою въ Каншонѣ хошя однажды спросилъ у своего шолмача, какимъ образомъ въ Кишаѣ судяшъ виновныхъ чиновниковъ. По Уложенію, они, вмѣсшо шѣлеснаго наказанія, смошря по мѣрѣ вины, шрафуюшся денежными пенями, понижаюшся чинами съ переводомъ къ другимъ должносшямъ, лишаюшся всѣхъ чиновъ, ссылаюшся въ ссылку, и шолько по чешыремъ главнымъ прешупленіямъ: грабежу, мздоимсшву, умыслу на общесшвенное спокойсшвіе и оскорбленію Величесшва, подвергаюшся смершной казни, кошорая впрочемъ совершаешся не на плошади, а въ Уголовной Палашѣ.

« Стр. 162-я Посему при восшесшвіи на прешолъ « онъ (Государь) даешъ шоржесшвенную кляшву под-« держиваш и сохранящь неизмѣнно древнюю вѣру, « законы, обряды, обычаи и нравы Государсшва, « подъ опасеніемъ лишишься короны. » Эшого не бываешъ.

« Самовласшный Богдоханъ 150-ши милліоновъ « подданныхъ, имѣющій при милліона войска и пр.» Сіи слова сказаны безъ соображенія шѣхъ обсшоя-шельсшвъ, кошорыя пошребны къ доказашельсшву вѣроящносши сказаннаго, въ чемъ и Г. Авшоръ согласишся со мною.

Digitized by Google

«Стр. 163-я. Потому что онъ (Государь) будучи не-
«престанно окруженъ цѣлою толпою придворныхъ
«чиновниковъ, смѣняющихся въ опредѣленное время,
«и коихъ обязанность состоитъ въ непрестанномъ
«наблюденіи, дабы всѣ правила и придворныя це-
«ремоніи не были ни на волосъ нарушаемы. Въ
«семъ они должны отвѣчать предъ другими, выс-
«шими чиновниками» Все это изложено въ пре-
вратномъ видѣ. При Дворѣ посуточно дежурятъ
высшіе чиновники двухъ родовъ: военные, подоб-
ные у насъ Генералъ-Адъютантамъ, и по одному
члену отъ шести Палатъ или Министерствъ. Пер-
вые находятся для особыхъ порученій, а послѣдніе
для справокъ по дѣламъ Палатъ. Обряды, или бли-
же сказать, этикеты Двора машинально исполня-
ются со всею точностію, не требуя особеннаго
надзора.

«Стр. 165-я. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по ко-
«имъ настоящее Правительство Китая приняло фор-
«му общаго деспотизма, можетъ быть приписана по-
«литическому и нравственному составу тѣхъ ко-
«чующихъ ордъ, коими Срединное Царство было
«порабощено. Начальники ордъ или племенъ, поль-
«зовавшіеся почти равною властію, не соглаша-
«лись основать Государство на иной системѣ,
«кромѣ патріархальной; и пр.» Система патріар-
хальнаго, или семейственнаго управленія, существо-
вала въ Китаѣ за долго до нынѣшней династіи, и
потому сужденія Г. Автора по сему предмету ос-
таются безъ основанія.

Digitized by Google

« Стр. 167-я. Какое ужасное воображеніе и какія «жестокія мысли о возмездіи должны были имѣть лю- «ди, кои могли изобрѣсть многоразличныя мученія, «для наказанія всѣхъ возможныхъ степеней и ошиѣн- « ковъ преступленій, въ которыя родъ человѣческій « могъ впасть! » Прежде сихъ восклицаній, надлежало- бы Г. Автору изложить крашко хотя малѣйшую часть многоразличныхъ мученій; тогда читатели сами увидѣли-бы, какое приличнѣе восклицаніе.

«Стр. 170-я. Еще обстоятельство, весьма достой- «ное похвалы въ Китайцахъ, есть почтительное по- «веденіе въ храмахъ и кумирняхъ, или мѣстахъ, мо- «литвѣ посвященныхъ. Они полагаютъ, что при- «ходятъ туда единственно для молитвы, и пото- «му никогда не видно, чтобы они тамъ разго- « варивали, улыбались, оглядывались на стороны, « или оказывали малѣйшую нечочтительность; на- «противъ того, они стоятъ съ благоговѣніемъ и « въ торжественномъ молчаніи. » Въ Китаѣ нѣтъ общественнаго богослуженія, и Китайцы никогда не собираются въ храмы для онаго; а все выше- писанное можно отнести къ моленію, которое Китайцы совершаютъ, по какому либо случаю, въ домѣ, или на родовомъ кладбищѣ, на могилахъ предковъ. Здѣсь Китаецъ весь превращается въ одно чувство благоговѣнія; но надобно еще ска- зать, что и весь обрядъ его моленія продолжается не болѣе пяти минутъ.

« Стр. 177-я. Такъ какъ исчисленія времени они дѣ- «лаютъ по лунѣ, то хотя годъ ихъ состоитъ изъ 12 мѣ-

Digitized by Google

«сяцевъ, но счетъ никогда ровно не выходитъ; по-
«чему они весь недостатокъ наполняютъ ежегодно
«праздниками; а по прошествіи 19 лѣтъ, въ каж-
«домъ изъ семи годовъ считаютъ по 13 мѣсяцевъ.»
Толмачъ Г. Добеля, кажется, самъ имѣлъ сбивчи-
вое понятіе о Календарѣ, и по сей причинѣ сооб-
щилъ ему такую нескладицу. Китайцы употребля-
ютъ лунный годъ, содержащій въ себѣ 354 дня,
раздѣленные на 12 мѣсяцевъ. Извѣстно, что лун-
ный годъ 11-тью днями короче солнечнаго. Изъ сихъ
11-ти дней составляется чрезъ два года или чрезъ
годъ, тринадцатый мѣсяцъ; почему въ продолже-
ніе 19-ти лѣтъ бываетъ семь лѣтъ, содержащихъ
въ себѣ по 13-ти мѣсяцовъ.

Стр. 178-я. «Около новаго года власть Мандари-
«новъ на нѣсколько дней останавливается, что
«изводитъ иногда безпорядки: ибо частнымъ людямъ
«предоставляется заключать свои счеты и дѣла,
«какъ имъ угодно, согласно съ древними обычаями.»
Въ Китаѣ, начальства не входятъ ни въ какія
сдѣлки частныхъ людей между собою, исключая
торговыя сдѣлки съ иностранцами въ Кантонѣ,
гдѣ нужно очищать товары пошлиною.

Далѣе можно замѣтить, что праздники на пер-
выхъ дняхъ новаго года, описываемые въ концѣ
VIII главы, относятся только къ одному Канто-
ну, хотя Г. Авторъ примѣняетъ оные ко всему
Китаю. Изложенное въ IX главѣ описаніе мѣся-
ныхъ праздниковъ, также относится къ одному
Кантону. Въ другихъ областяхъ имѣются свои

Digitized by Google

праздники, которые впрочемъ всѣ суть частные, и наблюденіе оныхъ зависитъ отъ произвола.

Стр. 205-я. «Понятія Китайцевъ о созданіи міра и пр.» Предложенныя Г. Авторомъ понятія о мірозданіи, собственно должно назвать *понятіями Кантонской черни*. Въ прочихъ областяхъ о семъ предметѣ имѣютъ свои понятія, которыя въ нелѣпости не уступаютъ Кантонскимъ. Подобныя системы не предаются писменію, а дѣдушки, находясь въ праздности, словесно передаютъ оныя своимъ внукамъ.

Стр. 208-я. «Жрецы въ Китаѣ никогда Правительствомъ не содержатся, и вообще не состоятъ въ «собойотъ онаго зависимости.»—Въ Китаѣ находится безженное духовенство трехъ Религій: Ламы; Хошаны и Даосы. Для управленія духовенства помянутыхъ трехъ касть учреждены Правительствомъ Духовныя правленія, изъ коихъ правленіе Ламъ зависитъ отъ Палаты Внѣшнихъ Сношеній, а прочія два правленія — отъ Палаты Обрядовъ. Духовенство имѣетъ пребываніе въ монастыряхъ, изъ коихъ знаменитѣйшіе получаютъ содержаніе отъ казны, а прочіе (коихъ самая большая часть) пропитываются своими трудами, добровольными сборами и доходами съ земель и домовъ, ежели имѣютъ оные.

Стр. 210-я. «Царская фамилія и самъ Богдоханъ принадлежатъ къ сектѣ Будды.» Въ Китаѣ и донынѣ еще нѣтъ обыкновенія исключительно держаться одной какой-либо религіи. Такимъ образомъ Китайскій

Digitized by Google

Дворъ, Князья и Маньчжурское дворянство, по роду исповѣдуютъ Шамайскую вѣру, которой предки ихъ держались; по обязанностямъ должности исполняютъ обряды, предписываемые религіею ученыхъ (Ф. Кхунъ-цзы); а при случаѣ поклоняются въ храмахъ Ламъ, Хошановъ и Даосовъ. Сверхъ сего каждому предоставлено на произволъ образовашь для себя духовъ, и имъ молишься. По сей причинѣ, въ рѣдкомъ уѣздѣ нѣтъ суевѣрій, ему одному принадлежащихъ.

Ниже Г. Добель описываетъ свадебные и похоронные обряды. Но кажется, что толмачъ его худо объяснился на Англійскомъ языкѣ, и потому почти все сіе описаніе состоитъ частію изъ сбивчивыхъ, частію изъ превратныхъ понятій. — Описаніе свадебнаго обряда, изложенное Г. Кларкомъ, вѣрнѣе нѣсколько, но также сбивчиво, и сверхъ сего странно, потому что у него невѣста сватаетъ себѣ жениха, чего неслыхано въ Китаѣ. Отсюда должно заключить, что сказанное: *Отрывокъ изъ переводовъ съ Китайскаго, Г. Кларка,* есть чистое хвастовство. Вообще замѣчено, что изъ путешественниковъ тѣ наиболѣе говорятъ о Китаѣ, которые наименѣе знаютъ его. Послѣднее изложеніе свадебныхъ обрядовъ представлено въ совершенномъ порядкѣ и вѣрно: надлежало-бы только Г. Л. . . скому отличить при семъ случаѣ общіе обряды отъ частныхъ. Первые предписаны государственными постановленіями и вездѣ одинаковы; а послѣдніе зависятъ отъ произвола, и потому по разнымъ мѣстамъ различны.

Digitized by Google

Во II Часши болѣе содержашся случайныя происшествія, которыя не подлежашъ разбору наравнѣ съ предмешами неизмѣняемыми, и потому я не касаюсь оныхъ. Что касается до 1-й Часши, Г. Авторъ, по моему замѣчанію, встрѣтилъ много затрудненій при соглашеніи великихъ неустройствъ въ правленіи, съ долговременною прочностію самаго Правишельства. Рѣшишь эшошъ вопросъ дѣйствишельно шрудно, а особливо при той односторонности, съ которою Г. Добель производилъ наблюденія надъ Кишаемъ. Онъ ушверждаешъ, что правленіе Кишая находишся въ самомъ разстроенномъ положеніи, и доказываешъ эшо пришѣсненіями, причиняемыми Англичанамъ ошъ Кишайцевъ въ Каншонѣ. Дѣйствишельно, Кишайцы посшупаюшъ съ Англичанами очень дурно, и припязашельные посшупки ихъ ошзываются неизвинишельною низосшію. Какая-же сему причина? Англичане не имѣюшъ шорговаго шракшаша съ Кишаемъ, да и заключишь онаго не могушъ, пошому что не граничашъ съ симъ Государствомъ. Имъ дозволено производишь шорговлю въ Каншонѣ, на однихъ правахъ съ прочими иносшранцами, т. е. со взносомъ пошлинъ. Если-бы Англичане производили оную на честныхъ правилахъ, то не встрѣтили-бы большихъ непріяшносшей со стороны Кишайскаго Правишельства; но они, напролишъ, ввозяшъ въ Кишай чрезъ конпрабанду опіума на 50,000,000 р. ассигн., и почши всю сію сумму получаюшъ ошшуда чистымъ серебромъ. Какая-же Держава съ равнодушіемъ будешъ смошрѣшь, когда иносшранцы, не смошря на запрещеніе и на всѣ возмож-

Digitized by Google

ныя мѣры предосторожности, будутъ доставлять ея подданнымъ ядъ, и въ замѣну истощатъ государственный фондъ, который состоитъ въ металлѣ, представляющемъ монету! Въ самыхъ сношеніяхъ Англіи съ Китаемъ по торговымъ дѣламъ, есть контрастъ чрезвычайно важный и занимательный. Ость-Индская Компанія, въ перепискѣ съ Кантонскимъ мѣстнымъ Начальствомъ употребляетъ высокій тонъ. Но какъ въ Китаѣ купецъ, мастеровой и крестьянинъ считаются въ одинаковомъ состояніи, то для Китайскаго Правительства, почитающаго иностранныхъ купцовъ не выше своихъ, чрезвычайно забавнымъ кажется, что одна Европейская торговая контора присылаетъ къ оному бумаги, писанныя тономъ Кабинета какой нибудь сильной Державы. Вотъ истинныя обстоятельства, которыми можно объяснить странность непріязненныхъ, по видимому, поступковъ между умными Китайцами и просвѣщенными Великобританцами, поступковъ, часто описываемыхъ въ газетахъ и Журналахъ. Другой, не совсѣмъ ясный предметъ въ твореніи Г. Добеля, есть *Хонгъ*. Это *Ханъ*, что въ переводѣ значитъ *цехъ*; но въ Кантонѣ подъ словомъ *ханъ* разумѣется *домъ*, имѣющій отъ Правительства дозволеніе производить портовую торговлю. Таковыхъ домовъ считается 13-ть; хозяева оныхъ и торгуютъ собственнымъ капиталомъ, но въ истинномъ смыслѣ составляютъ родъ маклеровъ, чрезъ которыхъ иностранные товары входятъ въ Китай, а Китайскіе выходятъ за границу. Китайское Правительство, не имѣя письменныхъ торговыхъ постановленій съ

Digitized by Google

Европейцами, прибѣгло къ сей маклерской системѣ, для обезпеченія себя въ собраніи пошлинъ съ заграничныхъ товаровъ.

Что касается до собственныхъ Китайскихъ именъ, то хотя Г. Авторъ и говоритъ, что оныя переложены съ Китайскаго нарѣчія, которое отлично отъ Пекинскаго, но должно еще было присовокупить, что большая часть оныхъ изложена по тому испорченному Англійскому нарѣчію, на которомъ Китайцы изъясняются съ Англичанами въ Кантонѣ. Это нарѣчіе находится въ ближайшемъ сродствѣ съ Русскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ Китайцами въ Кяхтѣ. Наконецъ еще остается замѣтить, что *Бамбукъ*, *Мандаринъ* и *Жрецъ*, хотя придаютъ какую-то торжественность описаніямъ Китая, но какъ всѣ сіи три слова составляютъ пустые звуки безъ понятій, то давно надлежало-бы дать имъ чистую отставку. Въ Китаѣ чиновниковъ, какъ уже сказано было, не наказываютъ *бамбукомъ*; *Мандаринъ* есть не Китайское, а Португальское слово, и безъ всякой нужды употребляется вмѣсто Русскаго слова: *чиновникъ*; а Ламы, Хошаны и Даосы (духовные трехъ религій въ Китаѣ) не приносятъ кровавыхъ жертвъ, и посему не слѣдуетъ называть ихъ жрецами. Послѣднее замѣчаніе сдѣлано не для одного Г. Добеля, а для всѣхъ, кто будетъ писать что либо о Китаѣ.

І. Б.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Новоселье.* СПб. 1833. въ т. вдовы Плюшаръ съ сыномъ. VII и 587 стр. in-8.

Ровно за годъ до изданія сей книги, А. Ф. Смирдинъ, Пешербургскій книгопродавецъ, пригласилъ *почти всѣхъ* Литшерашоровъ къ себѣ на новоселье. «Госши-Литшерашоры — говоришъ онъ — изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на новоселье каждый своимъ произведеніемъ, и вошъ дары, коихъ часшь издаю нынѣ.»

Таково происхожденіе сей книги, замѣчашельной по многимъ ошношеніямъ. Конечно каждый изъ Литшерашюровъ подарилъ добраго хозяина чѣмъ могъ лучше, и конечно Г. Смирдинъ не оставилъ подъ спудомъ ничего лучшаго; слѣдшвенно книга: *Новоселье*, можешъ служишь образчикомъ нашей Литшерашуры, какъ плодъ соединенныхъ шрудовъ *почти всѣхъ извѣстныхъ Литтераторовъ Русскихъ*. Съ сей точки зрѣнія она получаешъ особенную занимашельносшь и заслуживаешъ все

Digitized by Google

наше вниманіе. Она пробудила въ насъ нѣсколько мыслей, и мы постараемся дать въ нихъ отчетъ, по возможности полный.

Точно, Литтература наша вся въ этой книгѣ, со всѣми знаменитыми именами, со всѣми недостатками и достоинствами, со всею щепетильностью и безхарактерностью своею — и, прибавимъ къ сожалѣнію — съ безнадежностью на будущее! Кромѣ немногихъ, уединенныхъ именъ, не блистающихъ на Литтературномъ торжищѣ современной Руси, почти всѣ Литтераторы шли къ А. Ф. Смирдину съ дарами своими, и составили книгу, представительницу своихъ дарованій. Что-же представляетъ намъ эта книга? Начнемъ съ Прозы, ибо въ ней есть и Проза и Стихи.

Помните-ли, что *Книга ста-одного* (Le Livre de-cent-et-un) начиналась статьею пламеннаго Жанена: *Асмодей?* Повѣрите-ли, не прочитавши сами, что и книга Г-на Смирдина, порожденная слухомъ о Парижской книгѣ, открывается статьею въ родѣ Жаненова *Асмодея?* Только у насъ, вмѣсто Жанена, явился какой-то *Баронъ Брамбеусъ*, съ тяжелымъ остроуміемъ, которое можно продавать на вѣсъ! Баронова статья, *Незнакомка*, такъ безцѣльна, что не знаешь, къ какому берегу хотѣлъ причалить Авторъ съ олицетворенною имъ Сатирою? Къ чему тратилъ онъ слова, жалѣя мыслей? Правда, что и дѣйствительная Русская Сатира похожа на безрогаго вола, который сначала зареветъ, будто извѣщая, что онъ хочетъ колоть васъ, и потомъ кидается, забывая, что у

Digitized by Google

него подпилены рога; но Сатира Г-на Брамбеуса безоружнѣе и Русской Сатиры. У нея не подпилены, а еще не выросли рога.—Другая сшапья Барона Брамбеуса: *Большой выходъ у Сатаны*, уже не просто плоха. . . . . Глазамъ не вѣришь, что такъ пишешь и печатаешь такой вздоръ въ Пешербургѣ! Но вы отдохнете за Восточною Повѣстью: *Антаръ*, Г-на Сенковскаго. Это такъ хорошо, такъ живо напоминаетъ Востокъ и огненное небо его, чудеса его климата и пламенныхъ его жителей, что мы почли-бы *Антара* какимъ нибудь лоскутком *Тысяча одной ночи*, если-бы не были увѣрены, что Г-нъ Сенковскій не присвоитъ себѣ чужаго. Въ наше время опасно рядиться въ чужія перья.—Отрывокъ изъ Повѣсти: *Раскольникъ*, сочиненія Г-на Панаева, довольно вѣрно напоминаетъ намъ историческую страницу, занимаемую царствованіемъ Петра II-го; но разсказъ Автора холоденъ и слишкомъ отзывается трудомъ, не нося на себѣ печати созданія. — *Русскій Икаръ*, Повѣсть Г-на Масальскаго. Начало сей Повѣсти, основанной на историческомъ сказаніи, очень хорошо; окончаніе, кажется намъ, ослабляетъ ее. Если-бы Авторъ не записалъ Русскаго Икара въ солдаты и не сдѣлалъ изъ него какого-то богатыря, то онъ передалъ-бы намъ все прекрасные разсказа Желябужскаго. За всѣмъ тѣмъ, многія подробности очень милы. Характеръ Окольничаго Лихачева истинно комическій. — *Кіевскія Вѣдьмы*, Сказка неизбѣжнаго во всякомъ сборникѣ Литтературномъ, Порфирія Байскаго, или... чуть было не проговорились!. . , Извините: Лит-

Digitized by Google

терашурная шайна! . . . Какъ-бы то ни было, а *Кіевскія Вѣдьмы* принадлежашъ къ лучшимъ произведеніямъ извѣстнаго Автора. При этомъ разсказѣ, мы вспомнили *Гайдамака*, и пожелали Автору выкупишь Литтерашурные грѣхи свои шакими произведеніями, какъ *Гайдамакъ* и *Кіевскія вѣдьмы*. — Наконецъ встрѣчается имя и Г-на Булгарина. Онъ напечаталъ въ *Новосельѣ* двѣ сшашьи: *Омаръ и просвѣщеніе* и *Ничто, или альманачная статейка о ничемъ*. Г-нъ Булгаринъ неизмѣненъ: онъ вездѣ гонишъ злоупошребленія, пороки, слабосши, и прославляешъ прямодушіе, добродѣшели геройство. Иногда это можно почесшь односшоронносшью, ибо надобно вспомнишь, что нравоученія не у мѣсша въ произведеніяхъ Изящной Словесносши, которою исключишельно занимаешся Г. Булгаринъ. Но шѣмъ не менѣе это дѣлаешъ чесшь сердцу Автора. Особенно въ *Ничто*, Г. Булгаринъ, какъ говоришся, *вылился* весь! Въ этой сшашьѣ я узналбы Автора безъ подписи. — *Воспоминанія*, Н. И. Греча. Это одно изъ лучшихъ сочиненій въ книгѣ! Его можно назвашь отрывкомъ изъ Записокъ Автора. Какъ было-бы любопышно, если-бы Авшоръ провелъ насъ шакими воспоминаніями сквозь всю, богашую опышомъ жизнь свою! Здѣсь онъ изъясняешъ, одному изъ своихъ друзей, что̀ заставило его избрашь Словесносшь заняшіемъ и цѣлію шрудовъ своихъ, и пошомъ описываешъ разныя любопышныя лица: Туманскаго, Подшивалова, Цвѣшкова, Державина и Доктора Шмидера, который не могъ выговаривашь Русскихъ буквъ *б* и *п*, и называлъ ихъ: *пуки* и *бакой*. Подробнѣе другихъ изобра-

Digitized by Google

жаетъ Г. Гречь Крюковскаго, Автора трагедіи: *Пожарскій*, и отзывается съ особеннымъ чувствомъ о покойномъ П. А. Никольскомъ. Мы прочитали *Воспоминанія* Г-на Греча съ истиннымъ удовольствіемъ. — Два отрывка: *Балъ* и *Бригадиръ*, означенные литтерами *ъ. ъ. й*, принадлежатъ тому Автору, который нынѣ довольно часто является въ Альманахахъ, со своимъ особеннымъ, хотя и неоригинальнымъ родомъ. Обѣщаютъ изданіе разбросанные донынѣ отрывки его, особою книжкою, и вѣроятно, это будетъ выполнено скоро; тогда мы изложимъ мысль нашу подробно, и объяснимъ, что̀ кажется намъ особеннымъ и неоригинальнымъ въ сочиненіяхъ Г-на *ъ. ъ. й.* — *Анекдоты о Екатеринѣ Великой*, которые написалъ достопочтенный писатель нашъ А. С. Шишковъ, чрезвычайно любопытны. Мы пожалѣли только о томъ, что ихъ мало. Особенно примѣчательнымъ показался намъ анекдотъ, объ отвращеніи Великой Екатерины отъ всѣхъ откуповъ и монополій, или *единоторжій*, какъ называетъ ихъ А. С. Шишковъ. Въ 1794 году, поданъ былъ Императрицѣ проектъ отъ нѣсколькихъ знаменитыхъ особъ; они просили отдать имъ на откупъ табакъ и нѣкоторые другіе предметы, за что предлагали Казнѣ доходу 10 милліоновъ, обѣщаясь торговаться и далѣе. Екатерина со вниманіемъ прочла поданную о семъ бумагу, и написала слѣдующее рѣшеніе: «Проекторамъ знать «неизвѣстно, что на подобные откупы и прожек«ты, въ Успенскомъ соборѣ на престолѣ, въ «Москвѣ, положено прокляніе въ царствованіе Ца«ря Алексѣя Михайловича, понеже Имперіи и тор-

Digitized by Google

«гу разорительны. Чево имъ объявишь.» Какая сила, проницательность и знаніе пользъ государственныхъ заключены въ этихъ немногихъ строкахъ! . . Прекрасное соотвѣтствіе симъ *Анекдотамъ* составляютъ *Черты изъ жизни* Императора Александра, написанныя А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. — *Призракъ*, Историческій разсказъ Б. М. Ѳедорова. Здѣсь остановили насъ нѣкоторыя выраженія, и мы предлагаемъ ихъ на разрѣшеніе читателямъ: «Рѣка, колыхающаяся голубой пеле«ной подъ плывущими наромами (стр. 469-я). «Щечки ея разгараются какъ маковый цвѣтъ (тамъ«же).» Мы не знали, что макъ можетъ разгарашься. «Тонкое, бѣлое *покрывало*, ниспадая съ жем«чужной повязки, тихо волновалось на плечахъ «отъ вѣтра, дувшаго сквозь открытое окно въ «церкви, и *представляло ее существомъ небеснымъ*... «(стр. 471-я).» Какъ можетъ покрывало представлять человѣка существомъ небеснымъ? Это что-то новое! «Вѣтеръ, казалось, превращалъ въ вѣю«щія крылья легкую ткань (тамъ-же).» Это какой-то волшебникъ вѣтеръ! «На возвратномъ пу«ти, небо помрачилось; ладья спѣшила пристать «къ берегу. . . (тамъ-же).» Здѣсь самъ Авторъ сдѣлалъ чудо: небо ходило у него куда-то въ гости, и на *возвратномъ пути помрачилось; ладья*, какъ человѣкъ, *спѣшитъ къ берегу!* . . . Такихъ мѣстъ встрѣтили мы не одну сотню въ *Призракѣ* Г-на Ѳедорова. — *Ордынъ-Нащокинъ*, любопытное историческое извѣстіе о доблестномъ мужѣ, написанное В. Н. Берхомъ. — *Сказка о нѣкоемъ православномъ покойномъ мужичкѣ и о сынѣ его, Емелѣ-*

Digitized by Google

дураикѣ. Сочиненіе Казака Луганскаго. Признаемся, мы не любимъ поддѣльности ни въ чемъ, и потому намъ не нравится и этотъ, сдѣлавшійся пошлымъ, обычай называться странными, не своими именами, и это желаніе поддѣлаться подъ Русскія Сказки, при чемъ не рѣдко изъ необрабошаннаго куска золота, намъ выдѣлываютъ красивый перстенёкъ. Мы не имѣли случая сказать свое мнѣніе о прежнихъ Сказкахъ Луганскаго, и потому скажемъ его подробнѣе о новой. Въ Русскихъ Сказкахъ вообще намъ драгоцѣнны: игривый умъ, духъ народный и языкъ. Но можно-ли поддѣлаться подъ нихъ? Можно-ли быть подражателемъ въ умѣ и въ языкѣ? Относительно перваго, кажется и спорить нечего; относительно втораго, споры современныхъ намъ Французскихъ писателей пояснили, что возвратишься къ языку праотцевъ невозможно. Но ни Курье, ни Сентъ-Бёвъ, ни В. Гюго, самые ревностные и даровитые поборники старинаго языка, не подражали ему такъ, какъ нашъ Казакъ Луганскій, ибо такое подражаніе есть усиліе, на которое не станетъ никакого дарованія: непремѣнно впадете въ пошлость, въ неестественность—слѣдственно, просто упадете! Сверхъ того, что естественно и даже прелестно въ природѣ, то почти всегда несносно и утомительно въ подражаніи; или давайте просто природу, или творите какъ художникъ. Русскія Сказки представляютъ художнику руду неистощимую; но слишкомъ безотчетно пользуется ею прекрасное дарованіе Казака Луганскаго. Онъ хочетъ представиться простымъ разскащикомъ, мужичкомъ,

Digitized by Google

со всѣми прибаушками и приговорками малограмотнаго Казака. Для человѣка съ хорошею памятью, это слишкомъ легко, и слишкомъ ниже Искусства. Не такъ долженъ творить художникъ: онъ долженъ напитаться духомъ народнымъ, обогатить свой языкъ языкомъ Сказокъ, и создавать свое. Иначе вы всегда будете ниже образцовъ своихъ, ибо всегда будете только подражателемъ ихъ, подражателемъ по разсчету, по мѣркѣ, а не по вдохновенію. Доказательствомъ сего можетъ служить и вновь изданная Сказка Луганскаго, о Емелѣ-дурачкѣ. Какъ далеко простодушнѣе, игривѣе, поэтичнѣе она въ разсказѣ простаго мужичка, или даже въ разсказѣ подъ лубочными картинками! . . . Впрочемъ, отдаемъ всю справедливость начитанности и памяти Казака Луганскаго: онъ узналъ простонародье Русское *до дна*, и конечно дарованіемъ своимъ явитъ намъ его въ новыхъ, современныхъ, достойныхъ Искусства формахъ.

Между тѣмъ, мы уже исчислили всѣ прозаическія статьи *Новоселья*. Обратимся къ стихамъ.

В. А. Жуковскаго: *Сказка о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери.* — Эта Сказка привела насъ въ изумленіе! По всему видно, что Авторъ хотѣлъ поддѣлаться въ ней подъ Русскія Сказки; но его гекзаметры, его духъ, его выраженія, слишкомъ далеки отъ истинно-Русскаго. Перемѣнивши имена, можете увѣриться всякаго, что *Сказка о Царѣ Берендеѣ* взята изъ Гебеля, изъ Перро, изъ кого

Digitized by Google

угодно, только не изъ Русскихъ преданій. Впрочемъ, она и по вымыслу не Русская. Мы давно увѣрены, что В. А. Жуковскій не рожденъ быть поэтомъ народнымъ; но удивляемся, что онъ самъ не увѣряется въ этомъ неудачными попытками.—А. С. Пушкинъ помѣстилъ въ *Новосельѣ* довольно забавный, очень игриво разсказанный анекдотъ о жительницахъ Коломны Петербургской. Не льзя не смѣяться читая, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ *** богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужь и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.
. . . . . .
Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Равняйтеся, вытягивайте ноги
И по три врядъ въ окшаву заѣзжай!

Шесть стихотвореній Князя Вяземскаго всѣ на одну стать: въ всѣхъ онъ шутитъ тяжело, и черезъ сорокъ лѣтъ все тотъ-же!.... — Съ ожиданіемъ встрѣтили мы два стихотворенія Е. А. Баратынскаго: *На смерть Гёте* и *Кольцо С. Э-тъ*. Они оставили въ насъ такое-же чувство, какъ выдыхнувшіеся цвѣты, какъ образы безъ жизни. Въ нихъ нѣтъ Поэта.—Гнѣдича, *Кавказская быль* напоминаетъ недавнюю утрату Русскихъ Музъ. Это одно изъ послѣднихъ произведеній незабвеннаго Поэта.—И. И. Козлова, *Два челнока*. Замѣчательное

Digitized by Google

прекрасными стихами произведеніе. — Г-на Хомякова, *Жаворонокъ*, *Орелъ и Поэтъ*. Звучные стихи. — Г-на Норова, *Письмо изъ Венеціи*, прозаическо-поэтическій отрывокъ. Кто читалъ *Путешествіе по Сициліи* сего Автора, тотъ знаетъ его кисть и краски. — Пять Басенъ И. А. Крылова, конечно не увеличатъ славы знаменитаго Баснописца нашего, однако отличаются языкомъ, столь усвоеннымъ сему роду стихотвореній творцомъ *Демьяновой ухи*; въ этомъ отношеніи нѣтъ ему соперника. — Сверхъ сего помѣщены въ *Новосельѣ* стихотворенія: Г-на Зайцевскаго: *Полдень въ Венеціи*; Г-на Лобанова: *Михаилъ Никитичъ Романовъ*; Г-на Погодина: *Отрывокъ изъ Драматической Поэмы*; (Барона Розена: *Домовой* (похвальное упражненіе въ сочетаніи рифмъ и въ совокупленіи многоразличныхъ словъ); Графа Хвостова: *На Новоселье*.

Мы исчислили все. Рука устала при этомъ исчисленіи, такъ-же какъ устало вниманіе наше, когда мы читали книгу. Не такъ-ли устаетъ и вниманіе наблюдателя нашей Словесности, при неблагодарномъ трудѣ его? Бѣдная Словесность! . . . И такъ соединенныя силы почти всѣхъ писателей Русскихъ произвели не болѣе, не лучше? Признаюсь, это могло-бы привести въ отчаяніе, если-бы мы не знали, что при настоящемъ состояніи умовъ и не льзя было ожидать ничего лучшаго. У насъ Литтература существуетъ для публики, для читателей, а не для писателей, которыхъ такъ

Digitized by Google

мало, что и соединенныя ихъ силы не могутъ создать ничего блестящаго, не только огромнаго. Много лѣтъ наблюдая ходъ Литтературы нашей, мы въ правѣ сказать, что одна публика есть у насъ шворецъ посильнаго движенія въ Литтературѣ, а собственно Литтераторовъ нѣтъ, ибо нѣсколько исключеній не доказываютъ ничего. Правда, книгъ выходитъ довольно; нѣсколько Журналовъ влачатъ печальную жизнь; но что за книги выходятъ, и что за жизнь въ нашихъ Журналахъ, наполняемыхъ по большой части статьями переводными! Изъ книгъ, едва-ли десяткомъ въ годъ насчитаете дѣльныхъ, хорошихъ; остальное все или переводы, или такія произведенія, о которыхъ говорить совѣстно. Только въ публикѣ замѣтна жизнь Литтературная, и она-то дозволяетъ книгопродавцамъ печатать книги, а Журналистамъ угощать своихъ читателей скромною трапезою. Иногда можно подумать, что у насъ есть Литтература, есть какое-то движеніе. И точно есть стремленіе къ Литтературѣ, которое поддерживается чтеніемъ иностранныхъ книгъ; но писателей Русскихъ нѣтъ. Петербургъ почитаютъ у насъ нынѣ средоточіемъ образованности — и справедливо; но много-ли въ Петербургѣ образованныхъ людей, которые не заняты службою, свѣтомъ, или промышленностью во всѣхъ видахъ? Кто-же будетъ писателемъ? У кого есть досугъ для безкорыстнаго труда писателя!

Не обвиняемъ никого въ безжизненности нашей Литтературы, по причинѣ самой сильной: обви-

Digitized by Google

нишь нѣкого! Пусть шопъ, что кшо не знаешъ Россіи, кшо не посвященъ въ шаинсшва нашей Лишшерашурной механики, что не вникалъ въ окружающія его обсшоящельсшва, пусшь шошъ дивишся эшой безжизненносши. Концершы амашёровъ давно вошли въ пословицу; но Русскіе Лишшерашоры почши всѣ амашёры, а не аршисшы по призванію внушреннему или по силѣ обсшоящельсшвъ. Посему не дивишесь, что концершъ, данный имя А. Ф. Смирдину, иногда грѣшишъ и прошивъ шеоріи Искусшва и прошивъ исполненія: его разыгрывали не художники, а любишели, для коширыхъ Лишшерашура есшь мимолешное, пріяшное и довольно весслое заняшіе.

— *Княжна Мешшикова.* Исшорическій романъ. Съ поршрешомъ. М. 1833. Въ ш. А. Семена. 124 и IV спр. in-8.

Удивишельная жизнь Александра Даниловича Мешшикова, можно сказашь, просишся въ романъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое воображеніе создасшъ что нибудь болѣе поэшическое? Бѣдный, жалкій сынъ пирожника, посшеценно возвышаешся до первыхъ почесшей земныхъ, и сшановишся Графомъ и Княземъ Нѣмецкой Имперіи, Герцогомъ Ингерманландскимъ, Генералъ-Фельдмаршаломъ войскъ Россійскаго Имперашора, обладашелемъ несмѣшнаго имѣнія, владѣльцемъ *ста шысячъ* крешьянъ, наконецъ именуешся шешемъ Имперашора Пешра II-го, и дочь его уже упоминаешся на экшеніяхъ *Благочесшивой-*

Digitized by Google

шею Государынею Маріею Александровною. На высотѣ сихъ безпримѣрныхъ почестей, онъ вдругъ лишается всего; онъ становится несчастнымъ ссыльнымъ, посельщикомъ въ отдаленномъ Березовѣ, и получая на прокормленіе пять рублей въ день, строитъ собственными руками деревянную церковь, и умираетъ въ горькомъ забвеніи. . . . Предметъ, богатый для романиста, котораго искусная рука можетъ вышивать на этой канвѣ яркіе узоры характеровъ, нравовъ, преобразованія и великихъ событій Петрова времени! . . И онъ не укрылся отъ вниманія Романистовъ: уже было нѣсколько попытокъ изобразить дивную судьбу Меншикова и семейства его. Упомянемъ объ Августѣ Лафонтенѣ, и С. Н. Глинкѣ, изъ коихъ каждый изображалъ и связывалъ событія изъ жизни Меншикова романическимъ разсказомъ. А. Лафонтенъ написалъ романъ, а С. Н. Глинка Русскую Повѣсть. Но послѣ нихъ еще осталось поле обширное. Еще жизнь Меншикова ждетъ новыхъ поэтовъ.

Неизвѣстный Сочинитель изданной нынѣ книжки: *Княжна Меншикова*, назвалъ ее *Историческимъ романомъ*, но, кажется намъ, не совсѣмъ справедливо. Книжка его есть умный, отчетистый разсказъ Историческій, но не романъ, ибо въ немъ нѣтъ созданія, нѣтъ красокъ поэтическихъ, нѣтъ даже разсказа, приличнаго роману. Онъ взялъ изъ жизни Меншикова послѣднее время блистательнаго поприща и несчастный конецъ его. Любовь Маріи Александровны Меншиковой и Графа Сапѣги, уже нарѣченнаго жениха ея, кончина Петра и усиленіе власти Кня-

Digitized by Google

зя Меншикова при Екатеринѣ I-й, наконецъ восшествіе на Престолъ Петра II-го, обрученіе его съ героинею романа, опала и ссылка Меншикова — вотъ рамы, въ которыя Авторъ заключилъ свой разсказъ. Главною пружиною дѣйствій онъ сдѣлалъ любовь Маріи къ Сапѣгѣ. При этомъ кажутся посторонними всѣ событія, долженствовавшія занимать первое мѣсто въ романѣ: судьба самого Меншикова, современный ему Дворъ, и вообще та жизнь Россіи, которая столь занимательна для воображенія, переносимаго къ событіямъ временъ Петра. И безъ романическихъ чарованій, сквозь темный покровъ столѣтія тамъ видны гиганты, окружавшіе Преобразителя Россіи, нравы полу-Азіятскіе, столкнувшіеся съ западною образованностію, борьба стараго съ новымъ, и все это безпримѣрно, все облечено самородною поэзіею! Это романъ въ Исторіи, если можно такъ выразиться! А самъ Меншиковъ! Какое лицо, какой характеръ для Романиста! Но Авторъ хотѣлъ замѣнить это обыкновенною любовью, какая изображается во всѣхъ романахъ. Онъ шелъ по дорогѣ общей, и при концѣ очутился у той-же мѣты, къ которой всегда пилигримствовали и А. Лафонтенъ и А. Коцебу, и тысяча другихъ романистовъ. Любовь, и послѣ нея счастье, бракъ, доброе житье-бытье, или несчастіе, разлука, смерть — вотъ канва всѣхъ подобныхъ романовъ. Но Романисты новѣйшіе показали намъ, что для ихъ созданій любовь есть одна изъ тысячи тѣхъ принадлежностей, которыя могутъ входить въ созданіе поэтическое, ибо собственно весь міръ во власти поэта. Кто

Digitized by Google

можешь указать ему на любовь, или на какой-бы то ни было единый предметъ, и заставишь непремѣнно изъ этого предмета извлечь всю поэзію его созданія? Онъ беретъ событіе — нравственное, политическое, историческое, философическое — событіе, поразившее его умъ и воображеніе, и олицетворяетъ его, но не какъ Нравоучитель, Политикъ, Историкъ или Философъ, а какъ поэтъ. Онъ развиваетъ его сообразно своему впечатлѣнію, сообразно идеѣ своей, и здѣсь-то оказывается сила или слабость Романиста, и восторгъ или негодованіе читателя. Благо поэту, если избранный имъ предметъ изобилуетъ красотами самородными, ибо тогда и созданіе его непремѣнно должно блистать болѣе яркими частностями и красками. Самый выборъ предмета бываетъ уже признакомъ ума поэтическаго, или — на оборотъ — показываетъ бѣдное воображеніе ремесленника.

Мы вошли въ нѣкоторыя теоретическія изъясненія, дабы оправдать слова наши, что *Княжна Меншикова* не выполняетъ условій романа, какъ мы понимаемъ сей родъ сочиненій. Но если смотрѣть на сію книгу, не какъ на романъ, а какъ на разсказъ Историческій, то повторяемъ, что она дѣлаетъ честь изыскательности и уму Автора. Въ его легкихъ, быстрыхъ очеркахъ многія событія представлены вѣрно и поразительно, если исключить изъ нихъ любовь Сапѣги и Маріи.

Digitized by Google

— *Пликъ и Плокъ*. Сцены на морѣ. Соч. Евгенія Сю. Перев. В. Волжскій. 2 части. СПб. 1832. VII, 306 и 176 стр. in-12.

Французская Литтература представляетъ въ наше время явленіе странное и вмѣстѣ поучительное. На развалинахъ минувшаго, новое поколѣніе Французскихъ писателей вступило въ союзъ съ идеями политической жизни своей, и перенесло въ умственные штруды весь характеръ ужаснаго переворота, ознаменовавшаго лѣтописи Франціи въ концѣ XVIII столѣтія. Разрушеніе—вотъ девизъ нынѣшней Французской Литтературы! Все прошедшее низвергнуто въ прахъ, и ничто новое еще не создано. Какъ въ политической жизни Французовъ, такъ и въ жизни ихъ Словесности, почти все основается въ бывшіи пріуготовительномъ. Немногія славныя имена не опровергаютъ сего положенія, ибо мы говоримъ не о *созданіяхъ* Литтературныхъ, которыя могутъ существовать у каждаго народа образованнаго, во всѣ эпохи; мы говоримъ о *теоріи*, которая одна бываетъ принадлежностью цѣлаго народа. Частныя высокія созданія не принадлежатъ всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ Литтературѣ; имъ принадлежитъ только направленіе Литтературы. Но какое направленіе, какую теорію видимъ мы у нынѣшнихъ Французовъ? Никакой, если не назвать теоріею безотчетнаго стремленія къ новому, небывалому, не схожему съ тѣмъ, что было прежде. Самые благоразумные и ученые изъ критиковъ Французскихъ не согласились еще ни въ чемъ, и постигая философически теорію Изящнаго,

Digitized by Google

не могутъ дать себѣ отчета въ требованіяхъ современной Литтературы. Они указываютъ соотчичамъ своимъ на изящныя созданія чуждыхъ странъ, на поэзію народную, и разрѣшаютъ ихъ свободно творить, спрашиваясь только собственнаго чувства и вкуса.

И дѣйствительно, у генія вся Піитика въ его головѣ и сердцѣ; онъ можетъ, какъ Суворовъ, имѣть бланкетъ, вмѣсто всѣхъ предваритльныхъ распоряженій и опредѣленій Гофъ-Кригсъ-Раша, можетъ вписывать въ него подвиги свои, которые послужатъ правилами для людей обыкновенныхъ, и при концѣ поприща своего сказать: «Я не зналъ Піитики; за то Піитика знала меня.» Но эти правила геніевъ убійственны для толпы. Толпа — солдаты, которыхъ непремѣнно должно поставить въ строй, указать каждому изъ нихъ его мѣсто, и назначить шагъ и размѣръ для каждаго его движенія. Иначе, они всегда останутся побѣжденными, какъ нестройныя толпы Турковъ. Не всякій рожденъ быть полководцемъ, хотя почти всякій можетъ быть хорошимъ, полезнымъ солдатомъ.

Въ числѣ странныхъ явленій нынѣшней Французской Литтературы, достойны замѣчанія *Морскіе романы и повѣсти*. Это явное доказательство, что не всякій рожденъ быть изобрѣтателемъ, или творцемъ новаго, и что не всякая новость хороша. Не желая быть въ рядовыхъ, стараясь поскорѣе попасть въ полководцы, два-три человѣка изъ новыхъ Французовъ рѣшились создать *Мор-*

Digitized by Google

скую Литтературу, и въ числѣ этихъ господъ особенно славенъ Евгеній Сю. Онъ человѣкъ не безъ дарованія, и конечно могъ-бы произвести что нибудь замѣчательное, если-бы не увлекся своею странною, анти-поэтическою мыслью. Въ самомъ дѣлѣ, надобно имѣть совершенно замерзшее воображеніе, чтобы вообразить, будто можно *Избрать* какой нибудь предметъ, и на немъ основать цѣлую Литтературу! Написать одинъ романъ, два, три, пока живо впечатлѣніе, пока дѣйствительно-поэтическое чувство настроено къ созданію изъ него — вотъ все, къ чему способенъ *одинъ* предметъ. И тѣмъ болѣе предметъ ограниченный, всегда однообразный — жизнь моряковъ. Самъ Куперъ, первый творецъ морскаго романа, скоро увидѣлъ ограниченность рамы своей, и не стараясь насиловать воображенія, перенесся въ дряхлую Европу, въ Италію, въ Германію, словомъ, *въ міръ*. Да и можетъ-ли воображеніе не устать глядя всегда на одинъ предметъ? Можетъ-ли оно воспламеняться всегда въ извѣстныхъ формахъ, на извѣстномъ поприщѣ? Мысль поэтическая есть слѣдствіе живаго впечатлѣнія, котораго не льзя приготовить по системѣ. А что дѣлаетъ Сю, какъ не усиливается быть поэтомъ на заказъ? Человѣкъ рожденъ жить и дѣйствовать въ мірѣ, а не на кораблѣ. Сегодня можетъ породить въ немъ думу поэтическую взглядъ на море и на жизнь корабельную, но завтра онъ будетъ холоденъ къ этимъ предметамъ. Какимъ-же образомъ выдержать систему Г-на Сю, по которой непремѣнно должно вдохновляться на морѣ и на кораблѣ, а не

Digitized by Google

въ лѣсахъ и не въ городахъ, не всѣми людьми, а матросами, не среди материка, а въ приморскомъ городѣ?.. Мысль нелѣпая — и послѣдствія ея можно угадать напередъ. Прочитайте *Плика и Плока*; кстати вы можете прочитать эту книгу въ Русскомъ переводѣ, а она и вся состоитъ изъ двухъ повѣстей: одна называется *Эль-Хитано*, а другая *Кернокъ*, и обѣ размѣщены въ двухъ книжкахъ. Вы увидите, что̀ значитъ *Морская Литтература*! Трудно найдти что нибудь томительнѣй, скучнѣй этихъ вѣчныхъ матросскихъ приключеній! Передать содержанія *Эль-Хитано* и *Кернока* не льзя, ибо въ краткихъ очеркахъ они потеряютъ даже и ту мишурную красивость, которую придаетъ имъ разсказъ Автора, вообще живой, быстрый, цвѣтистый. Это единственное его достоинство, и только въ немъ видимъ мы дарованіе Сю. Переводчикъ былъ обязанъ сохранить это достоинство, и, надобно сказать, по возможности сохранилъ его. Трудность перевода морскихъ терминовъ побѣждена имъ довольно удачно; жаль, что не льзя сказать, чтобы Русскій языкъ былъ у него вездѣ чистъ и правиленъ. Встрѣчаются, напримѣръ, слѣдующія выраженія: «Доски галлерей, не довольно крѣпкія, *чтобъ* выдержать столь жестокій напискъ.» — Груды людей были набросаны одна на «другую, и *тѣ, кои держали на себѣ* сію непомѣрную тяжесть, испускали плачевные крики, *предоставляя себя* своимъ напронамъ» (стр. 47-я 1-й ч.). — «Они не могли заставить внять голосу «*разсудка нѣсколькихъ тысячъ* придавленныхъ и разбитыхъ *Испанцевъ*. (стр. 48-я) — «Тягостно не-

Digitized by Google

«посредственно всею своею тяжестію *на нижніе слои* (стр. 49-я).» Впрочемъ, неисправности сіи не многочисленны и переводъ вообще можно назвать хорошимъ.

— *Краткая Ариѳметика* (часть Первая и Вторая). М. Въ тип. Лаз. Инст. Восп. Язык. 1833. 32 стр. in-16.

Краткая Ариѳметика, часть Первая и Вторая, въ шестнадцатую долю листа, на 32 страничкахъ, стоитъ сорокъ двѣ копѣйки! Какъ не подумаешь, что просвѣщеніе быстрыми шагами идетъ къ совершенству. Прежде, сколько трудовъ и издержекъ надлежало употребить для пріобрѣтенія Математическихъ свѣдѣній, сколько книгъ перечитать на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ; а теперь.... о! теперь не бойтесь, Гг. учащіеся: возьмите гривенникъ, купите означенную книгу, и вы узнаете Ариѳметику, какъ не льзя лучше.

Правда, восторгъ вашъ нѣсколько ушихнетъ, когда вы перелистуете купленную вами книгу, ибо напрасно глаза ваши, обольщенные заглавіемъ, будутъ искать Первой и Второй части Ариѳметики: ихъ нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Впрочемъ, какая нужда? Если вы останетесь въ сомнѣніи, объ-ли части Ариѳметики заключены въ сей книгѣ, или одна какая нибудь изъ нихъ, или это только введеніе къ Первой части, то — снова повторяю — какая нужда? Дѣло въ сущности предмета, и здѣсь-то я покажу вамъ такія диковинки, за которыя

Digitized by Google

самъ Пинетти отвѣсилъ-бы мнѣ поклонъ пренизкій.

Начнемъ съ 3-й страницы.

«Ариѳметика излагаетъ правила *считать*, *вычислять*. *Счетъ производится числами*; числа означаются цифрами. Всѣхъ цифръ девять (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,); къ нимъ *прибавляется* нуль (0). Сими десятью знаками можно изображать всѣ *вообще* числа. — Цифры, стоя на первомъ мѣстѣ отъ правой стороны къ лѣвой (5), означаютъ единицы, на второмъ (50) десятки, на третьемъ (500) сотники и т. д.» — Не правда-ли: прекрасно? Можетъ быть вы спросите: что значитъ слово *вообще*, и къ чему прилѣплены (5), (50), (500)? Какъ вы недогадливы! Слово *вообще* показываетъ, вѣроятно, что каждое число *въ частности*, т. е. отдѣльно взятое, не можетъ изображаться десятью цифрами, а скобки замѣняютъ длинное слово: *напримѣръ*. Пора уже знать, что главное достоинство въ Математической учебной книгѣ есть краткость изложенія. Жаль только, что Авторъ не открылъ намъ, чѣмъ должно замѣнять другія слова, употребляемыя сокращенно, какъ то: *и такъ далѣе*, *слѣдовательно*, *то есть*, *и проч.*?

Стр. 5: «Въ сложеніи данныхъ чиселъ можетъ быть много; въ трехъ послѣднихъ (вычитаніи, умноженіи и дѣленіи) всегда два.» — Какъ же теперь множишь: $5 \times 4 \times 8 \times 9$? Какъ найти результатъ слѣд. задачи: $256 + 812 - 16 + 11 - 28 - 34$? Разумѣется никакъ! Можетъ быть Алгебра или Геометрія покажутъ намъ способъ рѣшенія подобныхъ задачъ, а теперь и думать объ этомъ нечего.

Digitized by Google

Стр. 6: «При умноженіи должно: а) множить меньшимъ изъ двухъ чисель.» — Вотъ каково! А мы, профаны, думали, что произведеніе не перемѣнится, какъ-бы ни измѣнялся порядокъ производителей. И такъ, внимайте Гг. учащіе и учащіеся! Если надобно перемножить два числа, напр. 515 и 12, то непремѣнно умножайте 515 на 12. Боже сохрани васъ множить 12 на 515: произведеніе выйдетъ преневѣрное.

Стр. 7: «с) если послѣдняя (*) меньше первой (**), то занимать къ ней единицу (десяткъ) отъ слѣдующей цифры.» — Здѣсь скобки замѣняютъ слова: *то есть*, а не *напримѣръ* Видите-ли, съ какимъ умѣньемъ Авторъ пользуется однимъ и тѣмъ-же знакомъ въ разныхъ случаяхъ? А вмѣстѣ съ этимъ, постигаете-ли важную истину, сокрытую въ сихъ скобкахъ? Вѣдь это показываетъ, что 1=10!!

Стр. 9: «Если въ дѣлителѣ и дѣлимомъ будутъ нули, то ихъ по равному числу въ томъ и другомъ можно уничтожать.» — Пусть требуется раздѣлить 101 на 10; слѣдуя приказанію Автора, уничтожаемъ по нулю въ дѣлимомъ и дѣлителѣ, потомъ дѣлимъ 11 на 1, въ частномъ получаемъ 11, слѣд. 101: 10 = 11. Но производя дѣленіе по прежнему способу, мы находили 101: 10=$10\frac{1}{10}$; вотъ до какой степени просширалось наше заблужденіе!

Стр. 11: «Одно и тоже именованное число или мѣра (всякая именованная единица есть мѣра) мо-

---

(*) Цифра уменьшаемаго числа

(**) Цифры вычитаемаго числа.

Digitized by Google

жешъ быть въ *разныхъ видахъ*, въ разныхъ числахъ, нимало не измѣнившись въ величинѣ своей.» — Не знаешь, чему болѣе удивляться: точности-ли изложенія или великимъ истинамъ, прежде неизвѣстнымъ, а теперь яснымъ, какъ свѣтъ солнечный?.. Никто изъ великихъ Математиковъ, прежде живших и теперь существующихъ, рѣшительно никто не зналъ, что именованныя числа имѣютъ большое сходство съ насѣкомыми! Да, да, съ насѣкомыми: ибо сіи числа могутъ быть не только въ разныхъ числахъ, но и въ разныхъ видахъ, слѣдов. подвержены превращеніямъ. Разница небольшая: насѣкомыя, во время своихъ превращеній, измѣняются въ величинѣ, а именованныя числа сохраняютъ свою величину.

Стр. 15: «Чтобы раздѣлить или умножить именованныя числа на именованныя-же, должно сперва привести ихъ въ одинакій *или-же* въ меньшій сортъ.» — И такъ меньшій сортъ не можетъ быть одинакимъ: эта честь предоставлена бо́льшему сорту.

Стр. 17: «Тройное правило, наз. такъ потому, что посредствомъ трехъ данныхъ чиселъ, находится неизвѣстное четвертое. Правило сіе бываетъ: а) прямое, когда члены его такое имѣютъ между собою отношеніе, что *тѣмъ больше* одинъ, *тѣмъ больше* долженъ быть и другой (напр. *тѣмъ больше* купимъ сахару, *тѣмъ больше* заплатимъ и денегъ).» — Понимаете, почтенные читатели? Нѣтъ! Что дѣлать: самъ вижу, что нѣсколько темновато. *Во-первыхъ*, данныхъ чиселъ три: Богъ

Digitized by Google

знаешь, которое изъ нихъ назвашь первымъ, которое — другимъ, и которое — въ ошспавку. Обидѣшь, безъ причины, грѣшно; даровашь, безъ всякаго основанія, прошивно истинѣ. *Во-вторыхъ* неизвѣстно, что̀ разумѣешъ Авшоръ подъ словами: *чѣмъ, тѣмъ*? Вѣроятно, у него было въ виду что нибудь важное, но несносныя мѣспоименія сокрыли наспоящій смыслъ изрѣченія.

«b) Обрашное, въ коемъ *чѣмъ больше* одинъ членъ, *тѣмъ меньше* долженъ бышь другой (напр. *чѣмъ больше* людей, *тѣмъ меньше* имъ надобно времени, что нибудь сдѣлашь. . .).» Разумѣется: это весьма легко доказашь. Напр., если одинъ человѣкъ доходишъ изъ Москвы къ Троицѣ въ два дня, то 60 пѣшеходовъ совершашъ сіе пушешесшвіе въ одинъ часъ!!!

«Члены въ шомъ (прямомъ) и другомъ (обрашномъ) правилѣ располагаюшся одинаково, именно: 5, 10; 10, *x*. Дабы найдши неизвѣсшное число, должно въ прямомъ правилѣ вшорой членъ умножишь на шрешій и произведеніе раздѣлишь на первый (10 × 10: 5 = 20).» И коротко, и ясно. Теперь всѣ задачи, въ коихъ даны числа 5, 10 и 10, вы должны, Гг. учащіеся, располагашь по предложенному образцу. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: 10 *аршинъ полошна сшоятъ* 10 *рубл.; сколько должно заплашишь за* 5 *аршинъ*? Рѣшеніе: 10 × 10: 5 = 20; и шакъ 5 аршинъ полошна обойдушся вамъ въ 20 рублей! Резульшашъ, кажешся, нелѣпый; но дѣло не въ шомъ. По крайней мѣрѣ вы шеперь ви-

Digitized by Google

дище, что для избѣжанія издержекъ надобно покупать какъ можно больше товара.

Стр. 19. «Если въ подобныхъ задачахъ будешъ не три, а 5, 7, 9 данныхъ членовъ, тогда правило сіе называется *ложнымъ*, и неизвѣстное число находится *почти также*, какъ и въ *простомъ*.» Напрасно говоришь, что краткость и точность суть главныя принадлежности Математической учебной книги. Неизвѣстный Авторъ умѣлъ замѣнить ихъ простодушіемъ и какою-то таинственностію, которыя рѣшеніе задачъ оставляютъ на произволъ учащагося и подаютъ поводъ ко многимъ догадкамъ. *Почти также*: какъ это мило! *Въ простомъ*: въ чемъ-же, или въ комъ? О простомъ правилѣ нѣтъ ни слова во всей книгѣ.

«Правило товарищества. Оно есть *форма* дѣлить прибыль или убытокъ между товарищами, производящими обороты *за едино*.» — Опредѣленіе, въ своемъ родѣ единственное! Не бойтесь слова: *форма*; Авторъ имѣлъ право употребить его. Не онъ-ли, на стр. 16, сказалъ: «Образы рѣшенія ихъ (задачъ) наз. правилами»? А вѣдь образъ на Латинскомъ языкѣ forma. По всему видно, что почтенному Автору знакома не одна Математика.

Стр. 24: «Чтобы сложить дроби, или вычесть дробь изъ дроби, или-же раздѣлить одну дробь на другую, должно привести данныя дроби къ одинакому знаменателю, если они (*кто*?) у нихъ различны.» — Въ Математ. Курсахъ Франкера, Перевощикова и проч., дроби, коими надлежало про-

Digitized by Google

изводишь дѣленіе, избавлялись, по какому-то милосердію, отъ приведенія къ одному знаменателю; но Авторъ Краткой Ариѳметики, руководимый безпристрастіемъ, равняетъ ихъ съ дробями, которыя должно складывать и вычитать.

Стр. 25: «Дроби, имѣющія одинакихъ знаменателей, складывать, вычитать и дѣлить легко: должно только сложить однихъ числителей; вычесть числителя вычитаемой изъ числителя уменьшаемой дроби; раздѣлить числителя на числителя; знаменатели остаются неизмѣнными.» — Въ немногихъ словахъ сказано многое. Пусть требуется раздѣлить $\frac{7}{8}$ на $\frac{3}{8}$; поелику 7 на 3 не дѣлится безъ остатка, то мы, къ большому огорченію нашему, не можемъ воспользоваться наставленіями Автора и должны изображать частное слѣдующимъ образомъ $\frac{7:3}{8}$ или $\frac{7}{3}$ или, хотя такъ, $\frac{21}{\frac{3}{8}}$. Изъ сего видимъ, что сколь правило легко, столь-же и результатъ удобенъ къ изображенію.

За *образцовымъ* изложеніемъ дѣйствій съ дробями, слѣдуютъ цифры Арабскія, Римскія и Славянскія, что весьма полезно; переверните страницу — и глазамъ вашимъ предстанится таблица умноженія, вещь также нужная; наконецъ являются мѣры жидкихъ тѣлъ, мѣры бумаги, и проч. и проч. Въ концѣ книги находится слѣдующее примѣчаніе: «(См. Описаніе мѣръ, вѣсовъ и монетъ нынѣшнихъ и древнихъ народовъ, Петрушевскаго. СПб. 1831).» Это примѣчаніе — смертельный ударъ для насъ. Мы думали такъ дешево пріобрѣсть познаніе Ариѳметики-

Digitized by Google

ки — и что-жь? Нужна еще книга Г-на Пешрушевскаго, которая стоитъ, кажется, 10 рублей. Десять рублей и сорокъ двѣ копѣйки за одну Ариѳметику! Тогда какъ первая часть Курса Франкера, содержащая въ себѣ Ариѳметику, Алгебру, Геометрію, Прямолинейную Тригонометрію и Геометрію Аналитическую двухъ измѣреній, продается по 13 рублей. Боже Всемогущій! гдѣ-жь шутъ справедливость?...

Утѣшимся, почтенные читатели. Краткая Ариѳметика неизвѣстнаго Автора обходится вамъ, конечно, не дешево; но за то она и выигрываетъ противъ другихъ Курсовъ важными, глубокими истинами, въ ней содержащимися. Сверхъ того, посмотрите съ какимъ искуствомъ Авторъ владѣетъ языкомъ своимъ! А это не бездѣлица въ учебныхъ книгахъ. Съ какою легкостію, наприм., творительный падежъ онъ замѣняетъ именительнымъ: «числа, данныя для сложенія, наз. *слагаемыя*» (стр. 5).—Или сравнительной степени даетъ новую форму, отъ чего слово становится удобнѣйшимъ для произношенія: «чѣмъ *шире* сукно, тѣмъ меньше его надобно на Фракъ» (стр. 17).—Иногда слогъ его сжатъ до нельзя, напр. «числа, именующія родъ, сортъ единицъ (напр. 8 человѣкъ, 5 пудовъ), наз. именованными (а не именующія, напр. 3, 5, неизвѣстно чего, наз. отвлеченными)» (стр. 11). — Исключивъ: *напр.* 3, 5, какъ нѣчто, служащее поясненіемъ опредѣленію, а не составляющее сущности сего послѣдняго, мы выводимъ: *отвлеченныя числа суть не именующія неизвѣст-*

Digitized by Google

по чего!! Не правда-ли, что къ этому опредѣленію невозможно ничего прибавить, а убавить, изъ него—жаль.—Не говорю уже о знакахъ препинанія, которыя составляютъ истинное препинаніе человѣку, ищущему въ книгахъ бездѣлицы — смысла.

Хвала и честь генію-изобрѣтателю въ области Наукъ Математическихъ! Хотя Авторъ и скрылъ свое имя, но мы успѣли оцѣнить его произведеніе по достоинству. Если скромность есть подруга истиннаго таланта, то безпристрастіе — неразлучный спутникъ рецензента, и я смѣю увѣрить неизвѣстнаго мнѣ Автора, что Ариѳметика, имъ изданная, и въ полномъ блескѣ открывающая его глубокія познанія въ Русскомъ и Латинскомъ языкахъ и въ Математикѣ, скоро сдѣлается рѣдкостію и будетъ цѣнима такъ же, какъ цѣнитъ любитель Древности заржавленную монету или почеркъ знаменитаго человѣка, который свое имя нарисовалъ Кирилловскими буквами. Не мудрено, если и цѣна разсматриваемой нами книги возвысится отъ 42 коп. до 42 рублей. Впрочемъ, какъ-бы ни было, но мы откровенно, безъ лести скажемъ Автору, что онъ *угостилъ* насъ, какъ не льзя лучше.

А. Галаховъ.

Ариѳметика въ двухъ частяхъ, составленная по руководству Лакруа, Перевощикова и другихъ, согласно изданной Главнымъ Правленіемъ Училищъ. М. Въ т. Лазар. Инст. Вост. языковъ. 1833. 154 и XXXIII стр. in-12.

Digitized by Google

Руководства къ Ариѳметикѣ, изданныя въ пользу народныхъ школъ, для первоначальнаго ученія, хотя написаны людьми свѣдущими и опытными, однако предполагаютъ въ учащихся нѣкоторыя предварительныя познанія, и требуютъ много объясненій со стороны учащаго. Одни изъ нихъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, по причинѣ труднаго, устарѣвшаго изложенія; другія, будучи въ связи съ прочими частями Математики, наполнены подробностями, несоразмѣрными съ дѣтскимъ понятіемъ, а часто и съ нуждами воспитанія. Чтобъ выиграть время и облегчить преподаваніе, нужна книжка, въ которой-бы въ немногихъ словахъ содержалось только собственно относящееся къ наукѣ. Не тонкія, глубокомысленныя отвлеченности, но простота и очевидность главныхъ основаній необходимы въ учебной книгѣ.

Дабы въ однообразныхъ формахъ, краткo и внятно передать каждое правило, означенная Ариѳметика, думаю, съ пользою можетъ служить руководствомъ, особливо для тѣхъ, коихъ ученіе ограничивается первыми началами.

А. Богдановъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Paris, ou le Livre des Cent-et-un. *(Парижъ, или Книга ста одного сочинителя).* 1831 и 1832. 6 томовъ in-8.

Вотъ книга, надѣлавшая много шуму прежде своего появленія, расшевелившая дѣятельность многихъ, уже покоившихся на лаврахъ, или еще не выступавшихъ на литшерашурную арену писателей, и, особенно, возбудившая любопытство публики въ высшей степени. Теперь, когда въ Парижѣ явилось ея уже десять томовъ, когда и мы успѣли прочесть, обдумать, или перелистовать, пробѣжать, нѣсколько томовъ ея, не пора-ли сказать что нибудь объ этой знаменитой книгѣ? Не пора-ли познакомить съ нею тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не видали ея, или почему нибудь не могли съ нею познакомиться? Пора давно, и слѣдуя извѣстному правилу, лучше когда нибудь, нежели никогда. У насъ явилась уже своя, если не *ста одного*, то по крайней мѣрѣ *не одного* писателя книга, которой разборъ читатели найдутъ въ этой-же книжкѣ Телеграфа. Впрочемъ, здѣсь сходство только наружное, какъ увидимъ далѣе.

Digitized by Google

Первою мыслью сей книги было, какъ извѣстно, желаніе пособить доброму Г-ну Ладвока, истратившему огромные капиталы на изданіе множества книгъ, изъ которыхъ иныя могли замѣстить порядочный фіакръ. Байронъ, Шашобріанъ, Иностранный Театръ, Шекспиръ, Записки Современницы и Бурьеня, и множество другихъ изданій, за которыя платилъ Г. Ладвока ужасныя суммы, разстроили блестящія дѣла его и заставили проснуться великодушіе Французскихъ Литтераторовъ. Наперерывъ спѣшили они записываться въ сотрудники предпріятія небывалаго, для котораго, казалось, смолкли и личныя и политическія отношенія. Всѣ хотѣли быть участниками въ добромъ дѣлѣ, и безмездно помочь ревностному двигателю огромныхъ предпріятій Литтературныхъ, такъ что наконецъ списокъ участниковъ далеко превзошелъ число *ста одного*; однакожь названіе осталось неприкосновеннымъ, потому-ли что Издатель находилъ его особенно привлекательнымъ, или потому что иныхъ сотрудниковъ полагали двухъ за одного.

Признаюсь, я худо вѣрю этой *сборной* благотворительности. Эти лотереи въ пользу бѣднаго семейства, эти рынки въ пользу несчастныхъ сиротъ, эти филантропическія сеймы, гдѣ за сто рублей хотятъ собрать пять сотъ, и быть благотворителями безъ убытка, страхъ какъ не по душѣ мнѣ! Какая нибудь Герцогиня, у которой полмилліона дохода, набяжетъ отъ скуки (съ пособіемъ милыхъ племянницъ и внучекъ, (кошельковъ, надѣлаетъ чернилицъ, табакерокъ, зубочистокъ,

Digitized by Google

и сзываешь всю округу своихъ знакомыхъ, чтобы раздать имъ десятирублевые билеты, по которымъ могутъ они, за порядочныя деньги, не получить ничего, или получить какое нибудь плохое рукодѣлье: вотъ одно изъ этихъ средствъ благотворительности! Но зачѣмъ Герцогиня просто не вынула изъ своего кошелька той жалкой суммы, за которую она измучила своихъ знакомыхъ, и, также просто, безъ шуму, не отдала ея своимъ неимущимъ? Зачѣмъ эта театральность, этотъ блескъ, эти хлопоты при благотвореніи? Но еще милѣе пышные аукціоны добродѣтели, на которыхъ каждый вздоръ рукодѣльный оцѣненъ вдесятеро, прошивъ того что стоитъ онъ, и на которыхъ вызываютъ васъ *заплатить, если угодно, и больше!* Какой юноша, танцующій на балахъ у доброй благотворительницы, или блестящій гусаръ, очарованный прелестными глазами ея милой внучки, не согласится отдать всего, что есть у него съ собою, за простенькій кошелекъ, связанный розовыми пальчиками волшебницы? Какой искатель у Герцога, мужа благотворительницы, или вѣчный партнеръ ея виста и обѣда, не разстанется съ приготовленнымъ на шесть робертовъ запасомъ, чтобы угодить *доброй* Герцогинѣ? А благотворительность?... Кто объ ней думаетъ! Прежде всего надобно удовлетворить мѣлкому тщеславію, самолюбію, ханженству.

Такъ и въ предпріятіи Гг. Французскихъ Литтераторовъ, я не вижу ни благотворительности, ни живаго участія. Если они въ самомъ дѣлѣ хотѣ-

Digitized by Google

ли услужить Г-ну Ладвока, то почему Шатобріанъ надѣлилъ его нѣсколькими страничками своихъ іереміадъ, а не отдалъ ему какого нибудь изъ новыхъ своихъ сочиненій, за которыя всегда выручается много денегъ? Почему Жюль Жаненъ не отдалъ ему хоть своего *Дебюро*? Почему Поль де Кокъ не подарилъ ему какого нибудь дряннаго романишка, который написать ему такъ легко? Почему многіе другіе отдѣлались совершенными пустяками, и только ссудили ему свое имя для списка писателей?

Скажемъ откровенно: это былъ турниръ разныхъ самолюбій, гдѣ многіе рыцари хотѣли только показать, что и они могутъ переломить копье на ряду съ богатырями, и гдѣ богатыри хотѣли показаться въ парадѣ, съ разноцвѣтными перьями и значками. Тщеславіе, самолюбіе породили книгу Г-на Ладвока, и отъ того она далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія возбудила въ читающей публикѣ.

Другимъ условіемъ было: писать *только* о Парижѣ. Но, Боже мой, не значитъ-ли это писать о цѣломъ мірѣ, если все, что помѣщено въ книгѣ Г-на Ладвока, относится къ Парижу? Новое доказательство, что въ этомъ предпріятіи не было никакого единства мысли, никакой основной идеи, которая была-бы развита въ разныхъ видахъ, разными дарованіями и способностями. И можно-ли было сдѣлать это, при нынѣшнемъ состояніи умовъ во Франціи? Литтераторы условились также,

Digitized by Google

не писать въ книгѣ Г-на Ладвока о политикѣ; но нѣтъ ни одной статьи, въ которой не было-бы по крайней мѣрѣ намековъ на современныя обстоятельства.

Оставимъ однакожь общія замѣчанія и перейдемъ къ частностямъ. Что̀ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи книга Г-на Ладвока, которую можно почесть выставкою всѣхъ дарованій нынѣшней Франціи? Здѣсь въ самомъ дѣлѣ пріятно видѣть образчики мастерства и высокой образованности Французскихъ Литтераторовъ. Какъ въ общности своей *Книга ста одного* жалка и неудовлетворительна, такъ отдѣльно каждая статья въ ней показываетъ, что искуство писать во Франціи на большой степени совершенства. Почти нѣтъ ни одного легкаго очерка предметовъ разнообразныхъ, легкихъ, смѣшныхъ, важныхъ, фантастическихъ и положительныхъ, которые заключаются въ книгѣ Г-на Ладвока, почти нѣтъ ни одного написаннаго перомъ ученическимъ. Всѣ они живутъ слогомъ легкимъ, часто прелестнымъ, увлекательнымъ, и если не всѣ отличаются мыслями, то всѣ показываютъ, что во Франціи есть Литтераторы, которые такъ-же свободно могутъ составить книгу, какъ у насъ, наши, часто не могутъ написать десяти строчекъ, безъ десяти грѣховъ прошивъ всѣхъ заповѣдей Литтературныхъ. Ни безцѣльность книги, ни столкновеніе партій, ни мелкія страсти, предсѣдательствовавшія при рожденіи сей книги, не помѣшали Французскимъ Литтераторамъ набросать Г-ну Ладвока множество цвѣтковъ, благоу-

Digitized by Google

хающихъ, свѣжихъ, полныхъ жизнію. Не беремся исчислить всего, что находимъ прекраснаго въ прочитанныхъ нами томахъ *Книги ста одного*, однакожь постараемся дать понятіе о замѣчательнѣйшемъ.

Читатели наши видѣли, въ первой книжкѣ Телеграфа 1832 года, извлеченіе изъ прелестной сказки Жанена: *Асмодей*, которою начинается книга Г-на Ладвока. Какъ жалѣли мы, что не могли передать вполнѣ этого очарователья *Асмодея*! Но, если можно было-бы передать всѣ мысли Жанена, но какъ выразить его слогъ, неподражаемый въ яркости радужныхъ красокъ, въ игривости безчисленныхъ оттѣнковъ, и въ силѣ, въ новости образовъ и выраженій? Слогъ Жанена истинное очарованіе. Въ тѣхъ изъ сочиненій своихъ, которыя пишетъ онъ не на заказъ, не для ежедневныхъ листковъ, онъ свѣтелъ и плѣнителенъ какъ южное солнце. Мы передали также другую сказку его, напечатанную въ 3-мъ томѣ *Книги ста одного*. Это: *Мѣлкая промышленность* (Les Petits Métiers). — Кромѣ этихъ двухъ, въ дошедшихъ до насъ томахъ есть еще одна сказка Жанена: *Аббатъ Шатель и его Церковь* (L'Abbé Chatel et son église). Мы исчислили все, что написалъ въ книгѣ Г-на Ладвока Жаненъ, ибо онъ безъ сомнѣнія всѣхъ болѣе украсилъ это изданіе. Его три небольшія сказки можно промѣнять на десятки другихъ, которыхъ мы не будемъ исчислять по хронологическому порядку. Послѣдуемъ единственному возможному плану въ разборѣ подобной книги: указывать только на самое замѣчательное.

Digitized by Google

У насъ совсѣмъ неизвѣстно имя А. Базена (Bazin). И не удивительно: это дарованіе новое и совершенно Французское. Немногіе изъ самыхъ славныхъ Французскихъ прозаиковъ умѣютъ такъ нравиться въ мѣлкихъ статьяхъ, какъ остроумный Базенъ. Онъ помѣстилъ у Г-на Ладвока нѣсколько статей: Le Bourgeois de Paris, La Chambre des Députés, Nécrologie, Paris, Le Choléra-Morbus à Paris. Всѣ онѣ милы, игривы, остроумны; особенно нравятся намъ: La Chambre des Députés и Le Choléra-Morbus à Paris. Изъ сей послѣдней выпишемъ нѣчто, чтобы познакомить читателей нашихъ съ образомъ изложенія Автторова. Дѣло идетъ о появленіи холеры въ Парижѣ.

...« Между тѣмъ, Правительство увѣряло, что оно приняло всѣ мѣры предосторожности, и отъ того-то наши основательные люди умирали со страху, стараясь ободрить насъ. Но гораздо хуже было на другой день, когда медики, облеченные довѣренностію нашихъ правителей, издали харшію здоровья. Ничто въ мірѣ не распространяетъ такъ страха, какъ исчисленіе предосторожностей и предохранительныхъ средствъ. Всякая мѣлочь предохранительной діеты непремѣнно напоминаетъ вамъ объ опасности, которой хотите вы избѣгнуть. И какъ прикажете не смущаться, когда вамъ особенно совѣтуютъ быть спокойнымъ? Какъ не трепетать, когда васъ увѣряютъ, что боязнь убійственна? Только дѣятельность разсѣиваетъ человѣка; но тогда вся дѣятельность обращалась къ страшному бичу. Дома, надобно было

Digitized by Google

выполняшь всѣ медицинскія предписанія. Надобно было наполнишь весь домъ вонью, чшобы очиешишь воздухъ, и вышаскашь все изъ комнашы, чшобы освѣжишь ее. Благоуханіе холеры повсюду слышалось въ могильномъ запахѣ хлора. Она была и въ фланелевыхъ поясахъ, и въ шерсшяныхъ карпешкахъ, и во всемъ плашьѣ. Вышедши изъ дому, вы всшрѣчали ее въ засадѣ за сшеклами каждой лавки, угрожающую вамъ своимъ исполинскимъ именемъ... Какъ послѣ эшого не войдши поскорѣе въ лавку, и не накупишь шамъ сшкляноkъ, подушечекъ, перчашокъ, помадъ, конфекшовъ, пирожковъ, вина Rancio, шабаку, и всего, чшо хошѣли сбышь въ лавкахъ. Пошомъ, васъ всшрѣчала холерная Лишература (говорю не о романахъ нашихъ.): объявленія и предложенія разсказашь вамъ, если угодно, пушешесшвіе эпидеміи, смершоносныя осшановки ея въ разныхъ мѣсшахъ, различные виды ея и образы смерши. Куда-бы ни обрашились вы, холера всшрѣчала васъ всюду: въ разговорѣ шой госшиной, куда входили вы, и въ дружеской всшрѣчѣ, при пожашіи руки. Даже не льзя было избѣгнушь ея въ шѣхъ болѣе нѣжныхъ, уединенныхъ, шаинсшвенныхъ разговорахъ, гдѣ заняшія, забошы, скука и безпокойсшва міра обыкновенно вмѣшиваюшся шакъ мало. Она плавала надъ нѣжными оshкровеніями и была голова низвесши, какъ мѣдяную прегpаду между двумя волнующимися сердцами, предписаніе, которое запрещаешъ наслажденія, слишкомъ живыя. Тогда казалось лучше быshь женашымъ! . . Женщины были усшрашены особенно, а эшо плохой знакъ для храбросши муж-

Digitized by Google

чинъ, потому что гдѣ-же взять силъ переносить физическое страданіе, если женщины не подкрѣпляютъ своимъ примѣромъ, своею заботливостью, нѣжностью? Жалко было видѣть ихъ уста — изъ которыхъ обыкновенно съ такою прелестью выходятъ слова утѣшенія и надежды — оледенѣлыя отъ страха и завядшія отъ камфоры; ихъ лица, блѣдныя, судорожныя; ихъ глаза, угасшіе, помутившіеся; ихъ чела, еще вчера гладкія и блестящія какъ бѣлая слоновая кость, теперь сморщенныя, вбирающія въ себя летучій ядъ солей и эссенцій! Каково было, подлѣ хорошенькой женщины, вдыхать въ себя не благоуханіе устъ и локоновъ ея, а несносный запахъ аптеки! И какимъ важнымъ дѣломъ вдругъ стало преобразованіе кухни! Не было ни одного несчастнаго желудка, привыкшаго къ легонькой пищѣ, котораго не вздумали-бы укрѣплять и поддерживать сочными мясами; не было кашлюна, который не перешелъ-бы къ тоническій пищѣ; не было слабой груди, которая побоялась-бы возбуждающихъ, между тѣмъ какъ изгнанныя блюда и запрещенныя кушанья, со стыдомъ таились въ лавкахъ, или служили къ поддержанію въ добромъ здоровьѣ тѣхъ, которые не могли продать ихъ.»

«.... Такъ протекали дни, печальные, длинные, и ночи безъ любви и безъ сна. Поутру, всякій съ трепетомъ развертывалъ газеты, но уже не съ тѣмъ, чтобы искать въ нихъ политики, возмущеній, споровъ парламентскихъ, новостей телеграфическихъ, и медленныхъ послѣдствій дипломатиче-

Digitized by Google

ских переговоров. Даже новое возстаніе народа, если-бы оно случилось гдѣ нибудь, не нашло-бы участія въ умахъ. Искали одного: числа умершихъ, ужаснаго числа, которое возрастало безпрерывно. А еще газеты лгали, и, будемъ справедливы, иногда съ добрымъ намѣреніемъ. Но и тутъ сердце поворачивалось читая ихъ! Что-же было-бы, если бы исчисленія были вѣрны, если-бы во-время приставленные досмотрщики, и болѣе полное сообщеніе могли каждый день показывать печальную истину? Но за извѣстіемъ обыкновенно шли утѣшительныя формулы, которыя высказывались съ замѣчательнымъ искусствомъ. Если смертность увеличивалась — добрый знакъ: она будетъ не продолжительна; если она уменьшалась—это значило, что она оканчивается; если опять усиливалась она — это было послѣднее напряженіе, которое вскорѣ прекратится. Настоящій говоръ кормилицы, которая утѣшаетъ плачущаго ребенка! И всѣ принимали это за чистыя деньги. . . . »

Но онъ задержалъ насъ, со своею холерою; обратимся къ другимъ.

Славныхъ именъ встрѣчается не много въ первыхъ шести томахъ *Книги ста одного*. Шатобріанъ напечаталъ тамъ письмо къ Беранже, въ отвѣтъ на посланіе сего пѣвца (также помѣщенное въ 1-мъ томѣ), и, по обыкновенію, распространился въ своемъ письмѣ о прежнихъ подвигахъ своихъ. «Вы говорите о моихъ странствіяхъ въ Америкѣ, въ Гре-

Digitized by Google

«ціи, въ Іоніи, на гору Сіонъ, и мнѣ пріятно «думашь о нихъ (et vous me faites me plaire à mes «courses); мое самолюбіе восхищаешся моими по«вѣствованіями, забывая, что теперь уже не я «странствую, а вы за меня. Прежде минстрели «шли за пилигримами: первые пѣли, вторые на«правляли пушь; но только первые оставили «слѣдъ на землѣ. Много, много если я буду вашъ «народный Орестъ, вашъ *странствующій Жидъ*, «который надѣется покоя только при концѣ міра, «который всегда призываешъ въ мольбахъ своихъ «послѣднее солнце, и всегда видишъ солнце, вновь «восходящее; утомленный вѣчнымъ странствова«ніемъ, онъ восклицаешъ:

Toujours, toujours
Tourne la terre où moi je cours.

«Изъ того мѣста, откуда пишу къ вамъ, я ви«жу сельскій домъ, въ которомъ жилъ Лордъ Бай«ронъ, вижу кровлю замка Г-жи Сталь: и гдѣ «Бардъ Чайльдъ-Гарольда? Гдѣ творецъ Коринны? «Моя, слишкомъ продолжительная жизнь подобна «этимъ Римскимъ дорогамъ, по сторонамъ коихъ «видны могильныя памятники. Я видѣлъ, какъ у«мерли почти всѣ славы моего вѣка; я видѣлъ какъ «прешли великія дѣла и великіе люди; Революція «спишъ въ безмѣрной могилѣ своей, и Океанъ «служишъ гробницею гиганту, сыну ея.» Такъ пи«шешъ нынѣ Шашобріанъ почти обо всемъ. О чемъ-бы ни зашла рѣчь, онъ тутъ, со своими обычными восклицаніями: «Я странствовалъ! Я жилъ! Я

Digitized by Google

страдалъ! Я сидѣлъ на всѣхъ развалинахъ! Я плакалъ! Я боролся съ Наполеономъ! Я вѣренъ своему убѣжденію!» Но, ради Бога, кто-же мыслящій человѣкъ не можетъ сказать о себѣ этого, и кто не посовѣстится сказать это? Не похоже-ли это на говоръ самолюбиваго старика, слишкомъ хвастающаго своею политическою жизнью и своими дарованіями? — Другая статья Шатобріана: *Тюльери* (въ 3-мъ томѣ), также запечатлѣна жалобою его на современный порядокъ дѣлъ. Вздумали для чего-то сдѣлать подмостки около Тюльери; Боже мой! Шатобріанъ разжаловался, что хотятъ ломать древніе памятники. Но такъ какъ все осталось въ цѣлости, то онъ вспомнилъ, что хотятъ сломать церковь Saint-Germain de l'Auxerrois — и опять жалобы. Въ заключеніе, онъ предлагаетъ свои мысли объ исправленіи Тюльери.

Карлъ Нодье любимецъ Французской публики. Она видитъ въ немъ то, чего мы, иностранцы, не видимъ, или не можемъ видѣть. Она въ совершенномъ восторгѣ отъ его *очаровательнаго* слога, которому нѣтъ ничего подобнаго во Французскихъ писателяхъ нашего времени. Такъ говорятъ о немъ Журналисты Французскіе — и странное дѣло — всѣ согласно! Мы не встрѣчали нигдѣ критики на слогъ Нодье: передъ нимъ всѣ на колѣняхъ. Но если мы не можемъ оспоривать Французовъ касательно слога Нодье, то въ правѣ не согласиться съ ними объ его творческомъ дарованіи. Мы право не видимъ ничего исполинскаго, геніяльнаго въ его романахъ, сказкахъ, и мелкихъ статьяхъ, кото-

Digitized by Google

рыхъ написалъ онъ безчисленное множество, и до сихъ поръ не понимаемъ, что восхищало Наполеона въ его *Жанъ-Сбогарѣ*? Нѣтъ спора, что Нодье мастерски владѣетъ языкомъ, сыплетъ блестящія сравненія и роскошествуетъ оригинальными изображеніями; но это-ли геніяльность? Творчества, именно творчества и глубины мыслей не видимъ мы въ его созданіяхъ, и въ этомъ случаѣ для насъ нѣтъ ничего необыкновеннаго ни въ романахъ, ни въ ученыхъ, ни въ легкихъ статьяхъ Нодье. Г-нъ Ладвока напечаталъ и разбросалъ три тысячи экземпляровъ письма, въ которомъ Нодье изъявлялъ ему свое участіе, называя его: Mon cher ami. Журналисты справедливо посмѣялись надъ этимъ. *Милый другъ* Г-на Ладвока прислалъ ему три статьи: Le Bibliomane, Polichinelle, Les Monumens expiatoires. Въ первой едва-ли не представилъ онъ самого себя, ибо къ странностямъ Нодье принадлежитъ его неумиримая любовь къ старымъ книгамъ и рѣдкимъ изданіямъ. Въ другихъ разсыпано множество блестокъ ума, но во всѣхъ этихъ статьяхъ читатель можетъ быть не найдетъ того, что можетъ обѣщать себѣ по заглавію. Оканчивая статью о *Полишинелѣ*, Авторъ самъ говоритъ:

«Логически, здѣсь должна была-бы начаться «исторія Полишинеля; но философическія пред- «словія увлекли меня въ такія глубокомысленныя «соображенія, о нравственныхъ потребностяхъ «нашего несчастнаго общества, что сердце мое «растаяло на первой главѣ Исторіи Полишинеля. «Исторія Полишинеля, увы! исторія всего чело-

Digitized by Google

« вѣка, со всѣми его слѣпыми вѣрованіями, слѣпы-
« ми страстями, слѣпыми дурачествами, слѣпыми
« радостями. Сердце разрывается надъ Исторіею
« Полишинеля: Sunt lacrymae rerum ! »

Разсказъ Нодье похожъ на огонь фейерверка. Грому и блеску много; но послѣ нихъ нѣтъ никакого слѣда: звукъ и блескъ исчезли, и только остается пороховой запахъ, который пріятенъ не всякому. Съ удовольствіемъ читаете каждую статью Нодье, но прочитавъ ее не всегда остаетесь довольны этимъ вѣчнымъ обольщеніемъ, которое всего чаще любитъ онъ употреблять въ дѣло. Неужели писатель долженъ только играть своими читателями? Берегитесь: они злопамятны, и вышедши изъ вашего очарованія будутъ мстить вамъ самымъ жестокимъ оружіемъ: забвеніемъ того, что читали, и чувствомъ недовольства на сердцѣ, которое памятливѣе ума.

Викторъ Гюго до сихъ поръ хранилъ молчаніе въ книгѣ Г-на Ладвока. За то съ особеннымъ участіемъ обратился къ своему книгопродавцу Ламартинъ: « Предувѣдомляю васъ, мой милый Ладвока,
« что я сдержалъ мое обѣщаніе вамъ, и на этихъ
« дняхъ написалъ Гармонію: Les Révolutions, по ва-
« шему желанію. Скажите, какъ и когда доставить
« вамъ ее. — Вѣрьте, что я счастливъ, дѣлая нѣчто
« пріятное и *полезное* человѣку, который заслу-
« жилъ признательность всего, что только двига-
« етъ перомъ; вѣрьте и чувствамъ старой дружбы
« моей. »

Digitized by Google

Признаюсь, я не напечаталъ-бы такого письма! Что̀ за важность, что̀ за великое одолженіе прислать стихи, хотя-бы и Ламартиномъ написанные! Стихи его, конечно, хороши, какъ тѣ, о которыхъ упоминаетъ Ламартинъ, такъ и другіе, присланные имъ, видно, послѣ: Epitre à Walter Scott, и Hommage à l'Académie de Marseille. Но не въ правѣ-ли были мы замѣтить, въ началѣ нашей статьи, что не одно желаніе добра руководствовало нѣкоторыми изъ Гг. сотрудниковъ въ предпріятіи Г-на Ладвока? Никакъ не думаемъ мы этого обо всѣхъ, и особенно о доброй молодежи, исполненной дарованій, которая вѣрно отъ чистаго сердца трудилась для любимаго книгопродавца. Но *знаменитые друзья*.... видно, они вездѣ одинаковы.

(До слѣд. книжки).

СМѢСЬ.

—Географическое и Статистическое обозрѣніе Лондона. — Лондонъ, столица Великобританіи, находится подъ 51° 31′ сѣверной широты, и подъ 5° 37′ западной долготы отъ Гринвичскаго меридіана. Разстояніе отъ него до Эдинбурга 396 миль, до Дублина 338, до Парижа 225, до Амстердама 190. Лондонъ находится почти въ 45 миляхъ отъ моря, на западъ, въ обширной и чрезвычайно пріятной долинѣ, простирающейся вдоль береговъ Темзы. Рѣка сія, протекая по столицѣ, описываетъ полукругъ. Съ сѣверной стороны почва возвышается постепенно, хотя и неровно, и сіе возвышеніе оканчивается на сѣверо-западъ и западъ, гдѣ находятся самыя возвышенныя части. Южная часть города представляетъ почву ровную: тамъ было нѣкогда болото, простиравшееся на нѣсколько миль.

Эти два главные отдѣла соединены шестью мостами, изъ коихъ четыре каменные и два желѣзные. Городъ построенъ на почвѣ, состоящей большею частію изъ мѣлкаго песку, во многихъ мѣстахъ перемѣшаннаго съ большимъ количествомъ глины. Ширина Темзы въ семъ мѣстѣ отъ четырехъ до пяти сотъ ярдовъ. Высота воды почти вездѣ

Digitized by Google

дѣнадцать футовъ, но во время прилива она доходитъ до двадцати двухъ и двадцати четырехъ футовъ.

Лондонъ можно почесть самымъ богатымъ и самымъ обширнымъ городомъ въ Европѣ. Онъ состоитъ изъ Сити, или города собственно такъ называемаго, и Вестминстера, съ ихъ окрестностями, изъ городка Соушварка, и почти изъ придцати окружныхъ деревень въ Графствахъ Миддльсексскомъ и Саррейскомъ. Протяженіе его отъ востока къ западу составляетъ около осьми миль; ширина, отъ сѣвера къ югу, чрезвычайно неправильна; можно положить ее въ четыре и въ пять миль. Окружность этой страшной громады строеній составляетъ не менѣе двадцати миль.

Исчислено, что Лондонъ заключаетъ въ себѣ 70 *скверовъ*, или публичныхъ площадей, 12,000 улицъ, переулковъ и проходовъ; все это состоитъ почти изъ 300,000 зданій всякаго рода, какъ-то дворцовъ, церквей, домовъ, магазиновъ, лавокъ и проч. Домы выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго и употребленнаго на мѣстѣ. Главныя улицы широки, хорошо освѣжаются воздухомъ, и лучше нежели во многихъ Европейскихъ городахъ, какъ для легкости въ перевозкѣ, такъ для торговли, сообщеній и для удобства пѣшеходовъ. Улицы вымощены по срединѣ, для экипажей, широкими каменьями, образующими сплошное и прочное шоссе, нѣсколько выпуклое, для того, чтобы вода стекала въ сдѣланные по бокамъ жолобки. По обѣимъ сторонамъ шоссе находятся широкіе троттуары, также вымощенные камнемъ, и немного возвышенные надъ шоссе.

Digitized by Google

Подъ мостовою есть просторные, со сводами каналы или стоки, имѣющіе сообщеніе съ каждымъ домомъ, посредствомъ маленькихъ каналовъ ; въ нихъ стекаетъ вода съ шоссе, сквозь желѣзныя рѣшетки.

Замѣчательное явленіе, что въ Западной и Юго-Западной частяхъ Лондона, растенія созрѣваютъ десятью и даже пятнадцатью днями ранѣе нежели въ Сѣверной и Восточной частяхъ. Обыкновенные въ Лондонѣ вѣтры : Сѣверо-Восточный и Юго - Западный; они дуютъ по крайней мѣрѣ половину года. Термометръ возвышается иногда до 80-ти Фаренгейтовыхъ градусовъ, рѣдко до 84-хъ ; обыкновенная теплота отъ 65 до 75 градусовъ. Зимою, термометръ упадаетъ до 15 градусовъ, но обыкновенно останавливается между 20 и 30 градусами. Иногда онъ падаетъ ниже нуля, но это случается чрезвычайно рѣдко. Когда бѣтъ мороза , то термометръ всего чаще остается между 40 и 50 градусами. Средняя температура Лондона 51°,9′ (по Фаренгейту). Мѣстоположеніе Лондона отмѣнно выгодно тѣмъ, что гдѣ ни начните копать, вездѣ найдете, вблизи отъ поверхности земли, обильные родники воды.

Говорятъ, что въ 1377 году Лондонъ заключалъ въ себѣ около 35,000 жителей. По переписи 1801 года, тамъ было уже 121,229 домовъ, въ коихъ обитали 216,032 семейства, или 864,755 человѣкъ. Въ 1811 году народонаселеніе возвысилось до 1,099,104 душъ, а въ 1821-мъ, до 1,225,964. По послѣдней переписи 1831 года, народонаселеніе увеличилось еще 248,105 душами. Слѣдовательно, теперь число

Digitized by Google

жителей Лондона можно полагать въ 1,474,069 душь, по переписямъ.

Исчислено, что вообще Лондонъ потребляетъ, ежегодно: 110,000 быковъ, 50,000 телятъ, 800,000 барановъ, 250,000 ягнятъ, 200,000 свиней и кабановъ, не считая другихъ животныхъ различныхъ родовъ. Главный рынокъ есть Смишфильдъ: тамъ находятся всѣ сіи предметы. Вообще продается тамъ мяса, каждый годъ, на 8,000,000 гиней. Полагаютъ, что на Биллингсгетскій рынокъ привозится ежегодно 2500 грузовъ рыбы, каждый грузъ въ 40 бочекъ, и, кромѣ сего, около 20,000 бочекъ приходитъ туда сухимъ путемъ, такъ что все количество рыбы простирается до 123,000 бочекъ (*).

Ежегодное потребленіе пшеницы простирается до 900,000 квартеровъ; портера и эля до 2,000,000 боченковъ, каждый по 36 галлоновъ; спирту и водки 11,000,000 галлоновъ; винъ 65,000 пипъ; масла коровьяго 21,000,000 фунтовъ, сыру 26,000,000. Каменнаго угля сжигаютъ каждый годъ 1,200,000 чальдроновъ. Исчислено, что въ окрестностяхъ Лондона содержится 10,000 коровъ, для доставленія жителямъ молока, и ежегодное количество по-

(*) Любопытно сравнить потребленіе въ другихъ столицахъ Европейскихъ. Вотъ извѣстіе, заимствуемое изъ Annuaire du Bureau des longitudes: Въ Парижѣ съѣдаютъ ежегодно: быковъ 66,978, коровъ 15,641, телятъ 69,844, барановъ 338,456, свиней и кабановъ 89,841, другихъ мясъ 3,240,406 килограммовъ; колбасъ, окороковъ, потроховъ, кишекъ 918,679 килограммовъ.

Digitized by Google

лучаемаго отъ сихъ коровъ молока полагаютъ въ 7,900,000 галлоновъ. Это страшное количество увеличивается четвертою частью разныхъ подмѣсей.

Лондонскій портъ, или лучше сказать та часть Темзы, которая занята множествомъ купеческихъ кораблей, простирается отъ Лондонскаго моста (London-Bridge) до Депфорда, что составляетъ около четырехъ миль въ длину, при двухъ стахъ и двухъ-стахъ пятидесяти туазахъ въ ширину. По документамъ, представленнымъ Парламенту въ Сентябрѣ 1800 года, было въ Лондонскомъ портѣ 2666 кораблей; на нихъ грузу 563,262 тонны, и экипажа 41,402 человѣка. Обыкновенное число кораблей въ докахъ и портѣ Лондона, простирается до 1100 или 1200, не считая 3000 барокъ, занятыхъ перевозкою товаровъ, 2,300 мелкихъ судовъ, и болѣе 3000 мелкихъ лодокъ перевозныхъ, кромѣ 1200, употребляемыхъ таможнею для осмотра по разнымъ частямъ рѣки. 4000 работниковъ заняты выгрузкою и нагрузкою кораблей; болѣе 8000 человѣкъ заняты на перевозныхъ судахъ и лодкахъ. Цѣнность товаровъ, ежегодно выгружаемыхъ и нагружаемыхъ въ Лондонскомъ портѣ, можно полагать до 1,688,000,000 рублей.

Число войскъ, составляющихъ собственную гвардію Короля, простираетсп до 7000 пѣхоты въ трехъ полкахъ, и 1200 конной гвардіи (horseguards), два полка. Вотъ всѣ войска столицы; но и тѣ не имѣютъ права входить въ Лондонъ безъ позволенія Лорда-Мера.

Довольно трудно означить въ точности число церквей и часовень Лондонскихъ; вѣроятно, ихъ не

Digitized by Google

менѣе 200. Число зданій, посвященныхъ религіи разными исповѣданіями, вѣроятно, гораздо болѣе. *Независимые*, въ числѣ коихъ находятся и Шотландскіе Пресбитеріане, имѣютъ 80 часовень или молелень; Баптисты 50 часовень; Методисты 23; Уніаты 9; Аріане 2; Квакеры 6, и такъ далѣе. Моравскіе братья, Ново-Освященные (the newslights), Свободномыслящіе (the free-thinkers), по одной часовнѣ на каждую секту. Есть еще 6 синагогъ Іудейскихъ, 15 часовень Католическихъ, и 19 церквей для иностранныхъ Прошестаншовъ. (Изъ Partington's History of London).

— *Изъясненіе картинки.* — Узнаете-ли вы его?

. . . . . And then, the justice;
In fair round belly, with good capon lin'd,
With eyes severe, and beard of formal cut,
Full of wise saws and modern instances,
And so he plays his part. . .

(То есть: » Онъ уже Судья съ толстымъ брюхомъ, въ хорошенькой шапочкѣ; взоръ его строгъ, борода чинно скошена; онъ безпрестанно говоритъ дряхлыя нравоученія и новыя сентенціи, и такъ играетъ эту часть своей роли. . . »)

Пятый возрастъ изображенъ Смиркомъ очень удачно. Сцена происходитъ въ судейской залѣ. Констебль, шопчась послѣ стола, гошовъ изъяснять и толковать законы. Онъ и почтенный сочленъ его оставили веселые застольные разговоры, и хотятъ произнести приговоръ двумъ обвиняемымъ. Судья, подлѣ него прихлебашель, и Шотландскій духовный—

Digitized by Google

вотъ все трѝо юстиціи. Виновная закрываетъ себѣ лицо фаршукомъ, а сотоварищъ ея, подъ бдительнымъ надзоромъ Констебля, убѣжденный въ своей виновности, трепещетъ передъ грознымъ судилищемъ. По видимому, онъ слушаетъ нравоученіе Судьи внимательно, съ униженіемъ, и можетъ быть съ желаніемъ раскаяться — или пуститься на новые подвиги.

Не надобно забывать, что мы видимъ передъ собою Англичанъ, оригинальныхъ во всемъ, даже и въ судейскихъ обрядахъ. Ихъ сельское и мѣлкихъ городковъ правосудіе передъ нами въ вѣрной картинѣ. Впрочемъ, это не главное: всего занимательнѣе здѣсь отношеніе *пятаго возраста* къ четыремъ предшествовавшимъ. Неужели этотъ толстякъ тотъ-же пылкій юноша и мужественный воинъ, котораго видѣли мы прежде? Вспоминая о минувшихъ лѣтахъ, кто изъ насъ не скажетъ: Да!...

—Письмо къ Издателю о несчастномъ семействѣ.—

Происшествіе, случившееся на дняхъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ, мѣрою бѣдствія достойно всеобщаго участія.

Семейство Лукояновскаго Дворянина К. К... а., жило въ деревнѣ своей. Имѣніе изъ 20 душъ заложенныхъ крестьянъ, могло-ли быть достаточнымъ для содержанія отца, матери и осьмерыхъ дѣтей? Нѣсколько лѣтъ, бѣдность, нужда, часто лишеніе

Digitized by Google

и необходимаго, было удѣломъ несчастнаго семейства. Не смотря на все сіе — они никогда не ропшали и по возможности были счастливы: основаніемъ ихъ счастія были — терпѣніе и вѣра!

Вчерашній день, въ полночь, загорѣлся ихъ домъ. Отецъ и мать едва имѣли время спастись въ окошко, едва успѣли выхватить изъ пламени малолѣтныхъ дѣтей, какъ старшія три дочери сдѣлались гибельною *жертвою огня!* . . .

Напрасно злополучная мать, въ изступленіи, призываетъ дѣтей своихъ; напрасны рыданія престарѣлаго отца: они слышатъ лишь отчаянный вопль оставшихся дѣтей.

Неизъяснимая горесть, безстрастное сокрушеніе сердца о потерѣ послѣдняго достоянія: вотъ теперешнее положеніе несчастнаго семейства!

М. Г.! Укажите добрымъ на сію бѣдственную картину: они поймутъ голосъ сердца.

Благодѣянія можно адресовать на имя Г. Лукояновскаго Предводителя Дворянства, для доставленія несчастному семейству К. К. . . . а.

Марта 1 *г.* 1833.

Digitized by Google

Опечатка:

Въ 4-й книжкѣ М. Телеграфа, на 395-й страницѣ, въ строкѣ 10-й снизу, должно напишись: «*Вѣну*, гдѣ назначенъ былъ *Конгрессъ*.»

Digitized by Google

Digitized by Google

Пис. Смирн. Гр. Аванасовъ.

Digitized by Google

№ VI. МАРТЪ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОСАДА АНТВЕРПЕНА,

подъ предводительствомъ Принца Пармскаго, въ 1584 и 1585 годахъ.

(Окончаніе).

Быстрое возобновленіе моста было истиннымъ чудомъ Герцога Пармскаго. Едва пришедши въ себя послѣ удара, которымъ, по видимому, были разрушены всѣ его планы, онъ умѣлъ, съ удивительнымъ присутствіемъ духа, предупредить всѣ гибельныя послѣдствія онаго. Отсутствіе непріятельскаго флота въ сію рѣшительную минуту снова оживило его надежды. Видно было, что для непріятеля остается тайною плохое состояніе моста; а какъ не льзя въ нѣсколько часовъ возстановить трудъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то уже много можно было выиграть, сохранивъ только тѣнь сего труда. Всѣ должны были приняться за работу:

Digitized by Google

убирать груды обломковъ, подымать опрокинутые столбы, ставить новые вмѣсто разбитыхъ, и замѣщать судами промежутокъ. Самъ Герцогъ не уклонялся отъ работы, и всѣ офицеры послѣдовали его примѣру. Такое сближеніе съ обыкновенными людьми заставляетъ ихъ трудиться изъ всѣхъ силъ. Всю ночь продолжалась работа, при безпрерывномъ громѣ трубъ и барабановъ, которые звучали вдоль моста, чтобы заглушить стукъ работниковъ. Къ разсвѣту оставалось уже мало слѣдовъ опустошенія, и хотя мостъ былъ возстановленъ только по виду, однако это обмануло непріятельскихъ лазутчиковъ и остановило нападеніе. Между тѣмъ, Герцогъ имѣлъ время сдѣлать исправленія болѣе прочныя, и даже произвести нѣкоторыя существенныя перемѣны въ самой постройкѣ моста. Чтобы предохранить себя на будущее время отъ подобныхъ несчастій, онъ сдѣлалъ одну часть судоваго моста подвижною, такъ что, въ случаѣ надобности, можно было ее отвести и открыть свободный путь для брандеровъ. Потерю въ людяхъ, Герцогъ замѣнилъ гарнизонами изъ ближайшихъ крѣпостей и Нѣмецкимъ полкомъ, который въ самое надлежащее время пришелъ къ нему изъ Гельдера. Мѣста убитыхъ офицеровъ замѣстилъ онъ вновь произведенными, при чемъ не

Digitized by Google

былъ забытъ и знаменосецъ Испанскій, спасшій его жизнь.

Когда Антверпенцы удостовѣрились въ успѣхѣ, произведенномъ ихъ брандеромъ, они съ такимъ-же увлеченіемъ стали прославлять Джіанибелли, съ какимъ еще слишкомъ недавно преслѣдовали его; они требовали отъ его генія новыхъ предпріятій. Въ самомъ дѣлѣ, теперь Джіанибелли получилъ отъ нихъ такое число плоскодонныхъ барокъ, какого тщетно просилъ прежде, и на сей разъ онъ устроилъ ихъ такимъ образомъ, что онѣ съ неудержимою силою ударили въ мостъ, и снова пробили его. Но вѣтеръ былъ противенъ Зееландскому флоту, который отъ этого не могъ вступить подъ парусы, и слѣдственно Герцогъ имѣлъ въ другой разъ время поправить все опустошеніе. Антверпенскій Архимедъ ни мало не смущался всѣми этими неудачами. Онъ снова снарядилъ двѣ большія барки, вооруженныя желѣзными крючьями и подобными инструментами для того, чтобы разбить мостъ. Но когда надобно было выводить барки на средину рѣки, никто не хотѣлъ взойдти на нихъ. Художникъ былъ принужденъ стараться устроить свои машины такимъ образомъ, чтобы онѣ сами, безъ кормчаго, плыли по срединѣ рѣки, и не могли, какъ прежнія, быть отнесены

Digitized by Google

вѣтромъ къ берегу. Одинъ изъ его работниковъ, Нѣмецъ, сдѣлалъ въ семъ случаѣ странное изобрѣтеніе, если только можно описать его слѣдуя Историку Страдѣ. Онъ укрѣпилъ парусъ *подъ баркою*, и вода наполняла его точно такъ-же, какъ вѣтеръ наполняетъ обыкновенные парусы. Барка была увлекаема впередъ силою воды, и успѣхъ показалъ, что все это было разсчитано вѣрно, ибо судно съ обороченнымъ парусомъ не только шло ровно по срединѣ рѣки, но и ударилось въ мостъ съ такою силою, что непріятель не успѣлъ развести его, и онъ былъ дѣйствительно пробитъ. Но всѣ сіи успѣшныя дѣйствія не пособили городу ни сколько, ибо они производились на удачу, и не были подкрѣпляемы достаточною силою. Новый брандеръ, который Джіанибелли устроилъ по образцу перваго, столь удачно дѣйствовавшаго, и наполнилъ четырьмя тысячами фунтовъ пороху, остался безъ всякаго употребленія, ибо Антверпенцы вздумали искать спасенія своего инымъ образомъ.

Они были устрашены этими многими, неудачными попытками возстановить открытою силою судоходство по Шельдѣ, и наконецъ рѣшились вовсе обойдтись безъ рѣки. Вспомнили, что за десять лѣтъ также былъ осажденъ

Digitized by Google

Испанцами городъ Лейденъ, и что онъ спасся во время произведеннымъ наводненіемъ. Рѣшились послѣдовать этому примѣру. Между Лилло и Стабрёкомъ, въ округѣ Бергенскомъ, простирается до самаго Антверпена долина, имѣющая небольшое склоненіе, и защищаемая отъ вторженія воды изъ Верхней Шельды только множествомъ плотинъ. Стоило сломать плотины, и все пространство сіе превратилось-бы въ море, по которому было-бы можно плавать на плоскодонныхъ судахъ до самыхъ стѣнъ Антверпена. Если-бы оказалось удачно сіе предпріятіе, то Герцогъ Пармскій могъ стеречь Шельду на своемъ судовомъ мостѣ; тогда открылся-бы вдругъ новый путь, который вслучаѣ надобности могъ-бы замѣнить рѣку. Это самое, еще при началѣ осады, совѣтовалъ сдѣлать Принцъ Оранскій и хотѣлъ непремѣнно исполнить Сентъ-Альдегондъ, но безъ успѣха, ибо нѣкоторые граждане никакъ не соглашались пожертвовать своими полями. Въ настоящемъ затруднительномъ положеніи, прибѣгли къ этому послѣднему средству спасенія; но между тѣмъ обстоятельства уже совершенно перемѣнились.

Черезъ означенную нами долину проходитъ широкая и возвышенная плотина, которая называется, по имени близъ лежащаго замка, Ко-

Digitized by Google

венстейнскою, и простираешся отъ деревни Стабрёка, въ Бергенской землѣ, на три мили, до самой Шельды, соединяясь съ большою плотиною сей послѣдней близъ Ордама. Черезъ Ковенстейнскую плотину не могли, при самой высокой водѣ, проходить суда, и тщетно было низводить море на поля, пока на пути оставалась сія плотина, препятствовавшая Зеелландскому флоту спускаться въ Антверпенскую долину. Слѣдственно, для спасенія города надлежало разломать или пробить Ковенстейнскую плотину; но Герцогъ Пармскій взялъ ее при самомъ открытіи блокады, именно потому что предвидѣлъ сіе. Онъ сдѣлалъ все, чтобы удержать ее за собою до послѣдней возможности. При деревнѣ Стабрёкъ стоялъ Графъ Мансфельдъ, съ большею частью арміи, и посредствомъ той-же Ковенстейнской плотины былъ въ связи съ мостомъ, съ Главною Квартирою, и съ Испанскими магазинами въ Каллоо. Такимъ образомъ отъ Стабрёка, въ Брабантѣ, и до Беверна, во Фландріи, армія составляла сплошную линію, которая была прервана, однако не разъединена Шельдою, и не могла быть опрокинута безъ кровавой битвы. На самой плотинѣ было устроено пять отдѣльныхъ батарей, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, и начальство надъ оными ввѣрено храбрѣйшимъ офицерамъ. Герцогъ Пармскій не

Digitized by Google

могъ сомнѣваться, что теперь все ожесточеніе войны должно сосредоточиться на семъ пунктѣ, почему храненіе моста онъ ввѣрилъ Графу Мансфельду, а самъ рѣшился принять на себя защиту важнѣйшаго пункта. Такимъ образомъ явилась совершенно иная война, и со всѣмъ на иномъ мѣстѣ.

Нидерландцы пробили плотину на Брабантскомъ берегу Шельды, во многихъ мѣстахъ выше и ниже Лилло, и, вдругъ, на зеленѣвшихъ поляхъ явилась новая стихія, гдѣ запестрѣлись перевозныя суда и заколебались мачты. Зеландскій флотъ, подъ предводительствомъ Графа Гогенлоге, вступилъ на наводненныя поля и лавировалъ передъ Ковенштейнскою плотиною, не дѣлая однакожъ рѣшительнаго нападенія. Въ то-же время явился другой флотъ на Шельдѣ, и угрожалъ то высадкою на одинъ изъ береговъ, то приступомъ къ мосту Герцога Пармскаго. Много дней продолжали эту игру съ непріятелемъ, который не зналъ гдѣ ожидать нападенія, и, утомленный безпрерывнымъ бодрствованіемъ, обманутый много разъ напраснымъ страхомъ, обезпечивался болѣе и болѣе. Антверпенцы обѣщали Графу Гогенлоге подкрѣпить нападеніе его на плотину, и для сего выслать изъ города флотилію. Три огненные знака на главной городской башнѣ, до-

Digitized by Google

жны были служишь увѣдомленіемъ, что флотилія выступила. Въ одну темную ночь, дѣйствительно явились надъ Антверпеномъ при ожидаемые знака, и Графъ Гогенлоге тотчасъ отправилъ пятьсотъ человѣкъ изъ своихъ войскъ, для высадки на плотину, между двухъ непріятельскихъ редутовъ. Они застали Испанскихъ часовыхъ спящими, и побили тѣхъ, которые хотѣли сопротивляться. Вскорѣ, высаженное войско утвердилось на плотинѣ, и уже къ нему хотѣли послать на помощь остальныя двѣ тысячи человѣкъ, когда Испанцы въ ближнихъ редутахъ оказали сопротивленіе, и воспользовавшись узкимъ пространствомъ земли, съ отчаяніемъ напали на густые ряды непріятелей. Въ тоже время былъ открытъ огонь съ ближнихъ батарей, противъ приближавшагося флота, и высадить остальныя войска оказалось невозможно; изъ Антверпена не являлось никакого подкрѣпленія, и Зееландцы, послѣ непродолжительной борьбы, были смяты и сбиты съ занятой уже ими плотины. Испанцы-побѣдители гнали ихъ даже въ водѣ, до самыхъ кораблей, изъ коихъ многіе были потоплены, а остальные удалились съ большою потерею. Графъ Гогенлоге слагалъ вину сего пораженія на Антверпенцевъ, которые обманули его ложнымъ сигналомъ; въ самомъ дѣлѣ, только худое соглашеніе обоюдныхъ дѣйствій было при-

Digitized by Google

чиною, что попытка сія кончилась такъ неудачно.

Наконецъ союзные граждане рѣшились напасть на непріятеля по общему плану, соединенными силами, и освободить городъ отъ осады единовременнымъ приступомъ къ плотинѣ и мосту. Для выполненія сего предпріятія было назначено 16 число Мая 1585 года, и съ обѣихъ сторонъ употреблено все, чтобы сдѣлать сей день рѣшительнымъ. Голландцы и Зеелландцы, вмѣстѣ съ Антверпенцами, соединили болѣе двухъ сотъ судовъ, и перевели на нихъ почти всѣ войска изъ городовъ и крѣпостей. Такою силою хотѣли они сдѣлать нападеніе на Ковенстейнскую плотину, съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ тоже время, рѣшено было выслать противъ моста на Шельдѣ новыя машины, изобрѣтенныя Джіанибелли, и тѣмъ воспрепятствовать Герцогу Пармскому защитить плотину.

Герцогъ былъ извѣщенъ объ угрожающей ему опасности, и съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы встрѣтить ее мужественно. Тотчасъ по занятіи плотины, онъ велѣлъ построить на ней пять редутовъ, въ различныхъ мѣстахъ, и ввѣрилъ начальство надъ ними опытнѣйшимъ Генераламъ своей арміи. Первый изъ сихъ редутовъ, названный Крестовымъ, былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Ковенстейнская пло-

Digitized by Google

тина соединяется съ большимъ валомъ на Шельдѣ, и образуетъ фигуру креста. Начальникомъ надъ нимъ былъ назначенъ Испанецъ Мондрагонъ. Въ тысячѣ шагахъ оттуда, недалеко отъ замка Ковенстейнъ, былъ сдѣланъ редутъ Св. Іакова, ввѣренный начальству Камилла Монте. За нимъ находился, въ такомъ же разстояніи, редутъ Св. Георгія, а въ тысячѣ шагахъ отъ сего послѣдняго Столбовой редутъ, подъ начальствомъ Гамбоа, названный такъ потому, что онъ былъ выстроенъ на столбахъ. На крайней оконечности плотины, вблизи Стабрёка, возвышался пятый бастіонъ, гдѣ начальствовали Графъ Мансфельдъ и еще Итальянецъ Капицукки. Всѣ сіи укрѣпленія Герцогъ усилилъ свѣжими войсками и артиллеріею; сверхъ того, по обѣимъ сторонамъ плотины, и вдоль по всему ея протяженію, онъ велѣлъ наколотить столбовъ, для того чтобы укрѣпить ими валъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрудить саперовъ, которые могли быть посланы разломать плотину.

Рано утромъ, шестнадцатаго Мая, началось движеніе непріятельской силы. На самомъ разсвѣтѣ вышли изъ Лилло четыре плавающія барки, и по наводненнымъ полямъ приближались къ плотинѣ. Испанскіе часовые, припоминая себѣ о прежнемъ сокрушительномъ волканѣ,

Digitized by Google

пришли въ такой ужасъ, что немедленно оставили свои посты и скрылись въ ближнемъ редутѣ. Непріятель этого и желалъ, ибо суда его только видомъ походили на брандеры, но въ самомъ дѣлѣ въ нихъ были скрыты солдаты, которые тотчасъ бросились къ незащищеннымъ мѣстамъ плотины, между редутами Св. Георгія и Столбовымъ, и счастливо сошли съ судовъ. Въ тоже время показался весь Зеландскій флотъ, состоявшій изъ множества кораблей военныхъ, кораблей съ хлѣбомъ, и мелкихъ перевозныхъ судовъ, нагруженныхъ мѣшками съ землею и съ шерстью, фашинами, корзинами, и прочимъ, что было нужно, для сдѣланія брустверовъ при первой надобности. На военныхъ корабляхъ находилась сильная артиллерія, большое число храбрыхъ войскъ, и цѣлый отрядъ саперовъ, которые должны были тотчасъ пробить плотину, какъ скоро она будетъ взята.

Едва начали Зеландцы всходить на одну сторону плотины, какъ отъ Остервеля двинулся Антверпенскій флотъ къ другой сторонѣ ея. Между двумя ближайшими редутами непріятельскими, немедленно былъ сдѣланъ высокій брустверъ, для того чтобы раздѣлить непріятелей и защитить саперовъ, которые начали, съ обѣихъ сторонъ, прокапывать пло-

Digitized by Google

шину своими лопашками, и работали такъ быстро, что всѣ надѣялись вскорѣ видѣть соединеніе двухъ массъ воды. Но между шѣмъ и Испанцы имѣли время приблизиться, изъ обоихъ противоположныхъ редутовъ. Они сдѣлали мужественное нападеніе на высаженныя войска, между шѣмъ какъ изъ Георгіевскаго укрѣпленія производилась безпрерывная пальба противъ непріятельскихъ кораблей. Ужасная битва загорѣлась на томъ мѣстѣ, гдѣ прорѣзывали плотину и довершали брустверъ. Зеландцы составили изъ себя густой рядъ около саперовъ, для того чтобы непріятель не могъ помѣшать ихъ работѣ, и саперы, среди этого военнаго шума, среди дождя непріятельскихъ ядеръ, часто по грудь въ водѣ, между убитыми и умирающими, продолжали свою работу, безпрерывно побуждаемые купцами, которые съ нетерпѣніемъ ждали, когда будетъ пробита плотина, и когда могутъ они привести свои корабли въ безопасное мѣсто. Важность успѣха, который нѣкоторымъ образомъ зависѣлъ весь отъ дѣятельности саперовъ, оживила этихъ простыхъ работниковъ геройскимъ мужествомъ. Занятые единственно трудомъ своимъ, они не видали, не слыхали смерти, окружавшей ихъ, и какъ скоро падали работавшіе впереди, на мѣсто ихъ тотчасъ становились другіе. Чрезвычайно затрудняли ихъ столбы,

Digitized by Google

недавно вбитые въ плотину, но еще болѣе напискъ Испанцевъ, которые съ отчаяннымъ мужествомъ устремлялись на непріятелей, закалывали саперовъ въ ямахъ, и шѣлами убитыхъ забрасывали углубленія, сдѣланныя живыми. Наконецъ, когда большая часть Испанскихъ офицеровъ была перебита и переранена, между тѣмъ какъ число непріятелей возрастало безпрерывно, а мѣста убитыхъ саперовъ безпрестанно замѣняли новые, тогда храбрыя войска сіи устрашились, и почли благоразумнымъ отступить въ свои укрѣпленія. Такимъ образомъ, Зеландцы и Антверпенцы увидѣли себя обладателями всего пространства плотины, отъ укрѣпленія Св. Георгія до Столбоваго. Но имъ показалось слишкомъ долго ожидать совершеннаго прорыва плотины. Они тотчасъ перенесли черезъ нее грузъ, съ одного Зеландскаго корабля на Антверпенскій, и Графъ Гогенлоге съ торжествомъ отправился на немъ въ Антверпенъ. Это оживило угнетенный городъ самыми радостными надеждами, и какъ будто побѣда была уже окончена, жители его предались шумному веселію. Они звонили въ колокола всѣхъ церквей, стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ своихъ, и внѣ себя отъ радости тѣснились у Остервельскихъ воротъ, желая встрѣтить корабли съ хлѣбомъ, которые должны были находиться уже на пути къ нимъ.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, еще никогда счастіе такъ не благопріятствовало осажденнымъ, какъ въ сіи минуты. Непріятель, истощенный, потерявшій мужество, былъ отброшенъ въ свои укрѣпленія, и не только не думалъ оспоривать завоеваннаго мѣста, но увидѣлъ и себя осажденнымъ въ самыхъ убѣжищахъ своихъ. Нѣсколько ротъ Шотландцевъ, подъ предводительствомъ храбраго Полковника своего Балфоура, сдѣлали такое стремительное нападеніе на редутъ Св. Георгія, что Камилло Монте, приспѣвшій туда изъ редута Св. Іакова, отразилъ ихъ съ большою для себя потерею. Гораздо хуже было состояніе Столбоваго укрѣпленія, которое отъ жестокой стрѣльбы съ кораблей, казалось, ежеминутно могло превратиться въ развалины. Гамбоа, начальствовавшій тамъ, былъ раненъ, и къ несчастію, недостатокъ въ артиллеріи препятствовалъ держать непріятельскіе корабли въ удаленіи. Къ этому присоединилось еще и то, что брустверъ, сдѣланный Зеландцами между укрѣпленіями Столбовымъ и Св. Георгія, не допускалъ подать какое нибудь вспоможеніе со стороны Шельды. Если-бы воспользовались этимъ истощеніемъ и недѣятельностью Испанцевъ, и продолжали съ усердіемъ и упорствомъ прорывать плотину, то нѣтъ сомнѣнія, что открыли-бы путь сквозь нее, и вѣроятно окончили-

Digitized by Google

бы шѣмъ всю осаду. Но и здѣсь оказали Антверпенцы недосташокъ въ послѣдовашельности, которымъ можно упрекнушь ихъ шакже за всѣ описанныя нами событія. Усердіе, съ какимъ начали они работу, остыло въ нихъ при первомъ успѣхѣ. Вскорѣ нашли, что прорывашь плотину будешъ слишкомъ продолжишельно, трудно, и что гораздо лучше перенести грузъ изъ большихъ судовъ на малыя, которыя и отправятся въ городъ, какъ скоро начнется приливъ. Сенпъ-Альдегондъ и Гогенлоге, вмѣсто того чтобы личнымъ присутствіемъ своимъ поощрять усердіе работниковъ, оставили мѣсто дѣйствія въ самую рѣшительную минуту, и отплыли на одномъ кораблѣ съ хлѣбомъ въ городъ, сбирать тамъ хвалы за свое благоразуміе и мужество.

Въ то время, когда на плотинѣ съ обѣихъ сторонъ сражались съ такимъ ожесточеніемъ, изъ Антверпена пущены были новыя машины противъ моста на Шельдѣ, дабы отвлечь туда вниманіе Герцога. Но пальба въ сторонѣ плотины скоро открыла ему, что происходитъ тамъ, и онъ, отвративъ опасность отъ моста, тотчасъ поспѣшилъ къ иному мѣсту дѣйствія. Съ двумя стами Испанскихъ копейщиковъ полетѣлъ Герцогъ къ плотинѣ, и явился на мѣстѣ битвы въ то время, когда войска

Digitized by Google

его были близки къ совершенному пораженію. Онъ немедленно передалъ въ два ближніе редута привезенныя имъ пушки, и велѣлъ дѣятельно стрѣлять изъ нихъ по непріятельскимъ кораблямъ. Самъ онъ шелъ впереди своихъ солдатъ, и держа въ одной рукѣ шпагу, въ другой щитъ, пошелъ противъ непріятеля. Вѣсть о его прибытіи быстро разнеслась отъ одного конца плотины до другаго, оживила упавшее мужество Испанскихъ войскъ, и снова зажгла жестокую битву, которая отъ мѣстнаго положенія сдѣлалась еще убійственнѣе. На узкомъ хребтѣ плотины, которая во многихъ мѣстахъ была не шире девяти шаговъ, сражалось около пяти тысячъ воиновъ; на этомъ тѣсномъ пространствѣ столкнулись силы обѣихъ спорящихъ сторонъ; тамъ долженъ былъ рѣшиться успѣхъ осады. Для Антверпенцевъ, дѣло шло о послѣднемъ средствѣ спасенія ихъ города, для Испанцевъ, объ успѣхѣ всего ихъ предпріятія, и обѣ стороны сражались съ тѣмъ мужествомъ, которое можетъ быть внушено только отчаяніемъ. Съ обѣихъ оконечностей плотины стремились толпы воиновъ къ срединѣ, гдѣ были обладателями Зеландцы и Антверпенцы, соединившіе на семъ пунктѣ всѣ свои силы. Отъ Спабрёка спѣшили Итальянцы и Испанцы, одушевлявшіеся въ этотъ день благороднымъ соревнованіемъ въ храбрости;

Digitized by Google

ошъ Шельды Валлонцы и Испанцы, подъ предводительствомъ самого Полководца. Въ то время, когда первые старались освободить Столбовое укрѣпленіе, которое непріятель осаждалъ и съ моря и съ земли, вторые стремились съ бѣшенствомъ, все низлагающимъ, къ брустверу, сдѣланному непріятелемъ между укрѣпленіями Столбовымъ и Св. Георгія. Тутъ сражался цвѣтъ Нидерландскаго войска, подъ защитою хорошо укрѣпленнаго вала и подъ прикрытіемъ огня съ обоихъ флотовъ. Уже Герцогъ готовился, съ горстью своихъ воиновъ идти противъ этого страшнаго вала, когда ему принесли извѣстіе, что Итальянцы и Испанцы, подъ предводительствомъ Капицукки и Аквилы, взяли приступомъ Столбовое укрѣпленіе, и съ своей стороны также приближались къ непріятельскому брустверу. Такимъ образомъ, около сего бруствера собрались всѣ силы обоихъ войскъ, и съ обѣихъ сторонъ было истощено все, для взятія и для защиты онаго. Нидерландцы, не желая оставаться праздными зрителями сраженія, бросились со своихъ судовъ на землю. Герцогъ штурмовалъ брустверъ съ одной стороны, Графъ Мансфельдъ съ другой; они сдѣлали пять приступовъ и пять разъ были отбиты. Въ эту рѣшительную минуту Нидерландцы превзошли сами себя; никогда, во все продолженіе войны,

Digitized by Google

не сражались они съ такою стойкостью. Особенно Шотландцы и Англичане, мужественнымъ сопротивленіемъ своимъ уничтожали всѣ попытки непріятеля. Никто болѣе не хотѣлъ идти къ тому мѣсту, гдѣ сражались они — и Герцогъ бросился самъ, съ легкимъ копьемъ въ рукѣ, шелъ по грудь въ водѣ, и показывалъ путь своимъ солдатамъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго боя, солдаты Мансфельда успѣли, своими аллебардами и пиками, сдѣлать въ брустверѣ брешь, и, становясь на плеча другъ другу, взошли на валъ. Прежде всѣхъ явился тамъ Испанскій Капитанъ Бартоломео Торальва, и почти въ одно время съ нимъ увидѣли на краю брустверa Итальянца Капицукки. Такъ рѣшенъ былъ споръ въ храбрости, почти съ равною славою для обоихъ народовъ. Достойно замѣчанія, какимъ образомъ Герцогъ Пармскій, сдѣлавшійся рѣшителемъ сего благороднаго состязанія, удовлетворилъ щекотливому чувству чести обоихъ соперниковъ. Передъ глазами войска, онъ обнялъ Итальянца Капицукки, и громко сказалъ, что особенно мужеству сего военачальника онъ обязанъ взятіемъ брустверa. Испанскаго Капитана Торальву, тяжело раненаго, онъ велѣлъ перенести въ собственную свою квартиру въ Спабрёкѣ, перевязать его на собственной своей

Digitized by Google

носпелѣ, и одѣть въ то изъ своихъ платьевъ, которое носилъ онъ за день до битвы.

Послѣ взятія брустевера, побѣда не долго оставалась сомнительною. Голландскія и Зееландскія войска, сошедшія со своихъ судовъ, чтобы схватиться съ непріятелемъ на плотинѣ, потеряли мужество, какъ скоро увидѣли, что корабли, послѣднее убѣжище ихъ, были отбиты отъ берега.

Въ самомъ дѣлѣ, приливъ началъ сбывать, и начальники кораблей, страшась чтобы тяжелыя суда ихъ не остались на мѣли, и при несчастливомъ окончаніи битвы не достались въ руки непріятеля, отошли отъ плотины и спарались выйдти въ открытое море. Замѣтивъ сіе, Александръ указалъ войскамъ своимъ на удаляющіяся суда, и побуждалъ ихъ довершить пораженіе непріятеля, который отдается самъ. Прежде всѣхъ поколебались Голландскія вспомогательныя войска; ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали и Зееландцы. Они поспѣшно кидались съ плотины, и хотѣли достигнуть кораблей вбродъ или вплавь; но бѣгство ихъ было такъ стремительно, что они мѣшали другъ другу, и толпами падали подъ мечемъ преслѣдующихъ побѣдителей. Многіе изъ нихъ нашли себѣ гробъ даже на корабляхъ, потому что всѣ хотѣли

Digitized by Google

опередить другъ друга, и многія суда ушонули подъ тяжестью тѣхъ, которые взошли на нихъ. Антверпенцы, сражавшіеся за свободу, за родину и вѣру, послѣ всѣхъ обратили тылъ; но это самое обстоятельство послужило для нихъ новою гибелью. Многіе изъ ихъ судовъ были захвачены отливомъ, и сѣли на мѣль, но въ такомъ разстояніи, что непріятельскія пушки доставали до нихъ и потопили ихъ со всѣми людьми. Бѣжавшія толпы старались доплыть до другихъ судовъ, которыя были впереди; но бѣшенство и дерзость Испанцевъ простирались до того, что держа въ зубахъ свои сабли, они плыли за бѣгущими, и многихъ изъ нихъ убивали даже на самыхъ судахъ. Королевскія войска одержали побѣду совершенную, но кровавую, ибо на мѣстѣ битвы осталось около восьми сотъ Испанцевъ, и нѣсколько тысячь Нидерландцевъ (не считая потонувшихъ). Съ обѣихъ сторонъ пали многіе изъ значительнѣйшихъ людей. Въ руки побѣдителей досталось болѣе тридцати судовъ, съ большимъ грузомъ провіанта, назначеннаго для Антверпена, полтораста пушекъ и множество военныхъ снарядовъ. Плотина, которой защита стоила такъ дорого, была прокопана въ пятнадцати различныхъ мѣстахъ, и трупы людей, приведшихъ ее въ это состояніе, были употреблены для наполненія сдѣланныхъ отвер-

Digitized by Google

стій. Въ слѣдующій день, Королевскія войска взяли еще одну барку, необычайной величины, и престранной постройки: она представляла собою пловучую крѣпость и была назначена противъ Ковенстейнской плотины. Антверпенцы построили ее, съ великими издержками, въ то самое время, когда были отвергнуты спасительныя предложенія инженера Джіанибелли, потому что они стоили-бы дорого. Странному чудовищу своему дали они гордое названіе: *Конецъ войны*; но послѣ оно было замѣнено болѣе приличнымъ названіемъ: *Потерянныя деньги*. Когда барка сія была спущена на воду, то случилось предвидѣнное всѣми благоразумными людьми: она, отъ уродливой величины своей, почти не двигалась, и только при самомъ большомъ приливѣ доставало для нея воды. Съ великимъ трудомъ дотянули ее до Ордама, гдѣ, по окончаніи прилива, она сѣла на мель и досталась въ добычу непріятелю.

Нападеніе на Ковенстейнскую плотину было послѣднимъ усиліемъ Антверпенцевъ къ спасенію. Послѣ этого, они потеряли духъ, и тщетно старался Магистратъ, отдаленными надеждами упѣшать народъ, чувствовавшій стѣсненіе наступающаго. До сихъ поръ хлѣбъ еще удерживался въ цѣнѣ сносной, хотя качество его становилось хуже и хуже; но по-

Digitized by Google

степенно исчезли всѣ запасы, и уже близокъ былъ голодъ. Надѣялись однакожъ пропитать народъ хотя до тѣхъ поръ, когда созрѣетъ хлѣбъ, посѣянный между городомъ и внѣшними укрѣпленіями; но прежде нежели созрѣлъ онъ для жатвы, непріятель взялъ всѣ находившіяся передъ городомъ укрѣпленія, и овладѣлъ всѣми засѣянными мѣстами. Наконецъ палъ передъ оружіемъ его Мехельнъ, послѣдній сосѣдственный изъ союзныхъ городовъ, и съ нимъ исчезла вся надежда на подвозъ изъ Брабанта. Такимъ образомъ не оставалось болѣе никакой возможности увеличить количество хлѣбныхъ запасовъ, и можно было только уменьшить число потребителей. Хотѣли выслать изъ города всѣхъ безполезныхъ людей, всѣхъ иностранцевъ, даже дѣтей и женщинъ; но такое намѣреніе слишкомъ противилось законамъ человѣчества, и не могло быть одобрено. Другое предположеніе: изгнать Католическихъ жителей, раздражило сихъ послѣднихъ столь сильно, что они почти взбунтовались. Сентъ-Альдегондъ увидѣлъ себя принужденнымъ уступить бурному нетерпѣнію народа, и, 17-го Августа 1585 года, началъ съ Герцогомъ Пармскимъ переговоры о сдачѣ города.

Digitized by Google

НАВАРИНСКАЯ БИТВА.

Разсказъ Евгенія Сю (*).

Наканунѣ.

19 Октября 1827.

. . . . Мрачное предчувствіе!

Байронъ.

При юговосточномъ, прелестномъ вѣтеркѣ, союзныя эскадры крейсировали передъ Наваринскимъ заливомъ. Иногда открывались передъ ними бѣлые домы, пальмы, террасы; иногда высокія скалы острова Сфактеріи заслоняли

(*) Въ 5-й книжкѣ Моск. Телеграфа, говоря о сочиненіяхъ Сю, мы назвали разсказы его блестящими и цвѣтистыми. Въ доказательство сего помѣщаемъ очеркъ Наваринской битвы, находящійся въ одномъ изъ новѣйшихъ его произведеній, въ *Кукаратѣ*. *Изд.*

Digitized by Google

отъ глазъ входъ въ бухту, гдѣ Турко-Египетскій флотъ стоялъ тогда на якорѣ; присутствіе этого флота доказывалъ выставлявшійся по временамъ, изъ-за горъ, лѣсъ мачтъ, съ красными флагами и значками всѣхъ цвѣтовъ.

Англичане занимали правую сторону линіи, Рускіе лѣвую, Французы средину.

Было два часа по полудни. Вахтенный офицеръ на кораблѣ *Бреславлѣ* безпрестанно ходилъ, мѣрными шагами, по юту, и останавливался только для того, чтобы навести свою зрительную трубу на тѣсный входъ въ рейдъ. Еще разъ посмотрѣвши туда со вниманіемъ, онъ увидѣлъ, что парусы на *Бреславлѣ* начали хлопать, и что корабль выходилъ изъ вѣтра.— Къ вѣтру! Къ вѣтру! — закричалъ онъ тотчасъ, и подбѣжавъ къ бизань-мачтѣ наклонился надъ галлереею поверхъ руля; когда-же движеніе было исполнено, онъ вскричалъ: — Какой фаля сидитъ у румпеля?.. Ба! это ты Мюло... одинъ изъ лучшихъ нашихъ рулевыхъ... Да о чемъ ты задумался?

— Виноватъ, Капитанъ — отвѣчалъ Мюло— но вотъ уже три раза ножикъ мой открывается самъ собою, и....

« Ну? что-же еще: *и*...? »

Digitized by Google

— И я думалъ что это худое предвѣстіе— сказалъ старый матросъ съ видомъ человѣка присмиженнаго.

«Ты дурачина, Мюло! Какъ въ твои лѣта, съ твоею опытностью... вѣришь такимъ глупостямъ...

— Глупостямъ, если угодно, Капитанъ... но передъ Трафальгаромъ, точно также, у меня свайка (épissoir) два раза падала остріемъ....

«Ну?» спросилъ офицеръ, улыбаясь при торжественномъ и важномъ видѣ рулеваго.

— Ну, это не предвѣщало мнѣ добраго, Капитанъ! Посмотрите — сказалъ онъ, проводя пальцемъ по широкому рубцу, который начинался у него около лѣваго глаза, раздѣлялъ носъ, и терялся въ густыхъ, сѣдѣющихъ бакенбардахъ.

«Молчи, старый дурачина, и правь хорошенько!» молвилъ офицеръ, возвращаясь на свое мѣсто.

— А вотъ, вы увидите, Капитанъ — печально сказалъ Мюло, повернувъ колесо руля такъ, что всѣ парусы наполнились, и герой-корабль, приходя въ надлежащее положеніе, покачнулся на правый бокъ.

Digitized by Google

«Наконецъ!» сказалъ офицеръ слѣдуя зрительною трубою за поворотами лодки, вышедшей изъ Наваринскаго залива и правившей къ Адмиральскому кораблю. «Наконецъ мы услышимъ что нибудь новенькое!»

Въ самомъ дѣлѣ, не прошло четверти часа, какъ три флага разныхъ цвѣтовъ взлетѣли на щеголеватомъ, прелестномъ Французскомъ фрегатѣ, который съ гордостью несъ на себѣ Адмиральскій флагъ Кавалера Риньи. — Лоцманъ! — вскричалъ Капитанъ: — позовите сигнальнаго офицера.

Лоцманъ отдалъ военную честь, сбѣжалъ, и тотчасъ взошелъ обратно съ однимъ изъ Мичмановъ.

— Важное извѣстіе! — сказалъ Мичманъ своему товарищу, разсмотрѣвши сигналъ. — Видишь-ли, мой милый: зовутъ Капитановъ кораблей на Адмиральскій корабль... Далъ-бы Богъ зашемъ, чтобы отдали приказъ готовиться къ сраженію, а то мы заплѣснѣвѣемъ здѣсь... Однакожъ, надобно увѣдомить командира.

Вскорѣ, корабль лежалъ въ дрейфѣ; шлюпка начальника корабля покачивалась внизу, подлѣ лѣстницы праваго борта, и матросы, почтительно снявъ шляпы, стояли въ ней съ поднятыми веслами, ожидая старшаго офицера. Раз-

Digitized by Google

дались три удара свистка. Натальникъ ухватился за веревку, протянутую вдоль лѣстницы, сошелъ, сѣлъ на роскошные, усѣянные лиліями ковры, покрывавшіе заднюю часть лодки, и приказалъ править къ *Сиренѣ*.

Когда это событіе стало извѣстно на кораблѣ, матросы толпою привалили на бакъ; офицеры собрались на ютѣ. Предположенія о разговорѣ командира съ Адмираломъ различно занимали умы всѣхъ.

— А что думаешь ты, дядя Ренаръ?—спросилъ молодой Штурманъ у высокаго, худаго, желтаго человѣка, который сидѣлъ, и, куря трубку, пускалъ дымъ то изъ носу, то изъ рту.

«Эге, племянникъ!» съ важностью отвѣчалъ спрошенный. «Я думаю, что *Сирена* будетъ для командира мысомъ, и что вѣроятно онъ сей часъ пристанетъ къ ней... Эге!»

Эти: *эге*, были у стараго Констапеля какъ-бы знакъ *въ скобкахъ*, и онъ заключалъ въ нихъ всѣ свои фразы.

— Зло шутишь, дядя!— отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Спану-ли я тебя учить, что рея крюйсъ-брамселя меньше нежели рея нижнихъ парусовъ. Я спрашиваю: какъ ты думаешь, по-

Digitized by Google

щекотятъ-ли заправки у вашихъ пушекъ, чтобы заставишь ихъ кашлять?

« Эге, племянникъ! Коли вѣришь тому чего хочешь, такъ я думаю, что пощекотятъ; да, право, и жалости достойно, что эпакія храбрыя молодицы только лежапъ на лафетахъ, и говорятъ столько-же, какъ старая баба за вечерней. Эге!

Онъ почти плакалъ говоря это и съ горестью указывалъ на линію безмолвныхъ каронадъ, которыми былъ уставленъ шкафутъ корабля.

— Правда, правда, дядя Ренаръ. Жаль этого, еще больше потому, что, кажется, эти каиманы Турки, перепутали всѣ вѣтры у Грековъ; да и эти, правду сказать, довольно злая гадина. Ты отвѣтишь мнѣ на это: свобода. Стало быть, кто-же виноватъ? А для Француза все таки унизительно видѣть, что свобода....

« Эге, племянникъ! Я самъ былъ Сержантомъ Морской Гвардіи, когда нашъ храбрый Адмиралъ тамъ былъ Капитаномъ; да мнѣ просто зажали-бы ротъ, кабы я сталъ полишиканить. Эге! А ты полишиканишь... молчи-же... дѣлай какъ мои пушки; скажутъ: пли! стрѣляй; выстрѣлилъ — будь нѣмъ! Эге!

Digitized by Google

— Но, дядя Ренаръ, у меня въ жилахъ кровь, я Французъ, я свободный человѣкъ; стало быть, можно сказать что свобода. . . .

«Эге! прикуси языкъ, чортъ возьми! Что ты за важная особа? Корабельный Юнга, а хочешь говорить. Я такъ молчалъ, и очень молчалъ; я былъ на *Мстителѣ*, былъ на брандерахъ въ Рошефорѣ, былъ въ Россіи. . . что-же? Послѣ всего этого, меня упрятали на фрегатъ, гдѣ командиромъ былъ такая рохля, что однажды, когда надобно было сниматься съ якоря, у него спрашиваютъ, не отдать-ли марсъ-зейли. . . . А онъ отвѣчаетъ: Справлюсь въ Министерской инструкціи! . .

— Экой фарсъ выкинулъ! . . . Да, моя маленькая сестра сдѣлала-бы это.

«Эге! Однакожь, кабы этотъ мореходъ послалъ меня съ маленькою лодкою и велѣлъ взять трехъ-палубный корабль, я повиновался-бы, далъ-бы потопить себя, и не спросилъ-бы для чего. И такъ, послушай, племянникъ, я повторю тебѣ старую задачу: Думай о пушечномъ зарядѣ тогда только, когда надобно зажигать его. . . Эге.

— Хорошо, дядя, но вѣдь для свободнаго человѣка, все это тяжело. . .

Digitized by Google

«Опять! Чортъ возьми! Дѣлай какъ я, племянникъ; занимайся... Да и досугъ-ли мнѣ съ тобой политиканить; я думаю о своей семьѣ.

— Да ты не женатъ, дядя Ренаръ! Какая у тебя семья?

«Эге! коли нѣтъ семьи, такъ надобно чтобы она была, племянникъ. Я говорю тебѣ о своихъ пушкахъ. Посмотри, вотъ большія, 36-ти фунтовыя: ихъ я называю папеньками.... маленькія, 18-ти фунтовыя, мои дѣти; а эти красивыя каронады, маменьки... Посмотри, какъ онѣ умны, стройны, какъ устявлены, вычищены; онѣ не знаютъ политики.... Ахъ! ну, Богъ милостивъ, онъ дастъ имъ поработать... Эге! ты увидишь, племянникъ... ты увидишь — говорилъ старый служивый, поводя глазами, которые у него блистали какъ звѣзды. — Но — прибавилъ онъ — вотъ и командиръ приближается къ кораблю; узнаемъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ.

Командиръ взошелъ на палубу. Лицо его блистало радостью; онъ держалъ въ рукѣ нѣсколько бумагъ. Входя къ Капитану, онъ сказалъ ему: Соберите Штабъ въ комнату Совѣта.

— Славно! Будетъ смѣхъ! — сказалъ Мюло, взглядывая то на компасъ, то на парусы.

Digitized by Google

О намѣреніяхъ Адмирала не было узнано ничего положительнаго, однако, черезъ часъ послѣ совѣщанія, всѣ волновались на кораблѣ *Бреславѣ*. Мѣсто обыкновеннаго спокойствія, обыкновенной тишины, заступила какая-то бѣшеная радость: пожимали руки другъ другу, смѣялись, клялись какъ можно веселѣе; особенно молодые матросы были совершенно внѣ себя.

— Ну? — сказалъ молоденькій человѣкъ, съ блистающими глазами и съ румянымъ лицомъ, подходя къ Ренару. — Ну, старина, будетъ жарко... завтра... о, я отдалъ-бы жалованье за два мѣсяца, чтобы это было теперь... А ты? — «Я,» отвѣчалъ съ важностью Констапель. «Эге! Мнѣ это лучше добраго шквала.» И онъ сталъ опять жевать свой табакъ, потому что скромность и важность старыхъ моряковъ была совершенно противоположна военной пылкости неопытныхъ. Впрочемъ, не безъ удовольствія улыбались они глядя на этотъ молодой энтузіасмъ, порождаемый мыслью о первомъ сраженіи; но, съ давняго времени привыкши къ военному дѣлу, они знали, что мгновенный восторгъ вскорѣ уступитъ мѣсто помышленіямъ болѣе важнымъ.

Около батарей все было очищено: каюты, кухни, и всѣ временныя помѣщенія.

Digitized by Google

Борты нижнихъ рей были укрѣплены желѣзными цѣпями; на марсахъ поставлены легкія пушки; словомъ, были приняты всѣ мѣры на случай сраженія.

Восхищеніе молодыхъ моряковъ еще болѣе увеличилось, если то возможно, отъ этихъ быстрыхъ перемѣнъ, отъ этихъ усиленныхъ и необычайныхъ трудовъ. Но когда все было кончено, когда небольшой отдыхъ утишилъ эту горячку пылкости, тогда можно было замѣтить любопытную перемѣну въ нравственномъ состояніи одной части экипажа. Старые моряки сохраняли беззаботное, твердое выраженіе, столь обычное имъ, но молодые люди стали молчаливы и задумчивы; они отдѣлялись отъ всѣхъ, они искали уединенія, которое можно находить и на кораблѣ. Сначала, они думали объ отечествѣ; потомъ — о предметахъ своей привязанности, о будущихъ надеждахъ своихъ. Тогда только могли они сообразить невѣрность битвы, къ которой приступали столь храбро; но совсѣмъ не страхъ угасилъ ихъ веселость, нѣтъ! Это было грустное, религіозное размышленіе, отъ котораго не льзя защититься, готовясь въ первый разъ къ рѣшительному сраженію.

Командиръ, который во время продолжительной, отличной службы своей имѣлъ случай

Digitized by Google

узнать совершенно этотъ удивительный классъ людей, взошелъ на югъ, и послѣ краткаго, но сильнаго обращенія къ воинамъ, сказалъ имъ: «Ну, что-жъ, дѣти! Неужели сегодня мы не будемъ танцовать? Теперь самое время. Скорѣй, въ кружокъ!... Господа офицеры, вы должны подать примѣръ.

При этихъ словахъ, радость опять появилась на всѣхъ отуманенныхъ лицахъ. На палубѣ подняли фанари, потому что ночь уже наступила; всѣ, безъ различія чиновъ, матросы, боцманы, офицеры, взялись за руки и начали танцовать на бакѣ. Послышались Французскіе напѣвы, Французскія пѣсни, Французскіе рефрени... Странно было видѣть тысячу двѣсти человѣкъ, готовившихся на другой день встрѣтить страшныя опасности, а теперь весело повертывавшихся на доскахъ, которыя отдѣляли ихъ отъ бездны, и привѣтствовавшихъ морскую битву веселымъ, бѣшенымъ вальсомъ. Какое-то живое напоминаніе о родинѣ было въ этихъ народныхъ напѣвахъ, такъ-же какъ и въ этихъ праздничныхъ пѣсняхъ, терявшихся въ пространствѣ и замиравшихъ въ слухѣ Ибрагимовыхъ Адмираловъ.

Черезъ два часа, Командиръ, не желая чтобы слишкомъ утомились эти люди, которымъ назавтра были нужны вся сила и твердость,

Digitized by Google

далъ знакъ расходиться. Сдѣлали перекличку, и каждый, взявъ свою койку, сошелъ внизъ, повѣсилъ ее на обыкновенное мѣсто и бросился отдыхать.

Нѣсколько времени еще можно было слышать задушаемый смѣхъ, смѣлыя рѣчи, военныя остроты и длинныя разсужденія о храбрости Египтянъ, о средствахъ предохранять себя отъ брандеровъ. . . . Наконецъ, мало по малу, всѣ голоса смолкли, и глубочайшая тишина царствовала на кораблѣ, который медленно двигался подъ небольшими парусами.

За шумнымъ, оживленнымъ говоромъ, настало таинственное безмолвіе. Каждый изъ офицеровъ сошелъ въ свою тѣсную, темную комнатку. Тамъ должны были опять пробудиться грустныя мысли.

Каждый изъ нихъ глядитъ съ любовію на это убѣжище, гдѣ проходило столько часовъ въ роскошномъ мечтаніи, въ сладостной лѣни, гдѣ было создано столько блестящихъ, фантастическихъ предначертаній. Одинъ открываетъ свое бюро и еще разъ перечитываетъ письма стараго отца, сестры, любовницы. Другой думаетъ долго о прошедшемъ, мало о настоящемъ, и совсѣмъ не думаетъ о будущемъ; онъ задушаетъ вздохъ сожалѣнія, гонитъ отъ себя черное предчувствіе, и наско-

Digitized by Google

ро пишетъ нѣсколько строкъ. Это послѣднія распоряженія, послѣдніе обѣты умирающаго солдата; это мольба, это *прости*.... воспоминаніе, написанное для женщины, для матери... его передадутъ другу, если писавшій будетъ убитъ.

Воинъ засыпаетъ, и спитъ крѣпко, потому что прежде всего онъ храбрый человѣкъ, потому что онъ заплатилъ долгъ природѣ и чувству истинному; потому что завтра, при звукѣ барабана, надобно быть неколебимымъ, холоднымъ, жестокимъ, и среди картечнаго огня, среди свиста ядеръ, треска ломающихся мачтъ и крика умирающихъ, мало останется въ сердцѣ его мѣста для нѣжнаго чувства, для свѣжей мысли о любви.

Но по крайней мѣрѣ эти могутъ, во время продолжительныхъ четвертей часа, предшествующихъ битвѣ, вызывать смѣющіеся образы, и прожить еще нѣсколько часовъ жизнью сладостныхъ обольщеній... А тотъ, на комъ лежитъ неизмѣримая обязанность? Адмиралъ? О, этотъ очень несчастливъ, потому что онъ ни одной мысли не можетъ удѣлить своей внутренней жизни, ни одного біенія сердца своимъ человѣческимъ чувствованіямъ! Въ тишинѣ и размышленіи долженъ онъ разсчитать тысячи случаевъ смертоносной битвы, и всѣ движе-

Digitized by Google

нія своей эскадры; ему надобны: дерзость для изобрѣтенія плана, и хладнокровіе для исполненія онаго. Онъ не спитъ, онъ бодрствуетъ за всѣхъ, потому что всѣ они спокойно спятъ подъ защитою его имени. И потому-то сквозь два окна въ кормѣ фрегата *Сирены* можно было видѣть, при свѣтѣ лампы, человѣка, еще молодаго, который съ пожирающимъ вниманіемъ устремилъ глаза на планъ битвы, улыбался, и себялюбиво назначалъ для своего фрегата мѣсто въ битвѣ, среди самой страшной опасности.

Другая сцена происходила въ передней части корабля *Бреславля*. Боцманъ Мюло и Констапель Ренаръ сидѣли на краю небольшой постели, находившейся въ общей ихъ каютѣ; между ними стояли бутылка и стаканы изъ бѣлаго желѣза.

— И такъ это рѣшено — сказалъ Мюло. — Вслучаѣ, если вѣтеръ унесетъ меня, или, иначе, меня убьютъ....

«Эге! Тогда я возьму Жоржа къ себѣ!» перебилъ его Ренаръ.

— Можетъ быть, отъ этого будетъ тебѣ тяжко?

«Да; но что-же будетъ дѣлать безъ тебя этотъ бѣдный малюшка? Сказано, что лучше

Digitized by Google

родительскаго глаза нѣтъ ничего. Да, Мюло, родительскій глазъ долженъ подмѣтить, скоро-ли, напримѣръ, можешь ты убрать парусъ, когда подходитъ шквалъ.

— Спасибо! Охъ, спасибо, Ренаръ! А вѣдь это удивительно, что я никакъ не могу преодолѣть себя... Я увѣренъ, что высучу завтра канатъ... не даромъ открывался мой ножикъ два раза, самъ посебѣ... А?

« Эге! страшиться нечего... но и добраго въ этомъ не много.

— Впрочемъ, все Богъ!.. но горько мнѣ за Жоржа.

« Я стану о немъ заботишься... Вѣдь ужъ я обѣщаю тебѣ это, эге!

— Бѣдняжка!... посмотри какъ онъ спитъ.

Оба моряка тихонько подошли къ койкѣ, повѣшенной въ углу каюты: тамъ тихо спалъ дитя десяти лѣтъ, и лицо его, даже во время сна, сохраняло выраженіе веселости и остроумія, необыкновеннаго въ такомъ нѣжномъ возрастѣ.

Съ минуту глядѣлъ на него безмолвно Боцманъ Мюло... потомъ, глаза его стали влажны и одна слеза упала на щеку сына.

Digitized by Google

— Охъ! — сказалъ онъ, упираясь ладонью своей руки, грубой, запачканной смолою.

— Я не трусъ, а право, Ренаръ. . . желалъ-бы, чтобъ совсѣмъ не было этого проклятаго сраженія.

« Эге! Развѣ я не буду тамъ? . . Пріятель!» вскричалъ Ренаръ, бросаясь въ объятія Мюло и зажимая глаза, ибо онъ не хотѣлъ показать, что онъ и самъ плачетъ.

— Все равно, Ренаръ, добрый пріятель! Все равно. . . Я не могу быть спокоенъ. Тебѣ легко говорить: ты увѣренъ, что не оставишь кожи въ этомъ собачьемъ танцѣ.

« Что правда, то правда. Я три раза задувалъ свой фанарь, и три раза опять зажигалъ его, поднявши вверхъ. . . Стало быть вѣрно, что я останусь живъ. Чего-же бояшься тебѣ послѣ этого?

— Бѣдный Жоржъ! — сказалъ Мюло. — Онъ такой боецъ, такой плутяга. Я только вздумаю, такъ и хохочу, какъ однажды онъ положилъ батарейный люкъ на перевѣсъ, и заставилъ гнаться за собою трехъ новобранцевъ. . . Онъ зналъ дѣло и перескочилъ черезъ люкъ, а трое дураковъ не знали этого и полетѣли внизъ, подъ палубу. . . . да одинъ изъ нихъ такъ славно ошдѣлалъ себѣ ноги, что фельдшеръ хотѣлъ у него отрѣзать одну. . .

Digitized by Google

«Да, Мюло, въ этомъ нечего и споритъ,» съ важностью сказалъ Ренаръ, «что Жоржъ обѣщаетъ со временемъ быть славнымъ малымъ, и что у него есть расположеніе къ доброму, котораго не оставлю я втуне, если тебя не станетъ... будь увѣренъ въ этомъ.

— А въ заключеніе, мой старый Ренаръ, прости... прими спасибо теперь, если я не увижу тебя послѣ пирушки.

Они обнялись дружески, и послѣ этого растянулись на своей постелѣ, въ ожиданіи дневнаго разсвѣта, потому что вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца должно было открытою силою войдти въ рейдъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ И НАПОЛЕОНЪ. (*)

Наполеонъ говаривалъ, что онъ рожденъ не наслѣдовать Королевство Людовика XVI, но продолжать Императорское владычество Карла Великаго.

Десять столѣтій, канувшихъ въ вѣчность, раздѣлили Карла Великаго отъ Наполеона; однакожь сіи два великія историческія лица, будучи между собою сравниваемы, предстaвляютъ замѣчательное сходство въ геніи и характерѣ; есть даже удивительное сближеніе въ эпохахъ, событіяхъ и происшествіяхъ ихъ жизни.

Только Карлъ Великій и Наполеонъ предстaвляютъ собою въ новой Исторіи монарховъ, которые могутъ быть сравниваемы и какъ полководцы-завоеватели и какъ цари-законодатели.

(*) Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ 1831 году въ Ашенеѣ, М. Г. Вилленёвомъ, *о ходѣ и успѣхахъ человѣческаго ума.*

Digitized by Google

— Карлъ Великій вступилъ на тронъ 768 года; свидѣтелемъ рожденія Наполеонова былъ годъ 1768-й.

— Карлъ Великій возстановилъ Западную Имперію въ началѣ IX-го столѣтія; и паже Имперія была возобновлена Наполеономъ въ началѣ XIX-го вѣка.

Наполеонъ, какъ Карлъ Великій, принялъ титло не *Императора Франціи*, но *Императора Французовъ*.

Къ титламъ Императоровъ и Королей, одинъ изъ нихъ прибавилъ званіе *Правителя Римской Имперіи*, другой *Протектора Рейнскаго Союза*.

Карлъ, допуская сына своего въ правленіе Имперіи, повелѣлъ ему съ престола Церкви взять Императорскую Французскую корону и самому ею увѣнчаться; Наполеонъ, въ день своего коронованія, также съ престола Церкви беретъ Императорскую корону и самъ возлагаетъ оную на свое чело. По его велѣнію изъ Ахена присланы были корона и мечъ Карла Великаго: сіи десятивѣковыя принадлежности соединили двѣ великія славы. Наполеонъ прикоснулся къ мечу Карла Великаго, но взялъ собственный.

— Оба Императора явили себя первыми полководцами своихъ временъ: знамена ихъ развѣва-

Digitized by Google

лись на стѣнахъ Вѣны, въ столицахъ Германіи, Испаніи, Италіи.

Они, какъ-бы единымъ волшебнымъ мановеніемъ, творили страшныя полчища; по ихъ голосу сіи громады воиновъ летали, сражались и побѣждали, повсюду съ одинаковою быстротою, и въ то именно время, когда настояла надобность. Дѣятельность обоихъ полководцевъ была одинакова: она походила на нѣчто чудесное, и когда предполагалось, что они творили планы, то сіи послѣдніе часто бывали ими приведены уже въ исполненіе.

Биваки и солдатская жизнь обоихъ Императоровъ знаменитыя, не менѣе ихъ побѣдъ.

Они были первѣйшими полководцами своего времени, прежде нежели достигли Императорскаго сана.

Карлъ Великій имѣлъ сподвижниками своего Коннетабля и своихъ Перовъ; Наполеонъ также своего Коннетабля и своихъ Маршаловъ.

Тотъ и другой наполнили вселенную блескомъ оружія и громомъ своихъ именъ.

Первый разбилъ Турковъ въ Панноніи, второй изгналъ ихъ изъ Египта.

Digitized by Google

Въ Германіи развивались великія арміи обоихъ Императоровъ, и тамъ-же рокотали громы продолжительнѣйшихъ войнъ ихъ.

Война одного противъ Саксонцевъ и борьба другаго съ Англичанами изображали безконечную распрю, въ которой вооруженная Европа сражалась за давнее соперничество, воспламенявшее два Государства.

— Имперія Карла Великаго заключала въ себѣ: Францію, Голландію и Фрисландію, Швейцарію, Вестфалію и Саксонію до Эльбы; Франконію (Бургундію), Швабію и Турингію; обѣ Панноніи, т. е. Австрію и Венгрію, Богемію, Дакію или Трансильванію, Либурнію или Кроацію, Истрію, Далмацію, Италію, Каталонію, Наварру и Аррагону. — Предѣлами сей Имперіи были: къ Югу Калабрія, къ Западу — Эбро; къ Востоку — Савъ; къ Сѣверу — Балтійское море до Вислы.

— Наполеонъ также владычествовалъ надъ Франціею, Италіею, Бельгіею, Голландіею и Фрисландіею. Во ста тридцати Департаментахъ его Имперіи заключались устья Роны, Эльбы и Везера, Шельды, Рейна, Мозеля и Исселя. Эмсъ и Самбръ, По, Арно, Сессія и Тибръ по ней протекали. Симплонъ, Мон-

Digitized by Google

бланъ, Аппенинскій хребетъ возносили тамъ свои вершины, подобно горѣ Громовой. Нѣмецкое море, Зюйдерзее и воды Женевскаго озера ограничивали Имперію; Королевства Неаполитанское, Испанское, Вестфальское составляли удѣлы Наполеонова семейства; Германія и Гельвеція находились подъ его протекторствомъ, а Королевство Италіянское, со своею желѣзною короною, было какъ-бы прибавкою къ сей величественной Имперіи, которой границы, бывъ распространены Иллирійскими провинціями, содѣлывали ее сопредѣльною Имперіи Оттоманской. Таковы были исполинскія зданія геніевъ Карла Великаго и Наполеона. Никто другой не можетъ быть съ ними сравненъ, ибо со времени паденія Римской Имперіи, въ теченіе 14-ти вѣковъ, столь обширное могущество являлось только два раза.

— Владыки Востока просили союза, Папы покровительства, Герцогъ Баваріи — милосердія Карлова, Дворъ Наполеона окруженъ былъ Королями, которыхъ онъ былъ и творцемъ и посредникомъ.

Карлъ Великій принималъ пословъ отъ Халифовъ; къ Наполеону они были присланы отъ Персидскаго Шаха.

Digitized by Google

Императрица Ирина намѣревалась вступить въ бракъ съ Карломъ Великимъ; Наполеонъ женился на дочери Цезарской.

— Карлъ Великій возвелъ сына своего Пепина въ санъ *Короля Италійскаго*; сынъ Наполеона еще въ колыбели получилъ титло *Короля Римскаго*.

Сынъ Наполеона, какъ единственный по немъ наслѣдникъ, родился въ 1811-мъ году; Людовикъ сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ Карла Великаго въ 811-мъ году.

— Карлъ Великій женилъ на дочеряхъ своихъ: на Эммѣ Секретаря своего Эгингарта, на Бертѣ школьнаго товарища Ангиберта; сестры Наполеона вышли за-мужъ за военныхъ сподвижниковъ его.

— Карлъ Великій и Наполеонъ, не имѣя дѣтей отъ первыхъ своихъ женъ, развелись съ ними, желая оставить по себѣ наслѣдниковъ; и законы Церкви, часто въ семъ отношеніи столь непреклонные для другихъ вѣнценосныхъ главъ, предъ ними удержали свои проклятія и болѣе нежели безмолвствовали: они облекли сіе силою закона.

— Карлъ Великій и Наполеонъ, коронованные двумя Царями-Первосвященниками, были вла-

Digitized by Google

стелинами владѣній Папскихъ. Леонъ III-й признавалъ себя вассаломъ Карла Великаго, прислалъ ему изъ Ахена ключи Петропавловскаго собора и знамя Рима. Оба Императора чеканили монету въ древней столицѣ вселенной; Наполеонъ имѣлъ тамъ своего Губернатора и Область Церковная образовывала два Департамента его Имперіи.

Соборы были составляемы какъ при Карлѣ Великомъ, такъ и при Наполеонѣ. Адріанъ I-й призналъ въ Карлѣ Великомъ право, назначать избраніе Папы и утверждать оное; Наполеонъ держалъ двухъ Папъ, какъ узниковъ въ своихъ владѣніяхъ; созывалъ во Франціи священный Соборъ и надзиралъ за нимъ. При обоихъ Императорахъ духовенство не осмѣливалось требовать, чтобы Церковь имѣла право на государственное управленіе, и ни одинъ Епископъ, ни предъ Карломъ Великимъ, ни предъ Наполеономъ, не дерзалъ возвысить чела своего.

— Сіи два Монарха явили себя также величайшими законодателями, какихъ представляетъ намъ Исторія новѣйшихъ временъ.

Безсмертное Уложеніе Наполеоново, теченіемъ десяти-вѣковыхъ успѣховъ содѣлавшееся совершеннѣе постановленій Карла Великаго, из-

Digitized by Google

вѣстныхъ подъ названіемъ Капитуловъ, не болѣе однакожъ славится какъ и сіи послѣдніе.

Главнѣйшія постановленія Карла Великаго (Капитулы) составлены въ 804-мъ году: Гражданское Уложеніе Наполеона издано въ 1804-мъ году.

Судьбою обоихъ сихъ законоположеній равномѣрно было управляшь не Французами, но другими народами, и быть въ свое время высочайшими памятниками гражданскаго устройства.

Одно изъ первыхъ постановленій Карла Великаго имѣетъ цѣлію — преобразованіе духовенства; Конкордатъ есть также первое законоположеніе Наполеона.

— Карлъ Великій былъ самъ своимъ Министромъ; Наполеонъ лично управлялъ своимъ Совѣтомъ; тотъ и другой творили и приводили въ исполненіе сами.—Внутри и внѣ своихъ владѣній, они полагали начало всякому движенію и давали оному направленіе.

Оба допускали въ Совѣты свои ученыхъ, поэтовъ, литтераторовъ; умѣли выслушиваш, одобрять и опровергать; рѣшали и

Digitized by Google

объясняли споры. Свѣтъ ихъ разума и познаній отражался во всѣхъ дѣйствіяхъ Правительства.

Обоимъ имъ нравилось обнародывать законы изъ градовъ, коихъ врата были отворены ихъ побѣдами. Одинъ издаетъ ихъ изъ Вормса и Падерборна; другой изъ Берлина и Москвы.

— Тотъ и другой были склонны къ деспотизму; но оба равномѣрно удалялись отъ свободы и тиранства.

Ихъ правленіе было столь-же сильно, сколько искусно.

Благоразумный порядокъ царствовалъ въ распоряженіи ихъ финансами. Они сами строго просматривали таблицы доходовъ, расходовъ и счеты своихъ Казначействъ. Содержаніе многочисленныхъ армій, построеніе дворцовъ, сооруженіе народныхъ памятниковъ, основаніе Ахена и Наполеонграда (Napoléonville), издержки войскъ, роскошь Искуствъ и мирныхъ празднествъ — все шло согласно, на все опредѣлялись суммы щедро, съ изобиліемъ, но способомъ столь удивительнымъ, что даже въ самой пышности была наблюдаема экономія, которая никогда впрочемъ не замѣчалась.

Digitized by Google

Однимъ изъ постановленій Карла Великаго запрещалось бродяжничество нищихъ: повелѣніями Наполеона учреждены для нихъ сборы.

Карлъ Великій предполагалъ соединить каналомъ Мозель съ Сеною, Рейнъ съ Дунаемъ и Океанъ съ Понтомъ Эвксинскимъ: великая система воднаго соединенія возымѣла начало при Наполеонѣ.

Булонія при Карлѣ Великомъ содѣлалась приморскимъ городомъ, куда стеклись военные корабли, долженствовавшіе отразить Датчанъ и Нордманновъ отъ береговъ Франціи. Наполеонъ также въ Булоніи соединилъ свою огромную флотилію и великую армію противъ властелиновъ моря — Англичанъ.

Карлъ Великій повелѣлъ выстроить въ Булоніи маякъ; армія Французская воздвигла тамъ колонну въ честь Наполеона.

Карлъ Великій предполагалъ установить однообразіе въ вѣсахъ и мѣрахъ. Наполеонъ застaлъ оное только что опредѣленнымъ, но ему принадлежитъ гораздо важнѣйшая честь — введенія онаго въ его Имперіи.

Карлъ Великій вводилъ обыкновеніе считать фунтами копѣйками (sous) и денаріями; Наполеонъ упрочилъ нововведеніе единства денежнаго счисленія десятеричною системою.

Digitized by Google

Первая мысль объ учрежденіи Университетовъ принадлежитъ Карлу Великому; Наполеонъ въ своей Имперіи основалъ одинъ только Университетъ.

Одинъ наименовалъ *Гросмейстера Наукъ* (Grand-Maître des Études), другой *Гросмейстера Университета* (Grand-Maître de l'Université).

Одинъ положилъ основаніе первой извѣстной Академіи, помѣстилъ ее въ своемъ дворцѣ и самъ возсѣдалъ между ея членами; другой преобразовалъ Національный Институтъ, далъ ему дворецъ, самъ вступилъ въ классъ математическихъ наукъ, и включилъ свое имя въ чреду Академиковъ.

Академическія награды возымѣли свое начало при Карлѣ Великомъ; мысль наградъ, раздаваемыхъ чрезъ каждыя 10 лѣтъ, принадлежитъ Наполеону.

Оба героя занимались Словесностію. Карлъ сочинилъ Грамматику древняго Германскаго языка, отрывки которой собраны Тритемомъ (Tritgeme) въ его Полиграфіи. — Письма и нѣкоторыя стихотворенія на Латинскомъ языкѣ показываютъ, чему были посвящены свободныя минуты Карла Великаго, творца Капитуловъ. Многіе приписываютъ ему старинную народную пѣсню «Роландъ,» которую на берегахъ Англіи, предъ сраженіемъ Гастингскимъ, пѣлъ

Digitized by Google

Бардъ Тайлеферъ. Рѣчи Наполеона, его приказы по Великой Арміи, его воззванія и политическія статьи, помѣщенныя въ Журналѣ «Монитеръ,» достаточно свидѣтельствуютъ о его геніи и характерѣ; а Записки, диктованныя имъ на островѣ Св. Елены, суть какъ-бы завѣтъ его славы для потомства.

Монтескьё сказалъ о Карлѣ Великомъ, что онъ былъ великъ, какъ Монархъ, но явилъ себя еще большимъ какъ человѣкъ. . . . Все покорялось силѣ его генія, который отражался повсюду въ его Имперіи. Въ законахъ сего Монарха видѣнъ всеобъемлющій духъ предусмотрительности и нѣкая сила все увлекающая. Обширный въ своихъ намѣреніяхъ, простой въ ихъ исполненіи, онъ обладалъ въ высшей степени искусствомъ выполнять величайшія дѣла съ легкостію, а трудныя съ быстротою: они отвсюду возникали, а онъ повсюду ихъ оканчивалъ. Сей чудесный Государь былъ самымъ дѣятельнымъ и внимательнымъ, какого мы (Французы,) имѣли. Когда творецъ Духа Законовъ, сдѣлавъ сіе величественное изображеніе Карла Великаго, какъ-бы описалъ въ немъ Наполеона, то сей послѣдній еще не былъ извѣстенъ.

Кромѣ сего, есть и другія черты сходства между сими двумя героями.

Digitized by Google

Карлъ Великій учился у монаха Алкуина: Наполеонъ получилъ образованіе въ военной школѣ, которою управляли также монахи.

Тотъ и другой, въ военныхъ походахъ и среди придворной роскоши, отличались простотою одѣянія. Карлъ Великій подъ синимъ кафтаномъ (sayon) носилъ изъ кожи выдры простую фуфайку и шерстяную тунику или плащъ, окайменный шелкомъ;—Наполеона, сего властелина Европы и побѣдителя стольких Монарховъ, по шляпѣ безъ султана, по платью Національной, Гвардіи безъ шитья, и по сѣрому сюртуку—*Великая Армія* прозвала *маленькимъ капраломъ*.

Дидьеръ, Король Ломбардіи, былъ посланъ Карломъ Великимъ во Францію и умеръ монахомъ въ Корбіи или въ Литтихской странѣ; Карлъ IV, Король Испаніи, былъ сосланъ Наполеономъ сначала въ Компіень, потомъ въ Марсель, и въ Римѣ умеръ такъ-же какъ монахъ.

Наполеонъ и Карлъ Великій испытали первыя неудачи — въ Испаніи.

Исторія равномѣрно осуждаетъ убіеніе Герцоговъ Фріуля и Энгіенскаго; по крайней мѣрѣ сіи два преступленія были совершенно безполезны.

Digitized by Google

— Карлъ Великій и Наполеонъ преодолѣвали огромныя препятствія силою отваги и генія, искусствомъ въ распредѣленіи наградъ, характеромъ твердымъ и волею непоколебимою. — Они одинаково умѣли разрушать и тушить всякаго рода заговоры и союзы противу нихъ другихъ Монарховъ; опорою своему могуществу содѣлывали они безпрерывную славу своего оружія, превосходство своей политики и ужасъ своихъ именъ.

На сторонѣ ихъ были звуки славы, голосъ всего войска, всего духовенства, всѣхъ поэтовъ, всѣхъ ученыхъ. Удивленіе къ нимъ выказывалось въ самой ненависти другихъ Монарховъ. Всѣ скипетры преклонялись передъ ихъ мечемъ; всѣ таланты уступали ихъ генію; всякая сила была ими превозмогаема; всякій ропотъ власти умолкалъ; и въ обѣ сіи великія эпохи, казалось, цѣлая вселенная имѣла одного властелина.

— Но Исторія упрекаетъ Карла Великаго за то, что онъ ничего не упрочилъ:—и такой-же приговоръ критики падетъ на Наполеона.

Тотъ и другой, начавъ собою новыя династіи, почитали, себя въ необходимости безпрерывно поражать вселенную страхомъ и удивленіемъ. Тотъ и другой думали, что

Digitized by Google

короны на ихъ главахъ могли держаться только войною, что твердость ихъ престола могла упрочиться только непрестаннымъ распространеніемъ ихъ владѣній: эта сомнительная политика имѣла, быть можетъ, свою необходимость, но не менѣе того была сопряжена съ опасностями.

Карлъ Великій утверждалъ, что ни одно изъ западныхъ государствъ не должно желать независимости, и что всѣ они должны подпасть его владычеству. Сія необъятная мечта перваго Императора Французовъ, принадлежала также и послѣднему. Но предъ смертію Карлъ Великій позналъ, а Наполеонъ также, еще до Ваперлооской битвы могъ убѣдиться, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столькихъ войнъ была ненависть народовъ, соединившаяся съ ненавистію Монарховъ, и съ того времени потряслись основанія ихъ троновъ.

При вступленіи въ управленіе, Карлъ Великій нашелъ устроенную Монархію и продолжалъ оную: Наполеонъ застalъ основанную другими Республику и уничтожилъ оную. Исторія впослѣдствіи скажетъ, что онъ сдѣлалъ тѣмъ ошибку и помрачилъ свою славу. Слава Вашингтона померкла-бы подъ другимъ вѣнкомъ кромѣ гражданскаго, который онъ избралъ для своей мужественной добродѣтели.

Digitized by Google

— Карлъ Великій умеръ въ 814 году, а Наполеонъ скончался въ 1814 году.

Карлъ Великій не дожилъ 14 года своего царствованія. Наполеонъ палъ также на 14 году со времени возвышенія своего въ Консулы.

Оба героя получили и заслужили названіе *Великихъ*.

Они были велики во всемъ, даже въ своихъ ошибкахъ.

Язычники называли Карла Великаго *Отцемъ вселенныя;* Епископы, въ своихъ объявленіяхъ, именовали Наполеона человѣкомъ избраннымъ ошъ Господа. (*)

Карлъ Великій и Наполеонъ суть два Императора, о коихъ наиболѣе было писано и которыхъ имена содѣлались совершенно народными. — Наконецъ, какъ-бы для послѣдней черты ихъ сходства, если Карлъ Великій и его сподвижники, въ теченіе многихъ вѣковъ являются героями всѣхъ романовъ рыцарскаго времени, то и Наполеонъ, послѣ смерти, выводится на сцену театра, гдѣ его семейство и его сподвижники также выставляются.

(*) l'homme de la droite de Dieu.

Digitized by Google

Нѣтъ ни одного знаменитаго человѣка, котораго жизнь не была-бы омрачена дѣяніями недостойными: таковыя находятся какъ въ жизни Карла Великаго, такъ и Наполеона. Саксонская война говоритъ противу перваго, а война Испанская возстаетъ противу послѣдняго. Благоденствіе и права народныя были совершенно забыты при честолюбивыхъ ихъ замыслахъ и при ихъ понятіи о славѣ. Съ обѣихъ сторонъ дѣянія обвиняютъ ихъ. Но то, что было въ ихъ правленіи заблужденіемъ, искупается величественными страницами Исторіи и исчезаетъ въ безсмертномъ блескѣ, которымъ Карлъ Великій осѣняется уже въ теченіе 10 вѣковъ, и которымъ, какъ онъ, долженъ озариться въ потомствѣ Наполеонъ.

Время изглаживаетъ заблужденія геніевъ и сохраняетъ одну ихъ славу.

І. Крстевъ.

Digitized by Google

КРИТИКА.

— *Рѣшеніе вопроса:* По причинѣ безпрестаннаго умноженія массы историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи, не оказывается-ли нужнымъ измѣнить обыкновенный способъ преподаванія сей науки, и какой онъ долженъ быть именно, какъ вообще, такъ и особенно въ Университетахъ? — *Разсужденіе*, написанное Кандидатомъ Владиміромъ Цыхомъ, для полученія степени Магистра по части Историческихъ наукъ. Харьковъ. 1833. Въ Унив. т. 128 стр. in-8.

Способъ преподаванія Исторіи измѣнялся много разъ. Почти каждый вѣкъ, почти каждое новое движеніе умовъ, заставляли глядѣть на историческія событія съ новой точки зрѣнія, и слѣдственно измѣнять преподаваніе Исторіи. Кромѣ сего, почти каждый писатель Исторіи полагалъ, что онъ можетъ лучше своихъ предшественниковъ представить великія событія историческія. Отселѣ безчисленное множество направленій историческихъ: повѣствовательное, религіозное, археологическое, юридическое, поэтическое, анти-религіоз-

Digitized by Google

ное и проч. и проч., и бездна книгъ учебныхъ, изданныхъ множествомъ учителей и преподавателей исторіи.

Но разнообразіе во взглядахъ и способахъ преподаванія, могло существовать только до тѣхъ поръ, пока Исторія не была возведена на степень Науки. Вико, Гердеръ, Шеллингъ, и новые Французы отдѣлили Исторію отъ другихъ, дотолѣ смѣшиваемыхъ съ нею наукъ, и показали настоящія границы ея. Въ наше время Исторія есть наука, опредѣленная во всѣхъ отношеніяхъ. При такомъ состояніи, казалось-бы, уже легко найдши способъ преподаванія, (ибо наука, сколь ни былъ-бы обширенъ объемъ ея, доступна изученію), и въ немъ должно быть единство, такое-же какъ и въ самой наукѣ. Истина одинакова для всѣхъ. Наука, то есть не вымышленное, не произведенное случайными обстоятельствами, не сцѣпленное произволомъ, и не частное, но истинное, полное, цѣлое явленіе въ жизни человѣчества или природы, Наука также должна быть одинакова для всѣхъ. Отъ чего-же въ изученіи Исторіи видимъ мы столько разнообразныхъ методъ и способовъ? Отъ чего до сихъ поръ нѣтъ ни одной методы, ни одного способа, который можно было-бы назвать окончательнымъ?

Отъ несовершенства въ способѣ преподаванія наукъ вообще; отъ различныхъ потребностей общества; отъ свойства самой Исторіи.

Способъ преподаванія наукъ, остающійся донынѣ въ употребленіи у многихъ народовъ, уже не со-

Digitized by Google

образенъ съ настоящими потребностями вѣка и общества. Если разсмотримъ книги, употребляемыя въ учебныхъ заведеніяхъ, то увидимъ, что вообще онѣ составляютъ только нить, которой слѣдуя долженъ преподаватель развивать свою науку. Но совершенно иначе исполняется намѣреніе учреждавшихъ училища. Почти всегда, преподаватель заставляетъ своихъ учениковъ вытверживать наизустъ всю книгу, не объясняя отъ себя ничего. Эта метода, которая можетъ принесть пользу въ заведеніяхъ первоначальныхъ, употребляется и въ заведеніяхъ высшихъ. Мало этого: тамъ ученику даютъ ту-же самую или такую-же краткую учебную книжку, и заставляютъ его опять учить ее наизустъ. Не говоря уже объ отвращеніи, которое должна поселить въ учащемся эта безконечная перспектива одного и того-же, здѣсь ни сколько не принимается въ соображеніе различіе возрастовъ, которые порождаютъ въ умѣ человѣка совершенно различныя требованія. Что хорошо для десятилѣтняго мальчика, то не годится для двадцатилѣтняго юноши. Но точно такъ учатъ въ школахъ и Университетахъ Германіи и Франціи. Въ Исторіи, напримѣръ, учебныя книги Геерена, Аста, Пёлица, Пуарсона, Лефранка, Дюрозуара, одинаково употребляются у нихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ Университетахъ. Все предоставляется искусству учителя или Профессора. Но хорошихъ Профессоровъ немного во всей Европѣ; учителей еще менѣе, хотя обязанность ихъ гораздо легче Профессорской. Бездарные учители могли

Digitized by Google

исполнять свои обязанности въ то время, когда цѣль наукъ была еще темною задачею, и когда предметомъ училищъ была схоластическая ученость. Но въ наше время, когда науки имѣютъ цѣлію усовершенствованіе и слѣдственно благо общества, должно совершенно измѣнить способъ преподаванія. При невозможности найдти для всѣхъ училищъ хорошихъ преподавателей, надобно чтобы учитель былъ, такъ сказать, лишь путеводцемъ; чтобы онъ только направлялъ и повѣрялъ занятія своихъ учениковъ. Для сего необходимы такія учебныя книги, которыя вполнѣ могли-бы замѣнять учителей, ибо не надобно забывать и того, что если въ училищахъ находится сто тысячь человѣкъ, то вдесятеро болѣе учатся дома, безъ всякаго руководства, изъ книгъ, и сей послѣдній отдѣлъ учащихся есть тотъ, на который долженъ особенно обращать свое вниманіе сочинитель учебной книги. Въ самомъ дѣлѣ: для чего книга, если не льзя читать ея безъ учителя? Неужели только для нѣсколькихъ цифръ, нѣсколькихъ собственныхъ именъ, и немногихъ аксіомъ? Наше просвѣщеніе все въ книгахъ, а метода, которой донынѣ слѣдуютъ въ преподаваніи наукъ, была изобрѣтена въ то время, когда книги были рѣдкостью. Коллегіумы и Университеты были тогда единственнымъ убѣжищемъ для испытательнаго человѣческаго духа. Туда стекалось юношество, и мальчики плакали подъ лозою, вытверживая наизустъ цѣлыя книги въ Коллегіумахъ, а юноши сохли, перечитывая и перетверживая указанія своихъ Профессоровъ въ Универси-

Digitized by Google

шетахъ. Исполинскія in-folio были тогда и средствомъ и цѣлью учености. Слѣдственно, тогдашнія учебныя книги не могутъ удовлетворять нашихъ потребностей. Въ наше время науки имѣютъ другой объемъ, и другія средства въ достиженіи къ цѣли ученія.

Предупредимъ возраженіе, которое могли-бы сдѣлать намъ, указавъ на нѣкоторыя отдѣлы знаній человѣческихъ. Въ самомъ дѣлѣ, по свойству нѣкоторыхъ наукъ, прежняя метода преподаванія можетъ быть употребляема въ нихъ и нынѣ. Таковы, напримѣръ, науки математическія. Книги Эвклида мало устарѣли и до сихъ поръ, ибо истины математическія не измѣняются. Простѣйшее выраженіе сихъ истинъ — вотъ все, чего можно требовать отъ нынѣшнихъ издателей математическихъ книгъ. Далѣе, таково свойство почти всѣхъ знаній, всѣхъ искусствъ приготовительныхъ: Грамматики, Анатоміи, Рисованія, Чистописанія, и проч. Вообще тамъ, гдѣ работаетъ одна память или навыкъ, гдѣ есть извѣстное число неизмѣнныхъ истинъ или правилъ, метода вышверживанія, повторенія, едвали можетъ быть замѣнена какою нибудь другою. Но совсѣмъ иное въ знаніяхъ и наукахъ, гдѣ главную роль играютъ наблюденіе и мыслящая сила человѣка. Тамъ методы должны быть совершенствуемы, вмѣстѣ съ совершенствованіемъ наукъ, ибо въ нихъ безпрерывно производятся новыя открытія, не только въ дальнѣйшемъ развитіи дознанныхъ вѣками истинъ, но и въ тѣхъ частяхъ, которыя уже были извѣстны за много вѣковъ.

Digitized by Google

Чтобы въ Математикѣ сдѣлать новыя открытія, надобно родиться новымъ Ньютономъ, Лейбницомъ, Лапласомъ чтобы въ Исторіи, въ Географіи, въ Естествознаніи сдѣлать новыя усовершенствованія, часто надобно бываетъ одно терпѣливое вниманіе. Въ первой, истины положительны, неизмѣнимы, и обыкновенный умъ человѣческій долженъ только слѣдовать въ ней по пути предшественниковъ; въ другихъ, явленія такъ безчисленны, такъ разнообразны, такъ обманчивы, что лишь усовершенствованіе системы и безпрерывная повѣрка явленій возможны человѣку.

Послѣ сего должно быть ясно, сколь далекъ отъ совершенства нынѣшній способъ преподаванія наукъ, собственно такъ называемыхъ, не приуготовительныхъ, не первоначальныхъ. Въ немъ нѣтъ ни естественной постепенности, ни сообразности съ требованіями людей нынѣшняго вѣка. Способъ ученія долженъ быть не во власти преподавателей, а въ книгахъ, которыми руководствуются они. Онъ долженъ имѣть въ виду не тѣхъ только людей, которые каждое утро сидятъ на учебныхъ скамьяхъ, но вообще всѣхъ, жаждущихъ познанія—все общество. Мы отнюдь не отвергаемъ пользы и необходимости училищъ: никогда не будетъ въ умѣ нашемъ мысли, чтобы простое чтеніе могло замѣнить ученіе правильное. Напротивъ, мы утверждаемъ, что учитель необходимъ для надзора надъ занятіями учащагося, для направленія его къ постоянному послѣдованію за развитіемъ науки, и часто для возбужденія его дѣятельности. Никогда

Digitized by Google

не льзя сдѣлать столь быстрыхъ успѣховъ, какъ при руководствѣ опытнаго наставника. Онъ обращаетъ вниманіе на тѣ точки науки, въ которыхъ заключается болѣе важности, онъ заставляетъ изучать тѣ части, которыя могъ учащійся пропустить безъ впечатлѣнія въ умѣ; однимъ словомъ, онъ есть добрый, знающій совѣтникъ и путеводитель. И это лишь въ ученіи первоначальномъ, въ изученіи подробностей. Въ ученіи высшемъ, какъ сказать Академическомъ, Профессоръ не заботится уже о подробностяхъ: онъ обозрѣваетъ изучаемый предметъ философически; онъ даетъ учащемуся взглядъ, идеи, общее обозрѣніе узнаннаго имъ въ подробностяхъ. Но — много-ли такихъ *идеальныхъ* наставниковъ и Профессоровъ?.. Предоставляемъ каждому опытному и благонамѣренному человѣку дать отвѣтъ на сей вопросъ. Онъ конечно согласится съ нами, что для училищъ, и даже для Университетовъ, необходимы возможно-совершенныя учебныя книги. А читающій классъ людей, развѣ не нуждается въ нихъ? Развѣ не многочисленнѣе онъ класса учащихся?

Размышленія сіи приводятъ насъ опять къ тому, что прежде всего должно усовершенствовать учебныя книги. Какимъ образомъ, и по какому плану должны быть онѣ сочиняемы?

Прежде нежели мы изложимъ свои мысли, представимъ сужденіе, о томъ-же предметѣ, человѣка знаменитаго на поприщѣ Исторіи — бывшаго Профессора Исторіи, и нынѣшняго Французскаго Министра Просвѣщенія — Гизо. Говоря о краткихъ

Digitized by Google

учебныхъ книгахъ, или *Сокращеніяхъ* (Abrégés); онъ выражаетъ между прочимъ слѣдующія мысли:

«Почти всегда, Сокращеніе почитали уменьшеніемъ огромнаго творенія, котораго всѣ части должны быть, какъ при уменьшеніи картины, выражены подъ новою формою, только въ маломъ размѣрѣ. Если-бъ было такъ, если-бъ въ самомъ дѣлѣ Сокращеніе представляло въ уменьшеніомъ видѣ картину цѣлой науки, то есть было-бы методою, болѣе краткою и менѣе затруднительною для объема науки, но отдѣльныя, многообъемлющія сочиненія сдѣлались-бы безполезны, и имъ надлежало-бы предпочесть Сокращенія. Таково и было мнѣніе осмнадцатаго вѣка. Особенно занимаясь распространеніемъ наукъ, онъ полагалъ, что можно передать ихъ вполнѣ всякому, и что для этого надобно только представлять ихъ въ уменьшенномъ видѣ. По этой системѣ было издано множество Сокращеній, особенно Исторіи, каковы напримѣръ сочиненныя Аббатомъ Миллотомъ. Они составлены явно по плану большаго сочиненія, съ намѣреніемъ представить читателю общность науки, и съ желаніемъ оказать во имя ея всѣ возможныя услуги. И дѣйствительно, въ нихъ есть все: происшествія историческія и мысли писателя, повѣствованіе и размышленія, анекдоты и сужденія, хронологическій рядъ событій, и философическая картина развитія гражданственности, узаконенія и нравы. Не забыто ничто, но за то все не на своемъ мѣстѣ, все не въ естественныхъ размѣрахъ, все не въ истинномъ видѣ; повѣствованіе краткое, холодное,

Digitized by Google

сухое, лишено всѣхъ мѣстныхъ оттѣнковъ, всякаго интереса драматическаго; общіе взгляды пристрастны и поверхностны. При этой системѣ, необходимость сказать все скорѣе, и заставишь понять себя на лету, принуждаетъ автора показывать все подъ извѣстными условными видами, и часто въ ложныхъ отношеніяхъ къ мнѣніямъ той публики, къ которой онъ обращается. Въ такой книгѣ не достаетъ мѣста для истинъ оригинальныхъ, а общія мѣста бываютъ безчисленны; настоящая, дѣйствительная физіогномія событій или историческихъ лицъ изглаживается тамъ, ибо авторъ боится быть скучнымъ, и въ то время, когда предразсудки бываютъ усилены, когда мнѣнія всѣ идутъ по одной дорогѣ, такія сокращенія должны походить не столько на сочиненія Историческія, сколько на памфлеты, порожденные случайными обстоятельствами.

«Общественный умъ не пріобрѣтаетъ ничего, или почти ничего отъ подобнаго ученія. Можно сказать, что Сокращенія Римской Исторіи были, вѣроятно, не совсѣмъ чужды и той революціонной учености, которая почитала Брута новозводителемъ, а Цезаря тираномъ прежняго правленія. Не въ такой амальгамѣ событій и мыслей, наскоро сбросанныхъ въ кучу, могутъ умы, не знавшіе ученія, открыть полезныя истины. Цѣль сокращеній — открыть передъ ними, такъ сказать, книгу науки на томъ мѣстѣ, которое нужно имъ, и для того она должна быть создана по одной, простой идеѣ, такимъ образомъ, чтобы читающій извле-

Digitized by Google

калъ изъ нея не безпорядочное свѣдѣніе о наукѣ, но ясный взглядъ на то, что необходимо знать ему.

« Это существенное, необходимое знаніе будетъ различно, смотря по различію умовъ и разныхъ классовъ читателей. Каждая наука относится ко многимъ потребностямъ; не всѣ требуютъ отъ нея одного и того-же, и не съ однимъ намѣреніемъ. Трудно, напримѣръ, чтобы одно и тоже Сокращеніе Химіи, могло поставить наравнѣ съ общимъ состояніемъ науки одного читателя, и сообщить другому ея примѣненія къ краспльному искуству, или къ какой нибудь другой отрасли промышленности. Такимъ образомъ выходитъ ясно, что соображаясь съ читателями, къ которымъ относятся, и съ потребностями, которыя должно удовлетворить, одну и туже науку можно и должно представлять съ разныхъ точекъ зрѣнія, и въ разныхъ Сокращеніяхъ, изъ коихъ каждое должно быть направлено къ особенной цѣли и слѣдовать своей главной идеѣ.

« Особенно въ Исторіи чувствительна необходимость подобнаго раздѣленія. Изъ всѣхъ наукъ, Исторія есть можетъ быть самая сложная. Родъ человѣческій оказываетъ свою дѣятельность подъ такимъ множествомъ формъ, идетъ такимъ множествомъ путей къ исполненію судебъ своихъ, что безъ обширнаго изученія невозможно вдругъ совокупить и распредѣлить, въ надлежащемъ порядкѣ, столько событій, сложныхъ и вмѣстѣ различныхъ, столько различныхъ послѣдствій одной и той-же

Digitized by Google

причины, столько причинъ, способствующихъ одному и тому-же дѣйствію. Если-бы надлежало отличишь только событія, такъ сказать вещественныя, отъ событій нравственныхъ, время и внѣшнюю форму происшествій отъ скрытаго вліянія ихъ на гражданственность, на мнѣнія и общественное состояніе людей, то уже было-бы очень трудно представить въ Сокращеніи, съ ясностію и простотою, эти два отдѣла Исторіи; то идеи будутъ опережать порядокъ событій, то событія будутъ оставлять за собою идеи; воображеніе и умъ тщетно будутъ искать въ вашей книгѣ вѣрнаго изображенія того, что совершалось въ дѣйствительности. Ясное и живое представленіе дѣйствительности возможно только въ Исторіи подробной, гдѣ предметы постигаются безъ труда, потому что они изображены вполнѣ и во всѣхъ видахъ. Вы должны, напримѣръ, изложить Крестовые походы; вы хотите, чтобы у васъ вмѣстѣ шли разсказъ событій и картина вліянія ихъ на гражданственность, нравы, богатство, Искусства Европы; придавъ сочиненію вашему размѣры большой Исторіи, вы можете вывести на сцену людей съ ихъ характерами, страстями, привычками; читатель увидитъ, какъ мало по малу измѣняются они подъ рукою событій, и какъ въ свою очередь измѣняютъ все, что входитъ въ кругъ ихъ дѣятельности; онъ увидитъ Европу, внимательную къ этому странному зрѣлищу, и принимающую отъ него множество впечатлѣній разнообразныхъ, обильныхъ послѣдствіями. Въ Сокращеніи, напротивъ, надобно все изъяснять, ибо ничто не можетъ быть тамъ изображено вполнѣ;

Digitized by Google

Философія Исторіи не выходитъ сама собою изъ однихъ событій: надобно знать еще ихъ отношенія къ нравственному состоянію людей, потому что вторженіе Татаръ въ Китай и Гунновъ въ Имперію Западную должны имѣть слѣдствія совершенно различныя. Но изображеніе человѣка нравственнаго есть именно предметъ, исключаемый изъ Сокращеній, въ коихъ излагается Исторія событій, ибо этотъ предметъ всего болѣе занимаетъ мѣста. Слѣдовательно, стараться о Философическихъ картинахъ въ Сокращеніяхъ сего рода, значитъ идти противъ истинной ихъ цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы помогать памяти, а не вызывать на размышленія.

«Гораздо легче выполнить это двоякое намѣреніе, если стремиться къ нему отдѣльно, въ сочиненіяхъ различныхъ. Въ одномъ можно ограничиться какъ-бы изображеніемъ скелета Исторіи, формы и хода событій внѣшнихъ, вѣрно расположенныхъ по порядку времени, безъ усилій связать ихъ какою нибудь Философическою или Литературною нитью. Въ Исторіи Франціи, напримѣръ, тамъ будетъ послѣдованіе Королей, время ихъ рожденія, вступленія на престолъ, смерти; въ каждомъ царствованіи главнѣйшія происшествія, съ точнымъ означеніемъ времени, войны, сраженія, трактаты, внутренніе перевороты, важнѣйшіе законы и изображенія; наконецъ имена великихъ людей и заглавія славныхъ сочиненій, явившихся въ описанный періодъ времени. Такія Сокращенія, годныя дѣтямъ для выучиванія наизусть, останутся мага-

Digitized by Google

зинами матеріяловъ, гдѣ память будетъ черпать все что нужно ей. По такому плану написано сочиненіе Президента Гено; только оно слишкомъ длинно; событія худо расположены или худо избраны въ немъ; желаніе философствовать еще не совсѣмъ изгнано изъ него. Достоинство и трудность книгъ сего рода состоитъ особенно въ точномъ соблюденіи размѣровъ; въ нихъ должно тщательно остерегаться, чтобы одна подробная часть не отняла мѣста у другихъ, чтобы происшествія незначительныя не вытѣснили событій общей важности. Достигнуть этого можно не иначе, какъ устранясь отъ всякой системы, отъ всякаго желанія выразить какія нибудь мнѣнія, какія нибудь истины. Сокращеніе должно быть только вѣрною и полною перепискою; Историческія богатства должны быть въ немъ выставлены, но не употреблены въ дѣло.

«Другія Сокращенія, созданныя по другому плану, предполагаютъ въ читателяхъ предварительное познаніе главнѣйшихъ Историческихъ событій, и стремятся только представить сіи событія съ новой точки зрѣнія, въ отношеніи ихъ къ какому нибудь единому, общему событію, такому, каковы ходъ гражданственности, узаконеній, распространеніе и дѣйствіе нѣкоторыхъ идей, религіозныхъ вѣрованій, Литтературы, наукъ, того или другаго образа правленія, и проч. Вотъ что хотѣли представить, Боссюэтъ въ своемъ *Разсужденіи о Всеобщей Исторіи*, и Монтескьё въ *Величіи и упадкѣ Римлянъ*. Такія Сокращенія могутъ принести поль-

Digitized by Google

зу какому нибудь началу, какой нибудь идеѣ; могутъ также быть написаны и для того только, чтобы озарить какую нибудь часть Исторіи болѣе живымъ, высшимъ свѣтомъ. Во всякомъ случаѣ они относятся къ умамъ, способнымъ размышлять, и уже напитаннымъ сколько нибудь чтеніемъ. Степень ихъ полезности зависитъ отъ дарованія писателя, отъ вѣрности и обширности его идей. Это уже условія, а не правила.»

Сужденія сіи, въ которыхъ Гизо умѣлъ выразить много мыслей вѣрныхъ, и показать, нѣкоторымъ образомъ, потребность нашего времени, должны быть приняты нами съ осмотрительностью, ибо мы пишемъ не для той публики, которую имѣлъ онъ въ виду. Сверхъ того, мы не можемъ согласиться съ нимъ и въ нѣкоторыхъ изъ основныхъ мыслей.

Мы видѣли неудобство нынѣшняго способа преподаванія Исторіи, и убѣдились, что въ настоящее время надобно все заключить въ самой учебной книгѣ, а потомъ благодарить Бога, если учитель будетъ содѣйствовать занятіямъ своихъ учениковъ, ибо сіе послѣднее преимущество встрѣчается очень рѣдко, или по крайней мѣрѣ не всегда. Но Гизо, представляя прекрасный планъ для сочиненія Краткой Исторіи, имѣетъ въ виду одну читающую публику, а не учениковъ, и далѣе говоритъ ясно, что «Сокращеніе, назначенное для учительскихъ лекцій, должно быть создано и написано совсѣмъ по иному плану.» Въ этомъ мы совершенно отдѣлены отъ него нашимъ мнѣніемъ.

Digitized by Google

Обученіе первоначальное должно дѣйствовать одинаково на умъ каждаго человѣка. На этомъ основано самое учрежденіе училищъ, ибо тамъ каждый ученикъ долженъ узнать свой предметъ въ возможномъ совершенствѣ; иначе, зачѣмъ сбирать сотню мальчиковъ, для того чтобы изъ нихъ только трое узнали преподаваемый имъ предметъ хорошо, десятеро посредственно, а всѣ остальные остались невѣждами? Но несовершенство нынѣшней методы преподаванія сдѣлало сіе неудобство всеобщимъ, и утвердило его какъ законъ. Законъ, совершенно ложный, ибо понятія у всѣхъ людей одинаковы, и слѣдственно каждый человѣкъ равно можетъ изучить все, что относится къ онымъ. У всякаго человѣка есть память, писная способность ума, удерживающая понятія, образы, слова. Эта великая истина не открыта, но приведена въ ясность, человѣкомъ, совсѣмъ не геніяльнымъ, І. Жакото. На ней основалъ онъ свою методу, безотчетно, такъ сказать наткнувшись на нее практически, въ какомъ-то благодѣтельномъ ясновидѣніи. Всего вѣрнѣе можно сравнить его съ Месмеромъ, открывшимъ великую тайну природы почти такимъ-же образомъ. Не мѣсто здѣсь распространяться о методѣ Жакото: намъ нужна только основная истина ея, что понятія одинаковы у каждаго человѣка, и слѣдственно каждый человѣкъ способенъ одинаково узнать все, что относится къ нимъ. На этомъ законѣ должно быть основано и первоначальное обученіе Исторіи, или знаніе скелета Исторіи, какъ говоритъ Гизо. При этомъ и учитель будетъ именно тѣмъ лицомъ, котораго

Digitized by Google

назначеніе показали мы выше: онъ будетъ только совѣтникомъ, поощрителемъ, предоставляя весь трудъ памяти ученика. Гизо упоминаетъ о выучиваніи наизустъ: это все, чего можно требовать при первоначальномъ обученіи; это единый способъ положить твердыя основанія наукѣ; прибавимъ: это метода Жакото. Въ самомъ дѣлѣ: неужели можно требовать отъ мальчика, или отъ человѣка, только приступающаго къ изученію Исторіи, чтобы онъ разсуждалъ о событіяхъ оной или глядѣлъ на нихъ философически? Требованіе, невозможное при обученіи первоначальномъ, но необходимое при дальнѣйшемъ развитіи свитка Исторіи, гдѣ метода выучиванія наизустъ не годится рѣшительно. Здѣсь другіе законы и другія требованія.

Что значитъ ученіе Университетское? То, въ которомъ человѣкъ, уже ознакомившійся съ началами, съ подробностями науки, получаетъ взглядъ на пріобрѣтенныя имъ прежде свѣдѣнія, утверждаетъ ихъ въ умѣ своемъ уже какъ идеи, а не какъ матеріялы, и наконецъ, ознакомляется со всѣми источниками, изъ коихъ можетъ онъ черпать дальнѣйшія свѣдѣнія. Профессоръ обязанъ сообщить ему все это. Но гораздо большую услугу окажетъ ему книга, въ которой будетъ заключаться все, что можетъ сказать самый лучшій Профессоръ, и которую, сверхъ сего, онъ можетъ читать въ уединеніи кабинета, не развлекаясь шумною толпою слушателей, и вникая въ каждую мысль, повѣряя каждое указаніе писателя! Вотъ истинное, высшее ученіе! Имѣя особенно въ виду Исторію,

Digitized by Google

мы напомнимъ читателямъ, что великихъ Историковъ, такъ-же какъ и истинныхъ Профессоровъ, весьма не много. Но за то книги, ими написанныя, доступны всякому: не только всѣ мы пользуемся, но и будущія поколѣнія будутъ пользоваться великими уроками Исторіи въ сочиненіяхъ Ѳукидида, Тацита, Макіавеля, Робертсона, Гиббона, Гердера, І. Мюллера, Нибура, Тьерри. Вотъ истинные Профессоры, которые съ равною привѣтливостью и съ равнымъ тщаніемъ готовы ввести каждаго въ изслѣдованныя ими отдѣленія храма Исторіи. Чтеніе сихъ великихъ писателей конечно принесетъ болѣе пользы, нежели три обыкновенные курса Университетскіе. И такъ — вотъ книги для обученія высшаго, Университетскаго если угодно, ибо писать на заказъ подобныя сочиненія, какъ желаетъ Гизо, невозможно. Для нихъ надобно родиться и воспитаться совсѣмъ особеннымъ образомъ. Иное дѣло курсы первоначальные: для нихъ потребны только терпѣніе и точность.

Метода сія и употребляется нѣкоторыми Профессорами; но только рѣдко въ дѣлѣ Исторіи. Они берутъ какого нибудь отличнаго писателя, напримѣръ Тита-Ливія, или Горація, для Латинскаго слога, Біота для Физики, Берцелія для Химіи, и, разбирая сочиненія ихъ, проходятъ предметъ, назначенный для годоваго курса. Вотъ чего желалъбы я и для Исторіи. Пусть Профессоръ Римской Исторіи возьметъ, напримѣръ, Мишеле, и сдѣлаетъ для своихъ слушателей, въ продолженіе года, подробный критическій разборъ его превосход-

Digitized by Google

наго сочиненія. Профессоръ Всеобщей Исторіи могъ-бы избрать для своего предмета сочиненіе Іоанна Мюллера, и также пополнить его указаніями, замѣчаніями, поправками. Однимъ словомъ, онъ долженъ избрать, для лекцій своихъ, какого нибудь геніяльнаго, признаннаго въ ученомъ мірѣ классическимъ писателя, и только дополнять его, въ продолженіе курса, своею опытностью и начитанностью, ибо можно думать, что удостоиваемый быть Профессоромъ Исторіи, въ состояніи сдѣлать это. Но если-бы даже и просто *читалъ* онъ своимъ слушателямъ Мишеле, Робертсона, Мюллера, то конечно принесъ-бы имъ черезъ то болѣе пользы, нежели заставляя выучивать Пёлица, Пуарсона. . . . Только, ради Бога, пусть онъ бережется составлять самъ книгу, если не чувствуетъ на то особеннаго призванія, и не употребляетъ ея, если книга его не будетъ признана классическою въ ученомъ мірѣ, а получитъ лишь одобреніе какого нибудь ученаго сообщества, составленнаго, можетъ быть, изъ его-же собратій.

Такимъ образомъ, для обученія первоначальнаго, такъ сказать народнаго — тѣ учебныя книги, коихъ требуетъ Гизо; для ученія Университетскаго, высшаго — Классики Исторіи: вотъ путь, по которому, кажется намъ, должно идти при обученіи Исторіи. Читатель, уже неудовлетворяемый краткою учебною книгою, можетъ также переходить къ Классикамъ, ибо неудовлетворенное любопытство его служитъ доказательствомъ, что онъ въ силахъ читать ихъ.

Digitized by Google

Авторъ Диссертаціи, которая подала намъ поводъ къ симъ размышленіямъ, полагаетъ, что для первоначальнаго обученія должно руководствоваться книгами, которыя называетъ онъ писанными по методѣ Французской, гдѣ не очень заботятся о точности системы, гдѣ относительно выбора происшествій руководствуются занимательностію оныхъ, или важностію въ нравственномъ отношеніи; касаясь какого нибудь происшествія, не довольствуются одними намеками и главными чертами, но излагаютъ оное подробно, и при томъ такъ, чтобы въ самомъ изложеніи заключались средства, облегчающія изученіе онаго. Для Университетскаго преподаванія Исторіи, онъ указываетъ на Геерену Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums, и на Новую Исторію того-же Автора (вѣроятно *Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій*), прибавляя: «Творенія, весьма уважаемыя, но все еще, кажется, цѣнимыя ниже своего достоинства. По моему мнѣнію, совершеннѣе въ семъ родѣ и быть ничего не можетъ (стр. 99-я.» Изъ всего сказаннаго нами можно было видѣть, что мы не согласны съ этимъ. Геерена Древняя Исторія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не принесетъ пользы въ рукахъ Профессора обыкновеннаго; она можетъ быть хороша для лекцій самого Геерена, или одинакихъ съ нимъ достоинствъ Профессора; но гдѣ взять такихъ людей? Кто возмется развить сжатую мысль человѣка столь великой учености какъ Геерен? Касательно первоначальнаго обученія, мы даже не вполнѣ понимаемъ мысль Автора, и, признаться

Digitized by Google

сказашь, не знаемъ ни одного сочиненія Французскаго, которое удовлетворяло-бы всѣмъ требованіямъ учебной исторической книги.

Начавши говорить о Диссертаціи Г-на Цыха, прибавимъ, что сочиненіе сіе дѣлаетъ честь молодому Автору. Въ немъ видна большая начитанность, есть идеи, есть много современности. Не по всѣхимъ учебнымъ книжкамъ судилъ о своемъ предметѣ Г-нъ Цыхъ, а по лучшимъ сочиненіямъ историческимъ. Ему знакомы Геереиъ, Нибуръ, Гёрресъ, Крейцеръ, Тьери, Савиньи, и другіе, судя по упоминаніямъ о нихъ. Не соглашаясь съ Г-мъ Цыхомъ въ его выводѣ, мы готовы всегда отдать справедливость уму и образованности, гдѣбы ни встрѣтились они.

Чувствуемъ напередъ, что мнѣнія наши не могутъ понравиться закоснѣлымъ любителямъ избитыхъ дорогъ. Но перомъ нашимъ водило желаніе не понравиться или угодить кому нибудь, а желаніе указать на способъ, который почитаемъ мы совершеннѣйшимъ для обученія Исторіи. Мы не почли нужнымъ входить въ дальнѣйшія указанія, и распространяться о занятіяхъ Исторіею, собственно ученыхъ. Ознакомленіе съ началами науки, твердое основаніе для будущихъ занятій, вотъ на что хотѣли мы указать. Посему никто не въ правѣ сказать, что мы забыли о самыхъ источникахъ историческихъ, о лѣтописяхъ, археологическихъ памятникахъ, народныхъ сказаніяхъ и проч. — Это средства и занятія совсѣмъ инаго рода. Мы хотѣли только обратить вниманіе на источники

Digitized by Google

чистые, свѣтлые и вѣрные для достиженія къ желаемой цѣли; мы хотѣли только показать, что есть средство выйдти изъ нынѣшней невѣрной, избитой колеи, есть средство оставить нынѣшній несовременный способъ преподаванія Исторіи. Великая Наука является въ такомъ жалкомъ состояніи въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, что это должно заставлять каждаго благомыслящаго человѣка — скорбѣть о настоящемъ и всѣми средствами стремиться къ лучшему. Мы исполнили свой долгъ по совѣсти; кто представитъ намъ средства вѣрнѣйшія, лучшія, съ тѣмъ радостно согласимся мы и примемъ его мнѣніе. Но въ настоящемъ состояніи своемъ, обученіе Исторіи не имѣетъ характера науки, и нисходитъ до пустаго повторенія словъ. Это неоспоримо.

К. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Стихотворенія Н. Языкова.* СПб. Въ т. вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1833. IX и 308 стр. in-12.

Г-нъ Языковъ писалъ только въ лирическомъ родѣ. Воображеніе его, порывистое, яркое, живое, укладывается только въ лирическую форму. Мицкевичъ прекрасно сравниваетъ поэта съ волною моря, которая, хлынувъ на берегъ, убѣгаетъ назадъ и оставляетъ послѣ себя перлы и драгоцѣнности, хранимыя въ таинственной глубинѣ моря. Можно сравнить и дѣятельность творческой силы съ дѣятельностью моря, которое наконецъ образуетъ цѣлыя гряды изъ своихъ посылокъ земль. Мгновенные восторги лирическаго поэта также образуютъ наконецъ нѣчто цѣлое, полное своею разнообразною общностью, и даютъ тогда средство судить о свойствахъ стихіи, породившей сіе явленіе. Такъ изъ отдѣльныхъ, мѣлкихъ стихотвореній Г-на Языкова, составилось наконецъ цѣлое собраніе образовъ, чувствованій, картинъ. Можно

Digitized by Google

и должно сказать о немъ свое мнѣніе, и болѣе другихъ намъ, которыхъ иногда упрекали не въ безпристрастіи къ Г-ну Языкову. Настоящій разборъ покажетъ, справедливо-ли это обвиненіе.

Лирическая Поэзія дѣйствительно есть слѣдствіе вдохновеній мгновенныхъ, не столь продолжительныхъ, какъ вдохновенія Поэзіи Эпической или Драматической. Эпикъ и драматикъ приходятъ въ восторгъ отъ идей, объемлющихъ собою цѣлое, такъ сказать событіе, продолжительное, разнообразное, многостороннее, и вдохновеніе ихъ должно быть также долговременно, ибо выразить какую нибудь огромную идею не льзя безъ нѣкотораго труда, безъ продолжительной дѣятельности, безъ преодолѣнія многихъ трудностей. Вдохновеніе поэта лирическаго, напротивъ, есть одинъ пламенный взглядъ, одна мысль, часто одинъ образъ, вставленные въ изящную оправу. Стихи и гармонія стиховъ для него необходимы, ибо въ Лирической Поэзіи музыка не отдѣлима отъ словъ. Первоначальное выраженіе ея въ пѣсни, и самое названіе пѣвца всего приличнѣе тому поэту, у котораго самый родъ поэзіи получилъ свое названіе отъ лиры. Потому-то и всякое лирическое произведеніе непремѣнно выливается въ стихахъ, въ звукахъ гармоническихъ, и бываетъ кратко, пѣвуче, какъ пѣснь. Недостанетъ никакой груди для пѣнія продолжительнаго; недостанетъ ни вдохновенія, ни предмета лирическаго для произведенія объемнаго, каковы поэма и драма.

Digitized by Google

Но одушевляясь восторгами крашкими, увлекая и своихъ читателей только на мгновенія, поэтъ лирическій, разумѣется истинный поэтъ, всегда бываетъ вѣренъ самому себѣ, то есть одушевляется въ одномъ направленіи, въ одной сферѣ, одинакимъ образомъ, ибо онъ всегда остается одинъ и тотъ-же человѣкъ. Перемѣняются образы и предметы, перемѣняется и состояніе духа въ самомъ поэтѣ, но его душа, его воображеніе, его природа — неизмѣнны. Эта неизмѣнимость его есть вѣрный признакъ силы и дарованія, ибо она показываетъ неистощимость воображенія и могущество души, всегда одинаково пріемлющихъ впечатлѣнія. Это — употребимъ слово не Русское, непріятное для слуха, но здѣсь необходимое — индивидуальность поэта, ибо сего свойства не выражаетъ ни Русская самобытность, ни варварски-выкованная особность. Индивидуальность есть собственная принадлежность поэта лирическаго, ибо драматикъ и эпикъ бываютъ скрыты въ своихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ лирикъ всегда выражаетъ себя, и только себя. Онъ не думаетъ осуществлять идеи какой нибудь страсти, какого нибудь характера или событія; онъ сказываетъ намъ только свои впечатлѣнія, при взглядѣ на предметъ. Представляя какое нибудь лицо и заставляя говорить его, онъ всегда ставитъ себя на мѣсто его и высказываетъ намъ свои мысли.

Другое свойство, необходимое въ поэтѣ лирическомъ, есть современность, ибо кромѣ того что онъ человѣкъ, онъ еще сынъ какой нибудь земли и гражданинъ какого нибудь вѣка. Берегитесь тѣхъ

Digitized by Google

лирическихъ поэтовъ, которые не знаютъ ни отечества, ни времени: это самозванцы. Человѣкъ не можетъ вдохновляться тѣмъ, чего онъ не видитъ и не понимаетъ, и потому восторги его при такихъ предметахъ всегда показываютъ поддѣльность дарованія. Человѣкъ, въ наше время трепещущій отъ восторга при имени Аполлона и девяти Музъ, рѣшительно лжетъ на себя, или говоритъ шутя. Русскій, желающій быть Грекомъ, Римляниномъ или Итальянцемъ въ Лирической Поэзіи — не поэтъ, ибо онъ идетъ вслѣдъ и подражаетъ поэтамъ чужеземныхъ народовъ, а подражатель не знаетъ вдохновенія. Это ремесленникъ, копирующій чужой рисунокъ, а не самъ создавшій его. И на оборотъ, человѣкъ, не одушевляющійся при взглядѣ на свою природу, на могилы и дѣянія своихъ предковъ, не волнуемый идеями своего времени, своей судьбы, своихъ согражданъ, есть существо слабое, себялюбивое, мѣлкое, ничтожное, ибо только собственную особу видитъ онъ во всей природѣ, во всемъ мірѣ, во всемъ отечествѣ своемъ. Не впечатлѣнія предметовъ на душу свою хочетъ онъ передать намъ, а только мѣлкія требованія своего самолюбія.

Если мы зададимъ себѣ вопросъ: какое чувство преимущественно выражаютъ Стихотворенія Г-на Языкова? то будемъ приведены въ большое затрудненіе. Если спросимъ себя также: какія идеи господствуютъ въ звучныхъ стихахъ Г-на Языкова? отвѣтъ будетъ не менѣе затруднителенъ. Но все еще скорѣе можно отыскать индивидуальность у

Digitized by Google

сего поэта (ибо она должна быть, болѣе или менѣе, у всякаго пишущаго), нежели откроешь какія нибудь идеи во всѣ шестнадцати напечатанныхъ его стихотвореніяхъ. Господствующее чувство у него, какая-то живость, разгульность; но воображеніе его не поражается глубоко ничѣмъ и довольствуется впечатлѣніями легонькими, поверхностными. При этомъ стихи Г-на Языкова закалены громомъ и огнемъ Русскаго языка. Немногіе изъ стихотворцевъ Русскихъ умѣли такъ счастливо пользоваться богатствомъ выраженій и неожиданностью оборотовъ нашего могучаго языка! Замѣтимъ, что это достоинство важно въ стихотворцѣ, а не въ поэтѣ. Конечно, поэтъ, и особенно лирическій, долженъ быть равно превосходенъ и въ наружной отдѣлкѣ, и во внутреннемъ смыслѣ своихъ произведеній; но это-же самое показываетъ, что одно изъ сихъ свойствъ, безъ другаго, есть уже несовершенство. Безъ господствующаго чувства, безъ индивидуальности, нѣтъ лирическаго поэта, ибо отсутствіе индивидуальности показываетъ слабость воображенія, которое у поэта должно глубоко и пламенно отражать то, что незамѣтно скользитъ по душевнымъ фибрамъ людей обыкновенныхъ. Предметы существуютъ для всѣхъ равно, но различно отражаются въ душахъ. Въ этомъ отношеніи поэтъ подобенъ зеркалу, которое ясно и вѣрно показываетъ все, что приходитъ въ оптическую точку его. Но поверхность тусклая, или слабо отполированная, представляетъ намъ всѣ предметы невѣрно и неясно: таково свойство и людей обыкновенныхъ. Напротивъ,

Digitized by Google

тѣснясь въ душу поэта, всѣ впечатлѣнія становятся ясны и разительны, ибо поэтъ, такъ сказать, сосредоточиваетъ въ одинъ фокусъ разбѣгающіеся лучи и передаетъ ихъ въ семъ новомъ, преображенномъ видѣ толпѣ, жадной и готовой принимать все, чего не можетъ она создать собственными силами. Но этого-то свойства нѣтъ въ Г-нѣ Языковѣ. Всѣ впечатлѣнія скользятъ по душѣ его. У него нѣтъ той индивидуальности, которая пламенѣетъ яркимъ огнемъ и отражается милліонами радужныхъ переливовъ въ стихотвореніяхъ Державина, всегда сильныхъ, разительныхъ и остающихся въ душѣ; у него нѣтъ глубины впечатлѣній Пушкина, передаваемыхъ въ образахъ ясныхъ и свѣтлыхъ, но оттѣненныхъ какою-то поэтическою грустью; нѣтъ веселости, нѣтъ самозабвенія Батюшкова, прославляющаго вино и забавы не потому что они туманятъ голову, но потому что онъ узналъ непрочность и невѣрность всего подлуннаго, узналъ какъ поэтъ; и доказываетъ намъ это каждымъ своимъ стихотвореніемъ; у него нѣтъ и стремленія въ лучшій міръ, столь плѣнительнаго въ грустныхъ и веселыхъ вдохновеніяхъ Жуковскаго. Однимъ словомъ, у Г-на Языкова нѣтъ впечатлѣній, которыя показали-бы намъ его душу, нѣтъ индивидуальности поэтической. Онъ говоритъ какъ толпа современной молодежи, только сопровождаетъ слова свои звуками гармонической лиры.

Искать-ли у него идей и вдохновеній народныхъ, Русскихъ, или современныхъ, всемірныхъ? Трудъ

Digitized by Google

будетъ напрасенъ. Г-нъ Языковъ не подражаетъ никому: въ этомъ должно отдать ему справедливость; но за то онъ глядитъ и на всѣ предметы равнодушно. Никакое событіе, никакое явленіе, никакое чудо природы не поражаетъ его. Онъ холоденъ ко всему, кромѣ немногихъ, можно сказать домашнихъ своихъ отношеній. Главный предметъ пѣснопѣній его — студенческая жизнь въ Дерптѣ. Она заставила его написать довольно посланій къ товарищамъ, къ друзьямъ, довольно описаній празднествъ и подвиговъ студенческихъ. Любовь — чувство непонятное для Г-на Языкова. Онъ прославляетъ розовыя ланиты, пурпурныя уста, ушѣхи любви; но любовь истинная, любовь Мицкевичей, Петраркъ, Шиллеровъ, неизвѣстна ему. Еще важный отдѣлъ занимаетъ у Г-на Языкова воспоминаніе о знакомствѣ съ Пушкинымъ. Когда-то случилось Дерптскому поэту съѣздить въ Тригорское и погостить тамъ у Пушкина. Сколько вдохновенія доставили ему проведенные тамъ часы! Старая няня, завтраки, пуншъ новаго изобрѣтенія, шашкіе столики и бревенчатые мостики, словомъ, всѣ достопамятности Тригорскаго воспѣты Г-мъ Языковымъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Кажется, это самое живое впечатлѣніе жизни его, передъ которымъ уничтожается даже Дерптская жизнь, хотя о ней писалъ онъ гораздо больше.

Что еще найдемъ мы у Г-на Языкова? Нѣсколько альбомныхъ стихотвореній, очень милыхъ; нѣсколько поэтическихъ воспоминаній о старой Руси; нѣсколько посланій, задумчивыхъ, прелестныхъ.

Digitized by Google

Намъ кажется даже, что Г. Языковъ не рожденъ быть поэтомъ веселія, хотя особенно ему жертвовалъ онъ на алтарѣ Музъ. Мнѣніе сіе не покажется страннымъ, если сообразимъ, что лучшія стихотворенія его, какъ то: *Ливонія*, *Пловецъ*, *Воспоминаніе объ А. А. Воейковой*, и нѣкоторыя Элегіи, принадлежатъ не къ тѣмъ, въ которыхъ Поэтъ старался выразить буйство разгула, и которыя часто приторны и несносны. Даруй Богъ, чтобы лѣта охладили прививные восторги Поэта, и обратили его на истинный путь дарованія — на неподдѣльность мыслей и чувствъ.

Впрочемъ, всегдашнимъ, лучшимъ перломъ стихотвореній Г-на Языкова останется выраженіе оныхъ. Въ этомъ онъ часто бываетъ прекрасенъ и плѣнителенъ. Вотъ изображеніе вечера:

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ,
Звѣздами убранный, лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и щёлкалъ соловей.

Какая роскошь и вѣрность въ этой картинѣ! Для противоположности, представимъ очеркъ совсѣмъ другаго рода:

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ Кіевскихъ вратъ:

Digitized by Google

Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ Днѣпровскій, въ долину спѣшатъ,
Могильнымъ общественнымъ иромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
Великому *бранью* и миромъ.

Эти стихи, мужествомъ своимъ напоминаютъ *Олега* Пушкинскаго. Но всего лучше у Г-на Языкова порывистые, *удалые* стихи его. Приведемъ въ примѣръ маленькое посланіе *къ А. Н. В—у.*

Скажу-ль тебѣ, кого люблю я,
Куда летятъ мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очахъ ея, денница
Обыкновенная звѣзда.
На взоры страстные, на слезы
Она безчувственно глядитъ;
Но пламенны младыя розы
Ея застѣнчивыхъ ланитъ.
Ее жестоко осуждаютъ:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,
Чего-жь они не замѣняютъ?

Мы высоко уважаемъ дарованіе Г-на Языкова, и отдаемъ справедливость всѣмъ свѣтлымъ сторонамъ его Поэзіи, можетъ быть болѣе нежели са-

Digitized by Google

мые ревносшные его хвалители. Но это самое уваженіе заставило насъ сказать откровенно все, что думаемъ мы о стихотвореніяхъ его, изданныхъ нынѣ въ книгѣ. Пояснивъ самый родъ Поэзіи, которымъ исключительно занимаешся онъ, указавъ на особенныя свойства Лирической Поэзіи, и представивъ шребованія Искусшва, мы искали въ его стихошвореніяхъ красошъ, замѣчая въ шоже время и недосшашки. Чшо нашли мы? Односшоронносшь и какую-шо холодносшь чувсшва; мало индивидуальносши поэшической, но за шо самобышносшь, или лучше сказашь незаимсшвенносшь каршинъ; мы не нашли въ немъ никакихъ глубокихъ, многообъемлющихъ идей, но замѣшили языкъ и выраженіе исшинно-поэшическіе. Досшоинсшва Г-на Языкова можно выразишь шремя словами: онъ поэшъ выраженія. Не у многихъ есшь и эшо.

— *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ сшихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1833. Въ ш. А. Смирдина. 287 сшр. in-8.

До сихъ поръ *Онѣгинъ* продавался цѣною, мало слыханною въ лѣшописяхъ книжной шорговли: за 8 шешрадокъ надобно было плашишь 40 рублей! Многс-ли было шушъ лишняго сбору, можно судишь пошому, чшо шеперь *Онѣгинъ*, съ дополненіями и примѣчаніями, продаешся по 12 рублей. Хвала Поэшу, который сжалился надъ шощими карманами чишающихъ людей! Веселіе Руси, въ которой

Digitized by Google

богатые покупаютъ книги такъ мало, а небогатымъ покупать *Онѣгина* было такъ неудобно!

Этимъ меркантильнымъ замѣчаніемъ могли-бы и хотѣли-бы мы ограничиться, въ извѣстіи о *полномъ Онѣгинѣ*. Но есть привязчивые люди, которые непремѣнно требуютъ отъ Журналиста сужденія на заданную тему. «Какъ не сказать нѣчего о такомъ явленіи! Всѣ мы читали *Онѣгина* урывками, давно, и въ восемь лѣтъ не грѣхъ позабыть, что говорили о немъ прежде Журналы.» Признаться, потери не много, если и забудутъ читатели всѣ сужденія объ *Онѣгинѣ*. Онъ оставался задачею нерѣшенною, и остался ею донынѣ. О немъ хотѣли разсуждать какъ о произведеніи полномъ, а Поэтъ и не думалъ о полнотѣ. Онъ хотѣлъ только имѣть рамку, въ которую можно было-бы вставлять ему свои сужденія, свои картины, свои сердечныя эпиграммы и дружескіе мадригалы. Онъ достигъ своей цѣли. *Онѣгинъ* вѣрно служилъ ему, и Поэтъ свободно награждалъ его богатствами своего ума и своихъ чувствованій. Какая неизмѣримая коллекція портретовъ, картинъ, рисунковъ и очерковъ, начиная отъ дяди старика, до Княгини Татьяны, отъ жизни Петербургскаго повѣсы, до деревенскаго быта Лариныхъ, отъ пламенныхъ обращеній Поэта къ самому себѣ, до мимолетныхъ эпиграммъ на друзей и дамъ, на жителей большаго свѣта и степныхъ помѣщиковъ, на сельскихъ домоводовъ и Журналистовъ! Сколько наблюденій и замѣтокъ прелестныхъ, сколько ума и остроты, сколько души и чувства

Digitized by Google

во всѣхъ страницахъ *Онѣгина*! Но въ подробностяхъ все достоинство этого прихотливаго созданія. Спрашиваемъ: какая общая мысль остается въ душѣ послѣ *Онѣгина?* Никакой. Кто не скажетъ, что *Онѣгинъ* изобилуетъ красотами разнообразными; но все это въ отрывкахъ, въ отдѣльныхъ стихахъ, въ эпизодахъ къ чему-то, чего нѣтъ и не будетъ. Слѣдственно, при созданіи *Онѣгина* Поэтъ не имѣлъ никакой мысли; начавши писать, онъ не зналъ чѣмъ кончитъ, и оканчивая могъ писать еще столько-же главъ, не вредя общности сочиненія, потому что ея нѣтъ. Любовь Татьяны къ Онѣгину и Онѣгина къ Татьянѣ, конечно основа слишкомъ слабая, даже для чувствительнаго романа. Но... при встрѣчѣ съ Онѣгинымъ, не хочется говорить худо о немъ. Мы такъ много провели съ нимъ минутъ усладительныхъ!

Въ нынѣшнемъ изданіи, въ концѣ книги Поэтъ прибавилъ нѣсколько новыхъ примѣчаній, и разбросанныхъ по Журналамъ отрывковъ изъ *Онѣгина*, не вошедшихъ въ составъ цѣлаго. Хотя Авторъ и увѣряетъ, что они принадлежатъ къ ненапечатанной главѣ, но безъ всякаго волшебства можно угадать, что это просто отрывки. Въ заключеніе нашей статьи выпишемъ одинъ изъ нихъ. Онѣгинъ посѣщаетъ Тавриду.

Воображенью край священный:
Съ Аѳридомъ споритъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный,

Digitized by Google

И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ,
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межь хижинокъ Татаръ
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились. . . .
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безъименныя страданья ....
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Digitized by Google

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ-ли былъ я разцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ? .....

— *Были и небылицы* Казака Луганскаго. 1. *Нападеніе въ расплохъ.* 2. *Цыганка.* Книжка первая. СПб. 1833. Въ т. Н. Греча. 201 стр. in-8.

Вторая изъ Повѣстей, напечатанныхъ въ сей книжкѣ: *Цыганка*, была уже напечатана въ нашемъ

Digitized by Google

Журналѣ. Первая: *Нападеніе въ расплохъ*, является на судъ публики въ первый разъ. Скажемъ нѣчто о ея содержаніи. Драгунскій полкъ квартировалъ въ Подольской губерніи. Офицеры одного эскадрона, истые драгуны, поѣхали въ гости къ Пану Жабруцкому, и одинъ изъ нихъ, Охинъ, влюбился въ Панну Зосю, сталъ отставать отъ службы, прикинулся больнымъ, и готовъ былъ сдѣлать величайшее дурачество, жениться на Зосѣ, когда во время облавы звѣрей, вмѣсто рыси и горностая чуть не застрѣлилъ онъ, въ кустахъ, своей нарѣченной невѣсты, пришаившейся тамъ съ какимъ-то усатымъ Полякомъ въ черной венгеркѣ; свадьба разстроилась, и — повѣсти конецъ. Много-ли изящнаго въ этомъ вымыслѣ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ. Но Авторъ, кажется, и не дорожитъ своими вымыслами: его дѣло разсказъ, и надобно сказать, что разсказъ у него, даже въ уродливомъ *Нападеніи въ расплохъ*, прекрасенъ. Характеры офицеровъ и семьи Жабруцкаго, схвачены съ природы. Особенно Капитанъ, который безпрестанно восклицаетъ: «А между прочимъ водки!» лицо истинно комическое. Характеры Охина, Костромина, Герспенмейера, полковаго лекаря, также естественны и забавны. Сверхъ того, весь разсказъ усѣянъ шутками, острыми словами, и на дѣлѣ подмѣченными анекдотами, такъ что онъ прочитывается съ удовольствіемъ, и только при развязкѣ остается въ душѣ читателя невольная досада на Автора, который не хочетъ соединить прелести вымысла съ прелестью своего разсказа. Доказательствомъ, что

Digitized by Google

онъ могъ-бы избѣгнуть сего недостатка, служитъ другая повѣсть его: *Цыганка*. Тамъ превосходный разсказъ соединенъ съ изяществомъ основной мысли. Эта бѣдная, покрытая рубищемъ Кассандра — какое поэтическое лицо! И какъ хороши всѣ подробности, всѣ лица, всѣ оттѣнки въ этой повѣсти! Какое знаніе сердца человѣческаго!... Это заставляетъ насъ думать, что Авторъ не хочетъ слѣдовать прямому направленію своего дарованія, или думаетъ, что онъ становится оригинальнѣе, простѣе, называясь Казакомъ Луганскимъ и вмѣшивая въ свои произведенія слишкомъ много Казацкаго. Но безпристрастный кругъ читателей судитъ вѣрнѣе пріятельскаго круга, въ которомъ, можетъ быть, хвалятъ бивачные порывы Казака Луганскаго. Мы уже утомлены псевдонимами и маскарадными шутками ихъ. И для чего не явиться подъ настоящимъ своимъ именемъ, для чего не бросить всѣ проказы и затѣи Казацкія? Авторъ обладаетъ такимъ дарованіемъ, которому не нужны ухищренія пошлыхъ писакъ, думающихъ быть занимательными въ чужой кожѣ, и показывающихъ неуваженіе къ суду и приговорамъ публики, передъ которою внутренно трепещутъ они. Просимъ его дарить насъ такими произведеніями какъ *Цыганка*, и навсегда уволитъ отъ такихъ непріятныхъ впечатлѣній, какія оставляетъ въ душѣ *Нападеніе въ расплохъ*. Пусть спроситъ онъ у своего вкуса, справедливы-ли наши требованія. Это судья самый вѣрный и неподкупной.

Digitized by Google

— *Камчадалка*. Соч. И. Калашникова. 4 части. СПб. 1833. Въ т. Штаба Отдѣльн. Корп. Внутр. Стражи. 175, 215, 262 и 180 стр. in-12.

Новое произведеніе Г-на Калашникова почти во всемъ подобно прежнему. Разница въ томъ, что дѣйствіе новаго романа его перенесено въ Камчатку. Явились новыя картины природы и мѣстности, но дѣйствующія лица остались почти тѣже: нѣсколько отчаянныхъ злодѣевъ, въ которыхъ нѣтъ малѣйшаго зерна добродѣтели, и нѣсколько идеально-добродѣтельныхъ людей. Первые стараются погубить послѣднихъ, а за послѣднихъ работаетъ судьба, и счастье награждаетъ ихъ терпѣніе. Хорошо если-бы такъ было въ дѣйствительности. Но еще лучше было-бы, если-бы Авторъ вообще ближе слѣдовалъ природѣ и болѣе скупился на театральныя нечаянности. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ характеровъ романа, въ которыхъ не видно ни малѣйшей естественности, ибо въ природѣ нѣтъ такихъ злодѣевъ, нѣтъ и такихъ идеальныхъ людей, какихъ изображаетъ Авторъ, театральность въ *Камчадалкѣ* доходитъ до смѣшнаго. Напримѣръ, глупый дьячекъ теряетъ свои рукавицы для того, чтобы на этомъ завязался весь романъ! Корабль горитъ именно въ то время, когда Прошопопъ съ внучкою останавливаются въ снѣгу. Начальникъ нѣсколько разъ покушается совершить злодѣяніе, но на избавленіе Маріи приходитъ то Мичманъ, то Казаки, въ самую послѣднюю минуту! Распря Маріи съ Мичманомъ держится на одномъ словѣ, и что-же мѣшаетъ

Digitized by Google

наконецъ сказать это слово ?.. Смерть Начальницы, которая умираетъ въ ту самую минуту, когда готова высказать важную тайну. Всѣ эти нечаянности и тысяча другихъ, такъ неестественны и несообразны съ вѣчнымъ порядкомъ дѣлъ, что романъ дѣлается отъ нихъ какою-то кукольною игрою. Множество частныхъ невѣроятностей еще увеличиваютъ неестественность цѣлаго. Съ какой стати Цыганка убила своихъ дѣтей? Отъ чего дьячекъ вдругъ сошелъ съ ума и убѣжалъ въ лѣсъ? Какимъ образомъ Начальникъ остался живъ въ подземельѣ, гдѣ завалили его тяжелымъ камнемъ? Но всего лучше землетрясеніе, которое раздѣлило его отъ Мичмана въ самую минуту ихъ схватки!.. Это годилось-бы въ любую мелодраму или волшебную оперу! Вообще, по прочтеніи *Камчадалки* остается въ душѣ что-то хаотическое, мутное, отъ этого множества несообразностей и отвратительныхъ злодѣяній, которыя совершаются безъ цѣли, безъ причины, и въ продолженіе всего романа. Вотъ главное впечатлѣніе.

Но исчисляя недостатки, надобно сказать и о достоинствахъ сочиненія Г-на Калашникова. Читатель найдетъ тамъ множество любопытныхъ замѣчаній и свѣдѣній о Камчаткѣ, о бытѣ почти истребившихся ея жителей, о заѣзжихъ чиновникахъ, купцахъ, и проч. Далѣе, многія картины изображены Авторомъ прекрасно: пожаръ корабля, снѣжный ураганъ, обновленіе природы весною, огнедышащія горы, набатъ старика трапезника, не испортили-бы

Digitized by Google

никакого сочиненія. Характеръ Протопопа также есть живое изображеніе истиннаго Христіанина. Это нѣсколько уравновѣшиваетъ недостатки сочиненія и дѣлаетъ его достойнымъ вниманія. Но могутъ-ли замѣнить частныя достоинства недостатокъ главный, первый въ романѣ: недостатокъ созданія поэтическаго? Все, за что можно было-бы поблагодарить Автора, не относится собственно къ роману, и если-бы онъ отдѣльно изложилъ свѣдѣнія свои о Камчаткѣ, то изъ этого составилась-бы книжка любопытная, которую мы предпочли-бы *Камчадалкѣ*, потому что тогда, для нѣсколькихъ любопытныхъ страницъ, не были-бы принуждены прочесть четыре тома прозаическаго сплетенія несообразностей.

Какимъ образомъ наши писатели романовъ не постигаютъ важной для нихъ истины, что романъ есть созданіе поэтическое? Какимъ образомъ хотятъ они быть поэтами безъ особеннаго на то призванія? Напримѣръ, Г. Калашниковъ издалъ теперь уже два романа, а не написалъ еще ни одного. Не лучше-ли было-бы ему увѣриться, что онъ, со своимъ дарованіемъ и свѣдѣніями, можетъ принести пользу на другихъ путяхъ Словесности, которые всѣ пусты; на большой-же романической дорогѣ, гдѣ такая толкотня, оставить толпу, съ которою не трудно смѣшаться, и немногихъ избранныхъ, которые замѣтны во всякой толпѣ?

Digitized by Google

—*Русскій Кандидъ, или простодушный.* Историческая повѣсть прошекшаго времени. СПб. 1833. въ ш. вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 59 стр. in-12.

Повѣсшь прошекшаго времени, эшо правда; но шолько вовсе не историческая. Авшоръ ея разсказываешъ собсшвенныя свои похожденія, кошорыя всѣ случились съ нимъ въ Петербургѣ. Мы не много всшрѣчали книгъ, написанныхъ съ шакимъ просшодушіемъ, и за эшо-шо свойсшво, можешъ бышь, Авшоръ вздумалъ назвашь свое сочиненіе Русскимъ *Кандидомъ*, забывъ, что *Кандидъ* Вольшеровъ есшь высочайшая иронія, ошъ первой сшраницы до послѣдней. Впрочемъ, шолько просшодушіе и можно видѣшь въ *Русскомъ Кандидѣ*, ибо онъ, шакъ сказашь, конченъ на самомъ началѣ; слѣдсшвенно, судишь о немъ, какъ о полномъ сочиненіи, не льзя. Эшо не повѣсшь, а ошрывокъ. Нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ событій, не ведущихъ ни къ чему, сосшавляюшъ все содержаніе напечашаннаго ошрывка. Будешъ-ли продолженіе?

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Paris, ou le Livre des Cent-et-un. *(Парижъ, или Книга ста одного сочинителя).* 1831 и 1832. 6 томовъ.

(Окончаніе).

Оставимъ знаменитыя имена; займемся писателями, которые всего болѣе наполнили *Книгу ста одного*, и придали ей особенную занимательность своими разнообразными дарованіями. Это писатели не первостепенные, но именно тѣ, которые составляютъ Литтературу, ибо первоклассныя дарованія, геніи, бываютъ исключеніемъ вездѣ и никогда не могутъ одни выразить всѣхъ требованій, всей жизни своихъ современниковъ. У насъ, напримѣръ, не льзя судить о состояніи Литтературы по сочиненіямъ Пушкина или Марлинскаго: это исключенія, такія-же какъ у Французовъ В. Гюго, Ж. Жаненъ, А. де Виньи. Что̀ представляетъ общность писателей, и, если можно такъ выразиться, *народъ литтературный:* вотъ предметъ, любопытный для наблюденія, потому что въ немъ собственно можно видѣть, на какой высотѣ находится Литтература. Геніи, высокія дарованія, всегда рѣдки, и часто проходятъ много

лѣтъ въ ожиданіи ихъ; но писатели бываютъ всегда, у всякаго народа, имѣющаго Литтературу, и они-то сущь истинные представители ея. По нимъ можно судить о состояніи Литтературы. Съ любопытствомъ пробѣгаете листы *Книги ста одного* и знакомитесь съ безвѣстными именами Лавиля, Фуине, Помье, Роша, Поля Давида, Жемса Руссо, Монье, Ф. Піа, Мерля, Деноайе, Депре, А. Франсуа, Легильона, и множества другихъ. Это современные двигатели, это народъ Литтературы Французской. Это издатели книгъ, сотрудники Журналовъ, словомъ, это сама Литтература современная. Ихъ языкъ, ихъ мысли и мнѣнія, ихъ труды даютъ ей характеръ, и если справедливы извѣстныя слова, что *Литтература есть выраженіе общества*, то это само общество Французское. Конечно не въ Шатобріанѣ, не въ Гюго, а въ нихъ должно искать Франціи. Вотъ почему съ особеннымъ вниманіемъ смотримъ мы на произведенія, подъ которыми находятся негромкія имена, и которыя занимаютъ главную часть *Книги ста одного.*

Надобно признаться, что они ошнюдь не роняютъ Литтературной славы Французовъ. Напротивъ, они показываютъ, что Литтературная образованность есть общая стихія всѣхъ пишущихъ во Франціи. Каждая статья въ *Книгѣ ста одного* написана хорошимъ слогомъ; многія статьи милы, остроумны; но главное достоинство ихъ въ томъ, что онѣ всѣ созданы въ духѣ Французскомъ, людьми, живущими своимъ умомъ, и воспитанными не

Digitized by Google

чужеземнымъ воздухомъ, не Русскимъ квасомъ или Англійскимъ ростбифомъ, а стихіями своего отечества. Вотъ что важно и достойно подражанія! Вотъ лучшее доказательство, что во Франціи есть общая образованность и воспитаніе народное. Отъ того-то и Литтература ихъ поддерживается и процвѣтаетъ, безъ огромныхъ дарованій, и не смотря ни на какія потрясенія политическія. Умѣнье писать конечно показываетъ, что Французскіе Литтераторы не нуждаются въ литтературномъ образованіи; но это не главное. И при умѣньи писать, надобно чтобы еще было что и о чемъ писать; иначе Литтература не можетъ поддерживаться, и долго, долго будетъ заниматься безполезнымъ и даже излишнимъ, тягостнымъ для писателей и читателей. Это будетъ садъ, чинно усыпаемый песочкомъ и украшаемый прививными деревцами, садъ миловидный, пріятный для зрѣнія; только одного не будетъ доставать тамъ: людей, которые прогуливались-бы въ этомъ саду и наслаждались имъ. А это грустно!...

Но, прочь грустныя мысли! Мы должны подтвердить примѣрами слова наши о достоинствѣ статей въ книгѣ Г-на Ладвока. За этимъ дѣло не станетъ. Почти каждую изъ этихъ статей можно привести въ образецъ оригинальности Литтературы Французской. Но это-же самое свойство дѣлаетъ большую часть изъ нихъ не переводимыми и даже непонятными въ переводѣ. Каждое государство, каждый народъ, имѣютъ множество отношеній, преданій, мыслей, намековъ, понятныхъ только тому, кто сроднился съ

Digitized by Google

ними, или познакомился долговременнымъ сближеніемъ. Языкъ и умы, занятые другими предметами, другими идеями, воспитанные въ иномъ духѣ, иною жизнью, отказываются передавать то, что не отражается въ нихъ и не находитъ соотвѣтственныхъ тоновъ, знаковъ и звуковъ. Напримѣръ, спатьи: Vincennes, соч. Пейроне, Une Maison de la Cité, Э. Фуине, L'Ouvreuse de Loges, П. Давида, Le Flaneur à Paris, La Vie d'un Député, Les Grisettes à Paris, надобно читать въ подлинникѣ. Русскій языкъ и Русская голова изломаются прежде нежели поймутъ ихъ, разумѣется если образованность не сблизила послѣдней съ идеями и бытомъ всѣхъ народовъ. У насъ нѣтъ ни словъ, ни понятій для того, что называютъ Французы, напримѣръ, ouvreuse de loges, а между тѣмъ объ этомъ предметѣ написана цѣлая спатья. Но сближаясь съ такими-то предметами, изучая народный бытъ, обычаи, прихоти городовъ и суевѣрія деревень, изучая жизнь своего общества и народа, Французы дѣйствуютъ въ своемъ мірѣ, имѣютъ свой народный характеръ, свой духъ.

Изъ тѣхъ спатей, которыя возможны для перевода, мы укажемъ между прочимъ на небольшую спатью: *Страсть къ альбомамъ*, написанную Генрихомъ Монье, превосходнымъ рисовальщикомъ и умнымъ Литтераторомъ. Видно, что это человѣкъ, вполнѣ понимающій свое Искусство, и разсуждающій о немъ какъ художникъ. Съ какимъ негодованіемъ, съ какою ѣдкою насмѣшливостью изображаетъ онъ мнимыхъ *любителей*, которые умѣ-

Digitized by Google

ютъ унизишь все, умѣли унизишь и книжку для избранныхъ, называемую альбомомъ. Они сдѣлали изъ нея предметъ пщеславія, и заставили не одного молодаго художника изломашь свои карандаши и кисти, для того чтобы никогда не быть судимымъ и покровишельсшвуемымъ эшими знашоками Искусства, которые шребуюшъ *картиночекъ* и *рисуночковъ*. «Сколько разъ видалъ я — восклицаетъ Монье — какъ бѣдные художники кусали себѣ губы, видя, что хорошенькая женщина, осторожно сгибаетъ вчетверо изящный рисунокъ, и прячетъ его въ свой ридикюль, или завязываетъ въ кончикъ платка! Но счастье и это! Случалось, что находили свою работу въ передней — въ передней, разодранную руками дѣтей!»

Еще болѣе силы и занимашельносши въ сшашьѣ А. Жаля: *Вечера художниковъ*. Выпишемъ изъ него нѣчто. «Нынѣ художники не шо, что были прежде. Тогда, въ большомъ свѣшѣ, у придворныхъ и ошкупщиковъ, они были въ одномъ рангѣ съ любовницами. Они сдѣлались наконецъ чѣмъ-то въ родѣ шушовъ, которыхъ любили страстно, не могли быть безъ нихъ въ деревнѣ, за городомъ, и за ужиномъ по домашнему, цѣловали, ласкали, пробуждали ихъ учшивосшями и подарками, и презирали по шремъ причинамъ:

Пошому что они люди ничшожные;

Пошому что бывши ничшожными людьми, они мѣли досшоинсшва;

Пошому что, имѣя досшоинсшва, они унижались до шого, что соглашались быть слугами и носишь

Digitized by Google

унизительную ливрею, которую меценатъ накидывалъ на ихъ плеча, дабы имѣть право сказать: «Это мой поэтъ, мой живописецъ, мой музыкантъ» (*). Ихъ дарованія, ихъ извѣстность, были украшеніемъ для суетности покровителя. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ были они приняты, умъ ихъ служилъ угощеніемъ на оргіяхъ, точно какъ прелести Герцогинь и оперныхъ дѣвицъ. Это безчестіе художника было постыдно, унизительно; однакожь оно не смущало никого, потому что было въ нравахъ времени. Бѣдный литтераторъ, или скульпторъ, живущій на чердакѣ, милостынею, находили выгодною услужливость, за которую вещественныя потребности ихъ удовлетворялись щедро; минутное равенство являлось въ часы буйныхъ празднествъ, и шумныя удовольствія давали воображенію такой-же толчекъ, какой лѣнивымъ умамъ даетъ пьяное вскипѣніе отъ Шампанскаго вина. Иногда они сопротивлялись обольщенію, для чести того, что называли они такъ странно достоин-

---

(*) Историческая истина. Одинъ изъ знатныхъ людей, по тогдашнему любитель художниковъ и литтераторовъ, обыкновенно посылалъ къ тому, кто получалъ позволеніе представиться къ нему своего портнаго, который шилъ платье для парадnаго представленія меценату. Платье это, кафтанъ по тогдашней модѣ, было свѣтло-голубаго цвѣта, съ гербовыми пуговицами Его Знатности. Всѣ кліенты обѣдывали у него въ такомъ нарядѣ, и не допускались въ иномъ платьѣ.

Digitized by Google

ствомъ Искусства и независимостью художника; но при дальнѣйшихъ приступахъ, они сдавались; это было одно кокетство.

«Нынѣ, этого нѣтъ ничего. Есть еще сердца, которыя полѣшѣли-бы на встрѣчу униженію, только поторговавшись; но такихъ мало. Торговля высокими благосклонностями и низкою лестью болѣе не въ употребленіи; художникъ уже не паяцъ на жалованьѣ, не остроумецъ для увеселенія, не средство для пышности знатнаго барина. Правду сказать, нужда еще предаетъ нѣкоторыя дарованія раздавателямъ милостей, очень уютныхъ, жалуемыхъ націею черезъ руки своихъ представителей Искусствамъ и Литературѣ; еще ходатайствуютъ у какого нибудь Начальника Отдѣленія о частичкѣ бюджета, въ награду за мѣлкіе труды, которые совершаются безъ любви, и очень ловко характеризуются насмѣшливымъ прозваніемъ: pot au feu (приварокъ); но уже нѣтъ покорныхъ кліентовъ передъ гордыми покровителями; но уже не найдете банкира, который могъ-бы сказать, что у него есть свой живописецъ или свой музыкантъ. Время, когда за столомъ въ знатныхъ домахъ ставился приборъ, между приборами учителя и повѣреннаго, для покорнаго поэта, это время прошло и конечно не возвратится. Художникъ уважаетъ нынѣ своего амфитріона столько, сколько уважаютъ его самого. Онъ уже не игрушка, онъ украшеніе того общества, гдѣ принимаютъ его какъ равнаго всякому другому. Пользуются его разговоромъ, его свѣдѣніями; можетъ быть отражаютъ на себѣ нѣ-

Digitized by Google

сколько его извѣстности; но уже роли перемѣнились, и обыкновенно не онъ играетъ роль льстеца.»

Далѣе Авторъ изображаетъ постепенную перемѣну въ отношеніяхъ художниковъ къ обществу; говоритъ о состояніи ихъ во время Революціи, Имперіи, Возстановленія прежняго порядка дѣлъ, и плѣнительно изображаетъ вечера, на коихъ ошличались: Гофманъ, остроумецъ и ученый, путешественникъ и наблюдатель театровъ, критикъ и литераторъ; Гара, пѣвецъ и каламбуристъ, дитя въ общественной жизни, и оригиналъ на бульварахъ; Даркуръ, старый комедіянтъ и любимецъ Фридриха Великаго; Камерани, старинный франтъ и острякъ, умѣвшій всякаго разсмѣшить своими *важными* шутками; онъ чуть не умеръ отъ радости, когда въ 1814 году Людовикъ XVIII узналъ его въ театрѣ Федò и сказалъ ему: «Ah! te voilà, Carlin! (А, это ты Карленъ!).» На эти слова, комментарій Камерани былъ всего уморительнѣе. «Le grand roi,» говорилъ онъ Итальянскимъ выговоромъ и съ Итальянскими удареніями; «il ne m'a pas demandé: Camérani, comment te portes-tou? Il m'a appelé Carlin! c'est que ze loui avais fait dou plaisir dans Carlin, et l'exil et les longs malhours de sa famille ne loui ont pas fait oublier cela. La France est bien hourouse d'avoir oune monarque qu'il est oune hômme pleine d'esprit, dé goût et de sensibilité. (Великій Государь! Онъ не спросилъ у меня: здоровъ-ли ты, Камерани? Онъ назвалъ меня: Карленъ, потому что я приносилъ ему удовольствіе въ роли Карлена, и этого не забылъ онъ ни въ изгнаніи, ни во время долгихъ

несчастій своей фамиліи. Франція очень счастлива, что у нея такой Монархъ: умнѣйшій человѣкъ, одаренный вкусомъ и чувствительностью). »

Всего любопытнѣе для насъ изображеніе нынѣшнихъ вечеровъ литературныхъ въ Парижѣ. « Не знаю, » говоритъ Г. Жаль, « весело-ли бывало прежде у Г-жи Жанлисъ; думаю что эта дама, не безпребовательная и не совсѣмъ добродушная, любила эпиграммы и блестки ума. Ничего такого нѣтъ на вечерахъ у милаго нашего Карла Нодье. Вотъ истинная безпребовательность (le sans-façon), вотъ вѣрный вкусъ, безъ всякой *манерности*, которая портитъ все у многихъ! Не можетъ быть простоты, болѣе изящной; не найдете души, искреннѣе любящей, не найдете и художническаго чувства, которое было-бы возвышеннѣе чѣмъ у Карла Нодье. Разговоръ его чаруетъ, покоряетъ; слушаешь его съ удовольствіемъ неутомимымъ. О какомъ-бы предметѣ ни говорилъ Нодье, онъ всегда умѣетъ быть занимательнымъ: такъ много у него пособій учености, силы воображенія, поэзіи сердца! Въ немъ нашелъ я олицетвореннымъ тотъ восточный геній, который подъ шатрами Араба внушалъ удивительныхъ сказочниковъ, извѣстныхъ у насъ въ Европѣ только по обезображеннымъ сколкамъ. Нодье не одинъ придаетъ своей гостиной очарованіе, которое заставляетъ предпочитать ее многимъ другимъ; три женщины, умныя, любезныя, безъ малѣйшей поддѣльности ума и чувства, дѣлятъ съ нимъ обязанность принимать гостей, и выполняютъ ее пріятнымъ образомъ для каждаго. Я не знаю ни одного человѣка, который не былъ-бы восхищенъ безъ-

Digitized by Google

искуственною привѣтливостью и совершенною пріятностью обхожденія Госпожи Нодье, Госпожи Терси, сестры ея, извѣстной въ Литтературѣ очень милыми сочиненіями, и Г-жи Менессье, дочери Карла Нодье, которая, при всей своей молодости, отличается удивительными способностями, рѣдко бывающими слѣдствіемъ лѣтъ и труда. Музыкальное дарованіе явилось и принесло плоды у нея рано: безъ сомнѣнія оно разовьется еще болѣе. Всѣ сочиненія Г-жи Менессье запечатлѣны оригинальностью: музыка ея, соединенная съ мыслями В. Гюго, Сентъ-Бёва, Альфреда де Мюссе и Г-жи Дебордъ-Вальморъ, не имѣетъ ни одной изъ тѣхъ формъ, какія преданіе соединило съ романсомъ и Французскою пѣснею; она, можно сказать, живописна. Мы имѣли наслажденіе, въ искреннемъ кругу, видѣть первые шаги этого, такъ сказать, внезапнаго дарованія. Желалъ-бы я выразить всю свободу и вмѣстѣ всю вѣжливость, которыя царствуютъ на вечерахъ у Нодье, гдѣ встрѣчаются всѣ оттѣнки мнѣній о политикѣ, о Литтературѣ, объ Искусствахъ; желалъ-бы пересказать жаркіе, но никогда не оскорбительные споры, гдѣ всѣ мнѣнія защищаются съ искусствомъ и убѣжденіемъ, и ни одинъ изъ спорящихъ не имѣетъ права жаловаться на образъ состязаній и на слѣдствіе ихъ. У Нодье встрѣчаются противники, но не бываетъ враговъ партіи сохраняютъ тамъ силу своихъ мнѣній, но входя къ нему отрекаются отъ рѣзкости и бѣшенства своей логики, потому что хозяинъ есть образецъ снисходительности, привѣтливости, и никто не позволитъ себѣ оскорбить кого либо изъ гостей

Digitized by Google

его, когда самъ Нодье милъ со всѣми. Во время величайшихъ раздоровъ, когда дѣло шло о жизни и смерши партій, или когда Искуство, пролагая себѣ новые пути, зажигало въ иныхъ головахъ фанашизмъ, вечера у Нодье отличались согласіемъ, которое безпрерывно существовало между его гостями; однакожь у него бывали вмѣстѣ: Т. Жуффруа и Сулье, В. Гюго и Ансело, Ал. Дюмасъ и Ал. Дюваль, Ламаршинъ и Оже, Делакруа и Ало Лероменъ, Деверіа и Гасси, Буланже и Тома. Спорили, шумѣли, мѣнялись шутками для прикрышія ученыхъ доводовъ, и устыдились-бы личностей. Игра въ экарте, которая занимаетъ Нодье, такъ же какъ все другое; танцы, оживляемые прелестными женщинами и управляемые Г-жею Менессье; иногда чтеніе, только очень рѣдко, потому что лишь В. Гюго и Ламаршинъ возвышаютъ голосъ въ этомъ поэтическомъ собраніи: вотъ чѣмъ бываютъ заняты у него послѣдніе четыре часа каждаго Воскресенья! Часовая стрѣлка всегда слишкомъ скоро указываетъ полночь. Разстаются съ обѣщаніемъ опять сойдтись черезъ недѣлю, и седьмой день бываетъ настоящимъ праздникомъ; высокомѣрная суетностъ не подумаетъ смутить удовольствія нашего, потому что она была-бы наказана и пристыжена общею веселостью.

«Я могъ-бы сказать многое еще объ одной гостиной, гдѣ собираются: Бальзакъ, который съ оригинальностью говоритъ о Литтературѣ, и съ воображеніемъ о кухнѣ; Сентъ-Бёвъ, который судитъ обо всемъ основательно, и робостью своею придаетъ особенную занимательность своимъ

Digitized by Google

колкимъ замѣчаніямъ; Вейссъ, у котораго наука искусно спряшана въ умѣ просподушномъ; А. Пишо, авторъ прелестнаго путешествія въ Шотландію, гдѣ онъ такъ живо представилъ намъ людей, Литтерашуру и мѣстоположенія этого края; Де Лашушъ, отличный писашель, жестокій, милый злоязычникъ, у котораго не знаешь чему удивляться болѣе: эпиграммашической-ли пылкости, налагающей клеймо на бездарность всѣхъ родовъ, или прелестнымъ формамъ языка, столь благороднаго, что онъ кажется принадлежащимъ человѣку другаго времени; Тайлоръ, который говоришъ теперь о Египтѣ, какъ о Франціи, и своею неутомимою дѣятельностью воздвигаешъ себѣ удивительный памятникъ; Г-жа Тастю, которая обладаешъ прекраснымъ дарованіемъ, и не показываешъ въ свѣтѣ той самонадѣянности, какою отличаются нѣкоторыя стихотворицы; Гюе, искусный живописецъ и декорашёръ, который умѣешъ, множествомъ небольшихъ, веселыхъ разсказовъ, развеселять въ гостиной свой уголокъ; Евгеній Изабей, другъ нашъ Ладвока, Ренье, Доза, Гюденъ, Жигу, Де Калльо, Альфредъ де Виньи, Жюль Жаненъ, Эмиль Дешанъ, Фонтаней, Эрнестъ Фуине, Друино, Каисъ (Саїх) Диштмеръ и Каве (остроумный Г. Де Фонжере въ двухъ лицахъ), Амори Дюваль, Роберъ Флери, Дюпонтель, Белланже, Беллокъ, де Бошенъ, скульпторъ Давидъ, Вашле, и десять другихъ писателей или художниковъ, которыхъ именъ не вспомню теперь. Но довольно... Я хотѣлъ показать нынѣшнихъ художниковъ, хотѣлъ дашь понятіе о ихъ вечерахъ, пышался очершишь нѣкоторые поршреты,

Digitized by Google

и чувствую всѣ недостатки своей кисти. Одно извиненіе мое въ томъ, что я старался говорить истину. »

Парижскія литтературныя сборища представлены въ этой статьѣ, дѣйствительно, безпристрастнымъ наблюдателемъ. Онъ увлекается въ похвалѣ только своему другу Нодье, можетъ быть, человѣку очень милому, но не такому идеалу, какимъ любятъ представлять его Парижскіе писатели. Впрочемъ, достовѣрно, что Литтераторы принадлежатъ нынѣ въ Парижѣ къ людямъ лучшаго тона, и служатъ украшеніемъ общества во дворцѣ Короля и въ гостиной самаго жаркаго оппозиціониста, въ загородномъ замкѣ стараго аристократа и въ скромномъ лѣтнемъ домикѣ образованнаго купца. Такъ Литтература сближаетъ всѣ званія и смягчаетъ всѣ страсти и пристрастія партій. Можетъ быть ей предназначено быть умиротворительницею непріязни и злости между людьми! . . . .

Кто хочетъ узнать совсѣмъ другой классъ людей, вездѣ многочисленный, играющій шумную, если не важную роль, однимъ словомъ, кто хочетъ узнать въ разныхъ видахъ *глупцовъ Парижскихъ*, тому должно прочесть статью Деноайе: Les Béotiens de Paris. Эта статья написана съ большимъ искусствомъ и занимаетъ, въ двухъ разныхъ томахъ *Книги ста одного*, много страницъ. Предметъ богатый! Авторъ увѣряетъ, что и въ двухъ статьяхъ онъ только лишь коснулся его! Онъ подраздѣ-

Digitized by Google

лилъ глупцовъ на множество ошшѣнковъ, не только яркихъ цвѣшовъ. Не можемъ удержашься, чшобы не выписашь нѣсколькихъ словъ объ одномъ разрядѣ эшихъ добрыхъ людей.

«Мѣсшо, мѣсшо новому роду просшофиль! Эшо дурачьё въ двойной бронѣ; эшо любишели грубаго просшодушія, незаконнаго дишяши глупосши и здраваго смысла. Эшо лѣшніе жуки: полешяшъ и сшукнушся головою о какую нибудь исшину. Правду сказашь, они любящъ *исшины самыя исшинныя, толсшыя*. Напримѣръ: — Сего дня 16-е Марша; черезъ двѣ недѣли будешъ 30-е;— Вошъ похлебка горячая; — Наполеонъ человѣкъ извѣсшный.

«И прекрасно!

«Иногда еще, они позволяющъ себѣ шонкое нравсшвенное размышленіе:

— Люблю шо, чшо хорошо; — Лучше было-бы если-бъ люди не дрались; — Мужчины совсѣмъ не шо чшо женщины; — Здоровье есшь лучшее изъ всѣхъ благъ.

«Иногда бываюшъ у нихъ забѣги и въ область воображенія. Напримѣръ: — Какъ вы думаеше: хороша-ли будешъ завшра погода? — Будешъ-ли нынѣшнею ночью морозишь?

«Иногда наконецъ, имъ попадаешся занимашельная новосшь. Они вбѣгаюшъ въ комнашу опромешью, хлопаюшъ руками, сшучашъ ногами, и рубяшъ голову самому пріяшному разговору, для шого шольке чшобы сказашь: «Я сей часъ со двора: лунная ночь!»

Digitized by Google

«Вообще, люди этого рода, по видимому, созданы какъ переходъ отъ человѣка къ животному. Это не совсѣмъ человѣкъ, но уже нѣчто лучше вола; это орангъ-утангъ, названный человѣческимъ именемъ, родившійся безъ шерсти на кожѣ, и окончившій курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи.

«Ксипаши объ ученіи, замѣтьте, что большая часть этихъ несчастныхъ *заслужили и получили* школьныя награды.»

Выписки наши могли-бы распространиться до безмѣрности, если-бы мы поддались желанію показать читателямъ нашимъ все хорошее, наполняющее *Книгу ста одного*. Но въ сочиненіи не одного писателя, а цѣлаго общества Лишерапоровъ, надобно смотрѣть не на лица. . . . Частности могутъ быть лучше и хуже: это зависитъ отъ личнаго дарованія и часто отъ расположенія пишущаго; но если мы находимъ во всѣхъ писателяхъ характеръ, направленіе, духъ народа, это показываетъ, что въ самой Литературѣ есть сіи свойства, и что она дѣйствительно есть выраженіе общества. Повторимъ, что главное свойство нынѣшней Французской Литературы есть оригинальность, самобытность, рѣшительное стремленіе къ новому, укрѣпляемое сильною народностью. Не имѣя почти никакой теоріи, Французы не подражаютъ однакожь никому, и даже заимствуя нѣкоторыя многообъемлющія идеи у другихъ народовъ, даютъ имъ характеръ своей народности, облекаютъ ихъ своими формами и соединяютъ съ

духомъ и направленіемъ своего времени. Таково слѣдствіе нашего разсмотрѣнія *Книги ста одного*. Въ ней найдете вы оттѣнки всѣхъ мнѣній: роялистъ пишетъ на ряду съ либераломъ, и закоренѣлый классикъ подлѣ отчаяннаго романтика; но всѣ они сливаются въ любви къ отечественному, родному, всѣ смотрятъ умомъ Француза, судятъ по опытамъ своего общества, своей жизни, а не спрашиваются съ начитанностью и наслышанностію о чужихъ мнѣніяхъ, о чужомъ порядкѣ дѣлъ. Отъ того самыя противоположныя понятія, самыя противорѣчивыя идеи облечены у нихъ единствомъ, и не кажущимся только, а дѣйствительнымъ, ибо разнствуя въ частностяхъ, они всѣ единодушны въ общемъ. Событія проходятъ, идеи остаются: на этой истинѣ основанная Литература должна процвѣтать, не смотря ни на какія частныя измѣненія. Французская Литература, которая есть истинное выраженіе Французскаго общества, будетъ существовать и возвышаться, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ: явленіе, утѣшительное для человѣка, любящаго благо подъ всѣми широтами и у всѣхъ народовъ, слѣдственно утѣшительное для человѣчества, которое не знаетъ различія между Европейцемъ и Африканцомъ, между Французомъ и Тапаринomъ.

Мы должны были-бы привести болѣе примѣровъ изъ *Книги ста одного*, или по крайней мѣрѣ указать на большее число статей. Но давно пора кончить. Чувствуемъ, что въ нашемъ разборѣ есть много не досказаннаго; но мы надѣемся дополнить

Digitized by Google

это, получивъ остальные шесть томовъ книги Г-на Ладвока, гдѣ явятся новые сотрудники, съ новыми взглядами и новыми картинами. Читатели Телеграфа видѣли нѣсколько статей, вполнѣ переведенныхъ нами изъ сей замѣчательной книги; не теряемъ надежды и впередъ украшать нашъ Журналъ заимствованіями изъ нея. Но непростительно было-бы оставить безъ общаго разбора, безъ подробнаго изслѣдованія столь важное явленіе, въ которомъ сосредоточились всѣ лучи Французской Литературы. Въ сторону побудительныя причины къ изданію этой книги; въ сторону всѣ отношенія, самолюбивые возгласы, чванство и хвастовство нѣкоторыхъ! Сама книга есть явленіе прекрасное, исполненное мыслей, оживленное истиннымъ характеромъ. . . . . Вотъ что старались мы объяснить, выставляя образчики и обозрѣвая общность книги. Хотите-ли узнать не одинъ Парижъ, а всю Францію? Хотите-ли видѣть, какъ образованные люди, сохраняя свои личныя, особенныя мнѣнія, умѣютъ участвовать въ дѣлѣ общемъ и не разногласить съ мнѣніями и убѣжденіями народными? Хотите-ли, словомъ, видѣть истинное выраженіе Франціи? Читайте *Книгу ста одного*. Она займетъ васъ пріятно, заставитъ мыслить о многомъ, и подтвердитъ все то, что хотѣли, и, чего, можетъ быть, не умѣли мы доказать.

Любопытно было-бы, если-бъ по временамъ, и не у однихъ Французовъ, но у всѣхъ образованныхъ народовъ, возникали подобныя явленія. Что̀ представила-бы намъ сама Франція черезъ десять лѣтъ,

Digitized by Google

Франція, кипящая новыми идеями, обновленная иными умами, иными сподвижниками на поприщѣ Литтературы? Можно не сомнѣваться (и это старались мы доказать въ разборѣ нашемъ), что при нынѣшнемъ, своенародномъ образованіи Французскихъ Литтераторовъ, мы увидѣли-бы только подтвержденіе мысли Ламартина, который, въ одномъ изъ стихотвореній своихъ, въ *Книгѣ ста одного*, говоритъ:

Marchez! l'humanité ne vit pas d'une idée!
Elle éteint chaque soir celle qui l'a guidée,
Elle en allume une autre à l'immortel flambeau! . . .

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— Біографическая поправка. —

. . . . . Я знаю весь ихъ родъ,
Мнѣ всѣ они родня: ихъ предокъ былъ Ѳедошъ,
Ѳедошъ родилъ Ѳому, Ѳома родилъ Ивана,
Иванъ родилъ Козьму, Козьма родилъ Демьяна,
Демьянъ... у этого родился сынъ Борисъ,
У этого Егоръ, у этого Денисъ;
Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
Андрей . . . . . .

Хмельницкій.

Въ № 72-мъ Сѣверной Пчелы помѣщена статья для Біографіи Александра Петровича Сумарокова. Отдавая полную справедливость благонамѣренной цѣли, съ которою эта статья напечатана, мы, однакожь почитаемъ обязанностію указать на нѣкоторыя ошибки, въ нее вкравшіяся.

1.) Авторъ статьи говоритъ: «*Отецъ его* (Александра Петровича), *Петръ Спиридоновичъ Шталмейстеръ Двора Императрицы Анны Іоанновны, о которомъ упоминаетъ Манштейнъ въ любопытныхъ Запискахъ своихъ, какъ о лицѣ, жертвовавшемъ для пользы сей Монархини своею свободою, а можетъ*

быть и самою жизнію, былъ, при учрежденіи въ 1731 *году Кадетскаго Корпуса, изъ первыхъ, записавшихъ въ оный дѣтей своихъ.*»

Мы, съ своей стороны, скажемъ: все это прекрасно, но несправедливо въ одномъ отношеніи, и, какъ намъ кажется, въ отношеніи самомъ главномъ, потому что отецъ Александра Петровича былъ не Петръ Спиридоновичъ, а Петръ Панкратьевичъ Сумароковъ, человѣкъ, съ самаго младенчества облагодѣтельствованный Государемъ Петромъ 1-мъ, за безсмертную заслугу дяди его роднаго (Ивана Богдановича Сумарокова), находившагося при юномъ Государѣ, и съ твердостію мученика за него пожертвовавшаго жизнію, во время Стрѣлецкаго бунта. (*) Впослѣдствіи Петръ Панкратьевичъ служилъ въ чинѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Петръ-же Спиридоновичъ Сумароковъ, Шталмейстеръ Двора Анны Іоанновны, о которомъ Манштейнъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ, и Авторъ въ статьѣ своей, былъ только однофамилецъ и родственникъ Александру Петровичу.

2.) Далѣе въ той-же статьѣ сказано: *Старшій братъ Александра Петровича, Василій, въ* 1761 *году состоялъ въ гражданской службѣ въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника. Младшій былъ несчастливъе*, и проч.

Эта черта, хотя собственно не относящаяся къ жизнеописанію Александра Петровича, также не совсѣмъ вѣрна, не докончена, и здѣсь слово: *по-*

(*) Петръ Великій крестилъ Петра Панкратьевича и пожаловалъ ему *на зубокъ* 1000 душъ.

Digitized by Google

счастливѣе, вовсе неумѣстно, ибо и Василью Петровичу не льзя было жаловаться на счастіе по службѣ, получивъ послѣ должность Президента Коммерцъ-Коллегіи, чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и званіе Каммергера.

Да и въ самой жизни онъ былъ едва-ли не счастливѣе своего брата, который переносилъ много непріятностей отъ своего бѣшенаго, неукротимаго, но при всемъ томъ добраго характера, и отъ различныхъ обстоятельствъ. . .

Имѣя въ виду многіе матеріялы для полнаго жизнеописанія Александра Петровича, мы надѣемся со временемъ сдѣлать ихъ извѣстными; но теперь ограничиваемся только необходимымъ замѣчаніемъ на явную невѣрность статьи, которая, вмѣсто того чтобы облегчить справки и разысканія будущихъ біографовъ Александра Петровича, можетъ больше сбить и запутать ихъ, относя сего писателя совершенно къ другой родословной линіи. А родословная — скажетъ иной Донъ Ранудо де Колибрадосъ — дѣло великое! И въ отношеніи біографическомъ, здѣсь по неволѣ должно согласиться съ нимъ.

Когда статья наша была уже написана, мы прочитали, опять въ Сѣверной Пчелѣ, замѣчанія о томъ-же самомъ предметѣ, Графа Д. И. Хвостова; но и послѣ него считаемъ біографическую поправку, сдѣланную нами, не лишнею, тѣмъ болѣе, что и самъ почтенный ветеранъ нашей Словесности,

Digitized by Google

говоря объ Александрѣ Петровичѣ и его родственникахъ, впадаетъ въ ошибки новыя. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ письма его къ Издателямъ С. Пч. сказано, что Александръ Петровичъ наслѣдовалъ отъ отца орденъ Св. Анны, который тотъ получилъ на другой день послѣ своего представленія Императрицѣ Екатеринѣ Второй. Думаемъ, что это невѣрность очевидная, ибо законъ о наслѣдованіи орденовъ едва-ли у насъ существовалъ когда нибудь? — Что-же касается до представленія Петра Панкратьевича ко Двору Екатерины, то этотъ случай нѣсколько извѣстенъ и намъ; мы передадимъ его такъ, какъ дошелъ онъ до насъ по преданіямъ:

Петръ Панкратьевичъ былъ точно въ преклонныхъ лѣтахъ и въ чинѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, когда Екатерина увидѣла его въ первый разъ; но въ то время Александръ Петровичъ былъ уже извѣстенъ Ей и пользовался Ея благоволеніемъ. Фамилія старика Сумарокова заставила Императрицу спросить Александра Петровича, находившагося тутъ-же: не родственникъ-ли онъ своему однофамильцу? Узнавъ, что это былъ отецъ его, Она прибавила, съ свойственными Ей веселостію и добродушіемъ: «И у него нѣтъ ленты!... Какъ-же вамъ не стыдно, что вы до сихъ поръ мнѣ объ этомъ не скажете?»

Екатерина тутъ-же поздравила Петра Панкратьевича кавалеромъ ордена.

Digitized by Google

Президентомъ Коллегіи, какъ сказано въ томъ-же письмѣ, Петръ Панкратьевичъ, кажется не былъ; мы уже и прежде замѣтили, что былъ имъ Василій Петровичъ, сынъ его. Неужели и онъ получилъ эту должность по наслѣдству?...

Наконецъ, Графъ Дмитрій Ивановичъ, исчисляя дѣтей Петра Панкратьевича, говоритъ, что Василій Петровичъ былъ отецъ извѣстнаго сказочника, Панкратія Сумарокова. Какъ звали отца сего послѣдняго, это видно изъ Жизнеописанія Панкратія Сумарокова, приложеннаго къ его Стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ прошломъ 1832 году. Если-же необходимо надобно знать: какъ родня ему Василій Петровичъ, то мы скажемъ для любопытныхъ, что онъ былъ родной дѣдъ его.

Повторимъ снова, что всѣ эти толки о братьяхъ, племянникахъ и наконецъ внукахъ Александра Петровича, по нашему мнѣнію, не относятся собственно къ его жизнеописанію; по крайней мѣрѣ не мы виноваты, что другіе, начавъ говорить о немъ, добрались до всѣхъ его родственниковъ.

Петръ Сумароковъ.

—*Снимокъ съ заглавнаго листа Апокризиса.*—Увѣдомляя читателей нашихъ объ экземплярѣ *Апокризиса*, сочиненія Мелетія Смотрицкаго, находящагося въ библіотекѣ А. С. Ширяева, мы сказали, что надѣемся приложить къ Телеграфу снимокъ съ сей драгоцѣнной книги (Тел. 1832 г. № 19, стр. 429).

Digitized by Google

Книга сія сама по себѣ есть рѣдкость библіографическая; но экземпляръ, у Г-на Ширяева находящійся дѣлается еще важнѣе по надписи на заглавномъ листѣ. Теперь передъ глазами читателей снимокъ съ заглавнаго листа *Апокризиса* и находящейся на немъ надписи: *Петръ Могила, Архіепископъ, Митрополитъ Кіевскій, рукою властною.* Знаменитый Архипастырь сей достоинъ памяти. Но мы просимъ обратить вниманіе на снимокъ его почерка еще съ особенной стороны: въ немъ виденъ типъ того почерка, какимъ замѣнялись у насъ на Руси *уставъ, полуустав* старинный и *скоропись* Русская: симъ почеркомъ донынѣ пишутъ въ нашихъ Духовныхъ училищахъ, и его употребляли, и употребляютъ донынѣ, все Духовенство наше, всѣ тѣ, кто получилъ образованіе въ училищахъ Духовныхъ. Сей почеркъ есть *Латино-схоластическій, Западный*, онъ перешелъ къ намъ съ Запада, черезъ Польшу, въ Кіевъ, гдѣ положено было начало нашихъ Духовныхъ Академій и училищъ, ошкуда вышли наши Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Небольшое сіе обстоятельство дѣлается важнымъ для Исторіи нашего образованія въ XVII-мъ вѣкѣ. Оно показываетъ и направленіе сего образованія, и сильное вліяніе Запада на оное, чѣмъ замѣнилось у насъ образованіе древнее Греческое, или Византійское, и при чемъ Латынь смѣнила языкъ Греческій. Вотъ важный фактъ, котораго донынѣ совсѣмъ не поняснили Историки нашей Литературы. Надѣемся поговорить о семъ подробнѣе. — Замѣтимъ здѣсь

Digitized by Google

ошибку, сдѣланную нами въ 19-й кн. Телеграфа: мы сказали, что снимокъ Венеціянскаго *Служебника* гравированъ былъ племянникомъ А. А. Флорова, также *Флоровымъ*; напрошивъ имя его — *А. А. Лашековъ*. Онъ-же дѣлалъ и прилагаемый при сей книжкѣ снимокъ.

— *Взглядъ на Португалію.* — Португальское Королевство простирается отъ сѣвера къ югу между 42-мъ и 37-м градусами широты, отъ востока къ западу между 9-мъ и 11 градусами долготы. Къ сѣверу, политическія границы его суть Галиція, часть области Заморы, къ востоку области Саламанка и Эстрамадура и Королевство Севильское. Естественныя границы его, къ сѣверу часть теченія рѣки Миніо, и горы Пенагахскія и Сегондерскія; къ востоку часть Дуэро, Туронъ, Герхасъ, часть Тахо, Северъ, часть Гвадіаны, Ханда и нижняя Гвадіана; Океанъ омываетъ южныя и Западныя границы сего Королевства. Величайшее протяженіе его отъ сѣвера къ югу 125 льё (которыхъ въ градусѣ 25), отъ востока къ западу около 50. Поверхность Португаліи, по исчисленію Географа Бальби, составляетъ 4,922 квадратныхъ льё; народонаселеніе 3,240,000 душъ. Извѣстно, сколь плодоносенъ климатъ, сколь благородны и мужественны жители Португаліи. Народонаселеніе сей крайней Европейской страны, составившееся изъ обломковъ многихъ народовъ, искони знало образъ правленія, который въ послѣднее время

Digitized by Google

былъ возобновлень у него Бразильскимъ Эксъ-Императоромъ Домомъ Педро. Учрежденіе Коршесовъ относится ко времени основанія Королевствъ Леона и Кастиліи, въ VIII вѣкѣ, и является въ первые годы монархіи Португальской. Они образовались вокругъ трона избирательныхъ Государей Германскихъ и Готѳскихъ, и состояли изъ сильныхъ владѣльцевъ или Бароновъ, которые вначалѣ по праву силы говорили за цѣлый народъ, пользовались преимуществомъ быть совѣтниками Королей, и даже иногда не соглашались на объявленіе войны и останавливали военныя дѣйствія, отказомъ въ сборѣ податей для государственной казны. Къ военному дворянству присоединилось впослѣдствіи высшее Духовенство, которое было особенно могущественно во время борьбы съ Маврами, когда знамя креста было знаменемъ независимости. Вторженіе Свевовъ и Визиготѳовъ не уничтожило на Испанскомъ полуостровѣ званія шѣхъ чиновниковъ, которыхъ посылали Римляне въ значительнѣйшіе города, и которые донынѣ извѣстны подъ именемъ *Прокурадоровъ* (procuradores). Они составили третій разрядъ членовъ собранія, извѣстныхъ подъ названіемъ *Кортесовъ*. Такимъ образомъ сіе пройсшественное собраніе военныхъ, духовныхъ и гражданскихъ сановниковъ, существовало до 1697 года, когда власть ихъ постепенно ослабѣла, и Короли перестали сзывать представителей государства. Но прежде Коршесы разсуждали о законахъ и утверждали налоги. Въ 1387 году, въ царствованіе Короля Іоанна 1-го, Коршесы въ Коимбрѣ воспрошивились войнѣ съ

Digitized by Google

Кастиліею, и Король отвѣчалъ, что миръ и война зависятъ отъ нихъ. Въ продолженіе 525 годовъ, Португальскіе Коршесы избрали пятерыхъ Королей: Альфонса 1-го, Графа Португальскаго; Альфонса III-го, послѣ низведенія Папою брата его Санхеза; Іоанна 1-го, по прекращеніи законной династіи Бургундской; Іоанна IV-го, перваго изъ фамиліи Браганцской, послѣ изгнанія Испанцевъ, и Пешра 11-го, въ 1667 году, по низведеніи Альфонса VI-го. Въ 1821 году было возстановлено древнее учрежденіе Коршесовъ; въ 1823 году оно опять было уничшожено, и опять возстановлено Дономъ Педро, отрекшимся отъ Португальской короны, въ пользу несовершеннолѣтней дочери своей Доны Маріи, и предоставившимъ управленіе государствомъ брату своему Дону Мигуэлю. По прибытіи въ Португалію (въ 1828 году), Донъ Мигуэль, руководствуясь внушеніями своей властолюбивой матери и пронырливыхъ монаховъ, уничшожилъ образъ правленія, данный Португаліи законнымъ ея Государемъ, угнѣталъ людей, ввѣренныхъ его покровительству, и нарушивъ присягу, сдѣлался самовластительнымъ Королемъ сей прекрасной страны, которая и остается до сихъ поръ во власти его. Необдуманная экспедиція Дона Педро едва-ли можетъ освободить Португалію отъ ненавистнаго тирана. Опорто, гдѣ находится нынѣ Донъ Педро съ высадными своими войсками, почитаютъ вторымъ городомъ Королевства, по красотѣ его, богатству и народонаселенію.

Digitized by Google

Поршугалія раздѣляется на слѣдующія области:

	Число жит.
Минно	810,000
Трасъ-осъ-Моншесъ	285,000
Бепра	940,000
Эстрамадура	745,000
Аленшехо	330,000
Королевсшво Алгарвія	104,000
Всего	3,214,000

Исчисленіе сіе было сдѣлано въ 1828-мъ году Адріаномъ Бальби. Вошъ, слѣдуя шому-же Сшашисшику, народонаселеніе главнѣйшихъ городовъ Поршугаліи:

	Число жит.
Лиссабонъ	260,000
Порто или Опорто	70,000
Коимбра	15,200
Сешубалъ	14,800
Брага	14,400
Оваръ	10,400
Элвасъ	10,000
Эвора	10,000

Всѣ другіе города заключаютъ въ себѣ менѣе 10 т. жителей.

Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что прежде совсѣмъ несправедливо считали Поршугалію землею монаховъ. Въ *Методической Энциклопедіи* сказано, что въ Поршугаліи находится монаховъ до 300,000; Бургуэнь, въ пушешествіи своемъ, полагаетъ число ихъ въ 200,000, и согласно съ нимъ говоришъ Дюмуріе; Г. Де Лабордъ увеличилъ это число до 280,000; Бори де Сенъ-Венсанъ опяшь уменьшилъ его до 200,000. И все

Digitized by Google

это невѣрно. Самыя новыя, подтверждаемыя всѣми свидѣтельствами извѣстія, показываютъ, что число монаховъ въ Португаліи не превышаетъ 20,000, Можно полагать даже, что оно еще менѣе, ибо число всѣхъ монастырей въ Португаліи было, въ 1790 году 526, изъ коихъ 418 мужескихъ и 108 женскихъ, а въ 1828 году ихъ оставалось всего, мужескихъ и женскихъ, 363 монастыря. Въ каждомъ монастырѣ не льзя полагать болѣе 16 человѣкъ, круглымъ числомъ, слѣдовательно, во всѣхъ монастыряхъ монаховъ и монахинь находится только 5,808. Къ этому должно прибавить довольно большое число монаховъ должностныхъ, особенно при нынѣшнемъ правленіи Дона Мигуэля. Но за всѣмъ тѣмъ, явно, что въ Португаліи не льзя считать монаховъ сотнями тысячъ: этому противорѣчитъ означенное нами число монастырей. Въ Испаніи, въ Италіи, — совсѣмъ иное дѣло.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

« . . . . . The sixth age shifts
Into the lean and slipper'd pantaloon;
With spectacles on nose, and pouch on side;
His youthful hose well sav'd, a world too wide
For his shrunk shank; and his big manly voice,
Turning again toward childish treble, pipes
And whistles in his sound. . . . . »

(То есть: «Шестой возрастъ! Вотъ онъ, паяцъ, худощавый, въ шуфляхъ, съ очками на носу, съ висячими карманами на бокахъ! Штаны, сохранившіеся

Digitized by Google

у него отъ лѣтъ юности, теперь слишкомъ широки для его ссохшихся ногъ; голосъ его, прежде сильный и мужественный, теперь пищитъ какъ дѣтскій голосокъ, тонко и пронзительно...»).

Время скупости и безстрастія, почти всегда замѣтныхъ въ этомъ возрастѣ, изображено со словъ Поэта Живописцемъ очень хорошо. Онъ представилъ отставнаго солдата, бѣднаго старика, пришедшаго съ женою и маленькимъ сыномъ, просить помощи у «паяца въ шуфляхъ и въ очкахъ.» Сѣдой, почти безволосый ветеранъ, стоя на деревяшкѣ, открываетъ свой камзолъ, желая показать старому скупцу благородныя доказательства своихъ страданій за отечество; онъ протягиваетъ руку, съ уваженіемъ не только къ хозяину дома, но и къ самому себѣ; онъ проситъ помощи не для себя, но для несчастныхъ спутниковъ своей бѣдной жизни, которые тутъ-же, съ терпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ кончится эта просьба. Корыстолюбивый старикъ ни сколько не тронутъ бѣдствіемъ несчастнаго семейства; онъ даже не хочетъ взглянуть на почтенныя раны пришельца, отворачивается и спѣшитъ уйдти отъ него. Смышленая собака, будто по звукамъ голоса угадавъ мысли своего господина, изъ всѣхъ силъ старается подкрѣпить его отказъ.

Digitized by Google

— *Извѣщеніе.* — Искренно благодаримъ Г-на Герсеванова, приславшаго къ намъ справедливыя, дѣльныя и благородныя замѣчанія на *Россійскую Статистику* Г-на Зябловскаго; но мы не можемъ напечатать сихъ замѣчаній, *по причинамъ, отъ насъ независящимъ.*

Изд. Тел.

Въ № 5-мъ Московскаго Телеграфа на 1833-й годъ находятся слѣдующія значительныя опечатки:

Стр.	66-я,	строка 14-я:	тонется,	вм. тонетъ.
——	118-я,	—— 11-я:	сошники,	вм. сошни.
——	121-я,	—— 3-я:	даровать,	вм. даровать первенство.
——	122-я,	—— 5-я:	ложнымъ,	вм. сложнымъ.
——	123-я,	—— 17-я:	$\frac{7}{\frac{3}{8}}$	вм. $\frac{7}{\frac{3}{8}}$
——	——	—— ——	$\frac{2\frac{1}{3}}{8}$	вм. $\frac{2\frac{1}{3}}{8}$

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ Парижѣ 15 Марта (н.с.) 1833 г.

Digitized by Google

АПОКРИСИСЪ,

Пезо Могила Архіепп Митро
полит Кіевскій Русскою Влиною

АЛБО

ѿповѣдь. на книжкы о съборѣ
берестейскомъ. именемъ людій,
старожитной релѣи греческой. чере
христофора филѧлета, врихлѣ
дана.

Грав. А. Лошаковъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 7 Моск. Телегр. 1833 г.

Пис. Смирнъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ VII. АПРѢЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ

нынѣшняго состоянія Ирландіи.

Давно-ли Даніилъ О'Коннель воскликнулъ: «Я равенъ всякому Протестанту!»

Чего-же хочетъ онъ еще? Къ чему этотъ грозный языкъ, эти обѣщанія драться, эти возгласы ненависти? Для чего упоминаетъ онъ объ отложеніи Ирландіи? Если Католики тамошніе довольны, то кто-же еще жалуется?

Католики, можетъ быть, довольны; но довольны-ли Ирландцы? Прекратился-ли ихъ гнѣвъ? Эти тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кото-

Digitized by Google

рые въ тріумфѣ сопровождаютъ своего *освободителя* (какъ зовутъ они О'Коннеля), признательны-ли они къ Англіи? Почитаютъ-ли они ее исполнившею свой долгъ? Вслушайтесь въ ихъ рѣчи, всмотритесь въ ихъ лица, посмотрите на ихъ бѣдность, и скажите: все-ли кончено въ Ирландіи уравненіемъ Католиковъ съ Протестантами? Дало-ли это билль вознагражденія за прошедшее? Могутъ-ли Британскіе Министры спать на лаврахъ побѣды и почитать войну конченною, а Ирландію умиренною?

Когда Турція отказалась отъ Греціи, тогда можно было сказать, что, не смотря на многія будущія препятствія и неудачи, судьба сей страны рѣшена. Но чуждый народъ, укоренившійся на землѣ Ирландіи, уже не можетъ быть изгнанъ. Шесть съ половиною вѣковъ смѣшенія не изглаживаются ничѣмъ. Если послѣ столь-же долгаго времени, Испанцы умѣли изгнать Мавровъ и завоевать свою свободу, то это не потому чтобы они сдѣлались сильнѣе, но потому что между обоими народами не было ни малѣйшаго смѣшенія, и что въ день мести можно было отличить враговъ отъ друзей. То-ли въ Ирландіи? Да если-бы она и могла, то гдѣ начала, и гдѣ кончила-бы она это *очищеніе?* Отвергали-бы она или признала своими этихъ дѣтей

Digitized by Google

побѣды, которыя умѣли сражаться и умирать за землю, ими завоеванную? Неужели Фицъ-Джеральды и Плонкеттты были-бы признаны недостойными имени Ирландца, которое прославили они? Да! вы всегда различите двѣ волны на томъ мѣстѣ, гдѣ Рона соединяется съ Леманомъ; но можете-ли вы раздѣлить ихъ? Ирландія такъ слаба и такъ близка къ своей могущественной сосѣдкѣ, что она не будетъ независимою отъ нея; уже нѣсколько вѣковъ судьба ея соединена съ судьбой Англіи, и узелъ, связывающій ихъ необходимостью, защянутъ такъ крѣпко, что воображеніе не представляетъ никакого могущества, никакого событія, которое могло-бы развязать его.

Но почему-же еще думаютъ объ этомъ? Отъ чего, послѣ стольких лѣтъ, еще говорятъ объ Ирландцахъ и Англичанахъ? Отъ чего воспоминаніе о завоеваніи 1170 года живо такъ, какъ будто оно совершилось вчера? Отъ чего имя Родерика О'Коннора волнуетъ сердца, какъ имя друга, умершаго за нѣсколько дней и требующаго отмщенія? Возможно-ли, чтобы шестивѣковое обладаніе не глубже врѣзало въ умы и души мысль о соединеніи всегдашнемъ? Кто эти люди, ненавидящіе и презирающіе мѣсто рожденія своего и народъ, окружающій ихъ и вы-

Digitized by Google

плачивающій имъ подати? Какъ соглашаютъ они свою щекотливую честь и свою ревность къ свободѣ, съ постыдными угнетеніями, въ которыхъ они виновны? Чудная страна, гдѣ утонченность человѣколюбія и справедливости запрещаютъ допрашивать обвиненнаго, и гдѣ часто смерть служитъ наказаніемъ крестьянину, вышедшему изъ дому своего между девятымъ часомъ вечера и пятымъ утра! гдѣ бѣдный можетъ передать своему представителю частицу власти, а самъ, въ существованіи своемъ, своего семейства, и тысячи подобныхъ ему несчастныхъ, зависитъ отъ прихоти какого нибудь помѣщика, который конечно заставитъ дорого заплатишь за минуту независимости.

Можете читать и перечитывать каждый день пренія Британскаго Парламента, присутствовать при его изслѣдованіяхъ, посѣщать съ О'Коннелемъ и Шилемъ ихъ meetings, можете обойдти пѣшкомъ всю Ирландію, спрашивать, наблюдать, размышлять, и—не найдти ключа къ этому страшному таинству. Настоящее Ирландіи не въ силахъ объяснишься само; такъ много прошедшаго волнуется тамъ! Въ самомъ дѣлѣ, кто зналъ-бы во Франціи послѣдняго столѣтія лишь модную, изнѣженную образован-

Digitized by Google

ность ея, тотъ съ трудомъ понялъ-бы свирѣпое бѣшенство Революціи, и конечно не вздумалъ-бы приписывать его притѣсненіямъ, угнетенію и беззащитности, на которыя жаловался народъ столь справедливо. Этими побудительными причинами онъ объяснилъ-бы себѣ поступки Конституціоннаго Собранія; но какъ объяснить пожары замковъ и гоненіе на дворянство, не обратившись къ воспоминаніямъ о феодализмѣ?

Къ Исторіи, даже единственно къ Исторіи долженъ прибѣгнуть и тотъ, кто захочетъ понять странное зрѣлище, представляемое Ирландіею, и узнать истинныя причины ея бѣдствій.

Вообще приписываютъ всѣ сіи бѣдствія различію въ религіи двухъ народовъ. Безъ этого пагубнаго обстоятельства, говорятъ намъ, не было-бы того, что случилось, и теперь мы занимались-бы Ирландіею столько-же, сколько Шотландіею и Валлисомъ. Правда, что разность религій была не безъ несчастнаго дѣйствія: она придала новую силу раздору, она послужила новымъ оружіемъ для партій, и усилила разногласіе; но зло уже существовало прежде; оно существовало за нѣсколько вѣковъ до рож-

Digitized by Google

денія монаха Августинскаго, и не окончится даже тогда, когда-бы все соединенное Королевство приняло Исламизмъ. Зло, поядающее Ирландію, гораздо старѣе Реформаціи, ибо оно началось съ того дня, когда нѣсколько искателей приключеній, Нордманновъ, наскучивши своими замками въ Валлисѣ, и разстроившись въ дѣлахъ своихъ, рѣшились, по совѣту предателя, поискать *счастія* на *Зеленомъ островѣ* (*).

Тоже случилось во многихъ странахъ. Нѣсколько морскихъ разбойниковъ переплыли обширныя моря на длинныхъ своихъ лодкахъ; они пришли отнять у внука Карла Великаго одинъ изъ прекраснѣйшихъ обломковъ его Государства, и отмстить на церквахъ Нейстрійскихъ за оскорбленія Ирменсулу. Черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ, потомки ихъ, предводимые знаменемъ, благословеннымъ Папою, пошли на другой берегъ, завоевывать корону своему незаконному Герцогу, между тѣмъ какъ простые рыцари, происшедшіе отъ того-же забѣглаго ро-

---

(*) Это поэтическое названіе Ирландіи; *Эринъ* настоящее имя ея, происходитъ отъ западнаго положенія ея относительно Великобританіи; *Эринъ* значитъ *по ту сторону лежащій, дальній*; отъ того безпрестанно называютъ Ирландію *Западнымъ остро-*

Digitized by Google

да, напоминали удивленной Италіи древнихъ героевъ, о которыхъ говоритъ ея старинная Исторія и древняя религія, и мечемъ десяти храбрыхъ низвергали, основывали Королевства и заставляли трепетать, подъ тіарою и діадемою, преемника Св. Петра и наслѣдника Цезарей.

Слѣдовательно, Ирландія страдаетъ и льетъ слезы теперь не потому, что она была завоевана, какъ въ старину множество другихъ, нынѣ цвѣтущихъ Государствъ, и не потому что за шесть сотъ лѣтъ нѣкоторыя области ея были преданы жадности Фицъ-Стефеновъ, Фицъ-Гриффитовъ, Спронгбоу. Завоеватели ея были несправедливы, жестоки, вѣроломны; такъ, но Роллонъ, Вильгельмъ Побочный и Рогеръ были развѣ нѣжны, справедливы, добры? Реймондъ Толстый выпускалъ на Ирландцевъ воловъ, и разбивалъ ноги у плѣнниковъ, а потомъ кидалъ ихъ въ море; Нордманнскій Епископъ въ Дублинѣ жегъ дипломы своихъ ленниковъ, а придворные Принца Іоанна вырвали бороды у Ирландскихъ Королей, пришедшихъ къ нему съ привѣтствіями; но какая завоеванная страна не терпѣла подобныхъ страданій и оскорбленій?

вомб. У Мура, въ Irish Melodies, часто встрѣчаются примѣненія этихъ двухъ наименованій.

Digitized by Google

Изъ всѣхъ завоеваній, о коихъ упомянули мы, завоеваніе Ирландіи совершилось послѣ всѣхъ. Но въ такомъ разстояніи времени, вѣкъ или два не могли-бы сдѣлать разницы, если-бъ это завоеваніе было полно и быстро. Какъ-бы ни были жестоки и несправедливы люди, овладѣвающіе какою нибудь страною, но сдѣлавшись обладателями ея, они перестаютъ глядѣть на нее окомъ непріязненнымъ, и не только не желаютъ ей несчастія, но желаютъ и сколько нибудь добра. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ неоспоримѣе сдѣлается ихъ власть, тѣмъ лучше будутъ они. Сопротивленіе избавляетъ отъ дурнаго владѣтеля или обезсиливаетъ его; но дѣлаетъ-ли оно его лучше? Ирландцы не умѣли во время соединиться и прогнать чуждыхъ завоевателей, и не хотѣли покориться игу ихъ; отъ того сдѣлалась вѣчною у нихъ война. Иногда побѣжденные, иногда побѣдители, дѣти Эрика выигрывали съ одной стороны то, что теряли съ другой, и послѣ первой минуты ужаса, Англійское могущество не увеличивалось, а уменьшалось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Англійскій pale (*), окруженный со всѣхъ сто-

(*) The english pale, имя Англійскаго округа; the lords of the pale, почти общее названіе Англо-Ирландскихъ Бароновъ.

Digitized by Google

ронъ *Ирландскими врагами* (*), былъ позорищемъ несогласій и смятеній. Много разъ видали тамъ, что Баронъ, недовольный своимъ Государемъ-покровителемъ, или поссорившійся со своими собратами, призывалъ къ себѣ на помощь дикіе кланы, еще недавно поражаемые имъ. Часто случалось даже, что гордые Нордманны бывали принуждены откупаться *черною податью* (**) отъ грабежа, котораго не могли предупредить, не могли и наказать за него, и въ шестнадцатомъ вѣкѣ можно было жаловаться Генриху VIII-му на то, что Англійскіе законы и нравы простираются лишь на двадцать миль кругомъ. Только могущая рука Елисаветы положила конецъ этому странному порядку дѣлъ, и собственно отъ нея должно считать покореніе Ирландіи. Что было тамъ до ея царствованія? Почти весь островъ занимали туземцы, имѣвшіе свой языкъ, не схожій ни съ ка-

---

(*) *Ирландскими врагами* называли Ирландцевъ, не покорившихся Англійскому Королю, не смотря на то, были-ли въ войнѣ съ ними или нѣтъ. Впослѣдствіи это названіе замѣнили другимъ: wild Irish — *дикій Ирландецъ*.

(**) Blackrent, тоже самое, подъ тѣмъ-же названіемъ, что *черная подать*, прославленная романами Валтера Скотта, и особенно *Робъ-Роемъ*.

Digitized by Google

кимъ другимъ, свое безначаліе, приведенное въ какой-то порядокъ, свои варварскіе нравы и странную одежду. Они почитали Англійскаго Короля чужеземнымъ Государемъ, съ которымъ первый *Династъ* (*) Ирландскій обходился какъ равный; они презирали Нордманнскихъ Бароновъ, какъ безродныхъ искателей приключеній, и надѣялись изгнать ихъ изъ своей страны при первомъ удобномъ случаѣ. Въ восточномъ углу Ирландіи было однакожъ немногочисленное народонаселеніе, гдѣ люди рослые, бѣлокурые и особенно тихіе нравами, легко отличались отъ старыхъ Милезійцевъ (**): они вообще обитали въ замкахъ или городахъ приморскихъ, и властвуя отсюда надъ подданными другаго поколѣнія, казались караваномъ, который изъ странной предусмотрительности укрѣпился въ своемъ лагерѣ.

Такова была Ирландія тотчасъ по завоеваніи, такова была и черезъ четыре вѣка потомъ: удивляйтесь, какъ могла она столь долгое время оставаться въ этомъ тяжеломъ состояніи;

(*) Dynaste, toparque, титулы Ирландскихъ владѣтелей.

(**) Значительная часть кореннѣхъ Ирландцевъ почитаетъ себя происходящими отъ какого-то Милезія, и происхожденіемъ этимъ дорожатъ они чрезвычайно.

Digitized by Google

но такова была сила обстоятельствъ и неизбѣжимая судьба ея, рѣшенная, можетъ быть, первыми успѣхами Нордманнскихъ Бароновъ.

Послѣ завоеванія, всякая новая власть старалась, почти всегда, утвердивъ свою силу, создать еще право, и соединить свои пользы съ пользами покоренныхъ, заставивъ почитать оныя нераздѣльными. Такъ нѣкогда Александръ женился на Сташирѣ; такъ Генрихъ Beau-Clerc спѣшилъ получить руку наслѣдницы Альфредовой; такъ и Стронгбоу основывалъ большія надежды на бракѣ своемъ съ Эвою Макъ-Морчадъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, въ Ирландіи также устроилось-бы все естественнымъ образомъ, и кровь Ласіевъ, Фицъ-Джеральдовъ, Борговъ, вскорѣ смѣшалась-бы съ кровью О'Ніалей, О'Бріеновъ, Макъ-Аршеевъ, и произвела-бы истинныхъ Англо-Ирландцевъ, драгоцѣнныхъ обоимъ поколѣніямъ и способныхъ скрѣпить союзъ между ними. Завистливая политика спрашилась такого порядка дѣлъ и предупредила его: это была политика Англійскихъ Королей.

Герои-разбойники, первые сражавшіеся съ несогласными Ирландцами, и обнажившіе рыцарскій мечъ противъ дротика *Кернесовъ* и топо-

Digitized by Google

ра *Галлоу-Глессовъ* (*), образовали себѣ такъ скоро и легко небольшія Княжества, что въ древней Иберніи они конечно возобновили-бы успѣхъ Побочнаго, и основали-бы на другомъ островѣ другое Нордманнское Государство, если-бы между ними былъ великій человѣкъ, и менѣе было-бы у нихъ внѣшнихъ запрудненій. Кто можетъ сказать, что̀ сталось-бы погда съ Ирландіею? Она конечно страдала-бы; но вѣрно не болѣе нежели страдала и безъ этого. А нравы, успановленія и нынѣшнее цвѣтущее состояніе Англіи, развѣ не сто̀ятъ быть куплены? Ирландія, которая находилась въ помъ стѣсненномъ положеніи, когда необходимо бываетъ подвергнуться чуждому господству и получить черезъ него новыя силы, Ирландія была-бы теперь равною, или по крайней мѣрѣ сестрою Англіи, если-бы Стронгбоу, Ласи, Бошлеръ, однимъ словомъ какой нибудь Норманнскій Баронъ, достигшій независимости, соединилъ всѣ силы своихъ военныхъ брапьевъ, противъ двадцати Ирландскихъ Королей и прошивъ арміи родственниковъ ихъ, расшибъ однимъ ударомъ всѣ сопрошивленія, длившіяся вѣка, и сдѣлалъ-бы изъ этого несчастнаго

(*) Kernes была у Ирландцевъ легкая пѣхота; Gallow-Glasses пѣхота тяжело вооруженная.

острова одно Государство, одно отечество. Ничего этого не было: гордые побѣдители сражались не для самихъ себя, и могущественная рука остановила всѣ ихъ усилія.

Когда изгнанный Король Лейнстерскій, Дермодъ Макъ-Морчадъ, шелъ къ Баронамъ, недовольнымъ своею судьбою и несогласнымъ со своимъ Государемъ; когда онъ вымаливалъ у нихъ въ помощь себѣ нѣсколько вооруженныхъ людей, и хотѣлъ снова завоевать свой тронъ и омыть въ крови непріятельской оскорбленіе, нанесенное ему въ тотъ день, когда виновная Дервогала была похищена изъ его дворца и возвращена оскорбленному супругу, это было уже не въ первый разъ, что онъ унижался изъ гордости и молилъ изъ мщенія. Еще не взывая къ вассаламъ, гордый Милезіецъ жаловался Королю: Генрихъ Фицъ-Эмпрессъ получилъ отъ него просьбу, и обѣщаніе феодальной покорности въ тѣхъ странахъ, которыя поможетъ онъ ему завоевать.

Плантагенетъ, во всю жизнь свою желавшій завоевать Ирландію, и, отъ излишней предосторожности, испребовавшій съ 1156 года отъ Папы Адріана II наименованіе *владѣтеля всѣхъ острововъ*, Плантагенетъ не думалъ отвергнуть предложенія Короля Лейнстерскаго; но онъ

Digitized by Google

шогда былъ занятъ Людо́викомъ Юнымъ и Бекке́шомъ; онъ не могъ прямо заниматься ссорами Дермода Макъ-Морчада съ Тирнамомъ О'Рваркомъ и Родерикомъ О'Коннооромъ, и далъ ему письмо, въ которомъ обѣщалъ благоволеніе и пособіе всякому, кто окажетъ помощь Дермоду.

Это письмо ни сколько не подвинуло впередъ дѣлъ изгнанника, и не доставило ни одной копѣйки, ни одного солдата Фицъ-Стефену; безъ этого письма очень могли обойдтись Фицъ-Гриффитъ, мятежникъ въ душѣ, и множество другихъ Бароновъ, которые не видали въ разсказахъ о великихъ дѣяніяхъ ихъ предковъ, чтобы нужно было позволеніе Государя идти завоевать тронъ и возвратиться самому Государемъ, или врагомъ его; но это письмо, или лучше сказать политика, внушившая его, рѣшили судьбу Ирландіи.

Покуда оружіе Нордманнскихъ Бароновъ пріобрѣтало успѣхи ничтожные, покуда О'Конноръ, казалось, могъ противиться имъ, и въ Ирландіи легче было дѣлать потери нежели пріобрѣтенія, Генрихъ Планшагенетъ оставался спокоенъ, завистливо наблюдалъ предпріятія своихъ вѣрныхъ, и не прогивился пріобрѣтеніямъ еще столь мѣлкимъ, что они не мог-

Digitized by Google

ли возбудить опасеній. Но когда распространился слухъ, что Дермодъ возсѣлъ на своемъ тронѣ, что Родерикъ бѣжитъ отъ него, что Фицъ-Гриффитъ и Фицъ-Джеральдъ получили въ подарокъ отъ признательнаго Короля Лейнстерскаго земли, завоеванныя ими, что Фицъ-Стефенъ сталъ владѣтелемъ Датской колоніи въ Вексфордѣ, и что Ричардъ Стронгбоу, Графъ Пемброкскій, готовится идти, окончить осаду Ватерфорда и получить отъ своего союзника руку дочери его Эвы, тогда Генрихъ вспомнилъ о своихъ предположеніяхъ на Ирландію, сообразилъ опасность имѣть слишкомъ могущихъ вассаловъ, и опираясь на прежнее условіе свое съ Макъ-Морчадомъ, рѣшился присвоить себѣ предпріятіе, обѣщавшее успѣхъ. Стронгбоу, готовый къ отплытію, получилъ приказаніе отъ Короля не садиться на корабль; но, завлеченный обстоятельствами слишкомъ далеко, онъ не послушалъ его, отправился, женился, въ упитанномъ кровію Ватерфордѣ, на Эвѣ Макъ-Морчадъ, и вскорѣ получилъ отъ своего тестя владѣніе Дублинское, отнятое Баронами у Датскихъ *Остменовъ*, мятежныхъ вассаловъ Короля Лейнстерскаго.

Это извѣстіе еще болѣе усилило зависть Плантагенета. Но его раздражало не ослушаніе, слишкомъ обыкновенное въ нравахъ фео-

Digitized by Google

дальныхъ; не его боялся онъ, когда спѣшилъ остановить успѣхи, блистательные до такой степени, что вскорѣ они перестали-бы заслуживать даже порицаніе. Тотчасъ изданъ приказъ, въ которомъ Король разсматривалъ поведеніе Нордманнскихъ Бароновъ, запрещалъ всѣмъ Англійскимъ судамъ перевозить въ Ирландію войска, оружіе или съѣстные припасы, и наконецъ торжественно приказывалъ всякому подданному Короля, какого-бы ни былъ онъ чина и званія, возвратишься въ Англію *до наступленія Пасхи*, подъ опасеніемъ, что иначе онъ потеряетъ свое владѣніе и будетъ объявленъ измѣнникомъ.

Получивъ сей приказъ, Бароны пришли въ страшное волненіе. Тяжело было имъ отказаться отъ завоеваній, начатыхъ столь удачно; но какъ рѣшишься потерять и прекрасныя владѣнія въ Англіи? Какъ можно провести жизнь съ этими Скандинавскими рыбаками, и съ этими Ирландцами, у которыхъ длинныя бороды, длинные заплетенные волосы, широкая желтая рубашка, маленькій пестрый плащъ, домы земляные, а церкви деревянныя! Съ ними не льзя быть искренними, потому что не льзя ни въ чемъ согласиться; они всякій день проклинаютъ дѣтей чуждой земли, и предателя, который привелъ ихъ на *Островъ*

Digitized by Google

Святыхъ (*). Все это заставило Реймонда Толстаго немедленно отправиться, съ препорученіемъ отъ своихъ рапныхъ братій къ оскорбленному Государю, изъявить ему покорность, и увѣрить его, что Бароны, съ имѣніемъ и съ людьми, принадлежали и принадлежатъ ему.

Генрихъ былъ-бы долженъ удовольствоваться этимъ, потому что Дермодъ умеръ, угнетенные его подданные возставали, противники его брались за оружіе, и Бароны Нордманнскіе были оставлены почти всѣми ихъ союзниками. Родерикъ, изъ болотъ своихъ переписывался съ Лавренціемъ О'Тулемъ, патріотомъ, Архіепископомъ Дублинскимъ; Гескольпъ, Датскій Губернаторъ Дублина, возвращался туда, съ желаніемъ искать вознагражденія и мстить; Гошредъ, Король Манскій, и многіе другіе Короли острова, спѣшили помочь ему и освободить *Остменовъ* отъ новыхъ завоевателей, въ коихъ

(*) Ирландія гордится, что именовалась такъ съ давней поры, ибо это названіе приводитъ на умъ то время, когда ея духовная образованность была столь славна, что Карлъ Великій выписывалъ изъ Ирландіи ученыхъ. Извѣстно, что Іоаннъ Скотъ, называемый Эригеномъ, былъ Ирландецъ.

Digitized by Google

Скандинавскіе предводители уже не признавали крови *Сѣверныхъ людей*. Дѣти *царей моря* сдѣлались Французскими рыцарями.

Но Планшагенешъ былъ неумолимъ: Реймонда приняли сурово; изданнаго приказанія не отмѣняли; срокъ истекалъ, и для переѣзда Генриха въ Ирландію уже дѣлали приготовленія. Надобно было или покориться, или поднять знамя противъ Короля Англіи, Герцога Нормандіи и Аквитаніи, Графа Анжу и Пуату. Бароны рѣшились уступить. Стронгбоу переправился черезъ проливъ, нашелъ Короля въ Ньюгамѣ, и купилъ прощеніе уступкою своихъ завоеваній. Король удержалъ приморскіе города и крѣпости, а остальное возвратилъ Стронгбоу въ видѣ подарка; другіе Бароны послѣдовали примѣру своего собрата. Отъ сего времени можно считать господство Королей Англійскихъ надъ Ирландіею.

Что оставалось дѣлать Ирландцамъ, когда могущественный Планшагенешъ заступилъ мѣсто владѣтелей ихъ, и какъ съ вассаломъ обходился даже съ самимъ Стронгбоу, котораго по женѣ считали Королемъ Лейнстерскимъ? Слишкомъ неравная борьба казалась невозможною: владѣлецъ Десмонда или Оссори могъ сражаться съ Фицъ-Джеральдомъ или Реймондомъ,

Digitized by Google

но какъ могъ противиться онъ могущественнѣйшему изъ Европейскихъ монарховъ? Однакожь это было, и защищенные разстояніемъ, болотами, и болѣе всего храбростію, западные и сѣверные кланы остались вѣрны падшему владычеству О'Коннора, или лучше сказать независимости Ирландіи. Но Топархи Лейнстера и Моунстера, О'Бріены Томондскіе, О'Руарки Бреффнейскіе, О'Фоланы Десійскіе, Макъ-Аршеи Десмондскіе, спѣшили вмѣшаться въ толпу Генриховыхъ придворныхъ, и восхищенные его привѣтливымъ обращеніемъ, ослѣпленные пышностію въ его Дублинскомъ, наскоро выстроенномъ дворцѣ, внѣ себя отъ его музыки, отъ его кухни, отъ его винъ, отъ его серебра, они, можетъ быть, почитали возвышеніемъ для себя званіе вассала у столь великаго Государя, и, видя покореніе Ирландіи, утѣшались блескомъ своего побѣдителя.

У Родерика не было ни силъ, ни мужества противустать такому превосходству: онъ вскорѣ началъ переговоры съ Генрихомъ и призналъ себя вассаломъ Планшагенета, обѣщая ему вѣрность и дань, какъ Король Конноуша, и какъ монархъ Ирландіи (*).

(*) Кромѣ частныхъ Королей Конноута, Лейнстера, Мипа, и другихъ, Ирландія признавала верховнаго

Digitized by Google

И такъ Генрихъ сдѣлался Государемъ Ирландіи, прямымъ владѣльцемъ Лейнстера и Мита, и обладалъ вполнѣ Дублиномъ, Вашерфордомъ, Векcфордомъ, и всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами. Правда, что эшими округами ограничивалось его управленіе, ибо покорность Короля Конноутскаго была одна пустая форма. Въ самомъ Лейнстерѣ, сколько затрудненій встрѣтило Короля! Многочисленное туземное народонаселеніе было покорно и—непріязненно; могущіе вассалы безпрерывно думали о независимости, и трудно было запретить имъ сражаться за нее. Недовѣрчивость къ Ирландцамъ, и недовѣрчивость къ Англо-Ирландцамъ: таково было двоякое опасеніе, управлявшее всѣми дѣйствіями Генриха и преемниковъ его; оно заставило ихъ съ намѣреніемъ упрочить несогласія въ Ирландіи, а не истребить ихъ во что-бы то ни стало.

Еще не оставляя Ирландіи, Генрихъ созвалъ въ Кашелѣ Епископовъ и знатныхъ владѣльцевъ, издалъ многія учрежденія для своихъ

монарха, избраннаго изъ сихъ Государей и владычествовавшаго надъ Ирландскимъ Союзомъ. Родерикъ О'Коноръ былъ облеченъ эшимъ достоинствомъ во время завоеванія.

Digitized by Google

Англо-Ирландскихъ подданныхъ, снова получилъ присягу въ вѣрности отъ прежнихъ своихъ вассаловъ, и увѣрилъ ихъ, что они будутъ пользоваться законами Англіи и правами и преимуществами Нордманнскихъ Бароновъ.

Такъ возникло, въ двѣнадцатомъ столѣтіи, это законодательство, которое соображается съ лицами, а не со страною. По утвержденіи варварскихъ государствъ, всѣ великіе люди, думавшіе о народной гражданственности, старались уничтожить его. Съ этимъ законодательствомъ явилась несправедливая оцѣнка людей, по которой въ одномъ мѣстѣ различно смотрятъ на жизнь мужчины или честь женщины, соображая, къ какому поколѣнію принадлежитъ виновный и жертва.

Конечно, Плантагенету и преемникамъ его было-бы трудно подчинить своихъ подданныхъ Брегонскому закону (*), существовавшему въ болотахъ Эрина и выполнявшемуся на тамошнихъ холмахъ, такъ-же какъ трудно было-бы посылать Нордманнскихъ законниковъ изучать

(*) *Брегономъ* называли Ирландскаго судью, и законъ по этому назывался *Брегонскимъ* или закономъ *Брегоновъ*.

Digitized by Google

Seanchas-moir (*) или довольствовашься *Эрикомъ* (**) за жизнь Барона. Но для чего не распространишь выгодъ Англійскаго законодашельства на всѣхъ покорившихся Ирландцевъ? Для чего не внять крику бѣдныхъ невѣждъ, шребующихъ правосудія, и дикихъ, просящихъ гражданственности?

Надобно сказашь, что эшошъ упрекъ не можешъ ошноситься къ Генриху II-му, который не имѣлъ случая ошвергашь подобныхъ просьбъ, и конечно думалъ, что ему надобно бышь шерпѣливымъ, предоставивъ побѣжденнымъ свободно слѣдовашь ихъ обычаямъ. Но когда видимъ, что Англійскіе законы были шребуемы Ирландцами при Генрихѣ III-мъ, Эдуардѣ I-мъ, Эдуардѣ III-мъ, Генрихѣ VIII-мъ, и даны шолько въ 1604 году, Іаковомъ I-мъ, шогда ста-

---

(*) Seanchas-moir, или *Великая Древность*, есшь собраніе обычаевъ, приписываемое девяши особамъ, въ числѣ коихъ преданіе называешъ Свяшаго Паприка, Апосшола и покровишеля Ирландіи.

(**) *Эрикъ* у Ирландцевъ шоже самое что Wehrgeld у Германскихъ народовъ: законная денежная сдѣлка за преспупленіе.

Digitized by Google

новится трудно повѣришь, чтобы добрыя намѣренія были всегда останавливаемы пагубнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ смутниковъ, которые были рады пользоваться несправедливостью.

И можно-ли обманываться въ побудительной причинѣ отказа, видя съ какимъ тщаніемъ, въ продолженіе вѣковъ, старались отдѣлить Англичанъ отъ Ирландцевъ? Переселенцамъ было запрещено употреблять языкъ, стрижку волосовъ и одежду Ирландцевъ, подъ опасеніемъ лишиться покровительства Англійскихъ законовъ, подвергнуть свои имѣнія конфискаціи, и самихъ себя тюремному заключенію. Уголовнымъ преступленіемъ почиталось женишься на Ирландкѣ, и быть крестнымъ отцемъ или воспитателемъ Ирландскаго дитяти. Запрещалось пускать на свои земли стада, принадлежащія Ирландцамъ, давать какую нибудь должность или выгоду Ирландцу, принимать его въ монастырь, или торговать съ нимъ. Не позволялось также имѣть у себя въ домѣ Барда (пѣвца), или употреблять Ирландскія сѣдла. Однимъ словомъ, въ продолженіе болѣе нежели четырехъ столѣтій, было употреблено все, даже самое отвратительное и смѣшное, дабы ежедневно напоминать Англичанамъ и Ирландцамъ,

Digitized by Google

что они происходятъ отъ различныхъ и непріязненныхъ поколѣній, что предки ихъ сражались, что братья ихъ еще рѣжутъ другъ друга, и что между ними не можетъ быть ни дружбы, ни мира.

Но, въ то время, когда къ исполненію сего намѣренія были устремлены всѣ утонченности властолюбивой гордости, дѣйствіе оныхъ съ каждымъ днемъ болѣе ослабѣвало отъ другаго дѣятеля Англійской политики.

Не изъ личной ненависти къ Ирландцамъ, и не изъ удовольствія унижать ихъ, Англійскіе Короли столь сильно противились всякому сближенію Ирландцевъ съ поселенцами. Важно-ли было для нихъ, что какой нибудь Фицъ-Джеральдъ не сходился съ какимъ нибудь О'Флагерти, или что Борго принялъ варварское имя Макъ-Лулина? Они страшились, они желали недопустить, во что-бы то ни стало, независимости Ирландцевъ, которая была-бы непремѣннымъ слѣдствіемъ союза Англо-Ирландцевъ съ туземцами. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что Лейнстерскіе Бароны вербуютъ кланы Эрина въ службу независимости, и добываютъ себѣ новую хартію, или средство обойдтись безъ нея; разумѣется, тогда прекратилось-бы господство Королей Англійскихъ, Ирландія, соединенными силами, достигла-бы

Digitized by Google

свободы. Но прежніе Короли удерживали и крѣпко защищали обладаніе даже шѣми землями, которыхъ не любили, и управленіе шѣми народами, которые они презирали.

Такимъ образомъ, недовѣрчивость Лондонскаго Двора къ Англо-Ирландцамъ увеличивалась каждый день. Странно было терпѣть утѣсненія шѣмъ людямъ, въ которыхъ кипѣла кровь Англійскихъ Бароновъ, заставлявшихъ много разъ трепетать своего могущественнаго Государя, и предписавшихъ ему конечно болѣе законовъ, нежели сколько они получили ихъ отъ него. «Худо служатъ мнѣ, объявилъ Эду«ардъ III-й, эти люди, родившіеся въ Ирлан«діи и не имѣющіе никакого имѣнія въ Англіи; «да низведутся-же они со всѣхъ должностей «въ моихъ Англо-Ирландскихъ владѣніяхъ; впе«редъ будутъ получать должности только тѣ, «у кого есть какое нибудь имѣніе въ Англіи.» Къ этому оскорбительному предписанію вскорѣ присоединили обязанность быть рождену въ Англіи; Ліонель, Герцогъ Кларенсскій, запретилъ входъ въ свой лагерь всѣмъ Англо-Ирландцамъ; въ добрый часъ изгнали изъ Англійскихъ Университетовъ всѣхъ Ирландскихъ студентовъ, какого-бы ни были они званія и происхожденія; наконецъ, переселенцамъ было дано

Digitized by Google

имя *Англійскихъ выродковъ*, Hibernis Hiberniores, какъ говорили въ вѣчный упрекъ имъ за то, что они вошли въ нѣкоторыя сношенія, сблизились нѣсколько съ людьми, которые родились на одной съ ними землѣ и повиновались одному съ ними Государю.

Что-жъ вышло изъ этого? Англо-Ирландцы, оскорбляемые, обираемые, болѣе и болѣе склонялись къ народу, отъ котораго хотѣли отдѣлить ихъ, и соединились съ нимъ крѣпче прежняго, часто принимая отъ него одежду, языкъ, даже имена, и закрѣпляя союзъ съ нимъ общею ненавистью къ Англіи и чиновникамъ ея. Милезіецъ призналъ своимъ братомъ сына завоеванія, когда увидѣлъ, что онъ, вмѣстѣ съ нимъ, называетъ Вице-Короля недостойнымъ чужеземцемъ; Англійское Правительство, съ своей стороны, было довѣрчиво и щедро на милости только къ этимъ *отсутствующимъ* (*), которые съ принадцатаго сто-

(*) Извѣстно, что Ирландцы почитаютъ, разумѣется весьма несправедливо, *отсутствующихъ*, the absentees, одною изъ причинъ своей бѣдности; въ первомъ истинномъ Ирландскомъ Парламентѣ, въ 1295 г., сдѣ-

Digitized by Google

лѣшія почитали Ирландію единственно дикою странною, гдѣ несчастные вассалы истощались, доставляя золото для ихъ удовольствій, и можетъ быть для ихъ измѣнъ.

Вотъ въ какомъ положеніи была Ирландія въ царствованіе Генриха VIII-го, и за нѣсколько лѣтъ до того времени, когда ему вздумалось сдѣлать изъ нея Королевство, ибо онъ надѣялся особенно почтить ее тѣмъ, что она будетъ принадлежать ему подъ этимъ новымъ названіемъ. Дикія племена, восточныя и сѣверныя, оставались вѣрны своимъ древнимъ обычаямъ, и своей старинной ненависти: проклинали и презирали имя Англичанъ, поражали и оскорбляли переселенцевъ, и безпрерывно надѣялись видѣть освобожденіе Эрина и возвратъ древней славы своей, «когда Малахій носилъ золо-«тое ожерелье, и западный изумрудъ не бли-«сталъ въ коронѣ чужеземца (*).» Покорные

ланъ пропивъ нихъ спатутъ. Не странно-ли это постоянное несчастіе? Китай не двигается, но по крайней мѣрѣ онъ спокоенъ; Ирландія рѣшила задачу: соединить волненія съ неподвижностью.

(*) Moore, Irish Melodies; let Erin remember the days of old.

Digitized by Google

жители Лейнстера и нѣкоторой части Моунстера, смѣшавшись и свыкшись съ переселенцами, болѣе передавали имъ свои нравы, нежели заимствовали нравы отъ нихъ, и каждый день, вмѣстѣ съ ними, проклинали заморскаго Короля, у котораго исполнители такъ безсовѣстны, приказанія такъ обременительны, и который такъ-же мало щадитъ прежнихъ своихъ подданныхъ, какъ и людей вновь побѣжденныхъ. Наконецъ сами переселенцы, гордые какъ Англичане, неукротимые какъ Ирландцы, были раздражены въ высочайшей степени, видя съ какимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ обходился съ ними любимецъ знатнаго человѣка, ничтожный агентъ, или мелкій искатель приключеній, съ ними, которыхъ предки сражались подлѣ самого завоевателя и добыли себѣ Княжества въ то время, когда не было извѣстно даже имя тѣхъ, которые теперь такъ высоко подымаютъ голову! Съ каждымъ днемъ усиливалось неудовольствіе Англо-Ирландцевъ, потому что ничѣмъ не услаждались ихъ огорченія, ничѣмъ не защищалась ихъ свобода. Узаконенія, уже составлявшія славу Англіи, искажались на ихъ несчастной землѣ; Парламентъ ихъ ожидалъ вдохновеній отъ Вице-Короля, а иногда и законовъ отъ Англійскаго Парламента; старинные Бароны видѣли новое униженіе въ тѣхъ правахъ, ко-

Digitized by Google

торыя были истребованы и завоеваны ихъ предками.

Въ самыхъ нѣдрахъ Церкви существовали такія-же несогласія. Могущественное единодушіе Католицизма не могло соединить этого духовенства, раздѣленнаго съ самаго начала народною ненавистью и мѣлкими раздорами, облитыми ядомъ взаимныхъ оскорбленій. Нѣкоторые Епископы, посылаемые Англійскимъ Королемъ, часто не были признаваемы въ тѣхъ Епархіяхъ, которыхъ шишулами украшались, и находясь въ обязанности ощымать доходы у природныхъ жителей, привлекали къ себѣ, раздачею духовныхъ достоинствъ, только небольшое число священнослужителей, изъ своихъ соотечественниковъ. Они собирали синоды inter Anglicos, и съ спокойною совѣстью дивились, какъ безплодны ихъ усилія просвѣтить и улучшить дикихъ дѣтей новой паствы. Съ своей стороны, духовенство туземное, близкое къ народу по языку и по нравамъ, сильное довѣренностью къ нему соотечественниковъ, было истиннымъ духовенствомъ, и, не уважая требованій властолюбивыхъ прелатовъ, заставляло ихъ обращаться къ себѣ: кто необходимъ, кто одинъ можетъ исполнять что-либо, тотъ становится силенъ.

Digitized by Google

Въ это время явилась Реформація. Она однимъ ударомъ низвергала власть и свободу, одинаково преслѣдовала вѣру и разумъ, и, казалось, была изобрѣтена только для того чтобы испытать, до какой степени униженности можетъ дойдти угодливость человѣческая.

Уже по одному этому она была ненавистна въ Ирландіи; сопротивленіе сдѣлалось тамъ почти единственнымъ утѣшеніемъ среди столькихъ бѣдствій. По велѣнію Короля и Парламента, Епископы Ирландскіе отреклись отъ религіи, которую всегда называли происшедшею отъ самого Бога; но это самое отрѣченіе казалось туземному духовенству новымъ доказательствомъ святости и чистоты сей религіи. Ноксъ, именующій Англійскаго Короля Агагомъ, могъ-бы подвигнуть умы къ ереси возмущеніемъ. . . но отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ для врага, для притѣснителя — кто могъ сдѣлать это?

Слѣдовательно, остались одни угодливые Епископы, и съ ними нѣсколько покорныхъ церковнослужителей. И это-то малое число угодниковъ взялось обратить, къ власти Короля, всю громаду *Ирландскихъ враговъ* и *Англій-*

Digitized by Google

скихъ выродковъ, которые удивились своему сближенію, но подали другъ другу руки, и тѣсно спали подъ хоругвь Святаго Петра. . . . Это былъ великій шагъ къ укрѣпленію Ирландіи, и вмѣстѣ страшное, новое обвиненіе противъ Англіи.

Съ той минуты, когда на Реформацію стали глядѣть въ Ирландіи такимъ образомъ, все было кончено для нея. Что могли сдѣлать, со своимъ заказнымъ энтузіазмомъ, *Королевскіе священники*, изъ которыхъ ни одинъ не зналъ по-Ирландски? Что значили они для народа, который не понималъ Англійскаго языка, и у котораго было свое туземное духовенство, имѣвшее всѣ удобства и особенную ревность въ этой войнѣ, двояко святой? Неужели дѣло свободы ума выигрывало что нибудь отъ того, что Англиканскую литургію служили на Латинскомъ языкѣ, и замѣняли такимъ образомъ молитвы — которыхъ народъ конечно не понималъ, но которыя по крайней мѣрѣ онъ зналъ наизустъ и любилъ съ малолѣтства — словами, совершенно безъ смысла для его ума и безъ всякой привлекательности для его души? Неужели Папистамъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ тѣмъ, что угнетенная Ирландія съ ужасомъ видѣла, какъ разбили

Digitized by Google

раку уважаемаго ея Свящаго Киліана? Наконецъ, объявивъ оффиціяльно, что Англиканская религія есть религія Ирландіи, заставили-ль тѣмъ вѣровать въ нее хоть одно Графство, одинъ городъ, одну хижину?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

МЫСЛИ КАНТА

О СОХРАНЕНІИ ЗДОРОВЬЯ.

Съ нѣкотораго времени, Европейскіе Журналы съ особеннымъ тщаніемъ собираютъ всѣ извѣстія о жизни Канта, всѣ небольшія замѣтки его о разныхъ предметахъ, словомъ все, что относится къ его сочиненіямъ, и лично къ нему, къ образу его жизни, къ отношеніямъ его въ общественномъ быту. Великій человѣкъ, почти незамѣтно протекавшій путь своей жизни, и только въ преклонныхъ лѣтахъ обратившій на себя вниманіе современниковъ, сдѣлался предметомъ безграничнаго уваженія потомства. И дѣйствительно: какое дивное явленіе былъ этотъ человѣкъ, сдѣлавшій почти безпримѣрную эпоху въ Наукѣ Мудрости! Чего не вмѣщалъ въ головѣ своей онъ, не выѣзжавшій никогда изъ роднаго Кёнигсберга, и даже мало выходившій изъ своего кабинета! Какимъ предметомъ не занимался онъ, и на какой предметъ, о которомъ писалъ онъ, не

Digitized by Google

брошено имъ нѣсколькихъ геніяльныхъ мыслей! Не говоря о Философіи, Машемашикѣ, Эстетикѣ, Естествознаніи, которыми занимался онъ преимущественно, ему были равно знакомы и близки Литтерашура и Медицина, Географія и Всемірная Исторія, метаморфозъ животнаго и *Новая Элоиза*, которую прочиталъ онъ нѣсколько разъ въ жизнь свою, потому что любилъ особенно. И во всемъ былъ онъ великъ, во всемъ провидѣлъ то, что будущъ открывать и довершать грядущія поколѣнія. Понятно и прекрасно уваженіе нашихъ современниковъ къ великому человѣку!...

Намъ показалось особенно любопытно небольшое разсужденіе Канша о сохраненіи здоровья. Предлагаемъ этотъ отрывокъ нашимъ читателямъ, и съ маленькимъ предисловіемъ иностраннаго Журнала, въ которомъ онъ напечатанъ.

Гигіена, или искуство сохранять свое здоровье безъ пособія медика, конечно должна занимать всякаго мыслящаго человѣка; а человѣкъ геніяльный, наблюдающій себя, имѣетъ право передавать этому искуству плоды своей опытности. Вспомните Франклина, Канпова совре-

Digitized by Google

менника: кто не читалъ его замѣчаній о пользѣ воздушной бани, и его наблюденій надъ Пиѳагорейскимъ образомъ жизни, которымъ онъ такъ благоразумно наскучилъ, и которымъ Вольней уморилъ себя, желая доказать свою терпѣливость? Франклинъ занимался Гигіеною во всю жизнь свою, потому что онъ страстно любилъ усовершенствованіе и наблюденіе, и потому что не льзя совершенствовать духа, не заботясь о тѣлѣ.

Въ силѣ разума человѣческаго, который Кантъ ставилъ такъ высоко, искалъ Кёнигсбергскій Философъ и лекарства отъ многихъ болѣзней; мнѣніе его есть благодѣтельная истина, которой не признаютъ многіе отъ невѣжества, а многіе другіе забываютъ ее отъ лѣности или отвергаютъ по духу системы. Не безполезно напомнить о ней и подтвердить ее событіями.

Вы вѣроятно слыхали о *Макровіотикѣ* знаменитаго Медика Гуфеланда, или объ *Искусствѣ жить долго?* Это сочиненіе устарѣло, подобно множеству другихъ медицинскихъ книгъ; но человѣкъ размышляющій можетъ найдти въ немъ и теперь много прекраснаго. Гуфеландъ послалъ его къ своему другу Канту, который былъ тогда уже очень старъ; Кантъ, желая отбла-

Digitized by Google

годарить Доктора, написалъ къ нему письмо, изъ котораго мы сдѣлаемъ слѣдующее извлеченіе. Прежде всего онъ объясняетъ основное начало своей Гигіены или Діететики.

«Діететика,» говоритъ онъ, «должна быть основана не на лучшемъ или удобнѣйшемъ состояніи; потому что щадя свои силы, или избѣгая всякаго тяжелаго ощущенія, мы впадаемъ въ состояніе разслабленія или изнѣженности, и недостатокъ въ движимости постепенно угашаетъ жизненное начало. Слѣдовательно стоицизмъ (sustine et abstine) есть основаніе Гигіены, и если существуетъ Медицина эмпирическая или механическая, которая ищетъ внѣ насъ и въ средствахъ вещественныхъ лекарства отъ нашихъ болѣзней, то есть также Медицина философическая, которая показываетъ человѣку въ силѣ его разума средство властвовать своими ощущеніями; основаніе сего находится въ немъ самомъ.

«Пагубныя привычки изнѣженности, которыя осуждаетъ Гигіена, состоятъ болѣе всего въ излишествѣ теплоты, сна, и въ чрезвычайной заботливости о самомъ себѣ, въ то время когда человѣкъ здоровъ.

«Собственная опытность не позволяетъ мнѣ согласиться съ извѣстною, столь часто по-

Digitized by Google

вторяемою аксіомою, что надобно держать голову и ноги въ теплѣ. Напрошивъ, я увѣренъ, что гораздо благоразумнѣе держашь въ холодѣ обѣ сіи части шѣла (Рускіе прибавляютъ къ нимъ и грудь), потому именно, чтобы не подвергашься простудѣ. Конечно, гораздо пріятнѣе мышь ноги въ теплой водѣ, нежели держашь ихъ, особенно зимою, въ водѣ холодной, со льдомъ; но черезъ сіе послѣднее средство можно избѣгнуть ослабленія кровяныхъ сосудовъ, въ частяхъ столь удаленныхъ отъ сердца; а это ослабленіе, у стариковъ, можетъ влечь за собою неисцѣлимыя болѣзни въ ногахъ. Я думалъ-бы, что надобно держать тепло живопъ, особенно въ холодное время: стоитъ только вспомнить о важныхъ отправленіяхъ этой части организма, чтобы удостовѣриться, сколь полезна предосторожность, которую совѣтую употреблять не какъ изысканность удобства, а какъ правило Гигіены. Широкая перевязка, какою Древніе обыкновенно стягивали себѣ живошъ, и поддерживали мускулы онаго, конечно имѣла тоже назначеніе, хотя собственно ее носили не для сохраненія теплоты.

«Спашь долго, или много, нѣсколько разъ въ сутки, напримѣръ послѣ обѣда, конечно есть средство избавить себя отъ многихъ не-

Digitized by Google

пріятностей въ жизни, сопряженныхъ съ бодрственнымъ состояніемъ. Довольно странно однако, желать долгой жизни для того, чтобы провести большую часть ея во снѣ. Но не достигаютъ и этой цѣли, стараясь найдти въ сладкой привычкѣ спать средство продолжить свою жизнь, потому что попеременныя минуты пробужденія и сна, въ долгія зимнія ночи, разслабляютъ всю нервную систему и истощаютъ силы обманчивымъ покоемъ. Здѣсь опять желаніе лучшаго состоянія есть причина, сокращающая жизнь. *Постель — гнѣздо множества болѣзней.*

«Заботиться, или заставлять заботиться о себѣ въ старости, для того только чтобы сберечь свои силы или продлить свою жизнь; избѣгать такихъ неудобствъ, каково напримѣръ выходить изъ дому въ дурную погоду; заставлять другихъ трудиться надъ тѣмъ, что можно было-бы сдѣлать самому — значитъ дѣйствовать безразсудно и предуготовить себѣ преждевременную дряхлость.»

Послѣ этого, Кантъ утверждаетъ, что умственныя занятія, при которыхъ душа находится въ дѣятельности, независимо отъ внѣшнихъ предметовъ — а таковы преимущественно Математическія и Философическія изысканія — что такія занятія могутъ поддерживать

Digitized by Google

жизненную силу и даже продлить жизнь. Впрочемъ, человѣку съ умомъ ограниченнымъ, могутъ оказать ту-же самую услугу и пустыя заняшія, если только онъ находится въ состояніи, не подверженномъ заботамъ и безпокойству. Люди, постоянно и много занятые пустяками, обыкновенно достигаютъ довольно преклонныхъ лѣтъ. Одинъ, чрезвычайно старый человѣкъ, находилъ величайшее удовольствіе въ томъ, что заставлялъ звонить стѣнные часы, которыхъ у него въ комнатѣ было множество, и всегда каждые по одиначкѣ, а не двои вдругъ; въ этомъ занятіи, при пособіи часовщика, нарочно для того нанятаго, проходило у него все время. Другой съ такимъ-же удовольствіемъ кормилъ птицъ и самъ заботился о нихъ: этимъ наполнено было у него все время между сномъ и ѣдою. Одна женщина, чрезвычайно богатая и очень старая, проводила время за прялкою, при чемъ она болтала множество всякаго вздору; въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, она почитала себя несчастливою отъ того, что уже не чувствовала нитки между своими пальцами, окостенѣвшими отъ дряхлости, и, потерявъ любимое время-провожденіе, умерла отъ скуки.

Но Кантъ вѣритъ не только этому общему и непрямому дѣйствію воли и стоическихъ

Digitized by Google

привычекъ на продолжительность жизни: онъ идетъ далѣе, и основываясь на опытахъ собственной своей жизни, утверждаетъ, что человѣкъ можетъ, до нѣкоторой степени, властвовать ощущеніями, относящимися къ болѣзненному расположенію. Мы приведемъ здѣсь въ примѣръ, какъ наиболѣе достойныя вниманія, умственныя и нравственныя лекарства Кёнигсбергскаго Философа отъ *ипохондріи, безсонницы* и *кашля*.

Ипохондрія. «Слабость, съ какою робко поддаются непріятнымъ ощущеніямъ, не имѣющимъ никакого опредѣленнаго предмета, не пытаясь подчинить ихъ своему разуму, ипохондрія неопредѣленная или мечтательная, въ которой больной почитаетъ себя страдающимъ всѣми болѣзнями, которыхъ описаніе читаетъ онъ— это прямая противоположность той нравственной силы, о которой говорили мы. Это упадокъ духа, при которомъ слишкомъ занимаются возможными болѣзнями, безъ способности выдержать ихъ, если-бы онѣ пришли дѣйствительно. Несчастный страдалецъ, истинный врагъ, или лучше сказать палачъ самого себя, вмѣсто того чтобы укрѣпиться противъ химерическихъ опасеній, требуетъ пособія отъ медика, и требуетъ его тщетно, потому что лишь самъ онъ, приведши въ порядокъ свое

Digitized by Google

воображеніе, можетъ избавишься отъ непріятныхъ мыслей, которыя окружаютъ его и заставляютъ страшишься болѣзней, отъ коихъ нѣтъ лекарства, если-бы онѣ явились въ самомъ дѣлѣ. Не льзя требовать отъ человѣка, постигнутаго сею болѣзнію, чтобы онъ покорилъ себѣ ощущенія одною силою воли своей, ибо если-бы онъ могъ это сдѣлать, то и не былъ-бы ипохондрикомъ. Человѣкъ съ полнымъ разсудкомъ не допуститъ къ себѣ такой ипохондріи, и когда онъ испытываетъ неопредѣленныя, тяжелыя ощущенія, которыя могутъ превратиться въ мечтательныя болѣзни, то спрашиваетъ себя: имѣютъ-ли они дѣйствительный предметъ, и если имѣютъ, то не льзя-ли отвратить дѣйствія ихъ? Признавая, что это безпокойство не основано ни на чемъ, или видя, что если-бы оно даже было нѣсколько основательно, то дѣйствій его не льзя ничѣмъ отвратить, онъ забываетъ объ этомъ ощущеніи, то есть не дорожитъ своимъ нездоровьемъ, которое дѣлается для него совершенно мѣстнымъ: онъ обращаетъ все свое вниманіе на обыкновенныя занятія свои.

«У меня самого грудь узкая и плоская; при такомъ образованіи, она не имѣетъ довольно мѣста для движеній сердца и легкаго; отъ того есть во мнѣ естественное расположеніе къ

Digitized by Google

ипохондріи, которая въ молодости доводила меня до того, что я былъ готовъ возненавидѣть жизнь. Но размысливъ, что это стѣсненіе сердца было, вѣроятно, механическое и неотвратимое, вскорѣ я перестадъ думать о немъ, и въ то самое время, когда я чувствовалъ стѣсненіе въ груди, голова моя была совершенно спокойна и свѣтла; въ обществѣ являлся я всегда съ веселостью ровною, естественною, которая не выражалась вспышками и приливами, какъ у ипохондриковъ. Физическое нездоровье осталось во мнѣ, потому что оно зависитъ отъ моего тѣлеснаго сложенія; но я сталъ властелиномъ дѣйствія его на мои мысли и поступки, рѣшительно отвративъ вниманіе отъ этого ощущенія, какъ будто оно было мнѣ совершенно чуждо.»

Безсонница. «Турки, вѣруя въ предопредѣленіе, имѣютъ именно отъ этого странныя понятія о достоинствѣ трезвости или умѣренности. Они полагаютъ, что при началѣ міра была опредѣлена доля, какую долженъ каждый человѣкъ съѣсть въ продолженіе своей жизни, и что если онъ поглотитъ ее большими частями, то будетъ не столь долго ѣсть и слѣдовательно менѣе существовать. Тоже можно сказать о снѣ: кто посвящалъ ему слишкомъ много времени въ зрѣлыя лѣта свои, тотъ

Digitized by Google

не можетъ надѣяться спать, или, что все равно для него, жить и старѣться въ продолженіе многихъ лѣтъ. Станетъ-ли онъ, какъ Испанцы, наслаждаться сномъ во время лѣтняго жару, или сокращать въ объятіяхъ Морфея длинныя зимнія ночи, или спать урывками во время дня, но если сонъ похищаетъ у него болѣе трети изъ двадцати четырехъ часовъ, составляющихъ сутки, то онъ худо разсчитываетъ quantum своего существованія, какъ для степени, такъ и для продолжительности онаго. Гораздо лучше сложить всю эту треть, потерянную для дѣятельности и для удовольствія, и посвятить ее возстановленію силъ, коего требуетъ природа; но должно тщательно размѣрить начало и продолженіе времени, отдѣляемаго для сего.

«У меня была въ ногахъ ломота, отъ которой я иногда проводилъ цѣлыя ночи безъ сна. Я прибѣгнулъ къ моему стоическому лекарству, и съ усиліемъ обращалъ свои мысли на предметъ посторонній, но способный возбудить множество частныхъ мыслей; напримѣръ, имя Цицерона приходило мнѣ въ голову и отвлекало мое вниманіе отъ болѣзненнаго ощущенія. Боль становилась нечувствительною, и сонъ вскорѣ побѣждалъ ее. Это средство удавалось мнѣ всякій разъ, когда припадки возобновлялись и нарушали мой сонъ.

Digitized by Google

«Впрочемъ, это была не мечтательная боль; что ясно доказывала яркая краснота, которая на утро являлась въ пальцахъ моей лѣвой ноги. Я не сомнѣваюсь, что большое число подагрическихъ припадковъ, не исключая даже самой подагры, называемой неизлечимою, спазмы и даже припадки падучей болѣзни, могутъ быть всякій разъ отвращены и мало по малу прогнаны совершенно, *твердою волею отвлекать свое вниманіе отъ болѣзни.*»

Кашель и насморкъ. — «Нѣсколько лѣтъ тому, я былъ подверженъ иногда насморку и кашлю, непріятнымъ потому болѣе, что они оказывались именно въ часы, опредѣленные для сна. Упомившись такимъ нарушеніемъ моего покоя, рѣшился я уничтожить первый изъ упомянутыхъ припадковъ тѣмъ, что зажалъ ротъ и дышалъ только въ носъ: сначала отъ этого происходилъ маленькій свистъ, который дѣлался постепенно сильнѣе, при усиленномъ стараніи моемъ не дышать иначе; но наконецъ дыханіе становилось легче, свободнѣе, и вскорѣ я засыналъ. Что касается до кашля, то это судорожное выдыханіе воздуха, которое возбуждалось отъ теплоты постели и мѣшало мнѣ спать, рѣшился я вылечить не какимъ нибудь физическимъ или фармацевтическимъ средствомъ, но непосредственнымъ дѣйствіемъ

Digitized by Google

души. Я старался отвлечь отъ него мое вниманіе, и переносилъ оное на какой нибудь другой предметъ; старался, словомъ сказать, забыть безпокойное ощущеніе, производящее кашель. Отъ усилія, кровь бросалась мнѣ въ лицо; но это дѣйствіе, требующее великой силы воли, всегда производило благодѣтельное слѣдствіе.»

Прочитавъ строки сіи, кто не увидитъ совершенно новаго средства противъ физическихъ болѣзней, средства, слишкомъ мало обращающаго на себя вниманіе нынѣшней Медицины? Сила души, сила воли: вотъ что не входитъ въ нынѣшнія системы леченія, и что непремѣнно должно занять важное мѣсто среди всѣхъ другихъ Медицинскихъ средствъ, ибо духъ не раздѣлимъ въ человѣкѣ отъ тѣла. Впрочемъ, надобно прибавить, что и сила души современниковъ нашихъ еще слишкомъ слаба: надобно подождать, можетъ быть еще нѣсколько вѣковъ, пока она уравновѣсится въ насъ съ силами тѣла. Кантъ употреблялъ ее съ успѣхомъ для леченія себя; но много-ли между нами Кантовъ? Много-ли даже людей, понимающихъ что можетъ сдѣлать сила души и воли?

I. Ж.

Digitized by Google

НАВАРИНСКАЯ БИТВА.

(Окончаніе).

День битвы.

20 Октября 1827.

Печальный.... печальный....
Гете.

Всшаетъ день! Восходитъ солнце! Оно золотитъ своими лучами голубыя, свѣжія, прозрачныя воды Средиземнаго моря, и сквозь легкій туманъ рисуются высокія скалы Сфакшеріи. Вставай, бѣдный матросъ! вставай! Расправь свои заснувшіе члены, сверни свою койку и бѣги на зовъ барабана. Много и хорошо говорятъ о спокойномъ снѣ героевъ передъ сраженіемъ... Сколько, Боже мой, героевъ посреди этихъ длинныхъ батарей! Они храпятъ такъ, что почти заглушаютъ звукъ барабана.

Digitized by Google

Бѣгутъ вверхъ; дѣлаютъ перекличку, и весело слышашь какъ эти мужественные, звучные голоса отвѣчаютъ на каждый вызовъ; только, глядя на сосѣдей своихъ съ видомъ особеннаго вниманія, каждый говоритъ самъ себѣ: — Вечеромъ, можетъ быть, эти ряды будутъ уже не такъ тѣсны; эти голоса, теперь звучащіе, превратятся въ глухое, задушаемое хрипѣніе; эти добрыя, загорѣлыя отъ солнца лица, будутъ блѣдны и окровавлены. Но, за всѣмъ тѣмъ, если ужь надобны мертвые и раненые, то пусть лучше это будутъ они, а не я!... — Это естественно!

Въ десять часовъ, каждый получилъ приказаніе идти къ своему мѣсту. Солдаты взошли на палубу; пороховая камера была открыта.

Тогда я сошелъ на батарею, гдѣ были тридцати-шести фунтовыя орудія. Зрѣлище удивительное! Свѣтъ, проникая только сквозь отворенные люки, отражался на лицахъ всѣхъ, какъ въ Рембрандовыхъ картинахъ; потомъ, скользя по чернымъ, выполированнымъ пушкамъ, онъ блисталъ на свѣтлой сталѝ дощечекъ, между тѣмъ какъ средина и передняя часть батареи оставались въ тѣни; только иногда, по прихоти свѣта, желѣзо дротиковъ и сабель, которыми была обставлена стѣна, сверкало

Digitized by Google

какъ внезапная молнія. Матросы, въ небольшихъ соломенныхъ шляпахъ, въ шаравара́хъ и рубашкахъ, подпоясанныхъ красными кушаками, молча стояли вокругъ своихъ пушекъ.

Фитили курились, и каждый прицѣльщикъ, облокотясь на заднюю часть своей пушки, держалъ длинную веревку, которою производятъ выстрѣлъ, потому что на кораблѣ пушки стрѣляютъ какъ ружья, посредствомъ курка и полки.

Назади, старшій Лейтенантъ корабля отдавалъ приказанія Мичману и нѣсколькимъ Гардемари́намъ, которые должны были наблюдать за успѣхомъ дѣйствій; далѣе, Ренаръ, Конста́пель, ходилъ взадъ и впередъ, оборачивался и говорилъ, каждому человѣку и каждой пушкѣ, иногда съ угрозами, иногда съ ободреніями или съ безпримѣрными приговорками.

Дошедши до пятой пушки на правой сторонѣ корабля, онъ приблизился къ ней, и присталь но, проницательно поглядѣлъ на ея лафетъ.

— Эге! Прицѣльщикомъ у этой пушки ты, Гильбо? — сказалъ онъ высокорослому мужчинѣ, который игралъ прибкою съ заправочнымъ порохомъ.

Digitized by Google

« Да-съ....»

— Ну... ты знаешь ея *характеръ*: знаешь, что это *Бѣшеная*.... что она береть на десять туазовъ дальше другихъ?.. но за то и отдаетъ славно... Такъ, смотри-же: береги свои лапы...

« Спасибо, Г-нъ Конспанель! »

— Ну, ребята, смотрите-же! Новичкамъ надо сказать, что будетъ добрая потѣха. Главное: быть спокойнымъ и не бояться крови; потому, надобно вамъ знать, что когда изъ раны идетъ кровь.... то это добрый знакъ...

Въ это мгновеніе подошелъ къ нему Боцманъ Мюло. Его лицо блистало радостью; онъ держалъ за руку Жоржа.

— Здорово, мапросъ! — сказалъ онъ Ренару, весело ударивъ его зрительною трубкою по головѣ.

« Эге, спарикъ! Да мы, видно, оба веселы сегодня? А!.. Слышишь пороховой запахъ? Слышишь?...

— Прежде всего.. и послѣ всего.... я спасенъ; небѣ ужь не нужно тягостить себя моимъ сыномъ, потому что я самъ увижу, какъ будетъ расти Жоржъ.

Digitized by Google

« Эге ! А кто тебѣ сказалъ это ?

— Да что, братъ Ренаръ: я не выдержалъ; пошелъ къ Капитану, доброму, старому начальнику, и сказалъ: Капитанъ! вы знаете меня; я не трусъ; такъ позвольте-же мнѣ не править рулемъ на палубѣ, а быть внизу. Мюло, отвѣчалъ онъ мнѣ; такому старому служивому, какъ ты, не льзя отказать ни въ чемъ. Ступай! — Видишь что, матросъ: эта исторія съ моимъ ножикомъ показывала, что мнѣ надо бояться своего мѣста, то есть, что ядро придетъ искать меня тамъ — да и не найдетъ ничего, такъ совершенно ничего... Вотъ будетъ какая штука ! — Добрякъ обнялъ своего сына.

« Да ! надѣйся....» подумалъ Ренаръ. « Какъ будто сдрейфуетъ когда нибудь Тотъ, Кто направляетъ ядро ! Какъ будто Онъ ошибается когда нибудь... Ужь и это много, что онъ извѣщаетъ насъ предзнаменованіями.

— И такъ, до свиданія, товарищъ — сказалъ весело Мюло.—Постой: Жоржъ остается у тебя. Онъ при одиннадцатой пушкѣ.

« До свиданія ! » отвѣчалъ Ренаръ. « Но прежде все такъ обними меня.

— Да мы безопасны оба. Коли хочешь, послѣ !

Digitized by Google

«*Послѣ!*» — печально пробормоталъ Ренаръ. Онъ протянулъ руку къ рулевому. — «Все равно, старикъ! Ужь мнѣ такъ хочется.

— Пожалуй! — сказалъ Мюло кидаясь въ объятія друга, который сжалъ его крѣпче обыкновеннаго. Они разстались, и Ренаръ, увидѣвши, что онъ всходитъ на батарею, гдѣ стояли 18-ти фунтовыя орудія, вскричалъ горестно:— И такъ у меня однимъ другомъ меньше, и однимъ сыномъ больше. Чортъ возьми! Пусть останется живъ мой старикъ, и я, пожалуй, приму на воспитаніе всѣхъ юнгъ одиннадцатаго экипажа.

Продолжительная дробь барабана показала, что начальникъ корабля осматриваетъ батареи. Онъ сошелъ, и послѣ быстраго, но вѣрнаго осмотра людей и пушекъ, возвратился на палубу, сказавъ экипажу нѣсколько ободрительныхъ словъ.

Тогда былъ полдень. Корабли шли вдоль Морейскаго берега, обогнувъ уголъ, скрывающій укрѣпленія Наварина, и образующій входъ въ заливъ.

Этотъ маневръ былъ очень ясенъ и значителенъ; но когда *Азія*, корабль съ флагомъ Англійскаго Адмирала, и за нимъ *Генуа* и *Альбіонъ*

Digitized by Google

вступили въ проливъ, тогда не сомнѣвались болѣе, чѣмъ окончится дѣло.

За ними шла *Сирена*. На небольшомъ пространствѣ, которое проплылъ *Бреславль* вдоль берега, можно было видѣть ее нѣсколько минутъ: она шла подъ марсовыми парусами и красовалась своимъ флагомъ.

Этотъ видъ воспламенилъ матросовъ, которые склонились къ люкамъ.

— Экъ она гордится! — сказалъ одинъ.

« Эге!.. она знаетъ, кого несетъ на себѣ, товарищи.... хоть-бы, напримѣръ, конь: всегда знаетъ своего хозяина... Да, впрочемъ, на что-бы ни взошелъ Адмиралъ: хоть на купеческое судно, хоть на конопашную лодку... это видно тотчасъ.

— Однакожъ, Ренаръ — сказалъ другой — почему Англичане идутъ впереди насъ?

« Попробовать пушекъ *Брагимовыхъ*, дѣти мои! А когда надо будетъ кусаться, такъ мы станемъ въ одну линію. Не безпокойтесь: нашъ Адмиралъ не станетъ глядѣть изъ-за другихъ. Это молодецъ! О, у него якорь глубоко ложится.... Онъ прижалъ ихъ, какъ это называютъ.... своею... своею... *пломаціей*, а теперь хочетъ поподчивать гостинцами изъ пу-

Digitized by Google

шекъ. Будьте спокойны: я ужь видалъ его... онъ славно играетъ пушками!

Въ это мгновеніе послышался густой голосъ говорной трубы, съ верхней палубы на нижнюю баттарею: — Канонеры по мѣстамъ!.. Не стрѣлять прежде приказанія!...

Лейтенантъ, Мичманъ и Гардемарины повторили это предостереженіе.

Тогда огибали мысъ. Можно было видѣть городъ и укрѣпленія, которые возвышались амфитеатромъ, а передъ ними и Турко-Египетскую эскадру, стоявшую на шпрингѣ, и образовывавшую собою видъ подковы. На правомъ флангѣ ея были три линейные корабля; въ срединѣ двадцать 60-ти пушечныхъ фрегатовъ; а на лѣвомъ флангѣ остальные фрегаты, не столь большіе; далѣе, корветты и бриги составляли вторую и третью линіи, и должны были своимъ перекрестнымъ огнемъ поддерживать суда первой линіи.

Никогда, я думаю, ни одинъ морякъ не запомнитъ, чтобы онъ видѣлъ такое число военныхъ кораблей, стѣсненныхъ на такомъ маломъ пространствѣ, въ заливѣ, не имѣющемъ и одной льё углубленія.

Матросы внимательно и съ величайшимъ безмолвіемъ глядѣли, какъ Англійскіе корабли, одинъ

Digitized by Google

за другимъ бросали якори, на одинъ пистолетный выстрѣлъ отъ Египтянъ.

— Славно! — сказалъ тихонько Ренаръ.

— Вотъ и нашъ Адмиралъ не церемонится... лучшее мѣсто... бокъ о бокъ съ Турецкимъ Адмираломъ.... По лѣвую сторону 60-ти пушечный фрегатъ, по правую другой такой-же; а корветтъ, корветтъ... чортъ возьми... Экая славная стоянка!.. И что за прожора эта *Сирена*... ей надобно бить трехъ... фай!... вотъ что значитъ корабль, на которомъ Адмиралъ! Онъ окуритъ себя порохомъ.... Но, погоди! и нашъ командиръ полакомится! И мы возьмемъ свое....

При входѣ въ гавань, на лѣво, стояли двѣ гоэлетты и три саколевы. Начальникъ Англійской корветты *Дирмоутъ* послалъ двѣ шлюпки захватить эти суда, потому что ихъ почитали брандерами. Но Египтяне встрѣтили Англичанъ ружейнымъ огнемъ, и, почти въ тоже мгновеніе, пушечный выстрѣлъ съ одного Турецкаго корабля убилъ матроса на *Сиренѣ*.

Адмиралъ Риньи тотчасъ открылъ огонь; примѣру его послѣдовали Адмиралы Англійскій и Русскій; битва сдѣлалась общею.

Черезъ десять минутъ, вѣтерокъ совершенно стихъ, заговоренный страшнымъ громомъ ста военныхъ кораблей; перекаты этого грома от-

Digitized by Google

кликались и вторились въ горахъ, окружающихъ заливъ; необозримый шатеръ дыма вознесся и плавалъ надъ гаванью, которой вода была разстрѣливаема тысячами ядеръ, картечь, осколковъ, и рябилась отъ нихъ, какъ отъ крупнаго дождя.

Вокругъ *Бреславля*, который воспользовался послѣднимъ дхновеніемъ вѣтра, былъ видѣнъ только черный паръ, отъ времени до времени освѣщаемый клубами огня. Наконецъ этотъ прелестный корабль достигъ края шпринговой линіи, и легъ на якорь супротивъ Турецкаго корабля, который стрѣлялъ въ корму корабля Русскаго Адмирала, и своими продольными выстрѣлами наносилъ ему величайшій вредъ.

Ужасная канонада мгновенно облила огнемъ всю батарею *Бреславля*; матросы оставались молчаливы и спокойны; лишь нѣкоторые молодые люди поблѣднѣли. Громогласная труба снова заревѣла, и ясно послышались слова: «Правый бортъ: пали!»

Едва была повторена эта команда офицерами, какъ залпъ вырвался изъ корабля, при кликахъ: «Да здравствуетъ Король!»—Эге! браво, ребята! — вскричалъ Ренаръ, который высунувшись въ окно глядѣлъ на дѣйствіе залпа.— Еще такой одинъ, и красный флагъ увидитъ, что нашъ порохъ не дуренъ.

Digitized by Google

«Берегись, берегись!» закричали съ палубы у главнаго люка. «Раненый! Очистишь входъ въ трюмъ.» Въ самомъ дѣлѣ, съ верху опускался родъ креселъ, обвязанныхъ веревками, и когда человѣкъ, весь въ крови, сидѣвшій на этихъ креслахъ, проходилъ мимо одного юнги, который бѣгомъ несъ ядро къ одиннадцатому орудію, то послышался раздирающій сердце голосъ умирающаго: — Жоржъ! — Это былъ старикъ Мюло: онъ въ послѣдній разъ призывалъ къ себѣ сына. Дали вторрой залпъ; дымъ наполнялъ тогда баттареи, и разноголосный крикъ юнгъ, которые у пороховой камеры требовали зарядовъ, смѣшивался съ командными словами офицеровъ и грохотомъ артиллеріи.

Битва была въ самомъ разгарѣ, и кресла едва успѣвали спускать раненыхъ, которыхъ жалобы скоро задушались въ глубинѣ трюма.

Вдругъ, рѣзкій, быстрый свистъ пронесся по баттареѣ, и два удара, звучные, сильные, отдались въ кораблѣ. Это было цѣпное ядро: оно влетѣло въ окно кормы, грянулось рикошетомъ на два орудія, убило человѣка, ранило двухъ, и врѣзалось въ связи корабля.

— Уберите это, чтобы не развлекало—сказалъ Ренаръ, указывая на окровавленный трупъ.

Пронзительный крикъ послышался у восьмаго орудія. — Что это значитъ, Ренаръ? — спро-

Digitized by Google

силъ офицеръ, хладнокровно и спокойно командуя шпагою. Констапель бросился туда, и увидѣлъ, что у прибойщика раздробило кисть руки ядромъ, на самомъ жерлѣ пушки.

— Эге! кто тутъ реветъ, кто пищитъ какъ чайка? — спросилъ Ренаръ.

« Это Мелонъ, » отвѣчалъ прицѣльщикъ. «Онъ забылъ свою руку на пушкѣ и не опустилъ банника.

— Пресвятая Богородица! Пресвятая Богородица!—кричалъ бѣдный Бретаньскій рекрутъ, который видѣлъ огонь въ первый разъ. — О Пресвятая Богородица! Это самая страшная должность: заряжать пушку.

«Эге!» сказалъ Ренаръ толкая его въ грюмъ. « Спупай перевязывать свою рану, но, пожалуста, молчи! Если самъ не ѣшь, такъ не мѣшай другимъ. . . . Ничего, ребята! не слушайте этого дьячка. Мѣсто его самое славное, потому что этакой ударъ не случится въ другой разъ.

— И конечно-съ! Я на его мѣсто! — сказалъ матросъ, прислуживавшій на правой сторонѣ. — Давайте мнѣ банникъ! — Только что онъ подошелъ заряжать, какъ гранатою раздробило у него правое плечо.

Digitized by Google

— Эге! да это рѣдкій случай. Поди-же ты отсюда на перевязку, и посмотримъ, кто кого переупрямитъ! — сказалъ Ренаръ, становясь на мѣсто раненаго матроса.

Въ это мгновеніе, одинъ Турецкій фрегатъ, съ которымъ сражался *Бреславль*, обрубилъ якори и пустился впередъ него, думая взять Французскій корабль на абордажъ.

И теперь еще вижу его.... На передней, надводной части, у него было вырѣзано какое-то колоссальное чудовище, красное, съ зелеными глазами. Среди голубоватаго пороховаго дыма, оно приближалось, приближалось.... Уже видно было около перилъ фрегата множество Негровъ и Арабовъ, почти нагихъ, вооруженныхъ кинжалами и топорами; около фока, Египетскій офицеръ, невысокій ростомъ и еще молодой, въ голубомъ нарядѣ и въ чалмѣ, которой полотно въ безпорядкѣ вѣялось по плечамъ его, какъ будто указывалъ правою рукою на большую мачту нашего корабля....

Раздался новый залпъ нашъ: бушпритъ фрегата упалъ и запутался въ вантахъ нашей бизань-мачты. Крикъ, ужасный, всепоглощающій разразился и на минуту заглушилъ адскій шумъ битвы; когда-же дымъ развѣяло, мы увидѣли, что отъ Египетскаго фрегата осталась только передняя часть его: нѣсколько минутъ вид-

Digitized by Google

нѣлась она еще на поверхности воды, и вдругъ скрылась, оставивъ широкую полосу людей, которые старались плыть къ берегу или прицѣпиться къ снастямъ, висѣвшимъ вдоль борта.

Увидѣвъ это, экипажъ изъявилъ радость свою неистовымъ крикомъ, который еще усилилъ обаяніе, произведенное дѣйствіемъ битвы и пороховымъ запахомъ.

Вскорѣ, глухой ропотъ пробѣжалъ по палубѣ и по баттареямъ; узнали, что Командиръ корабля, Капитанъ Лабретоньеръ, раненъ, спитя на палубѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ, роковыя кресла спустились, неся на себѣ храбраго Капитана, который остановился, и забывая свою боль, сказалъ: «Браво, друзья мои! одиннадцатый экипажъ покрылся славою: изъ пяти фрегатовъ, которые надобно было намъ уничтожить, остается только два; огонь Турецкаго корабля зашихъ; мы спасли Русскаго Адмирала (*). Продолжайте, друзья мои! Продолжайте. . . .»

Эти слова воспламенили экипажъ. «Отомстимъ за командира!» вскричали они, и не

(*) Событіе истинное, но здѣсь немного преувеличенное. *Бреславль* помогъ нашему Адмиральскому кораблю, *Азову*; а *помочь* и *спасти*, два дѣла разныя. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

смотря на крики умирающихъ и раненыхъ, не смотря на то, что около пушекъ было много пустыхъ мѣстъ, залпы стали чаще прежняго. — Цѣльше по горизонту воды, ребята! — вскричалъ Ренаръ. — Видите-ли, что ужь у этого *Турка* нѣтъ большой мачты.... Двадцать ядеръ въ скорлупу его, и онъ будетъ совсѣмъ испеченъ.

Едва договорилъ онъ эти слова, какъ раздался страшный взрывъ; огромный столбъ бѣлаго, густаго дыму, узкій въ основаніи и расширяющійся къ верху виноообразно, обхватилъ разстрѣливаемый фрегатъ.... Когда паръ нѣсколько возвысился надъ поверхностью воды, вмѣсто корабля была видна только задняя часть его, которая пламенѣла посреди моря. Капитанъ зажегъ пороховую камеру и взорвалъ себя на воздухъ.

— Собака перекусаетъ насъ издыхая — сказалъ Ренаръ. — Остерегитесь отъ обломковъ и осколковъ... По мнѣ легче былъ-бы смѣлый залпъ изъ 36-ти фунтовыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ускоренныя путешествія креселъ показали, что предвѣщаніе Ренара сбылось, и что взрывъ фрегата покрылъ нашихъ горящими обломками, и убилъ или изранилъ множество людей.

Digitized by Google

Ядра безпрестанно летали сквозь батареи, перебивали шакелажъ и пронзали палубу; но матросы глядѣли съ удивительною беззаботностью какъ они прыгали и дѣлали рикошеты.

Было пять часовъ съ половиною, когда громъ пушекъ началъ ослабѣвать, дымъ рѣдѣлъ; стало замѣтно, что сраженіе подходитъ къ концу; въ шесть часовъ, можно было сказать, сравнительно, что тишина водворилась на мѣсто волненія этой смертельной битвы; наступала ночь; флотъ Египетскій былъ разстроенъ совершенно, и Турки бросались на берегъ, зажигая свои купеческіе корабли.

Тогда экипажамъ было позволено отдохнуть и подкрѣпить себя пищею.

Только въ это время офицеры, долгомъ службы на батареяхъ, могли выйдти на шканцы. Описать чувствованія ихъ невозможно: поймутъ его только тѣ, кто испыталъ.

Всѣ мы свидѣлись другъ съ другомъ; надобно-ли досказывать, какъ усладительно свидѣться, и пожать другъ другу руки послѣ пятичасовой борьбы съ величайшими опасностями? Каждый изъ глубины сердца поздравилъ своего товарища со счастьемъ.

Послѣ первой минуты восхищенія, взоры всѣхъ обратились на корабль, на рейдъ...

Digitized by Google

Какая разница!.. Надобно было видѣть утромъ этотъ шакелажъ, эти снасти, тщательно выправленныя, эти шканцы, столь чистыя, эти пушки, столь блестящія, эти свѣтлые помосты—и вечеромъ все это разбитое, разстроенное, окровавленное: снасти, перепутанныя, занимаютъ всю палубу; реи, изстрѣлянныя, перебитыя, висятъ посреди снастей; паруса въ дырахъ, а помостъ орошенъ благородною кровью.

И какая ночь! Ежеминутно взрывы; безпрерывно корабли въ пламени, никѣмъ не управляемые, носятся во всѣ стороны и грозятъ сжечь насъ; мы, конечно, знали, что выигрышъ на нашей сторонѣ, но не вѣдали ничего о нашихъ потеряхъ. Только отъ Русскаго Адмирала приходила лодка, благодарить *Бреславль* за помощь, оказанную ему этимъ кораблемъ.

Баттареи были освѣщены, и канонеры оставались до упора подлѣ своихъ пушекъ; мы были увѣрены, что назавтра Турки сдѣлаютъ послѣднее усиліе, и возобновятъ битву своимъ резервомъ, который не участвовалъ въ дѣлѣ.

Осмотрѣвъ баттарею, Констапель Ренаръ взошелъ на шканцы и приблизился къ колесу руля, гдѣ былъ и рулевой... онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что загородка окровавлена. Скажи мнѣ, другъ! ты былъ у руля во время дѣла?

Digitized by Google

— Да, Г. Констапель! Я сталъ на мѣсто Боцмана Мюло.

Ренаръ вздрогнулъ.

— Но я думалъ — прибавилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія—я думалъ, что онъ былъ внизу, на баттареѣ у 18-ти фунтовыхъ....

«Точно такъ, Г. Констапель! онъ хотѣлъ сойдши туда, но Штурманъ захохоталъ, когда онъ шелъ мимо его, и примолвилъ: Смотрите-ка: вотъ и старый служивый, а прячется въ низъ, потому что видно жарко будетъ... видно зубы у него колотятся. Позвольте съ почтеніемъ замѣтить, что это было сказано глупо: весь экипажъ зналъ, что Боцманъ былъ молодецъ, который видѣлъ на своемъ вѣку опасности....

— Да, да... оканчивай....

«Тогда старый служивый пошелъ назадъ и взялся за руль, сказавъ Штурману: — Если я уцѣлѣю, то заколотятся не мои, а твои зубы. Наконецъ, Г. Констапель, при первомъ залпѣ съ Турецкаго корабля, я былъ тамъ, подлѣ; я зажмурилъ глаза, и открывши ихъ увидѣлъ, что Мюло лежитъ на землѣ, голова на компасномъ ящикѣ... ядро хватило его вотъ сюда....» сказалъ молодой человѣкъ, еще блѣднѣя при этомъ воспоминаніи... «сюда.» Онъ указывалъ на свою грудь. «Я, Г. Констапель, посадилъ

Digitized by Google

его въ кресла, и слышалъ, что онъ шепталъ:— Я зналъ это.... Бѣдный Жоржъ! — Вотъ все, что я видѣлъ и слышалъ, Г. Констапель.»

Въ эту минуту послышались крики. — Что это значитъ? — спросилъ Ренаръ.

« Ахъ, Г. Констапель! Это гадкіе мальчишки, юнги, играютъ съ Жоржемъ.... Я узнаю голосъ бѣднаго малютки... Постойте: они точно въ носовой части.

Ренаръ отправился туда, и увидѣлъ дюжину юнгъ, почернѣвшихъ отъ пороховаго дыму. Они окружали Жоржа.

— Поди на перевязку — сказалъ ему одинъ.

« А я тебѣ говорю, что не пойду, и не хочу, потому что это ничего не значитъ!

— Ничего не значитъ, дурной мальчишка!— сказалъ одинъ канонеръ, съ сердитымъ видомъ. — Ничего не значитъ, когда у тебя отхватило два пальца! *Окарнали* эту маленькую бестію, а она говоритъ, что это ничего не значитъ.... Только скажи это еще разъ, такъ ты увидишь!—прибавилъ филантропъ, подымая руку на Жоржа.

« Я вамъ говорю, » возразилъ дитя съ гордостью — « что теперь не пойду на перевязку... объ этомъ узналъ-бы мой батюшка,

Digitized by Google

и это было-бы ему тяжело, потому что онъ самъ раненъ; зачѣмъ спану еще я безпокоить его этимъ вздоромъ.

— Ахъ, да! твой отецъ—сказалъ капоперъ — твой отецъ . . . прекрасно . . . онъ. . . .

Рѣчь его была прервана ударомъ кулака, самымъ славнымъ, какой только получалъ когда нибудь человѣкъ. — Замолчишь-ли ты, мерзавецъ—вскричалъ Ренаръ, еще грозя болтуну; и оборотившись къ Жоржу примолвилъ:

— Ступай въ низъ, дитя мое!

« Увидѣть батюшку? » отвѣчалъ вопросительно малютка, пряча свою окровавленную руку.

— Нѣтъ, мой дружочекъ . . . нѣтъ . . . завтра . . . или послѣ . . . покуда, ложись здѣсь . . . подлѣ этого лафета . . . Покуда я буду твоимъ отцомъ. Слышишь-ли? Я буду очень любить тебя; но, пожалуста, не бойся.

« Очень хорошо, Г. Констапель! » сказалъ Жоржъ. Онъ трепеталъ, и не посмѣлъ заплакать, вспомнивъ о крѣпкомъ поцѣлуѣ, которымъ отецъ прощался съ нимъ каждый вечеръ.

Digitized by Google

— Экое горе! — подумалъ Ренаръ, завертываясь въ свою шинель. — Вчера, въ это время, старый пріятель сидѣлъ подлѣ меня... а теперь.... Бѣдный Мюло! Прощай...

Онъ сѣлъ въ ногахъ у Жоржа, дожидаясь утра.

На другой день.

21 Октября.

— Наконецъ!!!!

Аноним.

Ужасно и величественно было зрѣлище, на другой день, когда первые лучи восходящаго солнца упали на заливъ. Небо явилось чисто и прозрачно; вершины горъ отцвѣчались блестящею пурпуровою краскою; по мѣрѣ того, какъ солнце становилось живѣе въ отблескахъ своихъ, рейдъ раскрывался явственнѣе и явственнѣе. Мы были *отнесены* во время ночи, и находились передъ самымъ входомъ въ рейдъ.

Первые наши взгляды жадно искали Французскихъ кораблей. *Трезубецъ* потерпѣлъ не-

Digitized by Google

много; *Сципіонъ* сдѣлался черенъ отъ огня одного брандера; *Сирена* лишилась своей бизань-мачты.

Но вокругъ насъ, какая сцена опустошенія! Море покрываютъ обломки, трупы, корабли безъ мачтъ, изстрѣлянные, полусожженные, и суда, набитыя ранеными и умирающими, которые умоляютъ о помощи; далѣе, въ страшномъ пожарѣ гибнетъ купеческій флотъ, и огонь его почти соперничаетъ со свѣтомъ солнца.

Влѣво, на скалахъ стараго Наварина, два прелестные Египетскіе фрегата сѣли на мель, и огонь также начиналъ пожирать ихъ. На берегу были видны толпы Турковъ, которые съ факелами въ рукахъ зажигали свои, сѣвшіе на мель корабли: такъ не хотѣли они, чтобы союзныя эскадры овладѣли оными!

Можно составить себѣ понятіе объ этой страшной картинѣ, когда знаемъ, что отъ флота, въ которомъ было двѣсти военныхъ и купеческихъ кораблей, едва осталось двадцать судовъ всего.

Мало по малу возобновилось сообщеніе между кораблями; тогда узнали мы и объ удивительномъ боѣ, выдержанномъ *Арминдою* (Капитанъ

Digitized by Google

Гюгонъ), и о страшной потерѣ *Сирены*, лишившейся болѣе чѣмъ двухъ трешей своего экипажа, убитыми и ранеными, и сверхъ того потерявшей бизань-мачту; узнали и о геройскомъ хладнокровіи Адмирала Риньи, и о дикомъ изумленіи экипажа, когда увидѣли, что Адмиралъ упалъ со своей скамьи, и о безумной радости, когда увидѣли, что онъ спокойно всталъ и докончилъ прерванную командную фразу. Наконецъ, мы узнали и о гордомъ, благородномъ соревнованіи, воспламенявшемъ союзныя эскадры, и о славѣ нашего флота, превозносимой Англичанами и Рускими, которые раздѣляли съ нами опасность.

Минутное мужество, которое показали Египтяне сожигая свои корабли, вскорѣ уступило мѣсто непонятному упадку духа. Они удалились въ горы, желая соединиться съ Ибрагимомъ, и оставили насъ властелинами почти срытыхъ укрѣпленій.

Черезъ три дни, мы сошли съ рейда; черезъ три дни, отъ флота, стоившаго безмѣрныхъ усилій ума и величайшихъ суммъ, оставались только нѣсколько разсѣянныхъ судовъ, и трупы.

Наконецъ, благопріятствуемые довольно крѣпкимъ вѣтромъ, мы выступили изъ залива.

Digitized by Google

Черезъ недѣлю по выходѣ нашемъ изъ Наваринскаго залива, мы были въ Мальтѣ, и шамъ, какъ въ Англіи, какъ въ Россіи, слышали хоръ удивленія нашему храброму Адмиралу, который, въ продолженіе трехъ годовъ, умѣлъ обезпечивать наше вліяніе въ Средиземномъ морѣ. Насладившись въ Мальтѣ самымъ искреннимъ пріемомъ Губернатора, Лорда Понсонби, мы отправились въ Тулонъ, куда *Бреславль* и прибылъ въ концѣ Ноября. Выдержавъ тридцати-дневный каранпинъ, мы вошли въ гавань, гдѣ корабль нашъ былъ тотчасъ разснащенъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ГЕРЦОГИНИ АБРАНТЕСЪ (*).

Появленіе Герцогини Абрантесъ въ мірѣ Литературномъ есть событіе, сколько пріятное, столько-же и удивительное. Кто могъ-бы подозрѣвать въ этой великолѣпной, свѣтской, придворной и уже немолодой дамѣ—необыкновенное дарованіе Литературное? Кто изъ людей съ дарованіемъ столь блестящимъ, могъ-бы скрывать его до 45-лѣтъ жизни своей? Но таково событіе!... Французская публика съ изумленіемъ увидѣла первые томы *Записокъ* Герцогини Абрантесъ, ибо нашла въ нихъ всю умную говорливость милой, свѣтской женщины, и все очарованіе слога, всю прелесть изложенія, словомъ, всѣ достоинства Литера-

(*) Mémoires de madame la duchesse d'Abrantès, ou souvenirs historiques sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Paris 1831—1833, —1—9 vol. in-8.

Digitized by Google

турныя. Прибавьте къ этому высокій умъ, съ равною проницательностью разбирающій тайныя интриги Двора и свѣтскихъ обществъ, и великія или странныя событія послѣднихъ сорока лѣтъ. *Записки* Герцогини Абрантесъ должны были приковать къ себѣ вниманіе публики. Но успѣхомъ своимъ онѣ одолжены еще и другому обстоятельству. Послѣ всего, что было писано о двигателѣ Исторіи всесвѣтной отъ 1796 до 1816 года, казалось, нечего было сказать о немъ. Но *Записки* Герцогини Абрантесъ открыли новыя стороны и новую занимательность въ частной и политической жизни Наполеона. Юность его, первыя лѣта его жизни во время Революціи, были извѣстны очень мало. Кромѣ Бурьена, который сообщилъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о немъ, но обезобразилъ ихъ *ошибками вольными и невольными*, которыя заставили написать противъ него два тома опроверженій и множество уликъ въ Журналахъ, мы почти ничего не знали о первыхъ лѣтахъ дѣтства и частной жизни Наполеона въ Парижѣ, до перваго похода его въ Италію. По крайней мѣрѣ не было свидѣтельствъ человѣка, близкаго къ нему почти ежедневными сношеніями. Но въ такихъ сношеніяхъ съ нимъ была фамилія Герцогини Абрантесъ, которая происходитъ по матери отъ знаменитыхъ Греческихъ изгнанниковъ,

Digitized by Google

Комненовъ, поселившихся въ Корсикѣ. Мать Герцогини, вышедши за-мужъ за Г-на Пермона, жила во Франціи, и, можно сказать, покровительствовала Наполеону во время первой его молодости. Такимъ образомъ и маленькая Лора, дочь ея, была свидѣтельницею множества любопытныхъ отношеній, которыя безъ ея. *Записокъ* погибли-бы для Исторіи. Вышедши замужъ за любимаго Адъютанта Наполеонова, Жюно, бывшаго впослѣдствіи Герцогомъ Абрантесъ, она украшала Дворъ Наполеона, и опять могла наблюдать его, въ самыхъ искреннихъ сношеніяхъ. Славное время Консульства и Императорства протекло передъ глазами ея Многіе-ли изъ сверстниковъ Наполеоновыхъ могли подумать, что въ молодой, блестящей Герцогинѣ Абрантесъ имѣютъ они столь-же проницательнаго, сколь краснорѣчиваго наблюдателя? Свидѣтельница событій великихъ, она описываетъ ихъ не какъ Историкъ, но какъ умный, проницательный и часто глубокомысленный наблюдатель.

Желая познакомить нашихъ читателей съ Герцогинею Абрантесъ, мы рѣшились перевести нѣсколько отрывковъ изъ *Записокъ* ея. Надѣемся не наскучить ими, ибо каждый изъ нихъ будетъ имѣть свою занимательность. Первый относится къ тому времени, когда Наполеонъ

Digitized by Google

былъ еще очень молодой человѣкъ (хотя и Генералъ), другъ Г-жи Пермонъ, а Герцогиня Абрантесъ была еще дѣвочка, маленькая *Лулу*.

Постараемся также познакомить читателей нашихъ съ другими произведеніями Г-жи Абрантесъ, гдѣ она является какъ писатель, одаренный богатымъ, поэтическимъ воображеніемъ. Теперь обратимся къ ея *Запискамъ*. Послушаемъ ея разсказа.

... Конвентъ былъ уже не любимъ, ибо онъ такъ неохотно облегчалъ страданія народа, сдѣлавшіяся нестерпимыми, что ненависть заступила мѣсто любви, которую народъ, особенно Парижскій, питалъ къ нему. Враги порядка, анархисты, воспользовались этими стихіями несчастія, употребили ихъ въ свою пользу и раздули огонь, потому что эти люди сбираютъ жатву только на поляхъ мятежей. Франція, истощенная всѣми возможными страданіями, не имѣла даже силъ жаловаться, и мы дошли наконецъ до того нравственнаго упадка, когда тихая смерть почитается благодѣяніемъ для самаго юнаго существа, ибо она обѣщаетъ спокойствіе; а мы желали спокойствія, какъ-бы ни дорого стоило оно. Но судьбѣ угодно было, чтобы прошло еще много дней,

Digitized by Google

мѣсяцевъ, годовъ въ этой горестно-тревожной жизни, истинномъ образѣ ада.

1-го Преріаля (18 Мая 1795 года), по утру, мы были пробуждены криками и воплями. Набатъ призывалъ къ оружію; опять начинался день, который могъ увеличить кровавый календарь Революціи.

Много было говорено объ этомъ ужасномъ днѣ! Помню, что страхъ былъ доведенъ до высшей степени; грабежъ казался неизбѣжнымъ; говорили, что заговорщики обѣщали это предмѣстіямъ и особенно предмѣстію Св. Антонія, гдѣ весь народъ былъ вооруженъ, терпѣлъ крайнюю нищету, нуждался во всемъ. Можно было опасаться гораздо болѣе нежели въ дни 14 Іюля, 6 Октября и 10 Августа. Уже не пропивъ какого нибудь укрѣпленія, не пропивъ Двора вооружался народъ: все, что было нѣсколько выше простолюдина, казалось для него достойнымъ казни. Но это самое спасло и насъ, и Конвентъ. Всѣ, кто могъ потерять что нибудь, соединились и составили *общность*, которой сила произвела не такія слѣдствія, какія могли произвесть толпы, не имѣвшія ни плана, ни явныхъ предводителей, ибо сіи послѣдніе страшились показать себя.

Однакожь въ Конвентѣ происходили самыя ужасныя сцены, между тѣмъ какъ мы, укрывшись въ домахъ, сберегали все драгоцѣнное для

Digitized by Google

насъ, ожидая величайшихъ бѣдствій. Около вечера возвратился братъ мой, котораго не видали мы во весь день, и попросилъ себѣ ѣсть, потому что онъ умиралъ отъ голода, не ѣвши ничего съ самаго утра. Волненіе все еще длилось; мы слышали страшные крики на улицѣ; бой барабана не умолкалъ, и жители предмѣстія Св. Антонія, правильно вооруженные вслѣдствіе Тальенова предложенія, устрашали насъ чрезвычайно. Едва оканчивалъ мой братъ легкій обѣдъ свой, какъ явился Генералъ Бонапарте и потребовалъ гостепріимства. Онъ сказалъ намъ, что также не ѣлъ съ самаго утра, а рестораціи были всѣ заперты. Онъ удовольствовался тѣмъ, что̀ оставилъ мой братъ, и продолжая ѣсть разсказывалъ намъ новости. Онѣ были ужасны и мы только часть ихъ слышали отъ брата; онъ-же не зналъ объ убійствѣ несчастнаго Ферò, котораго злодѣи послѣ влекли по улицамъ и изрѣзали почти на куски. « Они поднесли голову его къ бѣдному Буасси д'Англа, » сказалъ Бонапарте, « и отъ этой каннибальской шутки онъ чуть не умеръ на своихъ Президентскихъ креслахъ. Правду сказать, если мы будемъ еще марать такими поступками нашу Революцію, то скоро станутъ стыдиться быть Французомъ. »

Особенно устрашало всѣхъ намѣреніе Барраса: бомбардировать предмѣстіе Св. Антонія.

Digitized by Google

« Онъ стоялъ въ концѣ бульвара со своими войсками, которыя порядочны, и объявилъ мнѣ, что хочетъ кидать бомбы, » сказалъ Бонапарте. « Я совѣтовалъ ему не дѣлать этого; жители предмѣстія могутъ выйдти изъ своей берлоги, разсыплются по всему городу и надѣлаютъ всякихъ неисповѣдствъ. Все это страхъ какъ печально. — Видали-ли вы на этихъ дняхъ Салиечетти? » спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. » Говорятъ, что онъ замѣшанъ въ дѣла Субрани и Бурбона. Думаютъ, что и Роммъ запутанъ тамъ-же. Вотъ это привело-бы меня въ отчаяніе, потому что Роммъ человѣкъ отличный, и, я думаю, истинный и добродѣтельный республиканецъ. Что касается до Салиечетти!... » Здѣсь Бонапарте остановился; лобъ его сморщился, брови сблизились; онъ, казалось, почувствовалъ живое впечатлѣніе внутренней мысли, и потомъ продолжалъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ:

« Салиечетти сдѣлалъ мнѣ много зла... Онъ разбилъ мою будущность на утрѣ жизни моей. Онъ изсушилъ мои понятія о славѣ въ самомъ семенѣ ихъ (*). Повторяю: онъ сдѣлалъ мнѣ

(*) Замѣчательны въ Наполеонѣ эти восточные обороты, которые всегда онъ давалъ своимъ фразамъ. *Сост.*

Digitized by Google

много зла; но .... я не желаю ему несчастія.» Братъ мой хотѣлъ извинять Саличетти. «Молчи, Пермонъ!» сказалъ Бонапарте. «Молчи. Этотъ человѣкъ былъ для меня злымъ геніемъ. Дюмербіонъ любилъ меня; онъ далъ-бы мнѣ дѣло. Это донесеніе, сдѣланное мною по возвращеніи изъ Генуи, которое злость облила ядомъ и на немъ основала обвиненіе, тогда какъ меня надобно было прославлять за него ... нѣтъ! Простить — я могу, но забыть ... это другое дѣло. Впрочемъ, повторю, что я не желаю ему зла.»

Говоря такимъ образомъ, Бонапарте казался погруженнымъ въ мысли. Около полуночи, онъ ушелъ отъ насъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ. Шумъ не прекращался; на улицахъ было еще много народа; но уже возвращались домой. Конвентъ былъ освобожденъ, хотя еще слышались выстрѣлы изъ ружей, и по улицамъ шатались толпы вооруженныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, хорошо одѣтыхъ, которые кричали изъ всѣхъ силъ: «Да здравствуетъ Конституція 93 года!» Но при видѣ сильныхъ патрулей, которые были готовы схватить перваго, кто снова станетъ кричать возмутительныя слова, все успокоилось, и около четырехъ часовъ утра можно было идти отдохнуть, съ нѣкоторою безопасностью. Въ этотъ день,

Digitized by Google

угрожавшій величайшими бѣдствіями, къ счастію было не много пролито крови. Даже и несчастный Ферò былъ убитъ по ошибкѣ, отъ сходства его имени съ именемъ Фрерона, противъ котораго имѣлъ личную злобу убійца. Ферò былъ человѣкъ добродѣтельный, мужественный, не разъ доказавшій свою преданность и любовь къ отечеству. Для него было славно умереть на своемъ курульномъ стулѣ; только не отъ руки согражданъ.

На другой день узнали, что Конвентъ постановилъ *обвинить* и *взять подъ стражу* многихъ изъ своихъ членовъ, въ числѣ которыхъ были: Субрани, Роммъ, Бурботъ и другіе. Саличетти не былъ наименованъ. — «Боже великій!» воскликнула мать моя. «Еще обвиненные! Другъ мой!» сказала она брату Альберту, когда онъ возвратился домой. «Конечно, мы обязаны Саличетти многимъ; онъ обезпечилъ спокойствіе твоего отца и твое; но признательность моя къ нему не мѣшаетъ мнѣ видѣть, что весьма непріятно принимать къ себѣ человѣка, обвиненнаго въ желаніи возобновить порядокъ дѣлъ 93 года. Саличетти нѣтъ въ спискѣ обвиненныхъ, и я хочу воспользоваться этимъ случаемъ: хочу попросить его не приходить ко мнѣ; я могу это сдѣлать съ самою чистою совѣстью. Его образъ мыслей становится съ каждымъ

Digitized by Google

днемъ болѣе несогласенъ съ моимъ. Его слова о развалинахъ Веллькурской площади (*) не выходятъ у меня изъ головы. Я не хочу болѣе видѣть его. Сверхъ того, онъ пугаетъ Лулу.

Это была правда. Его длинное, блѣдное, желтое лицо... «Я не любила его.»

Черезъ четыре дни мы должны были выѣхать въ Бордо, и въ этотъ самый день, 2 Преріаля, у матери моей хотѣли обѣдать нѣкоторые изъ ея друзей. Это былъ обѣдъ прощальный, и въ продолженіе его думали рѣшить, что она возвратится въ Парижъ черезъ четыре мѣсяца, съ моимъ отцомъ, и уже не поѣдетъ болѣе въ Гасконію. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Бонапарте.

Мать моя была въ гостиной, когда, въ шесть часовъ, служанка подошла къ ней и сказала на ухо, что кто-то есть въ комнатѣ у нея, и желаетъ поговорить съ нею.

(*) Въ Ліонѣ, гдѣ Кутонъ опустошилъ нѣсколько домовъ. Роммъ говорилъ, что изъ развалинъ этихъ домовъ, какъ изъ развалинъ Ѳивъ, Пальмиры и Тентириса, съ каждымъ восхожденіемъ солнца возвышается обвинительный голосъ, и проч.—На краснорѣчивое негодованіе Ромма, Салиетти, очень спокойно и зѣвая отвѣчалъ, что давно-бы надобно было эти обломки свалить въ Рону или отдать на постройку новыхъ зданій. *Примѣч. Переводч.*

Digitized by Google

Она прибавила: — Я знаю его, сударыня; вы можете придти. — Мать моя пришла въ свою комнату, и увидѣла, что въ углубленіи окна какой-то человѣкъ, полузакрытый занавѣсомъ, дѣлаетъ ей знакъ рукою. Мать моя подозвала къ себѣ меня, велѣла мнѣ запереть дверь, приблизилась къ этому человѣку и узнала въ немъ—Саличенши! Онъ былъ блѣденъ какъ мертвый; губы его были такъ-же бѣлы какъ зубы; черные глаза его блистали какъ два горящіе угля; онъ былъ страшенъ. — Я обвиненъ —, сказалъ онъ моей матери очень тихо и быстро — обвиненъ, то есть осужденъ на смерть. Если-бы не Гонье, котораго встрѣтилъ я на бульварѣ, то я попался-бы къ этимъ разбойникамъ, и погибъ-бы,—Посмотрѣвши на мою мать нѣсколько времени въ молчаніи, онъ прибавилъ:—Госпожа Пермонъ! Надѣюсь, что я не ошибся, положившись на ваше великодушіе... Не правда-ли: вы спасете меня? Чтобы побудить васъ къ этому, кажется, я не имѣю надобности упоминать, что я спасъ вашего сына и вашего мужа.

Мать моя взяла Саличенши за руку, и увлекла его въ мою комнату, которая была подлѣ. Когда она оставила госпиную, тамъ былъ только одинъ человѣкъ; но послѣ нея туда пришли многіе; ей казалось даже, что она слы-

Digitized by Google

шитъ голосъ Бонапарте. Кровь застывала въ ея жилахъ. По крайней мѣрѣ не могли ничего слышать, когда она была въ моей комнатѣ. « Не стану терять времени на слова, » сказала она Саличетти. » Все, чѣмъ могу пособить вамъ, все это ваше, вы можете этого требовать. Но есть нѣчто выше моей жизни, выше всего на свѣтѣ для меня: это моя дочь, мой сынъ. Требуйте отъ меня жизни моей. Но скрывши васъ здѣсь на нѣсколько часовъ, потому что этотъ домъ не можетъ долго служить вамъ убѣжищемъ, я не спасу васъ: я только отдамъ свою голову на эшафодъ, и увлеку туда и сына. Я обязана вамъ признательностью; рѣшите сами, какъ далеко должна простираться она. »

Никогда не видала я своей матери такъ прелестною, какъ въ эту минуту. Глаза ея были устремлены на меня съ удивительнымъ выраженіемъ. « Я не эгоистъ, » отвѣчалъ Саличетти, « и не стану предлагать вамъ того, что слишкомъ опасно для васъ и слѣдственно безполезно для меня. Вотъ мой планъ и единственная моя надежда: этотъ домъ гостинница; всего менѣе могутъ подозрѣвать, что я здѣсь; хозяйка его вѣрно любитъ деньги, а я осыплю ее деньгами. Дайте мнѣ укрыться здѣсь одну недѣлю. Послѣ этого срока вы ѣдете въ Гаско-

Digitized by Google

нію. Вы возьмете меня съ собою и спасете мнѣ жизнь. Если-же вы не дадите мнѣ убѣжища хоть на нѣсколько часовъ, я выйду изъ этого дома; меня схватятъ, осудятъ и поведутъ оросить эшафодъ моею кровью, тогда какъ я сохранилъ кровь вашего мужа и вашего сына.»— Саличетти! — сказала моя мать. — Въ вашихъ словахъ нѣтъ ни великодушія, ни жалости. Вы знаете мое положеніе и хотите употребить его во зло. Скажите мнѣ: чего требуете вы отъ меня въ гостинницѣ? Домъ набитъ пріѣзжими изъ всѣхъ областей; здѣсь почти живутъ ваши враги; напримѣръ, вы знаете, что Бонапарте вашъ врагъ. Сверхъ того, хозяйка дома ни мало не раздѣляетъ вашего образа мыслей. Какъ-же могутъ ваши обѣщанія заставить ее пристать къ вашей сторонѣ, съ опасностью собственной жизни? Да и какъ узнать это? Мы со всѣхъ сторонъ опутаны затрудненіями!....

Въ это мгновеніе кто-то растворилъ дверь въ спальню; мать моя кинулась на встрѣчу входившему. Это былъ Альберти; онъ хотѣлъ узнать, отъ чего такъ долго не даютъ обѣдать. «Всѣ уже собрались,» сказалъ онъ.» Только Бонапарте прислалъ съ извиненіемъ.» Мать моя крѣпко сжала свои руки и подняла ихъ къ небу. Братъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ;

Digitized by Google

она сдѣлала ему знакъ молчать, и сказала громко, чтобы онъ велѣлъ подавать кушанье.

« Я дочитываю письмо твоей сестры (*): она прислала его съ человѣкомъ, котораго рекомендуетъ мнѣ. Къ рекомендательному письму прибавила она Индѣйскаго пѣтуха съ трюфлями, и если гости наши не побоятся обѣдать слишкомъ поздно, то мы съѣдимъ его сегодняже; а не то, это будетъ новымъ случаемъ опять собраться всѣмъ. » Послѣднія слова сказала она подходя къ гостямъ, и держа въ рукѣ письмо, которое взяла мимоходомъ съ камина.

Всю эту длинную ложь сказала она для того, что человѣкъ, который одинъ оставался въ гостиной, когда она уходила къ Салиетти, былъ величайшій болтунъ, и вѣрно уже онъ разсказалъ всѣмъ, что ее приходили звать съ нѣкоторою таинственностью; но она говорила такъ непринужденно, что всѣ повѣрили ея извѣстію о присылкѣ Индѣйскаго пѣтуха съ трюфлями. Гости единогласно воскликнули и рѣшили, что надобно съѣсть его завтра. Мать моя, попросивши позволенія дочитать письмо,

(*) Старшая дочь Г-жи Пермонъ жила въ другомъ городѣ. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

заперла дверь своей спальни, тихонько задвинувъ засовъ, и пошла къ несчастному изгнаннику. Она нашла Саличетти въ моей комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ на стулѣ, подперши голову обѣими руками, и сказала ему: «Мы должны почитать себя счастливыми, что не пришелъ Бонапарте, проникать въ наши слова и взгляды. Что надобно теперь дѣлать?»—Если вы не отказываетесь спасти меня, то это дѣло вѣрное; я требую только вашего согласія; даете-ли вы его? — Мать моя отвѣчала не вдругъ. Видно было, что она въ ужасномъ волненіи, потому что цвѣтъ лица ея измѣнялся безпрестанно. Наконецъ она такъ поблѣднѣла, что я думала, не сдѣлалось-ли ей дурно. Саличетти почелъ отказомъ ея молчаніе, взялъ свою шляпу, которую бросилъ онъ на мою постель, и бормоча какія-то слова, которыхъ я не могла разслушать, хотѣлъ выйдти изъ комнаты. Мать моя остановила его за руку.

«Останьтесь!» сказала она. «Это убѣжище ваше. Сынъ мой долженъ заплатить свой долгъ, а я обязана заплатить долгъ моего мужа.» — И такъ, все кончено. Очень хорошо. Ступайте обѣдать. Маріетта позаботится обо мнѣ. Я сказалъ ей только два слова, но эти два волшебныя слова привязали ее ко мнѣ такъ, что она отдастъ свою жизнь за меня. — А вы,

Digitized by Google

сударыня! — сказалъ онъ мнѣ, остановивши меня за платье, когда я также хотѣла выйдти изъ комнаты — я говорилъ при васъ, потому что вы должны знать объ этомъ дѣлѣ. Кажется, нѣтъ надобности сказывать вамъ, какія слѣдствія можетъ имѣть ваша нескромность. — «Ахъ, не бойтесь!» — вскричала я, бросаясь къ своей матери, которая устремила на меня глаза съ выраженіемъ отчаянія. Добрая мать! Только обо мнѣ думала она въ эту минуту, когда дѣло шло о ея головѣ. Она остановилась въ своей комнатѣ на нѣсколько секундъ, чтобы собраться съ духомъ. Въ ней не было скрытности, потому что не было ничего откровеннѣе и прямѣе души ея; но силою своего характера, она, когда было надобно, совершенно властвовала надъ собою. Когда она возвратилась въ гостиную, никто не могъ-бы и подумать, что она должна была скрывать великую тайну отъ вниманія окружающихъ ея.

За обѣдомъ были веселы. Приглашенные всѣ принадлежали къ тому мнѣнію, которое заставляло съ удовольствіемъ видѣть слѣдствіе событій двухъ послѣднихъ дней. Они знали, что мать моя раздѣляла ихъ мнѣнія, и не замѣчая въ ней ни малѣйшаго безпокойства, предавались всей своей радости. Въ числѣ приглашенныхъ друзей былъ Брюнетьеръ. Онъ всегда

Digitized by Google

отличался веселымъ характеромъ, но въ этотъ день изъявлялъ шумную веселость. Брюнетьеръ ужасно косилъ глазами, особенно когда ему случалось выпить Шампанскаго. «Сегодня,» говорилъ онъ, «когда освобождено Собраніе, я дѣлаю *либацію*, желая добраго пути всѣмъ изгоняемымъ, и вашему Саличетти, Пермонъ!» сказалъ онъ обращаясь къ моему брату. «Въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ сказать вамъ, что онъ попалъ въ вершу съ другими щуками! Этотъ человѣкъ хотѣлъ сожрать все. Мимоходомъ сказать, я не любилъ вашего Корсиканца, и теперь, какъ подумаю о немъ, не люблю его ни сколько. Помню, что, вотъ какъ теперь, я имѣлъ честь однажды обѣдать у Госпожи Пермонъ (онъ всталъ и низко поклонился) (*); у господина Корсиканца была схватка съ Г-мъ Пермономъ и бѣднымъ Дюрозуа... Вотъ былъ человѣкъ: умеръ какъ храбрый, какъ честный малый... Сомнѣваюсь, чтобы также сдѣлалъ и Г. Корсиканецъ.» —Почему-же?—спросилъ у него кто-то. «Почему? потому что онъ золъ, а злые всегда бываютъ трусы, и такъ какъ онъ золъ, то

(*) Я нашла у Валтеръ Скотта портретъ, прямо списанный съ Г-на Брюнетьера. Это въ *Гюй-Маннеринѣ* Адвокатъ Плейдель. Точно онъ!...

Digitized by Google

я заключаю изъ этого, что. . . » — Полно-те— сказала мать моя. — Вы сами не знаете о чемъ говорите. — « Извините ! » отвѣчалъ Брюнетьеръ, цѣпляясь за свою идею, какъ всѣ полупьяные. — Да почему вамъ знать, золъ-ли онъ или нѣтъ? Онъ никогда не дѣлалъ вамъ зла. — « Прекрасно ! » вскричалъ Брюнетьеръ. « Сами вы, сударыня, говорили мнѣ это, я думаю съ недѣлю назадъ, повторяя ужасныя слова его о каменьяхъ, изъ которыхъ надобно было-бы одинъ привязать къ его шеѣ, и бросить туда, куда онъ назначалъ его самъ. »

Мать моя покраснѣла и поблѣднѣла. Она сказала мнѣ вечеромъ: Мысль, что изгнанникъ, который пришелъ искать у меня убѣжища, терпитъ оскорбленіе въ своемъ несчастіи, въ первый часъ, который проводитъ онъ подъ гостепріимною кровлею, эта мысль была нестерпима. — Душа ея была возвышенна и прекрасна ! Я не просто любила свою мать: я гордилась ею.

Наконецъ миновался этотъ безконечный день. Мать моя не хотѣла дать ни малѣйшаго случая къ подозрѣнію, и потому не предупредила даже моего брата. Когда всѣ ушли, она объявила ему, какой гость находится у насъ. Братъ содрогнулся за нее и за меня; но не

Digitized by Google

время было предаваться страху; надобно было дѣйствовать и принять всѣ мѣры, на которыя указывало благоразуміе.

Призвали Госпожу Гренри, хозяйку дома. Она поступила въ этомъ случаѣ какъ не льзя благороднѣе. Надѣюсь, что она еще жива, и прошу ее принять здѣсь свидѣтельство уваженія и воспоминанія. При первомъ словѣ объ изгнанникѣ, она сказала: «У меня есть убѣжище; но для этого Госпожа Пермонъ должна согласиться перемѣнить комнаты. Въ другихъ есть скрытное мѣсто, гдѣ спаслись уже четверо несчастныхъ, во время Террора. Спасутся и еще, по крайней мѣрѣ покуда я буду жить въ этомъ домѣ.»

Въ этотъ-же вечеръ мы перебрались въ новыя комнаты. Сказали всѣмъ, что мы получили извѣстія отъ моего отца, и что онъ пишетъ о своемъ пріѣздѣ въ Парижъ; что вслѣдствіе этого мать моя остается, и занимаетъ болѣе комнатъ. Мы *должны* были вскорѣ получить другое письмо, въ которомъ отецъ мой долженъ былъ извѣстить насъ, что онъ не пріѣдетъ и зоветъ мать мою къ себѣ. Важнѣе всего было найдти какой нибудь вѣроятный предлогъ, для объясненія того, что у насъ дѣлалось.

Digitized by Google

Маленькое убѣжище Салпчетти было хорошо меблировано, обито обоями и коврами, дабы и малѣйшее движеніе того, кто жилъ въ немъ, не могло быть услышано. Онъ могъ скрыться туда въ одну минуту.

На слѣдующее утро, только что ударило одиннадцать часовъ, какъ явился къ намъ Генералъ Бонапарте. Это посѣщеніе осталось у меня въ памяти на всю мою жизнь, и потому я опишу его со всѣми подробностями.

Бонапарте былъ одѣтъ, какъ почти всегда одѣвался онъ впослѣдствіи. Сѣрый сюртукъ, больше нежели скромный, застегнутый до галстуха; круглая шляпа, всегда небрежно надвинутая на глаза, которые она совсѣмъ закрывала, или надѣтая почти на затылокъ, такъ, что казалось она сей часъ упадетъ; черный галстухъ, очень часто повязанный дурно: таковъ былъ почти всегда нарядъ Бонапарте. Правду сказать, тогда всѣ, мужчины и женщины, не отличались изяществомъ костюма, и особенный нарядъ Бонапарте тогда не казался столько страненъ какъ теперь, по воспоминанію. У него былъ въ рукѣ большой букетъ фіялокъ, который и подалъ онъ моей матери, вошедши въ комнату. Эта вѣжливость была такъ необыкновенна въ немъ, что мы не могли удержаться отъ смѣха. — Кажется — сказалъ

Digitized by Google

онъ, смѣясь съ нами — я худо исполнилъ должность cavaliere servente?—Еще послѣ нѣсколькихъ фразъ, онъ сказалъ: — Вотъ, Госпожа Пермонъ, теперь Саличетти можетъ судить, какъ горьки плоды ареста. Я думаю, ему шѣмъ больше непріятно глотать ихъ, что онъ и подобные ему посадили деревья, которыя приносятъ эти плоды. — « Какъ? » сказала мать моя съ удивленнымъ видомъ, и дѣлая мнѣ знакъ, чтобы я затворила дверь въ гостиную. « Развѣ Саличетти подъ арестомъ? » — Будто вы не знаете, что онъ вчера обвиненъ! Я думалъ, вы знаете это очень хорошо, потому что у васъ онъ и скрылся. — « У меня? » вскричала мать моя. « Но, послушайте, милый Наполеонъ: вы дурачитесь! (Mais, Napoléon, vous êtes fou, mon cher enfant!) У меня! Но для этого надобно, чтобы я имѣла *свой уголъ*. (Mais il faudrait pour cela que j'eusse un *chez moi*). Нѣтъ, милый Генералъ, прошу васъ не повторять въ другомъ мѣстѣ этой шутки. И что я вамъ сдѣлала, что вы вздумали играть моею головою? Да, эта шутка можетъ стоить головы.

Бонапарте всталъ, медленно подошелъ къ моей матери, остановился, сложилъ руки, и долго, пристально глядѣлъ на нее въ молчаніи. Она не измѣнилась въ лицѣ, и даже не опустила рѣсницы подъ огнемъ этого орлинаго взгляда.

Digitized by Google

«Госпожа Пермонъ!» сказалъ онъ наконецъ. «Саличетти спрятанъ у васъ... не прерывайте меня. Я не знаю этого положительно, но говорю: онъ спрятанъ у васъ, потому что вчера, въ пять часовъ, его видѣли на бульварѣ; онъ говорилъ съ Готье, который предупредилъ его не ходить въ Конвентъ. Онъ пошелъ въ здѣшнюю сторону. Извѣстно, что кромѣ васъ, у него нѣтъ здѣсь ни одного такого знакомаго, который-бы рѣшился принять его, и тѣмъ подвергнуть опасности себя и своихъ. Онъ не былъ во дворцѣ Равенства. Слѣдственно, къ вамъ пришелъ онъ искать убѣжища.»

Мать моя совершенно ободрилась. «Но по какому праву Саличетти придетъ требовать у меня убѣжища?» сказала она. «Онъ знаетъ, что образъ мыслей у насъ не одинаковъ. Я была готова къ отъѣзду, и если-бы не письмо моего мужа, то завтра утромъ я была-бы уже на дорогѣ въ Гасконію.» — По какому праву придетъ онъ къ вамъ? Это сказали вы совершенно справедливо, милая Госпожа Пермонъ! Придти къ женщинѣ, которая живетъ одна, и можетъ, за нѣсколько часовъ спасенія обвиненному, заслужившему свое наказаніе, подвергнуться опасности, вотъ дѣло недостойное, къ которому неспособенъ никто другой! Вы обязаны ему признательностью, и это *вексель*, по

Digitized by Google

которому онъ требуетъ уплаты. Онъ самъ былъ Экзекуторомъ, пришедши къ вамъ за платежемъ. Не правда-ли, милая Лулу? — прибавилъ онъ, вдругъ оборотившись ко мнѣ.

Я сидѣла за работою, въ углубленіи окна, на которомъ было множество кустарниковъ. Показывая видъ, что гляжу на одинъ горшокъ съ цвѣтами, я не отвѣчала ничего. Маменька поняла меня и сказала: « Другъ мой, Лорешта! Генералъ Бонапарте говоритъ тебѣ. » Тутъ я оборотилась къ нему, и оплошокъ моего замѣшательства можно было почесть началомъ того смущенія, которое должна почувствовать молодая дѣвушка, невольно сдѣлавшая неучтивость. По крайней мѣрѣ такъ я думала; но прошивника нашего трудно было перехитрить. Онъ взялъ мою руку, сжалъ ее своими обѣими, и сказалъ моей матери: « Я виноватъ: извините меня. Я получилъ урокъ отъ вашей дочери. » — Нѣтъ, милый Наполеонъ, вы приписываете Лорештѣ достоинство, котораго нѣтъ въ ней. Вы не получили отъ нея урока, потому что она и не знаетъ, въ чемъ могла-бы дать вамъ урокъ; но вы сей часъ получите его отъ меня, если станете упорно вѣрить тому, что, говоря коротко, можетъ сдѣлать мнѣ много вреда, и будетъ имѣть важныя слѣдствія, когда вы станете распространять подобныя дурачества.

Digitized by Google

Бонапарте сказалъ ей съ чувствомъ: — Госпожа Пермонъ! Вы женщина необыкновенно добрая, а Салиетти... дурной человѣкъ. Вы не могли запереть для него дверей своихъ: онъ зналъ это..... И предавать такимъ образомъ васъ, и это дитя!... Прежде я не любилъ его, теперь я презираю его... Онъ сдѣлалъ мнѣ много зла... да; онъ очень много сдѣлалъ мнѣ зла; что-же? были причины, вѣрно извѣстныя вамъ? — Мать моя сдѣлала отрицательный знакъ. — Неужели Пермонъ не говорилъ вамъ о нихъ? — «Никогда.» — Это удивительно. Хорошо; когда нибудь разскажу вамъ ихъ; вы увидите, не робко-ли, не жестоко-ли было воспользоваться своею *всплывшею* фортуною, чтобы погрузить меня, меня, на самое дно! Онъ обвинилъ меня въ *преступленіяхъ*, потому что развѣ не преступленіе быть сыномъ-измѣнникомъ отечества? Салиетти, въ этомъ Лоанскомъ дѣлѣ, велъ себя какъ мерзавецъ. Я остановилъ Жюно, который хотѣлъ идти и убить его. Этотъ молодой человѣкъ, полный огня, и еще болѣе дружбы ко мнѣ, хотѣлъ вызвать Салиетти на дуэль, и если-бы онъ не сталъ драться, то выбросить его въ окно, какъ говорилъ онъ. Теперь Салиетти обвиненъ. Въ свою очередь онъ можетъ измѣрить всю обширность несчастія того человѣка, кто видитъ свою судьбу разбитою, погибшею! — «Наполеонъ!»

Digitized by Google

сказала мать моя взявъ его за руку и дружески глядя на него. «Клянусь вамъ, что Саличетти не у меня... Постойте.... надобно-ли сказать вамъ все?» — Говорите, говорите! — воскликнулъ онъ съ пылкостью, какой можетъ быть никто не видалъ въ немъ. «Знайте: Саличетти точно былъ здѣсь, вчера въ шесть часовъ; но онъ ушелъ въ восемь съ половиной или въ девять часовъ. Я доказала ему, что физически не могу принять его къ себѣ, живя въ гостинницѣ. Онъ понялъ это и ушелъ отъ меня.»

Покуда мать моя говорила, Бонапарте глядѣлъ на нее съ живостью, о которой не льзя составить себѣ понятія; потомъ, онъ отступилъ, и быстро прошелся по комнатѣ. «И такъ я угадалъ это!» сказалъ онъ. «И такъ онъ имѣлъ низость придти къ женщинѣ и сказать: отдай жизнь свою за меня! Но пришедши растрогать васъ своимъ жребіемъ, сказалъ-ли онъ вамъ, что въ то-же время онъ погубилъ одного изъ своихъ сочленовъ?... По крайней мѣрѣ *умылъ-ли онъ свои руки*, прежде нежели коснулся вашихъ, умоляя васъ?» — Napoleone! Napoleone! quest'è troppo! Tacete, se non tacete: ne me vado. Se hanno ammazato quest' uomo, poi non è Colpa sua!... — Когда мать моя приходила въ волненіе, она тотчасъ начинала го-

Digitized by Google

воритъ по-Итальянски или по-Гречески. Это часто случалось у нея съ людьми, которые не разумѣли ни того, ни другаго языка. Впрочемъ, и въ этотъ разъ случилось тоже; Бонапарте преслѣдовалъ Саличетти, какъ гончая собака оленя: онъ старался настичь его и не слушалъ ничего. Мать моя была въ отчаяніи. Саличетти слышалъ все; одна доска отдѣляла его отъ насъ. Неопытный ребенокъ, я трепетала, ожидая, что онъ сію минуту выйдетъ изъ своего убѣжища: я еще не знала людей.

Наконецъ, послѣ длиннаго, двухъ-часоваго разговора, котораго не переписываю здѣсь, потому что онъ безпрестанно оборачивался около одного предмета и почти въ одинакихъ выраженіяхъ, Бонапарте всталъ, хотѣлъ идти, и я перевела дыханіе, ибо видѣла пышку моей матери. « И такъ вы увѣряете, что по вашему мнѣнію онъ возвратился домой и тамъ спрятался? » сказалъ Наполеонъ, взявшись за шляпу. — Да—отвѣчала мать моя. — Я сказала ему, что если онъ думаетъ скрыться въ Парижѣ, то уже лучше подкупить хозяевъ его гостинницы, потому что туда послѣ всего придутъ искать его. — Но минутное размышленіе заставило ее почти устрашиться, что станутъ тревожить невинныхъ; она прибавила: — Однакожъ, милый Наполеонъ, я не могу

Digitized by Google

сказашь, что онъ тамъ. Я не видала, возвратился-ли онъ домой.—« Хорошо, очень хорошо! Покорнѣйше благодарю, Госпожа Пермонъ, и особенно прошу извинишь меня. Но если-бы когда нибудь васъ оскорбили, какъ меня этотъ человѣкъ.... Прощайте! »

Наконецъ Бонапарте ушелъ.... и было время! Уже бодрость матери моей истощалась. Она сдѣлала мнѣ знакъ задвинуть засовъ моей комнаты, и отворила дверь въ убѣжище Саличетти.

Я никогда не любила этого человѣка. Онъ всегда казался мнѣ какимъ-то страшнымъ привидѣніемъ, и отвращалъ меня отъ себя. Послѣ, читая *Вампира*, я воображала его; и соединила въ умѣ своемъ его лицо и этотъ вымышленный образъ. Желтая блѣдность, черные, сверкающіе глаза, губы, которыя бѣлѣли въ ту самую минуту, когда онъ испытывалъ сильнѣйшее волненіе: все въ немъ ужасало взоръ и душу. Въ этотъ день, онъ привелъ меня въ трепетъ, который продолжался до самой ночи. Кажется, я еще и теперь вижу его. Онъ сидѣлъ на небольшомъ стулѣ, подлѣ кровати, положивъ голову на одну руку; но рука его была вся въ крови, постель также запятнана кровью, и даже въ тазикѣ, на который онъ наклонился и

Digitized by Google

опрокинулъ его, еще была кровь. Онъ былъ подверженъ геморою, и отъ принужденія нія во время разговора Бонапарте, получилъ жестокій припадокъ своей болѣзни: кровь ручьями шла у него изъ ушей и изъ носу; онъ былъ весь покрытъ ею. Блѣдность его могла привести въ ужасъ. О, какъ долго преслѣдовала меня эта фигура даже во время сна! Мать моя подошла къ нему; онъ былъ почти безъ памяти; она взяла его за руку: рука холодна. Мы позвали Маріетту. Она дала ему понюхать уксусу. Онъ опамятовался. Но какое возвращеніе къ жизни, Боже мой! Онъ произносилъ слова безсвязныя, однакожъ ругательныя!... Этотъ человѣкъ, обыкновенно столь вѣжливый, сдѣлался такимъ-же звѣремъ, какъ человѣкъ самаго низкаго класса. Брани и угрозы, особенно противъ Бонапарте, выходили изъ его устъ съ такою быстротою, что это казалось самою чудною противоположностью слабыхъ его силъ. Я убѣжала въ гостиную и нашла тамъ своего брата; я послала его къ маменькѣ, потому что сама не могла быть тамъ долѣе....

На другой день, Бонапарте пришелъ опять. Въ физіогноміи его было выраженіе странное. Легко было замѣтить, что мысли его о Саличенетти утвердились; по крайней мѣрѣ это поразило насъ, такъ-же какъ и одного изъ Саличенетіевыхъ друзей, который обладалъ всею

Digitized by Google

довѣренностью его и пришелъ къ намъ въ это-же утро. Но Бонапарте говорилъ уже не такъ какъ вчера, прямо объ изгнанникѣ; онъ довольствовался изрѣдка кидаемыми словами, которыя онъ такъ умѣлъ говорить, словами, похожими на *острую стрѣлу;* но не было ничего личнаго, не было имени. Какъ ненавидѣли другъ друга эти два человѣка! Если одинъ изъ нихъ могъ заставить думать объ этомъ иначе, онъ былъ очень тонокъ или скрытенъ.

Въ дополненіе къ этой главѣ изъ *Записокъ* Герцогини Абрантесъ, скажемъ, что Саличетти спасся, выѣхавши изъ Парижа съ Г-жею Пермонъ. Никто не узналъ о его бѣгствѣ; но на первой станціи, почталіонъ, который везъ Г-жу Пермонъ, отдалъ ей письмо отъ Бонапарте. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Я никогда не желалъ, чтобы меня почи-
«тали обманутымъ глупцомъ; а такова былъ-
«бы я въ глазахъ вашихъ, еслибъ не сказалъ
«вамъ, что уже болѣе трехъ недѣль я знаю,
«что Саличетти скрытъ у васъ. Припомните,
«Госпожа Пермонъ, мои слова, сказанныя въ са-
«мый день 1-го Преріаля. Я былъ почти удо-
«стовѣренъ въ этомъ нравственно. Теперь я
«знаю это положительно. Саличетти! Ты ви-
«дишь, что я могъ-бы отплатить тебѣ за зло,

Digitized by Google

« которое ты сдѣлалъ мнѣ, и дѣйствуя такимъ « образомъ я мстилъ-бы за себя, тогда какъ « ты дѣлалъ мнѣ зло безъ всякой обиды съ « моей стороны. Чья роль теперь лучше: моя « или твоя? Да, я могъ отмстить за себя, и « не сдѣлалъ этого. Можетъ быть, ты скажешь, « что благодѣтельница твоя служитъ тебѣ за- « щитою. Правда, это соображеніе могуществ- « венно; однакожъ еслибъ ты былъ и одинъ, но « безоружный, изгнанный — твоя голова была-бы « священна для меня. Ступай, ищи съ миромъ убѣ- « жища, гдѣ ты можешь возвратиться къ лучшимъ « помышленіямъ объ отечествѣ. Уста мои за- « крыты для твоего имени и не раскроются « во вѣки. Раскайся, и всего болѣе оцѣни мои « побужденія: я достоинъ этого, потому что « они благородны и великодушны.

« Госпожа Пермонъ! Добрыя желанія мои « слѣдуютъ за вами и за вашею дочерью. Вы « два существа слабыя и совершенно беззащит- « ныя. Провидѣніе и мольбы друга да будутъ « съ вами! Будьте осторожны, и никакъ не « останавливайтесь въ большихъ городахъ. Про- « щайте! Примите увѣреніе въ истинной « дружбѣ. »

Digitized by Google

КРИТИКА.

— Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича, и взглядъ на Междоцарствіе. Соч. В. Н. Берха, 2 часши. СПб. 1832 г. въ т. Хр. Гинце, in-8, 301 и 260 стр., съ планомъ, поршретомъ, снимками и рисунками.

— Царствованіе Царя Алексія Михайловича. Соч. В. Н. Берха, 2 части. СПб. 1831 г. въ т. Хр. Гинце, in-8, 314 и 270 стр., съ снимкомъ.

— Исторія Петра Великаго. Соч. Вен. Бергмана. Пер. съ Нѣм. Е. Аладьинъ. Ч. I. СПб. 1833 г. въ т. Конр. Вингебера, in-8, 333 стр.

— Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія. Павломъ Сумароковымъ, Поч. Членомъ, и проч. 3 часши. СПб. 1832 г. въ т. М. Деп. М. В. Д., in-8, 263, 240 и 254 стр., съ поршрешомъ.

Величайшимъ для себя наслажденіемъ почли-бы мы, если-бъ, извѣстивъ недавно Публику о прекрасныхъ шрудахъ, касательно Русской Исшоріи, Г-на Устрялова, могли шеперь извѣстишь ее вдругъ о *четырехъ Историческихъ книгахъ* Г-дъ Берха, Бергмана и Сумарокова, равно превосходнаго достоин-

Digitized by Google

ства. Тѣмъ драгоцѣннѣе могли-бъ быть сіи литературныя явленія, чшо до сихъ поръ не было у насъ *даже ни одной книги*, которая, хотя-бы въ нѣкоторой стройной полнотѣ, изображала намъ *Исторію Русскую отъ Шуйскаго до нашего времени*. Шуйскимъ кончилъ Щербашовъ; на немъ остановился Карамзинъ. Только одинъ трудолюбивый, незабвенный *Голиковъ* сиротѣетъ на обширномъ поприщѣ Русскаго дѣписанія съ начала XVII столѣтія, со своимъ недостаточнымъ сочиненіемъ. Издавъ *Дѣянія Петра Великаго*, Голиковъ описалъ въ *Дополненіяхъ* Исторію Россіи со временъ Іоанна Грознаго до Петра. Вотъ *все*, чшо мы имѣемъ *Историческаго* о Мининѣ, Михаилѣ, Алексіѣ, Ѳеодорѣ II-мъ!

Но Голиковъ не былъ Историкъ. Ни время, въ которое жилъ онъ, ни образованіе, ни средства, ни самая жизнь его не давали ему способовъ удовлетворить своею книгою желаніямъ *даже современниковъ*. Голиковъ откровенно сознавался въ этомъ, и съ надеждою указывалъ на Князя Щербашова (*Доп.* т. III, 202). Надежда его не исполнилась: Щербашовъ дописалъ (худо-ли, хорошо-ли другой вопросъ) только до паденія Шуйскаго.

Царствованіе Петра представляетъ намъ также *одного Голикова*. Все другое, чшо прежде и послѣ его писано о Петрѣ, не стоишъ добраго слова! Не говоримъ о взглядѣ, о направленіи трудовъ Голикова; но сочиненіе его, какъ *собраніе матеріяловъ* (исключивъ тѣ мѣста, гдѣ онъ принимался разсуж-

Digitized by Google

дашь, и бралъ на себя обязанность Историка), неоцѣненно. Должно-ли намъ упоминать о сочиненіяхъ Клаудіуса, Галема, или книгѣ Вольшера: Histoire de Russie sous Pierre-le-Grand? Нѣтъ! Также лучше промолчать о началѣ *Исторіи Русской* со временъ Годунова, Г. Ф. Миллера, знаменитаго Археографа, но болѣе нежели плохаго Историка (*), и о началѣ *Исторіи Петра Великаго*, Туманскаго (**). Ничего не скажемъ мы и о книгахъ Ѳеодози, Кашифора, Ѳеофана Прокоповича, Рубана, Воробьевскаго: это сборники, панегирики, всякая всячина, что угодно—только не Исторія! Сегюръ въ наше время бросилъ нѣсколько остроумныхъ, яркихъ идей въ своей Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand (Парижъ, 1829 г.). Но въ Историческомъ достоинствѣ книга его есть недосмотрочный сборникъ, подобный написанной Сальванди *Исторіи Собіескаго*. Словомъ: Петръ до нынѣ *не имѣлъ Историка*, и *Исторіи его*, кромѣ Голикова книги, не было.

Еще менѣе занимались новою Русскою Исторіею отъ временъ Петра до Екатерины: тутъ уже рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ Нехачинскаго *Ядра* (***), и кое-какихъ, краткихъ учебныхъ изложеній Исторіи Русской.

(*) См. это начало въ *Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ* (1761 г.).

(**) Жизнь и Дѣянія Петра Великаго, Ч. I. СПб. 1788 г.

(***) Новое Ядро Росс. Исторіи, изд. 2-е, М. 1809). 3 части.

Digitized by Google

Наконецъ, слѣдуетъ *Екатерина*. Нѣчто подобное тому, что составилъ Голиковъ о Петрѣ, объ Екатеринѣ составилъ Колошовъ, только гораздо недостаточнѣе (*). Клеветы Кастера также никуда не годятся, какъ и противная тому книга Таннен-берга (Русскій переводъ: *Жизнь Екатерины Великой*, М. 1801 г.).

Каково-же является новое, обширное, необработанное поле для трудолюбія, для Исторической Философіи, для изысканій, поле, на которомъ видимъ мы теперь появленіе трехъ новыхъ сподвижниковъ, Г-дъ Берха, Бергмана, Сумарокова?

Они явились смѣло: издавъ Исторію Царя Алексія Михайловича, Г-нъ Берхъ даритъ теперь насъ Историческимъ изображеніемъ Междоцарствія и Исторіею Михаила Ѳедоровича. Трудолюбію Г-на Аладьина мы обязаны Русскимъ переводомъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной ученымъ Германцемъ, Г-мъ Бергманомъ. Наконецъ Г-нъ Сумароковъ предстоитъ съ Исторіею Екатерины. Если приложимъ къ симъ новымъ явленіямъ книгу Г-на Вейдемейера (**), недавно вышедшую, и уже достигшую 2-го изданія—вотъ цѣлый рядъ сочиненій *нашего времени*,

---

(*) Дѣянія Екатерины II-й, 6 частей, СПб. 1811 г.

(**) Обозрѣніе дѣлъ, и проч. 2 части. СПб. 1831 г.

Digitized by Google

составляющихъ собою почти непрерывную цѣпь повѣствованія Историческаго, *отъ Шуйскаго до XIX-го вѣка.*

Но, увы! Книгу Г-на Вейдемейера, хошь-бы она была напечатана *двадцать вторымъ* изданіемъ, смѣло можете почесть недостаточною, несвязною выборкою, и исключить изъ числа новыхъ пріобрѣтеній Русской Литтературы. Мы уже говорили объ ней, и отсылаемъ читателей къ прежнему нашему отзыву, готовые подкрѣпить его обширными доказательствами, если-бы это потребовалось.

Къ отряду книгъ, подобныхъ сочиненію Г-на Вейдемейера, можете отнести также и книгу Г-на Сумарокова: это собраніе отрывковъ изъ немногихъ книгъ, писанное безъ всякой критики, наполненное странными, превратными изображеніями событій вѣка Екатерины, восклицаніями и похвальными возгласами, недостойными важности Исторіи. Прибавимъ къ тому, что книга Г-на Сумарокова писана столь неправильнымъ языкомъ, имена собственныя въ ней такъ исковерканы, что ее почти невозможно читать, и во многихъ мѣстахъ не доберетесь, что̀ хочетъ сказать Авторъ. Все это однакожъ выкупается для насъ въ книгѣ Г-на Сумарокова однимъ важнымъ достоинствомъ: Авторъ приводитъ въ ней отъ себя столько любопытныхъ чертъ и анекдотовъ изъ жизни Екатерины, предлагаетъ намъ столько подробностей частныхъ, объ ея семейной, домашней жизни, вовсе доселѣ неизвѣстныхъ, что книга его, въ этомъ от-

Digitized by Google

ношеніи, становится весьма замѣчательною. Если-бы, вмѣсто трехъ, Г-нъ Сумароковъ издалъ *одну* книгу, назвалъ ее: *Разсказы о Екатеринѣ Великой*, и выкинулъ все, что говоритъ онъ о политической и военной Исторіи Россіи, о государственныхъ распоряженіяхъ Екатерины, о законахъ ея и политическихъ событіяхъ въ Европѣ, то его книжка была-бы пріобрѣтеніемъ драгоцѣннымъ. Это было-бы нѣчто въ родѣ *Записокъ* (Mémoires): *воспоминанія* современника Екатерины, о томъ, что онъ самъ видѣлъ, и что слышалъ отъ другихъ, знавшихъ лично знаменитую Монархиню.

Приступая къ книгамъ В. Н. Берха, чувствуемъ, что прежде всего насъ невольно останавливаетъ вопросъ: долженъ-ли каждый писатель, не начиная еще труда своего, отдать самому себѣ полный отчетъ въ томъ, что хочетъ онъ дѣлать? Кажется, *долженъ*. Но, почтенный, уважаемый нами за его неусыпное трудолюбіе, В. Н. Берхъ отдавалъ-ли себѣ такой отчетъ, до написанія Исторіи Алексія и Исторіи Михаила? По всѣмъ вычетамъ вѣроятностей, мы осмѣливаемся отвѣчать за него: *нѣтъ!*

Уже нѣсколько разъ случалось намъ говорить въ Телеграфѣ о сущности различныхъ Историческихъ сочиненій. Но одно изъ двухъ: или не хотятъ понимать словъ, говоренныхъ съ чистымъ желаніемъ добра, или не вѣрятъ имъ? Дѣлать нечего! Просимъ послѣ сего не гнѣваться, если мы принуждены теперь доказывать слова наши осужденіемъ непра-

Digitized by Google

вильныхъ явленій въ Исторической Литтературѣ. Тутъ никто, ни за что сердиться не долженъ; дружба дружбой, уваженіе личное само по себѣ, а дѣло дѣломъ. Неужели Авторъ, подобный почтенному В. Н. Берху, будетъ цѣнить дороже нѣсколько мимолетныхъ строчекъ Газеты какой-нибудь, гдѣ выскажутъ ему нѣсколько *общихъ мѣстъ*, наряду съ писачкою глупой поэмы, или издателемъ вздорнаго Альманашишка, нѣсколько словъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Почтенный, извѣстный учеными трудами, В. Н. Берхъ подарилъ насъ новымъ, любопытнымъ произведеніемъ; сей трудъ обязываетъ насъ новою благодарностію,» и проч. и проч., будетъ, говоримъ, цѣнить *такой отзывъ* лучше и дороже, нежели голосъ строгой, но безпристрастной Критики? Кромѣ того, напомнимъ, что мы осмѣлились уже скромно сказать Автору свое мнѣніе, слегка, мимоходомъ, при выходѣ первой его книги. Онъ выдалъ теперь другую—*такую-же*. Будемъ-же нѣсколько строже, и поговоримъ обстоятельнѣе.

Вы хотите заниматься Исторіею? спросимъ мы у всякаго кандидата въ Историки. Доброе дѣло, особливо при недостаткѣ у насъ дѣлателей. *Какъ*-же и *чѣмъ* хотите вы заниматься: отдѣльною-ли какою нибудь, вспомогательною частію Исторіи, сборомъ матеріяловъ, или Критикою Историческою? Мы будемъ за все вамъ благодарны; во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ Исторіи вы можете быть полезны и достигнуть большой литтературной чести. Вспомните труды Г-дъ Круга, Лерберга: одинъ занимался Хронологіею, другой Историческою Географіею, и

Digitized by Google

труды обоихъ навсегда будутъ незабвенны. Вспомните Миллера, Вихманна, Новикова, Митрополита Евгенія, Кеппена, К. Ѳ. Калайдовича, Строева, Банпыша-Каменскаго — почтенныхъ собирателей матеріяловъ: кто не благодаритъ ихъ? О. Іакинѳъ, доставляющій намъ матеріялы изъ Китайскихъ источниковъ; Г-нъ Устряловъ, передающій намъ малоизвѣстныя, Западныя пособія Историческія; Г-нъ Френъ, очищающій для насъ Арабскіе и Ташарскіе матеріялы— всѣ достойны благодарности великой. Общая Историческая Критика работала у насъ мало; но одно имя Шлецера доказываетъ вамъ, что это занятіе можетъ достойно прославить память вашу.

Но вы хотите непремѣнно быть Историческимъ Повѣствователемъ; въ стройномъ разсказѣ хотите вы излагать минувшія событія. И здѣсь добрая воля, безъ дальнѣйшихъ требованій, доставитъ вамъ мѣсто почетное. Мы сей часъ только упоминали о Голиковѣ. Будьте Голиковымъ для Алексія Михайловича, Михаила Ѳеодоровича — даже, можете еще быть Голиковымъ и для того, что уже описалъ Карамзинъ. Собирайте матеріялы; приводите ихъ въ порядокъ; ищите ихъ у Шведовъ, Поляковъ, Ташаръ, Монголовъ, Грековъ, въ старинныхъ Архивахъ Москвы и Ватикана, Парижа и Стокгольма, Петербурга и Варшавы; приводите ихъ въ хронологическій порядокъ, сличайте; да будетъ притомъ девизомъ вашимъ: *безпристрастіе* и *полнота*, сколько возможно болѣе, и вы напишете намъ *Исторію*, не Философскую, не Прагматическую, даже — если

Digitized by Google

угодно — не Критическую, но такую однакожь, безъ которой, какъ безъ труда Голикова, говоря о Петрѣ Великомъ не обойдется ни одинъ послѣдователь, когда будетъ излагать предметъ, занимавшій уже васъ.

Идти далѣе никто не препятствуетъ; но знайте, что за тою степенью, на которой стоитъ Голиковъ, начинается для васъ обязанность тяжелая. Вы должны будете соединить въ себѣ обязанность изыскателя матеріяловъ, критика, прагматика, мыслителя. Полнота, Философія Исторіи, копотливость Археографіи, множество пригошовительныхъ свѣдѣній—все это потребуется отъ васъ, особливо нынѣ, когда принимаютъ Исторію въ объемѣ высшемъ, и обширнѣйшемъ противъ прежнихъ идей объ Исторіи.

Намъ кажется, что такія соображенія не были предварительно приведены въ ясность Г-мъ Берхомъ. Вотъ какъ объяснялся онъ, издавая Исторію Царя Алексія Михайловича: «Случайно отыскалъ я *очень много* любопытныхъ матеріяловъ, относящихся къ вѣку Царя Алексія Михайловича, и какъ *большая часть оныхъ* заключалась въ рукописяхъ, или *весьма рѣдкихъ иностранныхъ книгахъ*, то и рѣшился я, *для сохраненія ихъ потомству*, написать Царствованіе сего мудраго Монарха.»

Теперь Г-нъ Берхъ говоритъ: «Царствованіе А. М. издалъ я для того въ свѣтъ, что желалъ сохранить случайно доставшіеся мнѣ о Царѣ семъ матеріялы. Царствованіе-же Мих.

Digitized by Google

Ѳеодор. и Ѳедора Алексіевича впослѣдствіи, потому, что *имѣлъ много свободнаго времени, и хотѣлъ удовлетворить желанію нѣкоторыхъ, много уважаемыхъ мною лицъ.*» За симъ, почтенный Авторъ сожалѣетъ, что не могъ *съѣздить въ Москву*, «гдѣ надѣялся сыскать много любопытныхъ матеріяловъ,» оживилъ-бы мысли свои, взирая на тѣ мѣста, гдѣ *герой повѣсти его* родился, наслаждался жизнію, и окончилъ оную. Съ *благоговѣніемъ къ священной памяти добродѣтельнаго Царя*, обозрѣлъ-бы онъ (Авторъ говоритъ о себѣ) храмы, *гульбища*, *чертоги* и *зданія сему Царю современныя.* Въ Саввинскомъ монастырѣ *осмотрѣлъ-бы съ умиленіемъ одежды, утварь, послѣ Царя оставшіяся, украсилъ-бы сочиненіе свое многими любопытными извѣстіями,*» и проч.

Мы откровенно сказали-бы, еслибъ Авторъ потребовалъ предваритѣльно совѣта нашего: «Разсмотрѣвъ ваше: *очень много любопытныхъ матеріяловъ* для Исторіи Царя А. М., признаемся, почтеннѣйшій В. Н., что почти все это уже извѣстно, а неизвѣстнаго находимъ мы у васъ немного, да и то неважно. Издайте это *немногое*, но не пишите Исторіи Царя А. М., ибо къ ней вообще вы новаго ничего не прибавите. Что-же касается до *свободнаго времени*, то оно не оправданіе. Употребите его на что нибудь другое. Съѣздите въ Москву, если вы точно можете *получить* тамъ много любопытныхъ матеріяловъ, недоступныхъ другимъ, хотя *существованіе ихъ всѣмъ извѣстно.* Но отъ взгляда на Москву, на утвари, одежды, гульбища, вы не вдох-

Digitized by Google

новишесь много; да и не вдохновеніе вамъ нужно, ибо вы не поэтъ. А Исторіи не напишете вы хорошо, если и будете сидѣть въ Коломенскомъ, въ стулѣ Царя Алексія, и глядѣть на ветхій кафтанъ Царя Михаила. Для Исторіи надобно другое, совсѣмъ другое! Когда вы издадите ваши Исторіи Царей Алексія и Михаила, то много уважаемыя вами лица защитятъ-ли васъ отъ нарѣканій Критики, за то, что вы составили *два недостаточные, расположенные по годамъ сборника, гдѣ не истощили даже всѣхъ извѣстныхъ матеріяловъ, сказавъ нѣсколько новыхъ, неважныхъ подробностей* (напримѣръ: о Морозовскомъ паникадилѣ, и тому подобномъ), *и въ тоже время надѣлавъ погрѣшностей важныхъ?*

Таковы точно оба сочиненія, изданныя почтеннымъ В. Н. Берхомъ, въ *четырехъ томахъ* (которые сошли-бы однакожь на двѣ небольшія книжки, если-бъ были напечатаны поуютнѣе, безъ немилосердой типографической разбивки).

Самымъ краткимъ, лѣтописнымъ образомъ проходитъ въ нихъ Авторъ событія, отъ 1582-го до 1677 года. Лишенныя простоты разсказа старинаго, не возведенныя въ достоинство стройнаго Историческаго повѣствованія, изрѣдка только подкрѣпляемыя выписками изъ иностранныхъ, немногихъ Авторовъ, погодныя замѣтки (иначе назвать не льзя) почтеннаго В. Н. Берха составляютъ собою цѣпь происшествій, связанныхъ безъ системы, безъ соображенія важности предметовъ.

Digitized by Google

Это ни Лѣтопись, ни Исторія, ни собраніе матеріяловъ. Для перваго оно слишкомъ перехитрено, для втораго несовершенно, для третьяго недостаточно.

Впрочемъ, почему-же непозволено, если Автору хотѣлось, издать погодный, краткій реэстръ событій за Междоцарствіе и царствованія Михаила и Алексія, какъ сдѣлалъ это Г-нъ Берхъ? Разумѣется позволено; но здѣсь и *не главное* обвиненіе наше прошивъ почтеннаго В. Н. Нѣтъ! главное обвиненіе состоитъ въ томъ, что отрекаясь отъ правъ Историка, отъ полноты собирателя матеріяловъ, онъ переходитъ однакожь за предѣлы Хронологическаго реэстра, и притомъ составляетъ его весьма плохо; а послѣ сего Критика должна вмѣшаться въ его занятія непремѣнно, ибо Авторъ печатаетъ ихъ, и вотъ что ей необходимо замѣтить:

1. Совершенное отсутствіе Критики въ выборѣ и разборѣ матеріяловъ. Автору все равно; онъ одинаково ссылается на Ядро Хилкова, Лѣтопись Палицына, Исторію города Смоленска (изд. Мурзакевичемъ), Исторію Щербатова, Исторію Холмогоръ Крестинина, Лѣтопись Сумарокова, Исторію Левека, работу Мальгина—все у него хорошій матеріялъ, и все идетъ въ дѣло! Нѣкоторымъ компиляціямъ, каковы: Theatrum Europaeum, les Fastes de la Pologne, Авторъ, кажется, не смѣетъ даже не вѣритъ.

2. Пристрастіе Автора къ нѣкоторымъ лицамъ, иногда непостижимо, а иногда несшерпимо. Ему показалось, напримѣръ, что Бояринъ Морозовъ

Digitized by Google

былъ геній и великій человѣкъ; что Князь Д. Т. Трубецкой былъ праводушный герой и патріотъ, и—онъ въ восторгѣ отъ этихъ ничтожныхъ и вредныхъ для отечества эгоистовъ! Напрошивъ, строчшенный Авторъ вовсе не разгадалъ полишическаго характера Никона, и возложилъ на него опалу, стро же судей его, Патріарховъ Греческихъ. Такъ онъ, какъ о полубогѣ говоритъ вездѣ о Царѣ А. М., и—превратно, вовсе несправедливо судитъ о безсмертномъ сынѣ его, не понимая величія и подвиговъ сего генія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра, не только Россіи!

3. Недостатокъ Историческаго и Критическаго взгляда явенъ во всемъ, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Укажемъ на мнѣнія Автора о состояніи Россіи при Михаилѣ и Алексіѣ. То говоритъ онъ о Россіи, какъ о государствѣ, которое жило въ шѣ времена полною полишическою и гражданскою жизнію, было побѣдоносно, грозно, образовано, и вдругъ сказываетъ намъ, что въ Россіи существовала государственная администрація, ибо въ ней были *Приказы*. «Это доказываетъ»—говоритъ Авторъ—«что въ Россіи *существовалъ благоустроенный порядокъ, и всѣ дѣла текли предназначеннымъ имъ путемъ.*» Да, скажите, ради Бога, кто-же въ этомъ сомнѣвался? Сомнѣнія подобнаго не льзя имѣть даже о Томбукту.

4. Повсюду видѣнъ у почтеннаго Автора какой-то странный патріотическій жаръ, и этотъ жаръ заставляетъ его великолѣпно говорить и раз-

Digitized by Google

сказывашь о дѣлахъ самыхъ обыкновенныхъ. Онъ не смѣетъ вымолвить имени *героя своей повѣсти*, безъ прибавленія прилагательныхъ: *великій*, *попечительный*, *мудрый*, *великодушный*, *правосудный*. «Мы видѣли (говоритъ въ одномъ мѣстѣ Авторъ) незабвеннаго Царя сего пирующаго съ главнымъ Духовенствомъ, Боярами, и прочими государственными чинами, какъ во Дворцѣ, такъ и въ Патріаршихъ палатахъ; но не имѣли ни разу случая упомянуть: пользовался-ли Царь полнымъ здравіемъ, и всегда-ли онъ былъ чуждъ болѣзнямъ? Виною сего недостатокъ извѣстій, отечественныхъ и иноземныхъ. Но, судя вообще по ходу дѣлъ, надобно полагать, что Царь не имѣлъ никакихъ тѣлесныхъ недуговъ.» Такъ не пишутъ Исторіи. Угодно-ли, напротивъ, видѣть: какимъ образомъ Авторъ выражается, говоря объ иноплеменникахъ? Выбираемъ важное политическое обстоятельство: избраніе Сигизмунда III-го въ Польскіе Короли. Изобразивъ Поляковъ въ этомъ дѣлѣ почти сумасшедшими, Авторъ заключаетъ свое описаніе слѣдующимъ: «Наскуча наконецъ шумѣть, ссориться и драться, положили избиратели водрузить три *знамени*, дабы удостовѣриться, къ которому изъ нихъ пристанетъ большинство голосовъ. Первое изъ нихъ была *Московская шапка* (?), *второе* Нѣмецкая шляпа, а *третье* Шведская *селедка*. Малая и незначительная рыбка сія одержала верхъ, и въ Короли Польскіе избранъ былъ Шведскій Принцъ Сигизмундъ.» И вотъ вамъ описаніе важнѣйшаго политическаго обстоятельства, отъ котораго произошли неисчислимыя слѣдствія на судьбу Польши, Швеціи и Россіи! Заклю-

Digitized by Google

чимъ забавною выходкою Автора: въ одномъ мѣстѣ онъ досадуетъ, что много Русскихъ женщинъ ушло въ Польшу съ удальцами Польскими; но за то спѣшитъ сказать, что многіе Рускіе, возвратясь изъ плѣна, привезли съ собою Полячекъ! Замѣчаній столь мѣлочныхъ, и выходокъ столь забавныхъ, можно привести десятки изъ обѣихъ книгъ Г-на Берха.

Сказывать послѣ этого, что при сихъ недостаткахъ почтенный Авторъ не разсматриваетъ предмета своего ни Критически, ни Философически; что у него не найдете ни новаго взгляда на дѣла, ни критическихъ изысканій и соображеній—кажется, нѣтъ надобности. Но сказать, что многія ошибочныя мнѣнія Автора, и несправедливость многихъ, описанныхъ имъ подробностей, могутъ вовлечь въ ошибки и несправедливости неопытныхъ, излишнимъ не будетъ. Въ этомъ отношеніи книги почтеннаго Г-на Берха могутъ быть поводомъ къ заблужденіямъ, и долгъ Критики быть строгою къ его книгамъ. Всего непростительнѣе ошибки умышленныя, а ихъ нечуждъ почтенный В. Н. — Какъ, напримѣръ, можно ему было позволить себѣ сказать то, что сказано имъ въ концѣ 30-й стр. II-го тома Исторіи Царя Алексія, и на стр. 47-й I-го тома оной-же Исторіи? Прочитавъ всю книгу, хорошо поймете мысль Автора, и эта мысль, *неподтвержденная никакимъ доказательствомъ*, невольно заставляетъ негодовать на него. Говорить безъ доказательствъ не позволено Историку, а утверждать противное истинѣ не позволс-

Digitized by Google

но никому. Тѣмъ болѣе, если мы говоримъ о предмѣтѣ великомъ, предъ которымъ должны благоговѣть. А что найдемъ великаго, болѣе памяти того, о которомъ говоришь Г-нъ Берхъ въ приведенныхъ нами мѣстахъ? Не глядите на солнце, если у васъ не орлиный глазъ, но не дерзайте и судить о немъ!

Вотъ безпристрастное мнѣніе наше о книгахъ почтеннаго В. Н. Берха. Если Исторія Ѳеодора Алексіевича, которую обѣщаетъ онъ издать, будетъ такова-же, какъ Исторіи Царей Михаила и Алексія, то наперед можно поздравить Русскую Литтерашуру съ такою книгою, о цѣли и пользѣ которой—трудно отдать отчетъ.....

Заключимъ усердною просьбою, чтобы почтенный Авторъ не смѣшивалъ строгаго сужденія нашего съ личнымъ нашимъ къ нему уваженіемъ, и съ тѣмъ, что думаемъ мы о прежнихъ его трудахъ. Прежнія книги его были собранія матеріяловъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ требованій, и въ пользѣ ихъ мы никогда не сомнѣвались и не сомнѣваемся.

О книгѣ, переводимой Г-мъ Аладьинымъ, надобно поговорить нѣсколько подробнѣе, ибо она представляетъ намъ большія требованія Автора на названіе *Историка*. Онъ смѣло беретъ на себя сей важный шитулъ. Признаемся, что Нѣмецкій подлинникъ сочиненія Г-на Бергмана намъ вовсе неизвѣстенъ, и странно, что Переводчикъ совсѣмъ не упоминаетъ: когда и гдѣ былъ онъ изданъ; не говоритъ отъ себя даже ни одного слова о подлинникѣ.

Digitized by Google

Впрочемъ, это не бѣда. Сказавъ, что книга Г-на Бергмана является въ хорошо написанномъ Русскомъ переводѣ, и весьма хорошо напечатана, мы обращаемся собственно къ *сочиненію Г-на Бергмана*, хотя и будемъ судить о немъ по *Русскому переводу*.

Авторъ начинаетъ переборомъ своихъ предшественниковъ, Историковъ Петра Великаго; онъ справедливо осуждаетъ книги Галема, Клаудіуса и Вольтера, и— вовсе несправедливо говоритъ о Голиковѣ. Привязки его ничтожны. Не зная ни одного иностраннаго языка, Голиковъ могъ дѣлать ошибки въ иностранныхъ словахъ; не думая сочинять философской и прагматической Исторіи, писавши за 50 лѣтъ до нашего времени, бывши человѣкомъ неученымъ, издавая свою книгу безъ порядка, долженъ-ли Голиковъ быть осуждаемъ столь жестоко, какъ осуждаетъ его Г-нъ Бергманъ, и справедливо-ли это будетъ? Знаетъ-ли Г-нъ Бергманъ, что послѣ строгаго суда надъ Голиковымъ, принимая на себя всѣ обязанности *настоящаго Историка современнаго*, онъ тѣмъ взыскательнѣе заставляетъ насъ судить его самого?

Впрочемъ, сказать теперь вообще мнѣніе наше о трудѣ Г-на Бергмана, когда мы видимъ только *одинъ первый томъ* онаго, еще невозможно. Только по выходѣ всѣхъ шести томовъ Русскаго перевода, мы увидимъ: составляетъ-ли трудъ Г-на Бергмана достойную Петра Великаго Исторію; замѣняетъ-ли онъ для насъ чувствительный недостатокъ Исторіи

Digitized by Google

сего безсмертнаго генія; вполнѣ-ли обнялъ Авторъ все величіе подвиговъ Петра, и то, что онъ сдѣлалъ съ Россіею, и для Россіи?

Первый томъ заключаетъ въ себѣ событія только отъ рожденія и начала царствованія Петра Великаго до 1700 года. Тутъ еще ничто не развито, не выведено. Правда, читая сей томъ мы готовы были сдѣлать нѣсколько замѣчаній, о томъ, напримѣръ, что осудивъ Голикова, Авторъ *почти все* выбралъ изъ него, и *весьма немного* имѣлъ другихъ источниковъ; что онъ вовсе не изобразилъ характеристики дѣйствующихъ Историческихъ лицъ въ своемъ разсказѣ; что онъ слишкомъ много занимался ничтожными подробностями о казни Стрѣльцовъ, о пирушкахъ и веселостяхъ юнаго Царя, и слишкомъ довѣрчиво повторялъ сказанія Кохена и Корба; что онъ худо понялъ духъ вѣка, въ которомъ жилъ Петръ, и потому взглядъ его на многія подробности невѣренъ; что онъ совсѣмъ не раскрылъ намъ политическихъ основаній въ дѣлахъ, и живой игры Дворскихъ партій при началѣ царствованія Петра Великаго. Но все это мы побережемъ до выхода къ свѣтъ труда Г-на Бергмана вполнѣ. Обратимся къ тому, о чемъ можемъ судить основательно теперь. Это *первая книга* I-го тома, имѣющая заглавіемъ слова: *Россія до Петра Великаго.* Авторъ раздѣлилъ ее на *семь* главъ, и — каждая глава, каждая страница сей книги изумляла насъ своею неполнотою, несообразностію, ошибками, непростительными, не только ученому Историку, но и простому собирателю Историческихъ матеріяловъ.

Digitized by Google

Не будемъ по введенію судить о всей книгѣ, но признаемся, что *введеніе* никуда не годится.

Начнемъ съ того, что матеріялы почерпалъ Г-нъ Бергманъ изъ *Болтина*, *Татищева*, всего болѣе изъ *Голикова* (расхуливши напередъ его Историческія свѣдѣнія!), и изъ учебной книжечки Г-на *Эверса* (о послѣднемъ говоритъ самъ Авторъ, стр. III). Карамзинъ, и что нибудь другое, едва-ли было въ рукахъ Автора, хотя кое-гдѣ онъ цитуетъ Карамзина, Вивліоѳику, и проч. Но какъ-же ему не знать, что *Татищевъ* и *Болтинъ* нынѣ исключены уже изъ круга Историческихъ матеріяловъ, и что ихъ словамъ и разсказамъ вѣрить не должно, *если они не указываютъ источника, откуда что берутъ*. Если-же гдѣ они и указываютъ источники, то надобно внимательно разсмотрѣть сіи источники, ибо часто имъ казались вещи вовсе не тѣмъ, что онѣ суть въ самомъ дѣлѣ. Притомъ старинные Историки наши (какъ и въ другихъ земляхъ) не имѣли понятія о Критической достовѣрности и Исторической точности, ни въ ссылкахъ, ни въ выпискахъ, ни въ выводахъ; даже, часто выдумывали иное отъ себя и пускали въ міръ безъ зазрѣнія совѣсти. Въ этомъ случаѣ Татищевъ былъ смѣлѣе всѣхъ. На Голикова ссылаться въ Историческихъ изслѣдованіяхъ еще болѣе странно: онъ самъ выбиралъ Историческіе факты изъ другихъ (напримѣръ: главное, что касается до военнаго и гражданскаго устройства чиновъ въ Россіи, изъ Миллеровой книги о Дворянствѣ, съ прибавкою вздора изъ другихъ, что все смѣшивалъ онъ безъ разбора и кри-

Digitized by Google

шики). Не менѣе странно современному Историку, какимъ является Г-нъ Бергманъ, быть столь мало знакому съ своимъ предметомъ, что Эверсову, небольшую (и довольно пустую) учебную книжечку считать основаніемъ и источникомъ своихъ выводовъ, не заботясь ближе познакомиться съ лѣтописями, законами и первоначальными источниками Русской Исторіи, изъ коихъ бралъ Эверсъ! Не говоримъ уже о томъ, что послѣ Татищева, Голикова, Болтина, и даже Эверса и Карамзина, издано множество новыхъ матеріяловъ, и на многое взглядъ совершенно измѣнился, ибо и со времени Исторіи Карамзина прошло болѣе 15-ти лѣтъ. Въ это время несовершенными-же сидѣли Русскіе и Иностранцы....

Далѣе, составляя изображеніе Россіи до Петра Великаго, заключая сіе изображеніе въ 74-хъ страницахъ, и стараясь представить въ такомъ маломъ размѣрѣ картину *политическаго, гражданскаго и военнаго устройства, и состоянія образованности и духа народнаго*, разумѣется, Авторъ долженствовалъ ограничиться одними обширными, самыми общими выводами и очерками, удаляя всѣ подробности и мѣлочи. Напротивъ, все общее забыто, и начертанное Г-мъ Бергманомъ изображеніе Россіи до Петра, есть несвязный сборъ мѣлкихъ подробностей о всякой всячинѣ, раздѣленный на семь отдѣленій: Духовенство, Дворянство и войско, Судъ, Торговля, Земледѣліе и Промыслы, Искусства и Науки, Нравы. Если надобны примѣры хорошаго, чтобы видѣть недостаточность введенія Г-на Берг-

Digitized by Google

мана, то мы укажемъ на Робертсоново введеніе въ *Исторію Карла V-го*, и попросимъ, кого угодно, рѣшить: такъ-ли составилъ свое введеніе Г-нъ Бергманъ, и *вводитъ*-ли онъ читателей въ величіе подвиговъ и преобразованій Петровыхъ, подобно Робертсону?

Онъ долженъ былъ—первоначальное и главное дѣло—изобразить политическую и гражданскую жизнь Россіи, по всѣмъ ея періодамъ. Безъ этого, не поймемъ, ни мы Автора, ни онъ самого себя. Россія испытала періодъ первобытности и феодализма, перешедшій въ Удѣльную систему; потомъ періодъ Монгольскаго порабощенія и единодержавія, соединеннаго съ борьбою Аристократическихъ и Теократическихъ партій. Сей періодъ подраздѣлялся на начало, когда Россія боролась съ Монголами (отъ Калиты до Василія), и на событія до Михаила и послѣ Михаила, когда образовалось въ Россіи правленіе Монархическое. Россія не была сплошь одна и та-же отъ Рурика до Петра, и въ ея изображеніе не льзя брать безъ порядка факты изъ княженія Святослава и Мономаха, Іоанна Грознаго и Алексія Михайловича. Авторъ долженъ былъ постепенно перейдти всѣ сіи періоды и подраздѣленія ихъ; показать въ каждомъ политическій и гражданскій бытъ Россіи; разныя вліянія Востока и Запада, Нордманновъ, Грековъ, Монголовъ, Литвы, Польши, и въ каждомъ переходѣ обозрѣвать притомъ Россію съ нравственной и физической стороны. Тогда только, освѣтивъ притомъ картину свою изображеніями сильныхъ

Digitized by Google

характеровъ, отъ Святослава до Минина, отъ Мстислава Удалаго до Бориса Годунова, отъ Алексія Митрополита до Ермогена, могъ онъ изъяснить намъ государственный возрастъ, до котораго достигъ исполинъ Русскій въ концѣ XVII-го вѣка, и въ который, для начатія новаго періода, родился Петръ. Не у Эверса и Голикова, но въ душѣ Русской и въ памятникахъ Историческихъ надобно было ему искать красокъ для своей картины, а въ собственномъ мысленіи отыскать черты, какими должно было обрисовать сію каршину.

Ничего этого не бывало у Г-на Бергмана. Каждая изъ главъ его введенія, представляетъ отдѣльно по нѣскольку фактовъ, взятыхъ безъ разбора изъ разныхъ вѣковъ, безъ всякой отличительной характеристики. Для примѣра, разсмотримъ одну главу.

Духовенство. Вотъ содержаніе того, что говоритъ шутъ Г-нъ Бергманъ: Іерархія Русская взята съ Греческой; она равнялась силою своею силѣ Государей; Черное духовенство преимуществовало; обогащеніе монастырей; Церковный Уставъ Владиміра; монахи оказываютъ благодѣянія, но за то мучнѣютъ въ роскоши, невѣжествѣ и развратѣ; Соборъ Кирилла; мысли Іоанна Грознаго о монахахъ; но сіи мысли не мѣшали ему издать *Стоглавъ*, обремененный нелѣпостями; сей *Стоглавъ* есть доказательство тогдашняго невѣжества; исправленіе книгъ было почтено ересью; исчисленіе Патріарховъ; Исторія Никона; универ-

Digitized by Google

женіе Стоглава произвело расколы; власть Патріарха; терпимость вѣръ.

Кромѣ ошибокъ (о которыхъ поговоримъ далѣе), что̀ слѣдуетъ изъ этой смѣси, этого набора фактовъ? Гдѣ тутъ отличительныя, характерическія черты Русской Іерархіи? Означены-ли слѣдствія вліянія Византіи и Монголовъ, или то, что представляло собою Духовенство въ Русской Исторіи, въ теченіе семи вѣковъ? Показано-ли безпрерывное стремленіе Запада овладѣть Россіею, и позднѣйшее вліяніе его, чрезъ Кіевъ, на Россію? Словомъ сказать: видите-ли вы *Исторію* и *характеръ* Духовенства Русскаго? Нимало.

И такова все введеніе Г-на Бергмана. Мы не будемъ разбирать подробно всѣхъ главъ его, позволивъ себѣ сказать, что оно совсѣмъ не даетъ понятія о Россіи до Петра; но для доказательства, какъ плохо оно составлено, укажемъ мы на частныя ошибки, коими это введеніе изобилуетъ выше всякой мѣры.

«Въ *первые семь* вѣковъ, Владыки Россіи, какъ *титуломъ*, такъ и *самою властію*, немного превышали вельможъ своего государства.» (стр. 4).

Семь вѣковъ, слѣдовательно, съ половины IX-го до половины XVI-го (до 1550-хъ годовъ)? Но когда-же *вельможи*, т. е. *подвластные сановники*, назывались въ Россіи *Князьями*, и еще *Великими*, какимъ титуломъ означались главные властители въ Россіи? О *Свѣтлыхъ Князьяхъ* Игоря и Олега го-

Digitized by Google

ворить нечего, и имя Князей *безъ Княжества* появилось только съ уничтоженіемъ Удѣловъ, съ пріѣздами въ Россію Князей Литовскихъ и Мурзъ Татарскихъ.—Прибавь, *когда* власть подвластныхъ сановниковъ *почти равнялась* власти Государей? Это были подвластные люди, какъ и другіе, только отличены они были почетными званіями, и все шутъ!

« Послѣдовавшее *за тѣмъ* (*послѣ семи вѣковъ?* Это вѣрно ошибка!) раздробленіе государства на Удѣлы, и яремъ Монголо-Татарскаго господства, ослабивъ еще болѣе силы Князей, увеличили вліяніе Бояръ на дѣла общественныя, породили непокорство и мятежи, даже въ то время, когда завоеваніемъ Казани и Астрахани, вмѣсто Велико-Княжескаго шишула, введено и упрочено въ Россіи титло Царей, когда могущество сихъ послѣднихъ обуздывало уже честолюбіе ближнихъ родственниковъ, и когда только право первородства открывало путь къ трону.» (стр. 4).

Раздробленіе на Удѣлы ослабило *силы Княжествъ*, но не увеличило *власти вельможъ*; иго Татарское напротивъ усилило власть Князей; непокорства и мятежи были одинаковы; *титулъ* Царскій принятъ былъ Іоанномъ до завоеванія Казани и Астрахани; право *первородства* искони было путемъ къ трону, и вѣчною причиною Княжескихъ междоусобій. Сколько-же шутъ ошибокъ, и какихъ!

« Цари вступали въ бракъ съ дочерьми своихъ подданныхъ » (стр. 4). Но Іоаннъ III-й былъ же-

Digitized by Google

нашъ на Греческой Царевнѣ; сынъ его Іоаннъ на Молдавской Княжнѣ; другой сынъ, Василій, на Княжнѣ Глинской; одна изъ женъ Іоанна Грознаго была Черкесская Княжна; Борисъ искалъ супруги сыну своему изъ Европейскихъ Принцессъ.

«Бунты нерѣдко нарушали спокойствіе Царей, которые усмиряли оные не безъ внутренняго сознанія въ своемъ безсиліи» (стр. 5). — Это совсѣмъ не было *отличительною чертою народнаго характера*, напрошивъ всегда рабски покорнаго, и благоговѣйно сносившаго даже страшное свирѣпство Іоанна. Смятенія при Самозванцахъ, Стрѣлецкіе бунты, и разныя частныя волненія, были производимы особенными обстоятельствами; но не заключались въ сущности государственныхъ постановленій Руси, ни въ духѣ народа.

Въ Греціи и Россіи, «санъ и власть Духовныхъ Владыкъ равнялись съ саномъ и властію Государей» (стр. 7). Опять такая-же несправедливость, какъ выше сего о санѣ и власти вельможъ! Будучи владыками совѣсти, Духовные Іерархи имѣли сильное вліяніе, и личное достоинство дѣлало нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ-то: Алексія Митрополита, Патріарха Филарета, Патріарха Никона) государственными людьми; но, собственно, всѣ Іерархи были подданные, избирались по произволу и согласію Князей, и никогда не представляли собою Русскихъ Папъ. Никонъ хотѣлъ было усилить Феократію, и быстро палъ въ неровной борьбѣ.

«Еще Леонтій (1008), преемникъ Михаила (992), перваго Кіевскаго Митрополита, убѣдилъ

Digitized by Google

Владиміра къ изданію Устава, извѣстнаго подъ названіемъ *Устава по Греческимъ Номоканонамъ*» — (стр. 8). Авторъ хочешь сказать: *Устава о Церковныхъ судахъ*. Но, кажется, надобно ему знать, что *Михаилъ* и *Леонтій* никогда не были Русскими Митрополитами, и что *первый* Митрополитъ въ Руси былъ Ѳеопемптъ, поставленный въ первой трети XI-го вѣка, при Ярославѣ. Нѣтъ также сомнѣнія, что сущность Устава Церковнаго была въ дѣйствіи въ Россіи, но *самый Уставъ* поддѣланъ впослѣдствіи.

На стр. 9-й, Авторъ жестоко осуждаетъ монаховъ древней Россіи, и смотритъ на нихъ глазами не Историка, но сатирика. Это годилось прежде, а теперь никуда не годится. Безспорно, что суевѣріе и передача имѣній въ монастыри долженствовали быть истреблены Петромъ I, но, какъ не вѣдать Автору, что религіозное направленіе умовъ было однимъ изъ главныхъ, если не *единственнымъ* спасеніемъ Россіи въ бѣдахъ, и притомъ, что ни въ какой другой землѣ Исторія Духовенства не была такъ блистательна, и одушевлена такими высокими добродѣтелями и подвигами, какъ въ Россіи? Болтина тутъ нечего слушать: онъ просто говоритъ вздоръ. Надобно понимать дѣло самому. Кто станетъ въ наше время писать Исторію Папъ такъ, какъ писали ее въ XVIII-мъ вѣкѣ? Обогащеніе монастырей было слишкомъ увеличено прежними нашими писателями. Обители, конечно, отличались украшеніями церквей, и монахи во многихъ изъ нихъ жили не бѣдно; но много-ли бы-

Digitized by Google

ло у всѣхъ монастырей крестьянъ, спросимъ мы? Когда отбирали монастырскія имѣнія, въ половинѣ прошлаго вѣка, всего оказалось 850 тысячъ; а между тѣмъ одинъ Шереметевъ владѣлъ тогда 150-ю тысячами, и другимъ вельможамъ вдругъ давали по 25,000 душъ. Каково было, напримѣръ богатство Меншикова, или, прежде его, Годунова? Нарышкину, тестю Царя Алексія, вдругъ дали около 100,000 душъ. Вотъ настоящій взглядъ на обвиненіе Русскаго монашества въ безмѣрномъ его богатствѣ.

«Замѣтивъ, что гордость и безнравственность монаховъ возрастали съ ихъ богатствомъ, Іоаннъ IV-й запрешилъ впредь уступку деревень Духовенству, безъ согласія на то свѣтской власти» (стр. 10). Авторъ нашелъ это у Голикова и Болтина, и—ошибся, ибо этого никогда не было. Также невѣрно письмо Іоанна къ Архіепископу Гурію: его, вѣроятно, выдумалъ Татищевъ. Все, что говоритъ далѣе Авторъ о суевѣріяхъ и Стоглавѣ не есть голосъ Историка-Философа, который умѣетъ понимать духъ прошедшаго времени. Замѣтимъ и тутъ ошибку (стр. 12): Максимъ Грекъ сосланъ былъ не за исправленіе книгъ, но по причинамъ политическимъ.

«По случаю *нашествія* Монголовъ (какъ-же: по случаю *нашествія*, когда Кириллъ поставленъ въ Митрополиты въ 1250-мъ году?) Кириллъ перенесъ свою *столицу* (Авторъ хочетъ сказать: *Митрополію*) во Владиміръ на Клязьмѣ» (стр. 13).

Digitized by Google

Нѣтъ! перенесъ ее не Кириллъ, но Максимъ, въ 1299 г., видя опустошеніе Кіева.

Паденіе Никона Авторъ приписываетъ *пощечинѣ*, которую далъ одинъ изъ Царскихъ любимцевъ слугѣ его, за что и былъ прокляшъ Никономъ (стр. 15)! Не у Болтина-ли нашлось это? И читалъ-ли, соображалъ-ли самъ Авторъ Исторію Никона?

«Рурикъ, надѣливъ отличнѣйшихъ вождей своихъ *городами* (?) и землями, *укротилъ* тѣмъ непомѣрное ихъ честолюбіе и *собственныя свои заботы*» (стр. 20). Неужели Авторъ вѣритъ разсказамъ Татищева, и вовсе не знаетъ Исторіи Нордмановъ, и ихъ феодальной системы?

«Владиміръ возвышалъ только мужей, одаренныхъ возвышенными качествами духа.» (стр. 19). Но вѣдь Исторія не сказка? Вообще, на стр. 20-ю и 21-ю можно написать два листа опроверженій. Пропустимъ сіи страницы, для которыхъ надобно-бъ было излагать здѣсь Исторію Аристократіи Русской, отъ Рурика до Петра.

«*Боляре*. Названіе сіе, *извѣстное еще во времена Нестора*, вѣроятно, происходитъ отъ слова: Вос—борьба, подвигъ» (стр. 22).

Названіе *Болярь* извѣстно было *гораздо прежде Нестора*: Авторъ можетъ заглянуть въ Memoriae populorum (т. II, стр. 525). За то мы попросимъ его сказать намъ: на *какомъ языкѣ* слово: Вос, значитъ: *подвигъ, борьбу?* Извѣстно-ли ему также, что прежде говорили не *Боляринъ*, но *Болярынъ*?

Digitized by Google

Слѣдуетъ на 14-ти страницахъ исчисленіе чиновъ и званій, придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ: Бояре, Окольничіе, Конюшіе, Дворецкіе, Стольники, Стряпчіе, Жильцы, и проч. — Доказывать безполезность сихъ мелкихъ подробностей для изображенія Россіи, и опровергать ошибки Автора на этихъ страницахъ сдѣланныя, мы не станемъ, ибо Авторъ все это взялъ цѣликомъ изъ Голикова, который самъ списалъ у Миллера, прибавивъ ошибокъ изъ Болтина и Татищева, какъ мы выше объяснили. И все это — безъ поправокъ — повторяетъ ученый Германецъ, черезъ 50-ть лѣтъ! Но что было простительно неученому Курскому купцу, за 50-ть лѣтъ до насъ жившему, то непростительно ученому Историку въ наше время.

«Мирные договоры Великихъ Князей съ Византійскимъ Дворомъ доказываютъ, что въ Россіи *существовали изданы законы*» (стр. 36). — Но какая-же дикая земля не имѣетъ законовъ? Они есть у Чукчей, у Колошъ, у Киргизовъ.

«Они (законы) имѣли немалое сходство съ законами Германскихъ народовъ того времени» (стр. 36). — Но *кто* были Великіе Русскіе Князья, заключавшіе договоры съ Византіею? Нордманны? Чему-же дивишься, видя сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Германскими?

«Законы сіи, впослѣдствіи времени, сдѣлались полнѣе, сперва духовными постановленіями Владиміра, а потомъ, *даронною Новгородцамъ* отъ Ярослава, *Русскою Правдою*» (стр. 36) — и Авторъ

Digitized by Google

ссылается въ этомъ мѣстѣ прямо на Голикова и Татищева!! Говоришь не хочется о вздорномъ мнѣніи, будто Ярославъ *написалъ* и *далъ* Новгородцамъ Уложеніе, извѣстное подъ названіемъ *Русской Правды!* Упоминая о Судебникѣ, Авторъ опять ссылается на Татищева и Болтина, какъ на важный авторишетъ (стр. 38). Новѣйшее о сихъ предметахъ, остается для него невѣдомо.

«Никонъ дополнилъ Уложеніе своею *Кормчею Книгою* (стр. 40).» — И такъ всѣ новѣйшія изслѣдованія о *Кормчей Книгѣ* остались Автору неизвѣстны? —

Остальная часть главы о законахъ состоитъ изъ мелкихъ замѣчаній, какія Авторъ выбралъ изъ Татищева. Оставимъ ихъ въ покоѣ.

Все, что говоритъ Авторъ о торговлѣ до Іоанна Грознаго, заключено въ 20-ти строчкахъ, гдѣ на ряду съ договорами Олега стоятъ слова: «*между тѣмъ* Казань промѣнивала Татарамъ товары,» (стр. 48). Но *кто* жилъ въ *Казани?* Не *Татары* ли? Когда Казань сдѣлалась городомъ важнымъ? Въ концѣ XV-го вѣка; а Олегъ когда ходилъ къ Царюграду? Въ X-мъ вѣкѣ!

«Іоаннъ IV-й распространилъ торговлю на сѣверѣ (стр. 48).» Напрошивъ, тогда подорвалась Ганзейская торговля. Развѣ пріѣздъ Чанселора Авторъ почитаетъ распространеніемъ торговли?

Во времена стариннаго Историческаго добродушія, можно было повторять, что Царь Алексій

Digitized by Google

воспрешилъ торговлю Англичанамъ, разсердясь на казнь Карла I-го и на Кромвеля-цареубійцу. Но какъ можно нынѣ утверждать это (стр. 49); не заглянувъ въ дипломатическіе акты, по сему случаю писанные; не вспомнивъ, что Англичане торговали безпошлинно; что Голландцы вытѣснили ихъ, обязавшись платить пошлину, а Русскій Царь радъ былъ этому, и откровенно говорилъ объ этомъ?

«Прежде введенія въ употребленіе монетъ, цѣнность товаровъ опредѣлялась различнымъ образомъ. Греки употребляли для сего *рогатый скотъ*» (стр. 51). Здѣсь, мы только поставимъ знакъ *удивленія*—!

Авторъ утверждаетъ, что Русское слово: *деньги*, произошло отъ Татарскаго: *теньга* (стр. 52). Жаль только, что у Татаръ не было слова: *теньга*, а было слово: *тамга*, и—выходитъ совсѣмъ не то!

Гдѣ отыскалъ Авторъ геральдическое извѣстіе (стр. 52), что *гербы* были извѣстны въ Руси, и что *гербъ Россійскій* состоялъ въ изображеніи всадника?

«Бѣдность раждаетъ презрѣніе: вотчину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*; въ XVI-мъ вѣкѣ *крестьянами*, т. е. *Христіанами*, но въ *худомъ варварскомъ* смыслѣ, ибо долговременные наши тираны, Батыевы Монголы, *поносили* Россіянъ симъ именемъ» (стр. 58). И такъ Авторъ думаетъ, что имя *смерда*, происходило отъ глагола: *смердѣть?* Не посягаемъ и того, какъ, чи-

Digitized by Google

шавши Нестора, онъ не нашелъ, что слово: *крестьянинъ*, означало у насъ по введеніи Христіанской вѣры, и задолго до Монголовъ, *всѣхъ Руссовъ крещеныхъ*. Оно *никогда* не было унизительнымъ именемъ, и даже Великіе Князья гордились имъ.

«Во времена Ярослава были уже въ Россіи *отличные пѣвціе*» (стр. 62). Гдѣ нашелъ это Авторъ? Мы знаемъ одно, что Ярославъ ввелъ *демественное* пѣніе; но каково оно было, никому неизвѣстно.

«Несшору обязано потомство Русскимъ Лѣтописцемъ, который доведенъ самимъ Несторомъ до 1110 г., и былъ продолжаемъ Сильвестромъ, Епископомъ Переяславскимъ, а послѣ него *двумя неизвѣстными до 1203 года*» (стр. 61). Читалъ-ли самъ Авторъ Нестора? Если читалъ, то какъ не замѣтилъ онъ, что Несторъ кончилъ 1093 г., и что послѣ того Лѣтописатель называетъ уже себя *Василіемъ?* Съ 1124 года мы не можемъ означить, кто продолжалъ Несторову лѣтопись. Откуда взялъ Авторъ, что *два продолжателя* довели Несторову лѣтопись *до 1203 года?* На какомъ спискѣ основывался, Авторъ указываетъ на сей 1203-й годъ? *Кенигсбергскій* кончится 1207 г.; *Пушкинскій* 1303-мъ; другіе всѣ идутъ далѣе, и сливаются съ частными продолженіями, Волынскимъ, Новгородскимъ, и проч., такъ, что переходовъ замѣтить вовсе невозможно.

Къ литературнымъ древнимъ произведеніямъ Авторъ относитъ *вопросы Нифонту* (стр. 63)!

Digitized by Google

Желаемъ еще слышать: о какихъ *Бесѣдахъ о Монашествѣ* говоритъ онъ? Намъ они невѣдомы.

«Одинъ изъ Русскихъ Игуменовъ, бывшій съ Балдуиномъ въ Крестовыхъ походахъ, писалъ о Палестинѣ» (стр. 63). Вѣроятно, Авторъ хочетъ сказать о *Паломникѣ Русскаго Игумена Даніила*; но Даніилъ *не ходилъ* съ *Балдуиномъ*, а только *видѣлъ* его въ Палестинѣ.—Вообще все, что говоритъ Авторъ о древней Литтературѣ Руссовъ, нестерпимо! Онъ не знаетъ, напримѣръ, что все сказанное имъ о Конспантинѣ Всеволодовичѣ есть пустая выдумка Татищева. Таковы-же извѣстія Автора о Художествахъ въ древней Россіи. Не знаемъ: отъ чего комнатные часы монаха Лазаря (стр. 64), Автору вздумалось превратить въ *башенные?* Онъ говоритъ, что Іоаннъ обвелъ Кремль, вмѣсто деревянной, каменною стѣною. Но еще Димитрій Донской построилъ каменныя стѣны Кремлевскія. Представленіе нѣсколькихъ духовныхъ мистерій, Авторъ почитаетъ учрежденіемъ театра, коего Директоромъ былъ Машвѣевъ. «Духъ людскости распространился среди придворной жизни, съ тѣхъ поръ, какъ введены были при Дворѣ Драматическія представленія» (стр. 75)—прибавляетъ онъ, какъ будто говоритъ дѣло! Исторію Славянскихъ типографій ему надобно передѣлать вовсе. Не понимаемъ: о какихъ Русскихъ писателяхъ — *монахѣ Кантавасіи*, *Князѣ Кемскомъ* и *Князѣ Симеонѣ Курбскомъ*, говоритъ Авторъ, утверждая, что первые двое *описали дѣла Новгородскія*, а третій *Исторію Іоанна Грознаго*? Мы знаемъ Исторію

Digitized by Google

Іоанна, писанную Княземъ *Андреемъ Курбскимъ*; но Авторъ говоритъ объ Андреѣ особо, увѣряя, что Андрей *описалъ взятіе Казани*. Новое недоумѣніе! Отдѣльнаго описанія взятія Казани, составленнаго Андреемъ Курбскимъ, мы совсѣмъ не вѣдаемъ; также совсѣмъ неизвѣстны намъ *изданія*, будто-бы *Царственной книги*, *Лѣтописи о лятскихъ*, и какой-то *подробной хроники*, *изданной съ согласія Патріарха Никона* (стр. 68). Спѣшимъ выйдти изъ лабиринта всѣхъ сихъ ошибокъ, гдѣ нѣтъ конца невѣроятностямъ и пропускамъ, и укажемъ только на три замѣчательныя вещи въ послѣдней главѣ введенія Г-на Бергмана, названной имъ: *Духъ и нравы вѣка*. Здѣсь, обвиняя стариковъ нашихъ въ невѣжествѣ и шалостяхъ чувственныхъ, Авторъ утверждаетъ, что священники вставрину читать не умѣли, и когда Царь Іоаннъ жаловался на это, ему отвѣчали: «Что-жь намъ дѣлать, когда нѣтъ у насъ лучшихъ! — Далѣе, что по неумѣнію грамотѣ, знатнѣйшіе въ государствѣ люди *намазывали ладонь чернилами, и прикладывали ее къ бумагамъ*, отъ чего и произошло выраженіе: *руку приложить*; наконецъ, что мужьямъ въ старое время позволялось *мѣняться женами*! По сему судите и о прочемъ.

Сообразивъ недостаточность взгляда, неразборчивость въ матеріялахъ и источникахъ, непростительныя ошибки, какими исполнено введеніе Г-на Бергмана, мы охотно скажемъ: какъ можетъ онъ исправить свое введеніе? Вотъ какъ, по мнѣнію нашему: надобно уничтожить его рѣшительно; на-

Digitized by Google

писать новое, систематическое, полное, соображаясь со всѣми новѣйшими открытіями, съ новою Критикою, съ новымъ взглядомъ на Русскую Исторію, и это *новое введеніе* приложить къ книгѣ вмѣсто стараго. Русскій Переводчикъ потрудится перевесть его, и можетъ напечатать при одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Исторіи Петра Великаго, увѣдомивъ, что прежнее введеніе Г-на Бергмана читатели должны почитать уничтоженнымъ.

Мы уже сказали, что Русскій переводъ книги Г-на Бергмана писанъ хорошо, и издается хорошо. Замѣтимъ однакожь почтенному Переводчику, на прощаньи до будущихъ томовъ его труда, что за корректурою не худо-бы ему смотрѣть прилежнѣе. Непріятно видѣть опечатки, напримѣръ, слѣдующія: *Стоглавый* Соборъ (стр. 11), *Афонская* гора (стр. 12), *Ирасафъ* (стр. 14), *Кіафа* (стр. 16), *Ферапонтскій* монастырь (стр. 16), *Іосафъ* (стр. 18), *Тройца* (стр. 18), *Псеудо-Димитріи* (стр. 34), *секпикъ* (стр. 47), Regim. (стр. 48), *Ордынъ* (стр. 54), *Олимпій* (стр. 62), *Кузьма* (стр. 64), *Аргангелъ* (стр. 66), *Псалтырь* (стр. 67), *Помбо-Берюнда* (стр. 68), *Теологъ* (стр. 68), *carveaux* (стр. 73), и проч. —

Н. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Монеты Хановъ Улуса Джучіева, или Золотой Орды*, съ монетами разныхъ иныхъ Мугаммеданскихъ династій, въ прибавленіи; изъ прежняго собранія Г-на Профессора К. Фухса въ Казани, принадлежащаго нынѣ тамошнему Университету. Съ краткими объясненіями и указаніями Х. М. Френа. Перевелъ съ Нѣм. М. Волковъ. СПб. 1832 г. въ т. Академіи Наукъ, in-4, XVI, 80 стр., съ изображеніями монетъ.

Имя Г-на Академика Френа извѣстно въ ученомъ свѣтѣ по тѣмъ трудамъ, какіе предпринималъ сей Оріенталистъ, желая разработать почти непочатой рудникъ Восточныхъ матеріяловъ для Русской Исторіи. Кто изъ Русскихъ Историковъ не пользовался его переводомъ извѣстій о Руси *Ибнъ-Фоцлана*, и не знаетъ любопытныхъ диссертацій его, помѣщенныхъ въ *Запискахъ Академіи Наукъ*? Главный предметъ трудовъ Г-на Френа составляетъ однакожъ Восточная Нумизматика. Сіе занятіе особенно увлекло Г-на Френа послѣ перехода его изъ Казанскаго Университета въ С. Петербургскую Академію Наукъ, гдѣ необыкновенно

Digitized by Google

умножено въ послѣднее время богатство кабинетовъ Восточной Нумизматики, драгоцѣнными пріобрѣтеніями рѣдкихъ монетъ. Къ сожалѣнію, труды Г-на Френа были донынѣ недоступны для людей, незнакомыхъ съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ языками, на которыхъ пишетъ и издаетъ свои сочиненія Г-нъ Френъ. Если не ошибаемся, вотъ *первое* въ Русскомъ переводѣ являющееся сочиненіе сего ученаго мужа.

Оно долженствовало быть переведено на Русскій языкъ особенно потому, что можетъ составить хотя нѣкоторое руководство для людей, имѣющихъ средства и случай собирать древнія Ордынскія монеты. По незнанію иностранныхъ языковъ, сіи собиратели не имѣли донынѣ на Русскомъ языкѣ *никакого руководства*, не умѣли отдавать себѣ никакого отчета въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, которыя могутъ быть весьма нерѣдки, ибо извѣстно, что часто случается находить Восточныя монеты въ Россіи, и часто гибнутъ онѣ, потому, что имъ не знаютъ цѣны, а съ ними гибнутъ и пособія для Исторіи Монгольскаго царства, нѣкогда столь долго и столь губительно тяготѣвшаго надъ Россіею.

Ученое достоинство книги Г-на Френа неоспоримо. Въ ней предлагаетъ Авторъ описаніе 406-ти монетъ, составляющихъ собою почти безпрерывное послѣдованіе Хановъ *Золотой Орды*, властителей Руси, принадлежавшихъ къ старшему поколѣнію Чингисова сына Чучи, или Джучи; Батый, основатель Волжскаго царства Золотой Орды,

Digitized by Google

былъ сынъ Чучи. Должно-ли говорить, какое хронологическое важное пособіе являетъ рядъ изъясненныхъ Г-мъ Френомъ Ордынскихъ монетъ, для Исторіи Золотой Орды, Исторіи, запутанной и необработанной донынѣ?

Большая часть монетъ, описанныхъ Г-мъ Френомъ, въ книгѣ, о которой говоримъ мы теперь, принадлежала къ кабинету Г-на Фухса, купленному потомъ для Казанскаго Университета. Г-нъ Френъ издалъ уже небольшое описаніе сего кабинета, еще въ 1816 г., въ Казани (De Numorum Bulgharicorum, etc.). Въ Казани также сдѣланы были и рисунки монетъ (какимъ-то Жидомъ, довольно неискусно, но вѣрно): сіи рисунки приложены теперь при новой книгѣ Г-на Френа. Къ описанію монетъ Г-на Фухса, Авторъ присовокупилъ еще нынѣ извѣстія о монетахъ многихъ другихъ кабинетовъ, которые имѣлъ случай разсматривать, и отчасти описывать въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, каковы: Numi Mugammedani, qui in Acad. Sc. Petropol. Museo Asiat. asservantur (СПб. 1826 г.), Numophylacium Orientale Pototianum (Казань, 1813 г.), и проч.

Кромѣ монетъ Золотой Орды, Авторъ представляетъ описанія и рисунки, видѣнныхъ имъ у Г-на Фухса, и у другихъ любителей, нѣсколькихъ Крымскихъ, Чагатайскихъ, Персидскихъ, Индійскихъ, Ошманскихъ, Грузинскихъ, Африканскихъ, Англійской Ость-Индской Компаніи монетъ, и нѣсколькихъ *неизвѣстныхъ*. Изображеніе одной изъ такихъ, на которой буквъ въ надписи не могъ

Digitized by Google

прочитать Г-нъ Френъ, ибо, при всей обширной своей учености, онъ не знаетъ на *какомъ* языкѣ, и *какими* буквами сдѣлана сія надпись, читатели найдутъ при книгѣ Г-на Френа. Онъ приложилъ еще изображеніе древней монеты съ двухъ-язычною надписью, чрезвычайно рѣдкой, и относящейся ко временамъ *до-Монгольскимъ*, владычеству древнихъ Турковъ въ Средней Азіи. Изъясненія четырехъ такихъ монетъ, Авторъ предаетъ на судъ оріенталистовъ.

Изъясненія Г-на Френа вообще кратки, ибо онъ ссылается на другія свои сочиненія; однакожъ они достаточны, и при рисункахъ даютъ полное понятіе о фигурѣ, изображеніяхъ, надписяхъ, шапкахъ монетъ Золото-Ордынскихъ. И не Нумизматъ и не Историкъ, съ любопытствомъ посмотрятъ на памятники тѣхъ людей, отъ которыхъ трепетали нѣкогда милліоны, на Соломоновы узлы и варварскіе изображенія, коими пестрили они свои деньги. Вотъ передъ вами рисунокъ монеты неизвѣстнаго Хана, съ надписью: «*Жизнь кратка, на подобіе часа, посему употребляй оную на дѣла богоугодныя;* вотъ другая, съ надписью: *Царство принадлежитъ Богу;* вотъ еще афоризмы варваровъ Персидскихъ: *Милостію Бога, золото и серебро употребляется въ пользу вѣры,*»—«*Золото и серебро выдается на богоугодныя дѣла, и для снисканія спасенія въ семъ и другомъ мірѣ.*»

Съ особеннымъ удовольствіемъ видимъ, что Г-нъ Френъ предполагаетъ отнынѣ особенно заняться Монголо-Русскою Нумизматикою, т. е. монетами,

Digitized by Google

битыми отъ имени Русскихъ Князей, но, въ знакъ покорности ихъ Ордынцамъ, съ *Русскою* и *Татарскою* надписями. Кому-же лучше, если не знатоку, столь опытному какъ Г-нъ Френъ, заняться трудомъ, толико важнымъ для нашей Исторіи? Одно замѣчаніе его, на стр. V-й и 30-й показываетъ уже цѣну такого труда. Конечно, надобно благодарить ученаго Оріенталиста за его занятія Нумизматикою Востока вообще; намъ ближе однако желать, чтобы занятія сіи устремлены были преимущественно къ доставленію новаго свѣта Русской Исторіи. Мракъ, въ какомъ остается донынѣ Исторія Хановъ Волжской Орды, и отраслей оной, Яика, Ногая, Крыма, Казани, Астрахани, удивителенъ, и сколько-же теряетъ черезъ то наша Русская Исторія, въ цѣлый періодъ ея, отъ XIII-го до XVI-го вѣка! Гдѣ прикажете намъ искать матеріяловъ, если они зарыты по Архивамъ, библіотекамъ, кабинетамъ, недоступны для незнающаго Восточныхъ языковъ, и большею частію необработаны, даже не изданы? Западные Оріенталисты не знаютъ нашихъ источниковъ; а притомъ многіе изъ нихъ такъ хвастливо, такъ недобросовѣстно и поверхностно пишутъ, что иногда съ досадою закрываете книгу Ланглеса, или Клапрота, не находя въ ней толку, и видя трату учености безъ пользы. Наши Русскіе Писатели, прежніе, говорили вовсе безъ соображеній: ссылаемся на Татищева, Рычкова, Щербатова, Наумова, которыхъ почти должно исключить изъ числа источниковъ для Исторіи Золотой Орды. Сколь огромный и тяжкій трудъ представляетъ еще сія Исторія, можно судить по за-

Digitized by Google

дачѣ, предложенной СПбургскою Академіею Наукъ на 1834 и 1835-й годы: «*Написать Исторію улуса Джучи, или, такъ называемой, Золотой Орды.*» Въ числѣ источниковъ, при изъясненіи вопроса, указываютъ на Гобиля и Майлла—по неволѣ, ибо хотя, сіи Миссіонеры ошибались несчерпимо, но гдѣ взять лучше (*)? Давно-ли явился въ свѣтъ *Ибнъ-Батута*? Старинный Страленберговъ переводъ Абулгази стоитъ-ли хотя какого нибудь вниманія? А гдѣ лучше его? Главнѣйшее *Восточное* даже не издано, и хранится въ библіотекахъ Парижа, Лондона, Оксфорда, Лейдена, Стокгольма, Рима, даже Царяграда! Усердно желаемъ блестящаго рѣшенія Академической задачи; но—признаться—сомнѣваемся, чтобы ее рѣшили въ два года, хотъ нѣсколько удовлетворительнымъ образомъ. И это должно произойдти именно отъ недостатка матеріяловъ, или невозможности ими пользоваться, хотя-бы и нашелся трудолюбивый знатокъ Восточныхъ пособій.

Осмѣливаемся сказать, въ заключеніе, нѣсколько словъ касательно того, что остановило насъ при разсматриваніи книги Г-на Френа. Къ имени: *Туда-менгу-Ханъ* (стр. 3), прибавлено, что «*въ отечественныхъ лѣтописяхъ не находимъ имени сего Хана.*» Но *Туда-менгу* (монета его относится къ 1283-му

(*) Впрочемъ, упоминая о *Гобилѣ*, не должно было забывать нашего *О. Іакинва*, принесшаго уже столь много пользы своими книгами для Исторіи Монголовъ.

Digitized by Google

году) не тотъ-ли самый Ханъ, который наслѣдовалъ послѣ Менгу-Тимура, и у насъ извѣстенъ подъ именемъ *Телебуги*? Такъ называютъ, кажется, сего самаго Хана и Византійцы (Τελεβυγας), что изъ недостаточныхъ извѣстій ихъ замѣтить можно (Mem. popul. ш. III, стр. 1026). Наслѣдника Менгу-Тимурова, Абулгази называетъ *Tuda-Mangu* (Hist. généalog. des Tartars. стр. 456).

На стр. 5-й находимъ, при имени: *Токту-Бегъ*, примѣчаніе: «въ нашихъ лѣтописяхъ: *Тохтомеръ*.» Годъ на монетѣ: 1292-й. Правда, что въ Лѣтописяхъ Русскихъ встрѣчается имя *Тохтомера*, и именно подъ 1292-мъ годомъ (Той-же зимы Царь Татарскій прiиде на Тверь; имя ему Тохтомеръ, и велику паготу учинилъ людямъ). Сей Тохтомеръ видѣнъ еще въ договорѣ, заключенномъ между Георгіемъ и Михаиломъ, Князьями Московскимъ и Тверскимъ (см. *Собр. Гос. Грам.* ш. 1, стр. 18, гдѣ названъ онъ: *Тантемеръ*). Но, въ порядкѣ Ордынскихъ Хановъ *должно-ли считать Тохтомера?* И могъ-ли онъ, если точно былъ *Ханомъ Золотой Орды*, идти самъ въ Тверь, и лично притѣснять тамошнихъ жителей? Поступокъ, невозможный для главнаго Ордынскаго Хана! Не былъ-ли Тохтомеръ самозванецъ какой-нибудь, по случаю происшедшихъ тогда споровъ между Ногаемъ и Токтогу? Это достовѣрнѣе.

— *Пѣснь ополченію Игоря Святославича*, Князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведено съ древняго Русскаго языка XII-го столѣтія, Александромъ Вельтманомъ. М. 1833 г. въ ш. С. Селивановскаго. in-8, VI и 50 стр.

Digitized by Google

Странная участь достается не только людямъ, но и книгамъ. Что̀ можетъ быть страннѣе участи *Слова о полку Игоревомъ*!

Вотъ *единственный* самородный памятникъ древней Русской Словесности *до нашествія Монголовъ*. Имя Сочинителя его неизвѣстно. Этого мало: *одинъ* только списокъ его уцѣлѣлъ въ старинномъ *сборникѣ*, принадлежавшемъ Графу А. И. Мусину-Пушкину; съ этого списка *Слово* было напечатано симъ любителемъ Отечественной старины, и сборникъ, въ которомъ находилось оно—*погибъ послѣ того безвозвратно!*

Слово о полку Игоревомъ производило уже много разнообразныхъ мнѣній и литтературныхъ предпріятій.

Одни сомнѣвались въ подлинности *Слова*, почитая его новѣйшею поддѣлкою. Другіе вѣрили ему безотчетно, и видѣли въ немъ памятникъ Поэзіи, равный пѣснямъ Оссіана и рапсодіямъ Омира.

Нѣсколько литтераторовъ, съ малопонятнаго языка, на которомъ писано *Слово*, переводили его на нынѣшній Русскій языкъ, въ прозу, и даже въ стихи. Сіи переводы были сдѣланы; но одно ученое Общество спрашивало между тѣмъ: на *какомъ* языкѣ писано *Слово?*

Многіе подробно разбирали красоты *Слова*, а между тѣмъ текстъ его донынѣ остается совершенно неразгаданнымъ во многихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

Въ *Исторіи Русскаго народа*, говоря о древней Русской Поэзіи, мы сказали уже мнѣніе наше о *Словѣ о полку Игоревомъ*, и въ слѣдующихъ томахъ Исторіи надѣемся еще говорить о немъ, подробнѣе (*). Здѣсь, по поводу книги, изданной Г-мъ Вельшманомъ, мы изложимъ мысли наши о семъ важномъ предметѣ, самымъ краткимъ образомъ.

(*) Не изъясняя причинъ, по которымъ на два года остановливалось печатаніе *Исторіи Русскаго народа*, спѣшу сказать, кстати при упоминаніи объ оной, что теперь печатаніе сей книги вновь начато мною, и продолжается съ наивозможнымъ поспѣшеніемъ. Томы 4-й и 5-й уже поступили въ типографію Г-на Семена; 6-й и 7-й будутъ печататься немедленно по окончаніи 4-го и 5-го, и 8-й томъ, надѣюсь, выйдетъ въ свѣтъ въ нынѣшнемъ-же году. Остановка въ печатаніи *Исторіи Русскаго народа* послужила къ лучшему, потому что я имѣлъ время съ большимъ тщаніемъ еще разъ пересмотрѣть и обработать свой огромный трудъ. Теперь Г-да Подписавшіеся на *Исторію Русскаго народа* получатъ уже не *двѣнадцать*, но *четырнадцать* томовъ, по причинѣ умножившихся матеріяловъ, какіе получилъ я въ послѣдніе два года. По новому расположенію *Исторіи Русскаго народа*, томъ *седьмой* оканчивается *избраніемъ на царство Царя Михаила Ѳеодоровича*; въ *восьмомъ* описываются *царствованія Михаила, Алексія, Ѳеодора II-го, Іоанна, Петра и Софіи*, до единодержавія Петра, а весь *девятый* томъ занимаетъ *изображеніе Россіи до Петра Великаго*, въ полити-

Digitized by Google

Намъ думается —

1-е, что *Слово о полку Игоревомъ* есть неподдѣльное твореніе древней Русской Словесности. Почему одно это *Слово* могло уцѣлѣть среди истребленія всѣхъ другихъ памятниковъ оной? По странной судьбѣ, которая стольковѣковъ скрывала

ческомъ, общественномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніи—обширная картина быта Россіи съ XIII-го до XVIII-го столѣтія. За тѣмъ, X, XI, XII и XIII-й томы заключаютъ въ себѣ Исторію Россіи отъ 1689-го года до нашихъ временъ, а XIV-й посвященъ *изображенію Россіи въ нынѣшнемъ ея состояніи* — безпристрастному современному разсмотрѣнію Отечества, во всѣхъ отношеніяхъ. Надѣюсь, что читатели найдутъ нѣчто новое и въ издаваемыхъ нынѣ томахъ *Исторіи Русскаго народа*; напримѣръ: въ описаніяхъ нашествія и рабства Монгольскаго, царствованія Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Междоцарствія, освобожденія Россіи Мининымъ и Пожарскимъ, и царствованій Михаила и наслѣдниковъ его до Петра. Вмѣсто двухъ Историческихъ картъ, я намѣренъ теперь приложить небольшой *Историческій Атласъ*, и при немъ изображенія нѣсколькихъ важнѣйшихъ достопамятностей Русскихъ. Пусть все это послужитъ къ уличенію неправильнаго мнѣнія тѣхъ людей, которымъ угодно было говорить, въ стихахъ и прозѣ, что я не хочу сдержать обѣщанія своего передъ публикою. Имъ совѣтовалъ-бы я столь-же прилежно заботиться

Digitized by Google

лучшее твореніе Цицерона въ палимпсестахъ, до трудолюбиваго Анджело Маіо: мы говоримъ о Цицероновой *Республикѣ*. Изъ многихъ сотенъ драматическихъ произведеній Греческихъ и Латинскихъ, много-ли дошло до насъ? Десятки! Удивительно-ли, что при бѣдствіяхъ Руси, при игѣ Монгольскомъ, при религіозномъ направленіи, которое отклоняло предковъ нашихъ отъ списыванія произведеній чисто-поэтическихъ, всѣ памятники древней Поэзіи нашей погибли? Что *Слово* о полку Игоревомъ было извѣстно до изданія его, можемъ доказать положительно (*). Изъ этого выводятъ однакожь до-

---

о томъ, что они сами пишутъ и печатаютъ, сколько я прилагаю стараніе и труда исполнять мои литературныя обѣщанія. *Изд. Тел.*

(*) Напримѣръ, на харатейномъ *Апостолѣ*, находящемся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, подъ № 19-мъ, въ припискѣ сказано: «Вда Св. Пантелеймону Изосимъ, Игуменъ сего-же монастыря. Сего-же лѣта бысть бой на Русской землѣ Михаилу съ Юрьемъ о княженье Новгородское. При сихъ Князехъ *сѣяшется и растяше усобицами, еыняше жизнь* наша въ Князехъ, которыи *вѣци сократишася человѣколѣ!*» Это выписка изъ *Слова о Полку Игоревомъ*. Выписки изъ него находимъ и въ *Сказаніи* о Задонскомъ

Digitized by Google

казательство противнаго: если есть слѣды существованія издревле *Слова о полку Игоревомъ*, почему-же нѣтъ слѣдовъ бытія другихъ подобныхъ поэмъ? Они есть, только мы не умѣемъ отличать ихъ. Такъ, напримѣръ, въ *Волынской Лѣтописи* приводятся слова поэта *Митуса*. Въ *Сказаніи о Задонской битвѣ* упоминается пѣвецъ Уранъ (*). Многія описанія въ лѣтописяхъ, до XIII-го вѣка, носятъ на себѣ слѣды поэтическихъ разсказовъ. Таковы, напримѣръ: завоеваніе Кіева Хазарами; смерть Аскольда и Дира; походъ Олега къ Царьграду; смерть

побоищѣ (изд. И. М. Снегиревымъ, въ *Русскомъ Зрителѣ*, М. 1829 г., особо тагда-же). Пантелеймоновскій монастырь былъ въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, близъ озера Мячина, на Горкѣ, и впослѣдствіи упраздненъ (*Ист. Іерархіи*, Т. V, 454). Другой монастырь Пантелеймоновскій, Краснодворскій, былъ во Псковѣ, на Красной улицѣ. Третій во Псковѣ-же, *въ бору*, при устьѣ рѣки Черехи. Митрополитъ Евгеній полагаетъ, что изъ сего послѣдняго взятъ *Апостолъ*, надписанный Зосимою (*Ист. Княж. Псковскаго*, Ч. III, 117). Не отсюда-ли достался и Графу А. И. Мусину-Пушкину *сборникъ*, въ которомъ нашелъ онъ *Слово о полку Игоревомъ*? Въ такомъ случаѣ понятно, что только на сѣверѣ, въ уголкѣ Псковскомъ, могла уцѣлѣть сія драгоцѣнность, забытая грабежами и пожарами, временемъ и людьми, истребившими всѣ другіе списки оной.

(*) «Сія повѣдай, Оуранъ, како случися на Дону», проч., въ самомъ началѣ. Въ *Вол. Лѣтописи*,

Digitized by Google

Олега; походъ Игоря къ Царьграду; смерть Игоря; походъ Святослава въ Булгарію; приключенія Рогнѣды; нашествіе Печенѣговъ на Кіевъ; спасеніе Бѣлгорода киселемъ; походъ Мстислава на Касоговъ. Это совершенныя *саги* (*). Прибавимъ, изъясняя *одиночество* списка *Слова о полку Игоревомъ*, что весьма многіе памятники древности уцѣлѣли у насъ въ *одномъ*, или *немногихъ* спискахъ. Такъ договоры Олега и Игоря внесены не во всѣ списки Лѣтописи Несторовой; Духовная Мономаха сохранилась только въ *Пушкинскомъ* спискѣ, и, гораздо позднѣе, напримѣръ, важный договоръ Новгорода съ Польшею (въ 1471 году) не находится въ Государственныхъ Архивахъ, а уцѣлѣлъ только въ частномъ собраніи Двинскихъ грамотъ. Драгоцѣнный Судебникъ Вел. Князя Іоанна III-го знали мы только по Гербершгейнову переводу, и уже въ 1817

подъ 1241 годомъ: «Слыша Констянтинъ Андрея грядуща, избѣже ночью. Андрей-же не удоси его, но удоси Владыку, *и слуги его гордые разграби, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчья и борсуковыя раздраны быша*, яко словутного пѣвца *Митуса* древле». Явно, что Лѣтописецъ приводитъ здѣсь слова пѣвца *Митуса*. Ни одна изъ Лѣтописей нашихъ не писана такъ поэтически, какъ *Волынская*. Сочинитель ея зналъ Омировы творенія. Но гдѣ она! Трепещемъ за участь этой драгоцѣнности, вспоминая погибель безцѣнной *Троицкой* Лѣтописи. . .

(*) См. подробности въ Ист. Р. Н. Т. II, стр. 260-276.

Digitized by Google

г. отыскали Русскій списокъ онаго. Наконецъ, просимъ сомнѣвающихся показать намъ *примѣты* поддѣлки. Кто хорошо знакомъ съ памятниками Русскими, тотъ знаетъ, какъ грубо поддѣлывали у насъ лѣтописи, уставы, грамоты, и какъ легко отличить въ нихъ позднѣйшія вставки и поддѣлки. Напротивъ, *Слово о полку Игоревомъ* выдерживаетъ строжайшій разборъ Историческій и Критическій; ни одно имя, ни одна рѣчь не измѣняютъ въ немъ своему вѣку, и самая темнота многихъ мѣстъ есть доказательство священной его древности.

Мы полагаемъ, что народная Поэзія *Русская*, при соединеніи Нордманновъ съ Славянами, образовалась въ видѣ *сагъ*, или поэмъ, которыя были пѣты Русскими *Бодпами*, или *Баюнами* (*). Славянскій образецъ такихъ поэмъ находимъ мы въ древнихъ пѣснопѣніяхъ Сербовъ и Чеховъ; Нордманнскій въ пѣснопѣніяхъ Скандинавскихъ Скальдовъ. Русскія *саги* есть именно *среднее* между тѣмъ и другимъ. Характеръ ихъ, какое-то добродушное, свирѣпое удальство, совершенное удаленіе отъ Во-

(*) Имя *Бодна* невольно напоминаетъ сказочника-кота Баюна, въ нашихъ старинныхъ Сказкахъ: «Стоятъ два дуба зеленые; отъ одного дуба къ другому висятъ цѣли золотныя; по тѣмъ цѣпямъ ходитъ Котъ Баюнъ; впередъ идетъ пѣсню заводитъ; назадъ идетъ сказку сказываетъ».

Digitized by Google

сточнаго многоглаголанія и витіеватости Схоластической; простота образовъ; жаръ души; сила слова; повторенія одного и того-же; повтореніе нѣсколькихъ извѣстныхъ выраженій, какъ будто пословицъ и поговорокъ. Все это совершенно въ духѣ Русскомъ.

Со введеніемъ Христіанской вѣры, миѳологическо-героическая Поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая Язычествомъ, или она должна была облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ *Слова о полку Игоревомъ* — миѳо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ являются: *Хорсъ*, *Даждь-богъ* и — *Пирогощая Богоматерь*; герои Христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Русскія саги принимали схоластическую и религіозную форму, въ какую облеклась тогда вся *письменность* Руская (не смѣемъ сказать: *Литтература*). Когда Платонова Греческая Философія являлась у насъ въ видѣ благочестивыхъ посланій (см. *Ист. Русск. Народа*, т. II, стр. 256, и слѣд.), Поэзія переходила въ религіозно-героическій характеръ и прозаическую форму. Рядъ поэмъ продолжался непрерывно. Такъ, напримѣръ, походъ Мстислава Удалаго на Суздаль носитъ на себѣ всѣ признаки поэтическаго повѣствованія (*); Сказаніе о житіи Александра Невскаго,

(*) *Соф. Врем.* Т. I, стр. 220. Мнѣ всегда казалось, что память о *Мстиславѣ Удаломъ* долженствовала

Digitized by Google

внесенное въ наши Лѣтописи, есть явная поэма, только въ прозѣ (**), а Сказаніе о Задонской битвѣ Димитрія Іоанновича есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ

остаться въ народныхъ пѣсняхъ. Какъ-же былъ я обрадованъ извѣстіемъ, доставленнымъ мнѣ отъ одного почтеннаго любителя древностей, что въ *Торопцѣ*, семъ достопамятномъ городѣ, гдѣ началъ свои подвиги Мстиславъ, *донынѣ осталась хороводная игра, въ которой изображаются дѣянія и походы Мстислава*, и поются пѣсни, въ коихъ *упоминается его имя!* Сіи пѣсни, если онѣ точно существуютъ между жителями Торопца, должны относиться къ XIII-му вѣку. Къ величайшему моему сожалѣнію, болѣе ничего узнать я не могъ. Осмѣливаюсь отнестись къ почтеннымъ обитателямъ Торопца, и его окрестностей, и покорно прошу ихъ развѣдать: *Точно-ли хороводныя пѣсни о Мстиславѣ существуютъ въ тамошнихъ мѣстахъ между народомъ, представляются, и поются на Святкахъ?* Если-бы это оказалось справедливо, то любитель, списавшій пѣсню о Мстиславѣ, сдѣлаетъ драгоцѣннѣйшій подарокъ для Исторіи древней Русской Поэзіи. Сообщивъ извѣстіе о семъ въ Телеграфъ, соотчичи Мстислава удалаго обяжутъ меня величайшею благодарностію.

(**) Вполнѣ представляю сіе *Сказаніе* въ IV-мъ томѣ *Исторіи Русск. народа*, выписывая его, и приводя въ порядокъ, изъ *Соф. Временника*. Варваръ-переписчикъ спутадъ его безчеловѣчно (См. *Соф. Врем.*, т. I. отъ стр. 249-й до 274-й). Тутъ

Digitized by Google

въ прозу. Монголы, и шуга и тягота ихъ владычества, подавили Русскую Поэзію въ письменности. Она является намъ только въ такихъ повѣствованіяхъ, каковы: Умильная повѣсть о нашествіи Батыя, разсказы о кончинѣ Михаила Черниговскаго и Михаила Тверскаго, нашествіи Тохтамыша, чудесахъ, явленіяхъ. Духъ Поэзіи могъ воскреснуть послѣ Монголовъ въ письменности Русской, ибо элементъ ея не погибалъ въ изустныхъ преданіяхъ и душѣ народа. Въ то время, какъ Поэзію гнали изъ Княжескихъ чертоговъ и Боярскихъ шеремовъ она укрылась въ хижины и шалаши. Здѣсь она являетъ намъ три видоизмѣненія. *Первое*, смѣшанно, грубо, невѣжественно повторяетъ она старинныя саги Героическія, сбивая въ нихъ древнее съ новымъ, и описывая крашко современныя событія:

смѣшаны поэтическій разсказъ и лѣтописное повѣствованіе изъ *Новгор. Лѣтописи*, съ другими извѣстіями. Удивительно, что Карамзинъ не разобралъ двоякости разсказа объ Александрѣ Невскомъ, и—*всю поэмц внесъ въ Исторію!* Такъ, напримѣръ: *Историческое* описаніе Невской битвы найдемъ мы въ *Новг. Лѣт.* (м. 1781, стр. 132, годъ 1240-й). Но то, которое помѣстилъ Карамзинъ, на стр. 25-27, III-го т. *Ист. Г. Р*, принадлежитъ поэмѣ, и совершенно иначе разсказано, съ подробностями совершенно баснословными. Ученый Лербергъ давно замѣчалъ, согласно Портану, что такое баснословіе недостойно Исторіи (см. *Изслѣдованія* Лерберга, стр. 127).

Digitized by Google

таковы поэмы о Владимірѣ и богатыряхъ Русскихъ (извѣстныя подъ именемъ собирателя ихъ, *Кирши Данилова*, удалаго пѣвца, горькаго гуляки, Казака Сибирскаго); баллады народныя о Гришкѣ Отрепьевѣ, о Князѣ Романѣ, Стенькѣ Разинѣ; пѣсни о Стрѣльцахъ; сатиры Историческія; пѣсни о Татарахъ, Казакахъ, и проч.—*Второе*, Сказки, самородно-Русскія, и перешедшія съ Востока и съ Запада. Таковы: взятая изъ Тысяча одной ночи, о Акирѣ премудромъ, и Западныя Сказки о Бовѣ, Еруслапѣ, и другія; а также Русскія *сказочныя импровизаціи*, которыя обновляетъ въ наше время Сочинитель Сказокъ Казака Луганскаго.—*Третье*, наконецъ, простая пѣсня Русская, народная, на которой видны три отличительныя, характеристическія черты: постоянное уныніе—какъ снѣгъ Русскій, какъ зима, и холодъ нашъ Сѣверный; разгульная забывчивость, радость съ горя—какъ ласточка, какъ журавли, прилетѣвшіе на мгновенное лѣто Русское, и вскорѣ стадами, вереницами летящіе къ теплому Югу; насмѣшливость, облеченная въ образы, какую видимъ въ басняхъ Крылова, или (беремъ безъ выбора примѣры) въ пѣснѣ о Чурилѣ Игуменьѣ, Попѣ Саввѣ, Гостѣ Терентьищѣ.

Весь этотъ негибнущій элементъ Поэзіи, могъбы, говоримъ, возстать въ созданіяхъ болѣе великихъ; но Схоластика, производившая при Монголахъ *Сказанія* о Задонской бишвѣ и *Умильныя повѣсти*, послѣ нихъ была уже систематически укрѣплена новою *Западною Схоластикою*, перешедшею къ намъ изъ Польши, съ своими варварскими *мистеріями, силлабическими стихами, виршею, поэматами*;

Digitized by Google

апологіями, казаньями, акростишами. Тогда *народная* Русская Поэзія, сдѣлавшись *простонародною*, надолго отдѣлилась отъ испорченной, наносной Поэзіи, чуждой по формѣ и по духу. Эта чуждая Поэзія, разцвѣтшая подъ ферулою Кіевскихъ школъ, среди Калнофойскихъ, Барановичей, Галятовскихъ, Копыстенскихъ, Словеницкихъ, привѣтствовала Царя Алексія въ Полоцкѣ, и сына его въ Москвѣ и Кіевѣ послѣ Азова и Полтавы; тѣшила Царей *Комедіями о Блудномъ сынѣ* и *Навуходоносорѣ;* хитрила словами съ Симеономъ Полоцкимъ; писала Исторію въ стихахъ варварскихъ; подносила Софіи Уставъ Славено-Греко-Латинской Академіи, и пѣла для народа Псальмы и Стихиры, когда въ тоже время ложная ученость того вѣка выводила Іоанновъ и Гедиминовъ отъ Августа Цезаря и Палемона, и заставляла Славянъ переписываться съ Александромъ Македонскимъ *златопернатыми буквами.* Потомъ Схоластика перерядилась въ *Классическій* парикъ придворнаго Людовика XIV-го, послѣ преобразованія Россіи Петромъ, и паденія силы Ѳеократической; наконецъ переходила она, отдѣльно отъ народа, отъ Ломоносова до Карамзина черезъ разныя степени, до нашихъ временъ, когда *Романтизмъ* (также намъ неродной) напалъ на нее, разбилъ, разогналъ ея полчища, и, отъ нечего дѣлать, сталъ знакомиться съ грубою поселянкою, *простонародною поэзіею Русскою.* Увидимъ, что родится отъ ихъ союза.

Мы обозначили *Исторію новѣйшей Русской Словесности* въ статьяхъ о *Державинѣ*, *Жуковскомъ*

Digitized by Google

и *Пушкинѣ*, напечатанныхъ въ Телеграфѣ 1832 и 1833-го года. Изложивъ подробно въ *Исторіи Русскаго народа* первоначальное образованіе Русской народной Поэзіи, мы будемъ имѣть возможность развить вполнѣ всѣ періоды оной въ послѣдующихъ томахъ означенной *Исторіи*, и доказать примѣрами и подробностями то, что излагаемъ здѣсь, какъ можно короче.

3-е, Опредѣливъ мѣсто *Слова о полку Игоревомъ* въ Исторіи нашей Поэзіи, скажемъ, что *языкъ*, на какомъ писано сіе *Слово*, есть языкъ Русскій, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII-мъ вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, погдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей; ихъ и славнѣ неизвѣстный Пѣвецъ Игоря. Въ Южныхъ Лѣтописяхъ сей языкъ былъ излишне обремененъ подражаніемъ искусственному Славяно-Церковному языку; въ договорахъ и граматахъ Сѣверныхъ слишкомъ подчиненъ варварской формулѣ приказныхъ людей и дипломатовъ погдашнихъ, а также и грубой мѣстности сѣвернаго нарѣчія; въ Историческихъ-же актахъ Волыни и Литвы подвергался излишнему вліянію Польскаго языка, изъ чего составился потомъ письменный *Бѣлорусскій* и разговорный *Малороссійскій* языкъ.

Прибавимъ, что *Слово о полку Игоревомъ* писано *на Русскомъ языкѣ, какимъ въ XII-мъ вѣкѣ говорили въ Русской Украйнѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Курскѣ*, но только языкъ его возведенъ въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ. Послушайте, что говоритъ простолюдинъ:

Digitized by Google

Какъ ведутъ-то молодца, крыльцо зыбается,
А муравлены балясы разсыпаются.—

Или, вы хотите знать, какъ высказываетъ грусть свою Русская дѣвушка?

У сыра дуба, у скрыпучаго,
Нѣтъ ни корня, ни отросточка;
Отъ моего-ли мила друга
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица.

Узнаете-ли вы здѣсь языкъ простаго, грубаго *мужика* Русскаго? Узнаете, и поймете отношеніе языка Пѣвца Игорева къ языку его современниковъ. Г-нъ Востоковъ, первый пояснившій намъ метръ Русскаго Пѣсеннаго языка, первый также сказалъ и о томъ, что *Слово о Полку Игоревомъ* писано метромъ, изъ коего образовались потомъ метръ разсказовъ Кирши Данилова (Соловей Будимеровичъ, Дюкъ Степановичъ, и проч.) и метръ народныхъ пѣсенъ нашихъ — вотъ переходы нашего народнаго стихосложенія. Въ *Словѣ о полку Игоревомъ* размѣръ явенъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно *не стопами*, вы тотчасъ поймете его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

А вспона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ
напастьми;
Тоска разліяся по Руской землѣ;
Печаль жирна тече средь земли Русскія;
Князи сами на себя крамолу коваху,
А погани, сами нарыщуще на Русскую землю,
Емляху дань по бѣлѣ отъ двора....

Digitized by Google

Вотъ еще другой мелодическій переходъ его:

О Днѣпрѣ словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы, сквозѣ землю Половѣцкую,
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова,
Взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!
О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши!
Чему мычеши Хановскія стрѣлки,
На своею нетрудною (*) крильцу,
На моея лады вою!
Мало ти бяшетъ горѣ (**), подъ облаки вѣять,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ!
Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя!

Должно-ли намъ говорить *о поэтическомъ* достоинствѣ *Слова о полку Игоревомъ*? Его всѣ признали, и признаютъ, созданіемъ истинной Поэзіи, гдѣ видите элементы Нордманнскихъ *сагъ*, и Русской пѣсни. Сила языка, простота чувства, изображенія природы, явны равно для Классика и

(*) Здѣсь: *нетрудною* значитъ: *безъ заботною, безпечальною*, ибо слово: *трудъ*, значило прежде: печаль, скорбь.

(**) А не *воро*, какъ читали другіе, какъ и самъ я думалъ прежде.

Digitized by Google

Романтика, поняшны и въ не совершенныхъ переводахъ иностранцевъ (*).

Мы сказали, что *Слово о полку Игоревомъ* возбуждало уже у насъ много споровъ и шума. Но при всемъ этомъ, и съ нимъ, какъ и со всѣмъ другимъ въ Литтерашурѣ нашей, мы поступили одинаково: шумѣли много, а дѣла порядкомъ не сдѣлали. Рѣшали участь *Слова*, а сомнѣвающіеся не высказали еще донынѣ всѣхъ доказашельствъ своихъ и сомнѣній, слѣдственно, сіи сомнѣнія остаются еще подъ спудомъ. Впрочемъ, кто-же виноватъ? Зачѣмъ молчатъ шакъ упорно скептики наши? Si sinas, dicam— думаютъ они, и — Sine, sino! говоримъ мы имъ. Но виноватѣе ихъ поборники Слова. До сихъ поръ кричавши объ немъ шакъ много, никто не собралъ еще положишельныхъ свѣдѣній: *откуда* былъ полученъ, и *куда* дѣвался сборникъ, въ которомъ нашли его? *Кто* видѣлъ его? *Кто*, и *что* именно объ немъ знаетъ? Между шѣмъ большая часшь очевидцевъ по семудѣлу уже перешла въ вѣчность: первые Издашели *Слова*, и занимавшіеся онымъ Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій, К. Ѳ. Калайдовичъ; другіе *безмолвны*, *какъ*

(*) Лучшій Французскій переводъ былъ помѣщенъ въ Журналѣ Барона Экштейна, le Catholique; кромѣ того есшь еще нѣсколько Французскихъ переводовъ; Нѣмецкихъ шакже нѣсколько; кажешся, есшь и Польскій. Надобно-ли доказывашь несовершенство всѣхъ сихъ переводовъ?

Digitized by Google

хладныя могилы (*) !—Далѣе, мы не изъяснили вполнѣ текста донынѣ, хотя разводили его великословіемъ Славянизма, водою стихотворства, и цѣлыми томами примѣчаній. Опыты первыхъ Издателей *Слова*, Карамзина, Калайдовича, Граммашина, Пожарскаго, А. С. Шишкова, безъ сомнѣнія, всѣ похвальны, но ни одинъ неудовлетворителенъ.

Г-нъ Вельтманъ является съ новымъ опытомъ *переложенія* и *изъясненія* текста. Его горячая, Русская душа хотѣла подать свой голосъ въ дѣлѣ, достойномъ участія всякаго, кто любитъ отчизну, и въ чьей душѣ не застыла любовь къ Поэзіи. Оказываясь непритворнымъ поэтомъ въ своихъ собственныхъ созданіяхъ, хорошо понимая Русь поэтическую, (что видимъ мы изъ опытовъ прелестной Сказки его: *Кощей Безсмертный*), Г-нъ Вельтманъ посягнулъ и съ *Словомъ о полку Игоревомъ*, какъ Поэтъ. Въ краткомъ Предисловіи, онъ рѣшаетъ прежде всего вопросъ о языкѣ *Слова*, тѣмъ, что Русская душа сознаетъ въ немъ свое, неподдѣль-

---

(*) Впрочемъ, я слышалъ нѣкогда, отъ К. Ѳ. Калайдовича, что Р. Ѳ. Тимковскій подробно занимался изслѣдованіями о *Словѣ Игоревомъ*, не сомнѣваясь въ подлинности его, такъ-же, какъ и самъ К. Ѳ. Калайдовичъ. Карамзинъ имѣлъ въ рукахъ *сборникъ* Пушкинскій, разсматривалъ его, и не оказалъ никакихъ сомнѣній (см. *Ист. Г. Р.* т. III, прим. 272).

Digitized by Google

ное родное. Вѣримъ этому чувству; но укрѣпляя договоры записями и долги актами въ общественной жизни, признаемся, что и въ Литературномъ дѣлѣ, особливо, если оно соединено съ сомнѣніемъ, мы находимъ рѣшеніе Г-на Вельтмана недостаточнымъ. Намъ—и не намъ, ибо мы готовы даже согласиться, а скептикамъ нашимъ — надобны доказательства болѣе положительныя, акты, пыль Лѣтописей, сухость изысканій. Безъ харатейнаго, запачканнаго Сборника, они не повѣрятъ даже ни одному великому дѣлу и слову предковъ. И они правы, хотя и доводятъ это до излишества!

Потомъ слѣдуетъ у Г-на Вельтмана текстъ *Слова* (какъ онъ былъ напечатанъ, въ 1800-мъ году, Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ), и въ рядъ съ текстомъ идетъ переложеніе его, мѣрною поэтическою прозою, которою столь хорошо владѣетъ Г-нъ Вельтманъ, и которою написалъ онъ въ *Странникѣ* своемъ: *Искандера* и *Разговоръ Августа съ Овидіемъ*. Наконецъ, Авторъ прилагаетъ нѣсколько замѣчаній на трудныя мѣста, изъясняя ихъ Критически и Филологически.

О *переложеніи* мы скажемъ только, что оно, отдѣльно взятое — прекрасно; но сравненіи съ подлинникомъ становится блѣдно, и иногда слишкомъ изысканно. Примѣръ: «Начаши-же ся той пѣсни *по былинамъ* сего времени, а не по *замышленію* Бояню. *Боянъ-бо вѣщій*, аще кому хотяше *пѣснь тво-*

Digitized by Google

рити, то растекашется мыслію по древу (*), *сѣрымъ волкомъ по земли*, сизымъ орломъ подъ облаки.» Переводъ: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго *мысли текли въ вышину, такъ, какъ соки по древу*, какъ сѣрые волки *неслись по пространству*, и сизымъ орломъ въ *поднебесьи парили*.» Простота потерялась, хотя переложеніе выходитъ изящно.

Въ *примѣчаніяхъ*, мы несогласны съ нѣкоторыми мнѣніями Г-на Вельтмана. Прежде всего о *Траянѣ*. Намъ кажется, что о *Траянѣ Императорѣ* не должно тутъ думать, хотя валъ Траяновъ цѣлъ въ Бессарабіи, и всѣ донынѣ твердили, что нашъ Пѣвецъ разумѣлъ *Императора Траяна*. Зная, что Владиміра называютъ въ одномъ древнемъ Русскомъ памятникѣ *Трояномъ*, не должно-ли скорѣе искать *тропу* Трояню и *вѣци* Трояни на Руси, или у Половцевъ? — Также не льзя согласиться съ Г-мъ Вельтманомъ, чтобы *кметь* значило *начальникъ*, или *старшина*. Слово: *туга*, отъ чего глаголъ: *тужить* (**), не можетъ быть *судорога*, или *корча*, но *печаль*, *скорбь*.

(*) Думаю, что здѣсь разумѣется отнюдь не *мысль*, а *что нибудь другое*. Простая догадка иногда лучше мудреной: не звѣрокъ-ли, не птичка-ли какая, ибо тутъ видимая постепенность сравненій — *облака, земля, дерево — орелъ, волкъ* — мысль? —

(**) Простой видъ его: *туждать*, потерянъ; но сохранился въ сложныхъ: *стуждать, стужать*, что часто встрѣчаемъ въ Лѣтописяхъ. въ Ярославлѣ, на берегу Волги, кладбище, близъ коего умеръ Патріархъ Никонъ, донынѣ называется: *Туговая гора*.

Digitized by Google

Не входя въ подробности всѣхъ замѣчаній Г-на Вельшмана (изъ коихъ многія остроумны и вѣрны, какъ-то, о словахъ: *харалужный*, *бологомъ*, и другія), обратимся къ кажущемуся намъ сомнительнымъ.

Въ именахъ: *Карна* и *Жля*, думаемъ, должно подразумѣвать не народы, а Половецкихъ Воеводъ. Такъ выходитъ и по смыслу: «*Игорева полка* не крѣсити; за *нимъ* (за полкомъ) кликну *Карна и Жля*, поскочи по Русской землѣ, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ.» Послѣднее напоминаетъ *бесерменина*, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, и приходившаго на Русь съ *треклятымъ* Кончакомъ (Ист. Русск. Н. т. III, 129). Половцы совсѣмъ не были «*заняты Игоремъ*:» послѣ разбитія его, они тотчасъ явились мстить, и только ссора Кончака и Кзы отвратила дальнѣйшія опустошенія ихъ.

Слово: *Кощей*, переводили *отрокомъ* (воинъ) потому, что *отрокъ* прежде значилъ *воина*. Не говоря о смыслѣ, какой приданъ *Кощею* въ позднѣйшихъ (пришедшихъ съ Востока) Сказкахъ, замѣтимъ, что въ *Словѣ Игоревомъ*, названіе: *Кощей*, не означало еще сего смысла. Говорится: сѣдло *Кощіево* — *чага* по ногамъ, а *Кощей* по рѣзанѣ; наконецъ Кончака называютъ *поганымъ Кощеемъ*. *Чага* значитъ *броню*, а не *дѣвицу*, или *женщину*, какъ думали другіе (*). Г-нъ Вельшманъ беретъ *отрока*

(*) По Половецки, *Xaga* — броня, cuirasse, а дѣвица — *chaṭon*. См. Половецкій Словарь, въ Mém. relatifs

Digitized by Google

въ смыслѣ *мальчика* — отъ того все недоразумѣніе.

При словахъ: *Были*, *Могуты*, *Татраны*, *Шелбиры*, *Топчаки*, *Ревуги*, *Олберы*, и помышлять не должно о *Мордвѣ*, *Финнахъ* и *Вотякахъ* — это былъ міръ отдѣльный отъ Чернигова! Вѣроятно, всѣ сіи названія суть имена дружинъ Торкскихъ и Берендейскихъ, подобныя именамъ: *Бастаи*, *Каепичи*, *Тудоры*, *Сатмозы*, *Хорахозы*, *Мюзы*, *Конеи*, *Олбыры*, *Шереши*, и проч. (см. Исп. Р. Н. т. III, 131).

Заключимъ изъясненіемъ темнаго мѣста, гдѣ, согласно съ Г-мъ Вельтманомъ, мы видимъ приводимыя Пѣвцомъ Игоря слова Бояна: «Тяжко ти, головы, кромѣ плечю; зло ти, шѣлу, кромѣ головы.» Г-нъ Вельтманъ читаетъ сіе мѣсто такъ: «Боянъ, пѣснопѣвецъ временъ Ярослава, Олега, Когана, въ воззваніи своемъ къ Святославу, сказалъ: тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ; горе тебѣ, шѣло, безъ головы!» — Мы читаемъ подлинникъ такъ: «Рекъ Боянъ и *ходы* (говоря о походахъ) на *Святославля*, (по подобію) пѣснотворца стараго времени Ярославля, *Ольгова*, *Коганя*:

à l'Asie, Клапрота (т. III.). Въ немъ найдемъ и *Сайгатъ*, Sagath, по-Лапински Агша. Впрочемъ, дѣвицы Половецкія и въ *Словѣ о полку Игоревомъ* называются просто: *дѣвки* — «и помчаша красныя дѣвки Половецкія.»

Digitized by Google

хотя тяжко ти голова, кромѣ плечу, зло ти тѣлу безъ головы.» — Смыслъ, кажется намъ, тотъ: «Рекъ-же Боянъ, *по примѣру Когана, пѣснотворца старпго времени Ярославова*, походы на Святослава Олеговича, и примолвилъ: хотъ тяжко головѣ *безъ рукъ*, но зло совершенное тѣлу безъ головы.» — Время житія Боянова во времена славнаго Олега Черниговскаго опредѣляется словами: «Пѣти было пѣснь Игорю, *того Ольга внуку* (зачѣмъ не ты поешь внука, пѣвши дѣда его, Олега), и тѣмъ, что Боянъ пѣлъ Всеслава (тому вѣщій Баянъ и *пръвое* (правое, первое) припѣвку, смысленный, рѣче, и проч.) Полагаемъ, что имя: *Коганъ*, означаетъ *пѣвца, жившаго при Ярославѣ*, и славнаго, подобно Бояну. Слово: *хоти*, мы переводимъ здѣсь словомъ: *хотя*, относя его къ слову: *тяжко*, а не къ предшествовавшимъ словамъ. Слово: *плего*, вѣроятно, прежде не значило только *плеча* (die Achseln), но вообще *руки* (die Arme, les bras), а *руками* означались собственно les mains, die Hände. Иначе, какой смыслъ будетъ: *голова безъ плечъ?* Или, еще разительнѣе, въ словахъ: *плещма* своима *осѣнитъ* шя?

Мы хотѣли написать библіографическое извѣстіе о книгѣ Г-на Вельтмана, но любезный поэтъ увлекъ насъ въ замѣчанія подробныя. Безъ дальнѣйшихъ развитій, они могутъ показаться не совсѣмъ ясны, составляя только часть труда, который намѣрены мы дополнить со временемъ, и предметъ коего есть изслѣдованіе *Слова о полку Игоревомъ*. Въ бесѣдѣ съ уважаемымъ чело-

Digitized by Google

вѣкомъ становишься невольно разговорчивъ; а мы, не только уважаемъ, но и любимъ Г-на Вельтмана, какъ литтератора, и какъ человѣка. Притомъ, въ Русской Литтературѣ такъ мало случаевъ для Критика быть словоохотнымъ, что книгѣ, подобной новому труду Г-на Вельтмана, радуешься, будто новому знакомству съ умнымъ человѣкомъ, хотя и не соглашаешься со многимъ, что онъ говоритъ.

— *Гао-Кіу-Чуэнь*, или благополучный бракъ. Китайскій романъ, въ 4-хъ частяхъ. Переводъ съ Французскаго. М. 1832 — 33, въ т. Лазаревыхъ, in-12, VIII, 190, 219, 216 и 206 стр.

Отвсюду романы — *Бразильскіе*, *Ирландскіе*, *Китайскіе*, растутъ, какъ мѣлкіе грибы послѣ дождя! Говорятъ, будто новый *Китайскій* романъ, вышедшій теперь въ Русскомъ переводѣ, точно неподдѣльный; будто онъ точно переведенъ съ Китайскаго на Англійскій, съ Англійскаго на Французскій, съ Французскаго на Русскій языкъ; далѣе, что онъ очень занимателенъ, изображаетъ нравы и обычаи Китайцевъ; что Абель-Ремюза хвалилъ его, и проч. Вѣримъ; но, Мм. Гг. *четыре тома* мѣлкой печати, болѣе 800 страницъ, и притомъ — болѣе 150-ти примѣчаній, еще мѣльчайшими буквами! Мы не перемогли и *одного* тома; охотно соглашаемся въ неподдѣльности и занимательности *Гао-Кіу-Чуэня*, и на чужое слово рекомендуемъ его читателямъ.

Digitized by Google

— *Азбучный списокъ* всѣхъ важнѣйшихъ происшествій, именъ достопамятнѣйшихъ людей, народовъ и городовъ, заключающихся въ 3-мъ изданіи *Исторіи гос. Россійскаго*, съ показаніемъ тома и страницы. Составленный В. Т. — СПб. 1832 г. Въ т. Акад. Наукъ, in-8, 99 стр.

Вотъ забавная книжка! Къ числу неудобствъ Исторіи Карамзина принадлежитъ неимѣніе при ней *алфавитнаго Указателя предметовъ*. Доказывать, что при книгѣ Исторической, заключающей въ себѣ событія многихъ вѣковъ, и состоящей изъ 12-ти большихъ томовъ, *Указатель* необходимъ — почитаемъ излишнимъ. Намъ кажется, что не приложить Указателя при такой книгѣ — даже неучтиво. Онъ необходимъ для соображенія простаго читателя, для повѣрки критика, для справокъ ученаго. Намъ странно даже, что готовясь теперь издать Исторію Карамзина въ 4-й разъ, люди, которымъ принадлежитъ она, не думаютъ объ этомъ. Мы слышали, что Г-нъ Строевъ дѣлалъ, и *сдѣлалъ*, Указатель полный. Тѣ, кому принадлежитъ книга Карамзина, если мы осмѣлимся сказать свое мнѣніе — *должны* пріобрѣсть покупкою трудъ сего ученаго Археографа, и приложить его при новомъ изданіи *Исторіи государства Россійскаго*. Расходъ на это не долженъ казаться важнымъ, послѣ неслыханныхъ ни въ одной землѣ выгодъ, какія доставили имъ за трудъ Карамзина великодушіе Монарха и благосклонность соотечественниковъ....

Digitized by Google

Но, теперь, пока Указатель Г-на Строева остается въ портфёлѣ сочинителя, явился—*Азбучный списокъ*, Г-на В. Т.

Надобно-ли говорить: что̀ значитъ *Указатель книги*, и какъ онъ составляется?

Указателей бываетъ два рода: одни, простая выборка всѣхъ *именъ*, по азбучному порядку, съ показаніемъ страницъ, гдѣ оныя находятся. Другіе Указатели представляютъ сіи имена съ краткимъ поясненіемъ, и сіи послѣдніе суть полезнѣйшіе. Разумѣется, что кромѣ Исторической и Географической номенклатуры (напримѣръ: *Шуйскій В. И.*, *Іоаннъ IV-й*, *Шиг-Алей*, *Скивы*, *Волга*, *Рязань*, и проч.), необходимо прибавить въ *Указатель* для Исторіи Карамзина разные предметы, какъ-то: *шертныя граматы*, *дерноватыя граматы*, *Окольничій*, *ключъ*, *Путные Бояре*, *выходъ Ордынскій*, *свадебные обряды*, *деньги Русскія*, и проч. и проч., соединяя подъ сими названіями все, что встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ книги, касательно означаемыхъ ими предметовъ. Полнота, вѣрность, соединеніе статей ссылками ошъ одной на другую — вотъ необходимыя качества *Указателя*, безъ которыхъ онъ безполезнѣе худыхъ стиховъ въ Словесности.

Самый объемъ *Указателя* къ Ист. Г. Р., изданнаго Г-мъ В. Т, и напечатаннаго на 99-ми страничкахъ, крупными буквами, показываетъ неполноту его: шутъ нѣтъ и *двадцатой* долю предме-

Digitized by Google

товъ, долженствующихъ войдти въ Указатель. Но, можетъ быть, Г-нъ В. Т. выбиралъ важнѣйшіе? Кромѣ того, что въ Указателѣ важно всякое имя, мы не понимаемъ: *чѣмъ* руководствовался Г-нъ В. Т., при выборѣ предметовъ? Находите у него: *Путешествіе Аргонавтовъ — Радимъ — Копорье — Тацитъ* (?) — *Тиверій — Судъ Князей съ Болгарами — Тавры и Киммеріяне*, и проч. и проч., о чемъ мимоходомъ упоминаетъ Карамзинъ, и что въ краткомъ Указателѣ почти не стоило замѣчанія. Напротивъ, важнѣйшаго нѣтъ: изъ *Мстиславовъ* найдете *одного*, изъ *Святославовъ* ни одного, изъ *Андреевъ* двухъ (Апостола и Боголюбскаго), и т. д. — Ссылокъ отъ статьи къ статьѣ нѣтъ. Но вотъ что забавно: упомянувъ о комъ нибудь, Г-нъ В. Т. указываетъ на что нибудь изъ его жизни, или отношеній, и — дѣло кончено! Такъ, напримѣръ: «*Александръ Невскій* въ Ордѣ, т. IV, стр. 71—» и только: тутъ вся жизнь его!— *Набѣги Литвы*, т. III, 221, 279, IV, 165 — и только! Въ недоумѣніи перебираете листочки, и видите: *Литовцы завоеватели*, т. IV, 235, *берутъ Гомель и Стародубь*, т. VIII, 30. Какъ? Даже и *трехъ походовъ* Литовскихъ съ Олгердомъ къ Москвѣ нѣтъ? — Ищите: *Олгердъ*. Что тутъ: *Олгердъ миротворецъ* (?) т. IV, 310. —

Все это сначала побудило насъ думать, что книжка Г-на В. Т. есть маленькое торговое предпріятіе: заставить читателей, имѣющихъ Исторію Гос. Россійскаго, купить книжку Г-на В. Т., полагая по названію, что она въ самомъ дѣлѣ за-

Digitized by Google

мѣнишъ имъ недостатокъ Указателя при сочиненіи Карамзина. Но мы разувѣрились, разсматривая книжку Г-на В. Т. подробнѣе, и найдя въ ней множество смѣшнаго. Такъ, напримѣръ, смотрите букву Ш: *Шепотъ о Разстригѣ*, ш. XI, 252. Что это такое? — *Шествіе къ Москвѣ*, ш. XI, 252. Чье-же шествіе? Или въ буквѣ Щ: *Щадятъ Марину*, ш. XI, стр. 329. *Кто-же* и *когда* щадитъ ее? Но здѣсь еще не конецъ смѣшному. Находите статьи: *Пороки — Отчаяніе столицы — Дѣйствіе бойницъ — Буря — Милости — Мнимая нерѣшительность есть осторожность — Наушники — Сѣверная Россія отдыхаетъ — Тогдашнее (?) состояніе Европы* — и на каждую такую статейку одно, два показанія изъ всѣхъ 12-ти томовъ!

Нѣтъ сомнѣнія: книга Г-на В. Т. есть шуточная *мистификація*. Тѣмъ не менѣе надобно предостеречь читателей отъ этой мистификаціи, ибо ни въ Предисловіи, ни въ объявленіяхъ объ ней этого не объясняютъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.

Поспѣшая привесши къ окончанію давно-желанный обѣтъ, ознакомишь любезныхъ сородичей съ родною страною, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою: принять на себя посредничество между просвѣщенными соотечественниками и мною. Слѣдя, во всей возможности, проявленіе элементовъ общественнаго образованія, необходимымъ почитаю обозрѣть умственное образованіе отдѣльно, какъ жизнь практическую, какъ положительныя идеи гражданскаго быта. По предположенному начертанію, *Исторія Литтературы и просвѣщенія Тульской губерніи* будешъ заключать пятую и послѣднюю часть Исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи. Ревнители просвѣщенія, дѣятели Литтературныхъ подвиговъ, Общественное и Домашнее воспитаніе, мѣстное Нарѣчіе гражданъ, — вотъ, по моему мнѣнію, сфера умственнаго образованія въ частной Исторіи. Доселѣ, постоянное усиліе къ открытію всѣхъ возможныхъ источниковъ, для предпринятаго труда, увѣнчавалось ра-

Digitized by Google

достными исполненіями; теперь встрѣчаю препятствія, едва-ли преодолимѣе архивныхъ обозрѣній: это собраніе біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ, родившихся и жившихъ въ Тульской губерніи. Не смотря на всеобщую дѣятельность современнаго просвѣщенія, мы не имѣемъ еще систематически изложенной Исторіи Русской Литтературы. Кажется, что желанія наши по сему предмету останавливаются на обѣщанномъ исполненіи опытнаго Литтератора, Г-на Греча. Кто-бы не пожелалъ, чтобы эти надежды скорѣе осуществились. За Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекс-Россійской Церкви, мы обязаны неутомимымъ стараніямъ Архипастыря Евгенія. Словарь писателей и ученыхъ, принадлежащихъ Балтійскимъ губерніямъ, постоянно продолжается (*) Гг-ми Фонъ Реке и Наперскимъ. Опытъ Историческаго Словаря о писателяхъ Россійскихъ, изданный незабвеннымъ Новиковымъ въ 1772-мъ году, почти забытъ. Увидимъ-ли мы когда нибудь Словарь Слободско-Украинскихъ писателей и соревнователей просвѣщенія, обѣщанный въ 1828-мъ году Г-мъ Кеппеномъ?

Прилагая при семъ Роспись писателямъ, родившимся и жившимъ въ Тульской губерніи, я обращаюсь къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ о сообщеніи мнѣ біографическихъ свѣдѣній о сихъ писателяхъ. Всякое сообщеніе, доставленное по сему

(*) Онъ уже оконченъ. *Изд.*

Digitized by Google

предмету, примется съ признательностію, и будетъ, по желанію пославшаго, доведено до общаго свѣдѣнія. Ежели кому будетъ угодно удостоить меня сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ, прошу адресовать присылки свои *въ Москву*, на имя Н. Н. Глазунова, въ книжный его магазинъ, состоящій у Воскресенскихъ воротъ, въ домѣ Г-жи Курманалеевой, *въ Тулу*, на имя Н. Л. Камаева, въ его лавку, находящуюся въ Тульскомъ Гостиномъ дворѣ.

Вотъ, М. Г., въ чемъ моя просьба. Я увѣренъ, что вы, для пользы отечественнаго просвѣщенія, дадите ей мѣстечко въ издаваемомъ вами Журналѣ.

Съ почтеніемъ, и проч.

Иванъ Сахаровъ.

Digitized by Google

РОСПИСЬ

Писателямъ, родившимся, или жившимъ въ Тульской Губерніи.

1. Серафимъ Азбукинъ (Архимандритъ).
2. Ѳ... Алексѣевъ.
3. .... Ананскій.
4. А. Ѳ. Андреевъ.
5. Н. Ѳ. Андреевъ.
6. Евгеній Баженовъ (Епископъ).
7. Ювеналій Воейковъ (Архимандритъ).
8. В. Б. Броневскій.
9. В... Васильевъ.
10. Князь Вадбольскій.
11. Князь Воинъ-Крапоткинъ.
12. С. Н. Веницеевъ.
13. Е. Н. Воронцовъ-Вельяминовъ.
14. .... Воскресенскій.
15. М. С. Гасшевъ.
16. А. Г. Глаголевъ.
17. П. И. Голубковъ.
18. А. П. Гевличъ.
19. Р. Т. Гонорскій.
20. И. Т. Гонорскій.
21. Ѳ. Е. Громницкій.

Digitized by Google

22. Г. Ѳ. Дильшей.
23. А. А. Баронъ Дельвигъ.
24. .... Дроздовъ.
25. И. И. Евгеновъ.
26. .... Елагинъ.
27. В. А. Жуковскій.
28. В. И. Запольскій.
29. А. А. Зонтагъ.
30. И. П. Ивановъ.
31. Д. М. Каменскій (Священникъ).
32. П. М. Каменскій.
33. .... Карцевъ.
34. ..... Каршавцевъ.
35. .... Кисленская.
36. И. В. Кирѣевскій.
37. П. В. Кирѣевскій.
38. Е. В. Кологривова.
39. И. А. Костомаровъ.
40. Симеонъ Крыловъ (Архіепископъ).
41. М. А. Козаковъ.
42. ..., Лангеръ.
43. А. И. Левшинъ.
44. В. А. Левшинъ.
45. И. В. Лопухинъ.
46. .... Лукинъ.
47. Д. Ѳ. Малининъ (Прошоіерей).

Digitized by Google

48. . . . . Молчановъ.
49. П. Н. Мясновъ.
50. У. С. Ненарокомовъ (Протоіерей).
51. С. Д. Нечаевъ.
52. В. И. Оболенскій.
53. И. С. Покровскій (Протоіерей).
54. Ѳ. Г. Покровскій.
55. Іосифъ Познышевъ (Архимандритъ).
56. Амвросій Прошасовъ (Архіепископъ).
57. В. М. Протопоповъ (Протоіерей).
58. И. Т. Радожицкій.
59. Н. Ѳ. Рождественскій.
60. Моисей Сахаровъ (Архимандритъ).
61. Меѳодій Смирновъ (Архіепископъ).
62. Н. П. Свѣчинъ.
63. П. М. Свѣчинъ.
64. К. . . Свѣчинъ.
65. П. П. Сумароковъ.
66. П. П. Сумароковъ.
67. А. Г. Токаревъ.
68. Н. Е. Токаревъ.
69 А. Д. Тейльсъ.
70. П. П. Успенскій.
71. А. С. Хомяковъ.
72. П. И. Шварцъ.
73. Н. . . Щегловъ.

Digitized by Google

74. Виталій Щепетевъ (Архимандритъ.)

75. А. Ѳ. Якубовичъ.

76. Л. А. Якубовичъ.

— *Изъясненіе картинки.* — Наконецъ, вотъ и послѣдняя картина печальной, смѣшной драмы, которую человѣкъ разыгрываетъ въ продолженіе своей жизни!

....last scene of all,
That ends this strange eventful history,
Is second childishness, and mere oblivion;
Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans every thing.»

(То есть: «Послѣдняя сцена, которая оканчиваетъ эту странную, полную событій исторію, есть второе дѣтство, состояніе глубокаго забвенія себя, когда у человѣка нѣтъ ни зубовъ, ни глазъ, ни вкуса, ничего!»)

Эта послѣдняя сцена изображена Смиркомъ съ необыкновенною истиною. Видите-ли вы того-же человѣка, который постепенно являлся намъ плачущимъ ребенкомъ, шаллвымъ школьникомъ, влюбленнымъ юношею, пылкимъ воиномъ, важнымъ и строгимъ судьею, скареднымъ корыстолюбцемъ, который былъ и цвѣтущъ молодостью, здоровьемъ, силою, и одушевленъ столь многими страстями, видите-ли его теперь? Онъ потерялъ почти всѣ умственныя способности; онъ лишенъ всѣхъ

Digitized by Google

чувствъ; ослабѣвшіе органы тѣла не повинуются ему, потому что они умерли вмѣстѣ съ великимъ властителемъ своимъ, волею, которой нѣтъ у дряхлаго старика. Онъ не только не чувствуетъ никакихъ удовольствій, но и не понимаетъ, что происходитъ вокругъ него; онъ просто ждетъ смерти; только смерть еще можетъ заставить его сыграть одно печальное, жалкое явленіе перехода въ нѣдра общей матери-земли. Онъ одинокъ; вокругъ него нѣтъ друга, и можетъ быть нѣтъ даже родныхъ: онъ всѣхъ пережилъ. Женщина, которой услуги покупаютъ деньгами, смотритъ за нимъ, какъ за дитятемъ, но и она въ глубокомъ снѣ; дитя, которое должно забавлять его, сидитъ на полу и строитъ домикъ изъ картъ.

Амуръ съ отбитою головою; фамильный гербъ, удерживаемый послѣднимъ гвоздемъ; картина, изображающая Глупость, которая сидитъ повелителемъ и пускаетъ мыльные пузырьки, всѣ эти принадлежности въ совершенной гармоніи съ главнымъ лицомъ; онѣ превосходно поясняютъ, какую нравственную мысль хотѣли выразить Поэтъ и Живописецъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто читая приведенные нами стихи Шекспира и глядя на картины Смирка, кто не скажетъ самъ себѣ, что они изобразили не отдѣльно какого нибудь человѣка, а всѣхъ людей. Такова исторія всѣхъ, кто достигаетъ скорбныхъ лѣтъ дряхлости!... Есть отъ чего и улыбнуться и задуматься!...

Digitized by Google

— *Иностранные Журналы и газеты, которые выписывалъ Московскій Почтамтъ за* 30 *лѣтъ назадъ.* —

Въ *Общемъ Журналѣ Иностранной Словесности* (Journal général de la littérature étrangère), книжка 7, Апрѣль 1803 года, на страницѣ 33-й, находится любопытное свѣдѣніе о газетахъ и Журналахъ, которые выписывалъ на 1803 годъ Московскій Почтамтъ.

Французскій Журналъ не даетъ свѣдѣній о Нѣмецкихъ газетахъ; онъ упоминаетъ только о Французскихъ и Англійскихъ. Рубль составлялъ въ то время 3 франка 25 сантимовъ. Цѣны показаны серебромъ.

	Рубли.
Courrier du Bas-Rhin	34
Gazette de Hambourg	32
Mercure universel	31
Gazette de Leyde	32
Le Nord littéraire	20
Journal de Francfor	52

(На 1832-й годъ 140 р. ассигн.)

Spectateur du Nord	39
Journal de Manheim	39
Journal des Dames et des Modes de Francfort	30

(На 1833 годъ 110 р. ассигн.)

Digitized by Google

Рубли.

Journal de Bruxelles.....55
Archives du Nord.....55

Парижскіе.

Le Moniteur.....130
(*Примѣч.* На нынѣшній 1833 годъ Moniteur стоитъ 440 рублей ассигн.; почти тоже, что въ 1803 году.)
La Clef du Cabinet.....72
La Gazette de France.....72

(На 1833 годъ 250 р. ассигн.)

Journal des défenseurs de la patrie.....72
Journal de Paris.....72
Magasin Encycl pédique.....68
La Décade philosophique.....40
Journal général de la littérature de France.....46

(На 1833 годъ 80 р. асс.)

Annales des Arts.....55
Mercure de France.....58

Англійскіе.

The Morning Chronicle.....260
The Star.....160

(На 1833 годъ 710 р. асс.)

The Times.....260
The Courier.....260

(На 1833 годъ 760 р. асс.)

Digitized by Google

Рубли.

The Morning Herald.....260
The London Chronicle.....130
The Express Herald.....130
The S. James Chronicle.....130
The Loyd's evening Post.....130
The London Packet.....130
The Evening Mail.....130

(На 1833 годъ 410 р. асс.)

The Bell's weekly Messenger.....130.

(На 1833 годъ 460 р. асс.)

— *Извѣщеніе.*—Почитаемъ долгомъ увѣдомишь неизвѣстную даму, приславшую къ намъ Письмо о разныхъ Литтературныхъ предметахъ, что мы непремѣнно хотѣли напечатать сіе Письмо, и вмѣстѣ съ отвѣтомъ нашимъ, котораго желала Сочинительница; но обстоятельства помѣшали намъ исполнить доброе наше желаніе. Письмо и отвѣтъ на оное (которые уже были набраны въ типографіи), не будутъ напечатаны, по независящимъ отъ насъ причинамъ. *Изд.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 8) Москов. Телеск. 1833 г.

Digitized by Google

№ VIII. АПРѢЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИЧИНЫ

нынѣшняго состоянія Ирландіи.

(Окончаніе.)

Такъ шли дѣла въ царствованіе властолюбиваго Генриха, и слабаго, но изступленнаго преемника его. По смерти Эдуарда перемѣнилось все: приверженная къ Католицизму Марія взошла на тронъ, и Паписты воздали Протестантамъ за всѣ оскорбленія и обиды. Въ теченіе семнадцати лѣтъ привыкши тиранствовать, Протестанты оскорбились лишеніемъ свободы, и возвысили голосъ противъ угнетеній, болѣе какъ униженные обладатели привиллегій, нежели какъ люди, чувствующіе свои права.

Это противудѣйствіе, бывшее слѣдствіемъ перемѣны власти, казалось, долженствовало-

Digitized by Google

бы грозно разразиться въ Ирландіи, совершенно Католической, которую безпрестанно угнетали, во имя религіи врага ея, нѣсколько сановниковъ и прелатовъ; но ничего не бывало: Реформація не могла утвердиться тамъ; она исчезла безъ усилій; Епископы такъ-же мало противились Маріи, какъ и отцу ея; все пришло въ прежній порядокъ безъ всякаго затрудненія. Но не то было въ Англіи, которая при двоякомъ участіи въ Реформаціи, со стороны Короля и народа, сдѣлалась ожесточенною противницею Папистовъ: тамъ Королева Марія имѣла противъ себя убѣжденіе совѣсти непреклонной; тамъ были воздвигнуты костры, лилась кровь ручьями, и Марія успѣла только заслужить прокляпіе для своей памяти, и заставила ужасаться своей религіи.

Ненависть и убѣжденіе сіи скоро явились на другомъ берегу пролива, и когда восшествіе Елисаветы на престолъ возвратило поверхность Реформаторамъ, Ирландскіе Католики дорого заплатили за неистовства своихъ Англійскихъ братьевъ. Забыли, что *Островъ Святыхъ* часто служилъ убѣжищемъ преслѣдуемымъ Протестантамъ; помнили только то, что Ирландцы исповѣдуютъ одну религію съ *кровожадною Маріею*, и послѣ этого считали позволен-

Digitized by Google

нымъ противъ нихъ все. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, Англія судила Папистовъ и управляла ими какъ-бы отмщая этой жестокой Королевѣ. И еще недавно, когда въ Британскомъ Парламентѣ разсуждали объ уравненіи правъ Кашоликовъ, всякій разъ находился какой нибудь оратоpъ, готовый напомнить объ ужасахъ ея царствованія, и возвыситься гнѣвомъ противъ свирѣпства Папистовъ, къ глубокому назиданію и одобренію Епископовъ.

Свободный умъ Елисаветы понималъ сіи предразсудки, и мудрость ея провидѣла истинное состояніе Ирландіи. Безъ сомнѣнія страшась довести до отчаянія народъ, который претерпѣлъ такъ много и находилъ такъ мало сострадапія, она хотѣла и старалась облегчить судьбу Ирландскихъ Кашоликовъ; но воля ея была слаба противъ Правительства, раздѣленнаго на партіи, руководствуемаго дурными законами, и дѣйствующаго не подъ надзоромъ Государя. Для успѣха надобно было ввѣрить управленіе Ирландіи Кашоликамъ; а кто осмѣлился-бы посовѣтовать это при жизни Маріи Стюартъ и во время Армады? Такимъ образомъ Елисавета могла сдѣлать немногое для сей несчастной страны, гдѣ зло еще болѣе увеличилось отъ возмущенія О'Ніала и тайныхъ происковъ Десмонда,

Digitized by Google

Казалось, что въ 1620-мъ году настали для Ирландцевъ новые дни. Іаковъ Стюартъ, *потомокъ древнихъ Королей Ирландскихъ* (*), восшелъ на тронъ Англійскій, и Эринъ думалъ, что онъ сдѣлался равенъ своей соперницѣ, подвергнувшейся въ свою очередь Королю чуждому. И не долженъ-ли былъ сынъ Королевы-мученицы покровительствовать Католикамъ? Могъ-ли сынъ Шотландіи затрудняться въ выборѣ между своими братьями *Западнаго острова*, и *потомками Саксонов?*

(*) Ирландія, которую Древніе называли *Иберніею*, *Іерномъ*, по весьма понятному искаженію имени ея, *Эрина*, именовалась въ Средніе Вѣка *Скоціею*, а обитатели ея назывались *Скѳтами*. Преданія Шотландіи и Ирландіи согласно почитаютъ за одно *Скѳтовъ Албаніи* (Гористой Шотландіи) и *Скѳтовъ Иберніи*. Вотъ начало мнимаго происхожденія отъ Ирландскихъ Королей, которымъ тщеславился самъ Іаковъ I-й передъ Ирландскими Депутатами. Отселѣ также и постоянная дружба двухъ народовъ. Только Шотландскіе переселенцы были пощажены во время убійствъ 1641 года; а Шотландія, не смотря на свое противоборство Папизму, безпрерывно старалась объ уравненіи Католиковъ — такъ мало раздоръ сей есть раздоръ религіозный.

Digitized by Google

Дѣйствительно, сочувствіе-ли Шотландца, или благосклонность къ Католицизму были причиною, только Іаковъ желалъ блага Ирландіи. Но если даже Елисавета, Королева по сердцу Англійскаго народа, славная поборница Реформаціи, затруднялась въ исполненіи своихъ добрыхъ намѣреній, касательно сей несчастной страны, то какія препятствія ожидали Государя-чужеземца, подозрѣваемаго въ маломъ усердіи къ Протестантизму? Іаковъ часто дѣйствовалъ неудачно въ попыткахъ своихъ на пользу Ирландіи, и наконецъ именно то предпріятіе, въ которомъ онъ имѣлъ наиболѣ успѣха, было пагубно для покровительствуемаго имъ дѣла.

О'Ніаль, Графъ Тейронскій, Фицъ-Джеральдъ, Графъ Десмондъ, и нѣкоторые другіе владѣльцы, были побѣждены, и владѣнія ихъ присоединены къ владѣніямъ государственнымъ. Но сіи обширныя земли, необитаемыя и опустошенныя, не давали никакого дохода, и служили надежнымъ убѣжищемъ для разбойниковъ, которыхъ бываетъ множество во всѣхъ странахъ, угнетенныхъ и худо управляемыхъ. Уже Елисавета думала употребить ихъ на пользу Ирландіи, поселивши въ дикихъ округахъ Мунстера, отнятыхъ у Десмонда, колонію Англійскую и Ирландскую, отъ которой ожидали счастливыхъ послѣдствій для тамошней обра-

Digitized by Google

зованности. Предпріятіе оказалось неуспѣшно; однако это не удержало Іакова испытать его снова, въ прежнихъ владѣніяхъ О'Ніаля, въ Олстерѣ; но онъ рѣшился послать туда уже однихъ Англичанъ и Шотландцевъ. Планъ его чрезвычайно понравился въ Англіи; всѣ старались ему способствовать; даже городъ Лондонъ, воспламеняясь усердіемъ, вполовину Протестантскимъ, вполовину коммерческимъ, ходатайствовалъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ, и славный городъ Лондондерри возникъ отъ дозволенія, даннаго Лондонскому Сити заселить часть Графства Дерри.

Безъ Реформаціи, безъ укоренившейся между двумя народами ненависти, раздиравшей Ирландію, сіи колоніи, принося ей образованность и познанія, въ которыхъ нуждалась она столь сильно, конечно произвели-бы благотворное дѣйствіе на туземныхъ ея жителей, и представили-бы средство легко совершить необходимыя для нея измѣненія. Но когда болѣе нежели четыре столѣтія войны и оскорбленій запечатлѣли кровью отдѣленіе Англіи отъ Ирландіи, когда проклятія религіозныя ознаменовали народную ненависть, когда вся страна была раздѣлена между притѣснителями недавними и притѣснителями настоящими, когда отчаянныя битвы пробудили всю непріязненность, всѣ воспоми-

Digitized by Google

нанія мстительныя—было-ли благоразумно, было-ли полезно бросить въ этотъ хаосъ народонаселеніе чуждое странѣ, ненавистное для нея по своей религіи, и водворить его на землѣ старыхъ обитателей, побѣжденныхъ въ такомъ дѣлѣ, которое они считали святымъ, потому что оно было непріязненно Англіи? Справедливо-ли, и даже прилично-ли было, подъ предлогомъ неустройства, для собственной выгоды обобрать людей, и для новыхъ пришельцевъ гнать ихъ съ тѣхъ земель, которыми предки ихъ владѣли цѣлые вѣка? Не возобновлялось-ли, этимъ подтвержденіемъ преимущества Протестантовъ, пагубное различіе между Ирландцами, которое такъ старался изгладить Король Іаковъ? Не производили-ли такимъ образомъ раздѣленій, болѣе глубокихъ нежели тѣ обременительные статуты, коихъ уничтоженіе онъ вмѣнялъ себѣ въ особенную честь? Это значило снова начать завоеваніе, когда старались изгладить и воспоминаніе объ ономъ; значило водворить среди страны новый народъ, который долженъ сражаться и съ религіознымъ отвращеніемъ, и съ народною ненавистью, и съ завистью къ изливаемымъ на него милостямъ; значило пріуготовить своимъ преемникамъ, или ихъ правителямъ, средство возобновить пагубную политику Плантагенета наконецъ, это значило, однимъ и тѣмъ-же

Digitized by Google

ударомъ задержать образованіе Ирландскаго отечества и дѣйствительное соединеніе его съ Англіею.

Сколько ни были несчастливы усилія Іакова I-го, должно однако отдать ему ту справедливость, что онъ испытывалъ ихъ съ прекраснымъ намѣреніемъ, и былъ изъ Англійскихъ Королей первый, благорасположенный къ Ирландіи. Уже твердый умъ Елисаветы освободился въ этомъ отношеніи отъ Англійскихъ предразсудковъ; Іаковъ, который не могъ имѣть ихъ, искренно заботился о благѣ сего Королевства, и по истинѣ отъ него началась перемѣна въ расположеніи Правительства къ Ирландіи. Со временъ Іакова Стюарта, Короли Ирландскіе уже не были врагами его; къ несчастію, прошло много времени, прежде нежели добрая воля ихъ или равнодушіе возымѣли сильное дѣйствіе на жребій страны.

Карлъ I-й наслѣдовалъ своему отцу, и подъ властію супруга Генріетты-Маріи ожидали Ирландцы лучшихъ временъ. Самъ Король руководствовался правилами единовластія, и не могъ ужиться съ Англійскою независимостью; онъ былъ фанатически приверженъ къ Іерархіи, и не понималъ быстрыхъ успѣховъ народа на пути Реформаціи; онъ поссорился съ Парламентами; видѣлъ, что Пресвитеріянская Шотлан-

Digitized by Google

дія и вольная Англія гошовы защищать, во чшобы то ни стало, свою вѣру и свои права, и конечно съ удовольствіемъ помышлялъ, что по другую сторону пролива Святаго Георгія есшь обширная, прелесшная сшрана, обишаемая нѣсколькими милліонами народа, гдѣ уважаюшъ власшь Епископовъ и не говоряшъ о Парламеншской свободѣ. Можешъ бышь, онъ обращалъ вшайнѣ свои взоры къ эшому Королевсшву, презрѣнному, унижешному, угнешенному, извѣсшному Англійскимъ Королямъ шолько своими возмущеніями, конфискаціями, эшафодами, и еще недавно сшрадавшему подъ управленіемъ Вентворша. Но, вскорѣ, всю надежду Карла съ сей сшороны уничшожило пагубное собышіе, снова повергнувшее Ирландію въ ужаснѣйшія бѣдсшвія и ускорившее ходъ Англійской революціи.

Послѣ вѣковъ сшраданія и множесшва обманушыхъ ожиданій, еще разъ не досшало у Ирландцевъ шерпѣнія. Нѣкошорые Кашолики, оскорбленные жесшокимъ для нихъ законодашельсшвомъ, униженные опягощеніемъ опъ сшоль небольшаго числа людей, раздраженные конфискаціями Іакова въ пользу милой ему колоніи, возбуждаемые духовными, кошорые въ Испаніи научились не признавашь никакой обязанносши къ ерешикамъ, одушевленные воинсшвеннымъ

Digitized by Google

примѣромъ Шотландскихъ инсургентовъ, и, можетъ быть, думая, что найдутъ благосклонность у трона, гдѣ до сихъ поръ встрѣчало ихъ только жестокое предубѣжденіе, рѣшились взяться за оружіе, отмстить въ одинъ день за обиды пяти вѣковъ, и очистить Эринъ отъ Протестантовъ, а еще болѣе отъ Англичанъ. Мгновенно вся страна объялась огнемъ; звѣрскія шайки начали рыскать по ней во всѣхъ направленіяхъ; ни одна изъ общественныхъ силъ не была готова къ сопротивленію: добрые граждане спѣшили въ города, помогать, но тамъ не ввѣрялись Католикамъ, Англо-Ирландцамъ. Лорды *Пеля* достали съ великимъ трудомъ нѣкоторое количество оружія, но вскорѣ оно было отнято у нихъ. Всякій, кто не былъ урожденцемъ Дублина, получилъ приказаніе удалиться отгуда, изъ опасенія какихъ нибудь сношеній съ возмутившимися, и все мирное народонаселеніе было предано, безъ всякой защиты, истребленію, при чемъ съ первобытною жестокостью воскресла прежняя ненависть, облитая ядомъ ужаснаго фанатизма. Повсюду льется кровь; всѣ думаютъ только объ отмщеніи; древній Милезіецъ съ наслажденіемъ купается въ крови чужеземца; Папистъ управляется самъ за оскорбленіе его ближнихъ; старинный поселенецъ требуетъ у пришлецовъ земель, отнятыхъ у него

Digitized by Google

для увеличенія ихъ владѣній, и вскорѣ Англійскій Парламентъ узнаетъ, что въ двухъ шагахъ отъ него почитается преступленіемъ и смертнымъ приговоромъ имя и вѣра Англичанина.

Возмутившіеся, между тѣмъ, увѣряютъ, что они преданы Королю; Парламентъ объявляетъ Карла согласнымъ съ ними и беретъ на себя усмирить это ужасное возстаніе. И такъ Ирландія предана раздраженному Парламенту: это рѣшеніе предвѣщаетъ ея жребіи; будетъ совершено ужасное мщеніе за *смертоубійства Папистовъ;* оно поразитъ вмѣстѣ съ виновными и невинныхъ; все, что станетъ сопротивляться Парламенту, почтутъ участвующимъ въ возмущеніи. Съ Диллонами и Меіо поступятъ такъ-же какъ съ О'Ніалями и Макъ-Гюирами, хотя первые уничтожили въ Коннаугѣ кровавыя усилія послѣднихъ; но за то, для благосостоянія Ирландіи, каждый Протестантскій палачъ будетъ расхваленъ и обогащенъ, когда Кромвель *завоюетъ* Ирландію во имя Парламента, осѣтитъ Ирландскихъ Католиковъ въ Коннаугѣ, запретивъ имъ выходить отттуда, и раздастъ ихъ имѣнія тѣмъ, которые служили въ этой *святой* войнѣ своимъ оружіемъ или деньгами.

Послѣ этого, участь Ирландіи была рѣшена на много лѣтъ. Партія оскорбленная побѣдила

Digitized by Google

ее, и для нея не оставалось уже никакой надежды на справедливость, и даже на милосердіе. Послѣ неистовствъ, которыми она запятнала свое дѣло, ни одинъ великодушный голосъ не смѣлъ возвыситься въ пользу ея. Все казалось дозволеннымъ противъ этого вертепа разбойниковъ, и когда правосудіе совершило свою обязанность, мщеніе почитало свою только что начатою. Съ этой пагубной эпохи, Ирландія была до самаго сердца охвачена врагами новыми, и должна была не столько бороться съ предубѣжденіями Англійскаго Правительства, сколько защищаться отъ собственныхъ своихъ обитателей. Горькое воспоминаніе объ оскорбленіяхъ отдѣлило отъ нея, навсегда, колонистовъ Ольстера и Моунстера; сознаніе въ несправедливостяхъ и въ заслуженной ненависти, сдѣлало непримиримыми ея врагами солдатъ Кромвелевой арміи; изъ людей этихъ двухъ разрядовъ, уже столь гибельныхъ при самомъ началѣ своемъ, возродились, для большаго бѣдствія, Оранжисты и Брауншвейгцы, которые могутъ похвалиться тѣмъ, что въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ, они, во имя Церкви и Государства, производили все зло, какое дѣлалось въ Ирландіи, и вредили всякому добру, какое другіе хотѣли тамъ сдѣлать. Безъ пагубнаго переселенія, выдуманнаго Іаковомъ I-мъ, возмущеніе 1641 года, если-бы и случилось, то не имѣло-бы такихъ

Digitized by Google

губительныхъ слѣдствій. Парламентъ немного озабошился-бы тѣмъ, что Ирландцы или Католики рѣжутъ другъ друга: онъ уже довольно привыкъ къ этому и ни мало не безпокоился о ихъ распряхъ; но когда взялись за людей его поколѣнія, его религіи, тогда никакое наказаніе не было въ глазахъ его довольно строгимъ, никакое мщеніе не казалось ему слишкомъ жестокимъ, и онъ довершилъ бѣдствія Ирландіи, заключивъ съ Англійскими *искателями приключеній* тотъ странный торгъ, по которому утверждались за ними земли, отнятыя у мятежниковъ. Нѣтъ убійства, нѣтъ жестокости, которыя были-бы и вполовину столь вредны для Ирландіи, какъ эта пагубная уступка. Мидлетонъ и Лаудердаль долго опустошали, во имя религіи Государства, отчизну Стюартовъ и послѣднее Королевство ихъ во время революціи. Но каковы-бы ни были ихъ систематическія жестокости, наконецъ они прекратили ихъ; Шотландія отдохнула; дѣти наполнили пустыя мѣста отцовъ, и вскорѣ все возстановилось въ этой странѣ, освобожденной отъ своихъ тирановъ. Но умеръ Кромвель, опять возстали Стюарты, и менѣе-ли была населена Ирландія врагами, въ которыхъ готовились ей измѣнники? Когда рана въ сердцѣ, то отъ кого ждать исцѣленія, и гдѣ искать лекарства? Со своими неправедными законами, непріяз-

Digitized by Google

ненным управленіемъ, судилищами пристрастными къ партіи, и со своею коварною нетерпимостью, Оранжисцы стоили Ирландіи болѣе слезъ и крови, нежели сколько заставили-бы пролить оныхъ Кромвель, его солдаты, и его палачи.

Новые Государи старались успокоить эту несчастную страну и загладить нѣкоторыя несправедливости. Но что могъ сдѣлать Карлъ II-й, вскорѣ потерявшій народную любовь и подозрѣваемый въ Католицизмѣ! *Заговоръ Папистовъ* рѣшительно обезоружилъ добрую волю его, и когда Іаковъ II-й взошелъ на тронъ, Протестантская партія, предупрежденная, обиженная, была готова къ защитѣ и созрѣла для побѣды. Усилія Короля возстановить древнюю вѣру, недавно принятую имъ, были почтены измѣною; такъ думалъ не только народъ Англійскій, рѣшившійся сохранить свою вѣру и свободу, но и та горсть Ирландскихъ Протестантовъ, которые почитали справедливымъ, для удовлетворенія своимъ мнѣніямъ, принудить цѣлую Ирландію обойдтись безъ собственной ея религіи. Тѣмъ болѣе раздражаемые, чѣмъ болѣе видѣли они себя въ опасности, потому что голосъ народа одобрялъ оскорбленія, дѣланныя имъ, Протестанты Ирландскіе, Англикане или Диссиденты, увидѣли съ восторгомъ новаго

Digitized by Google

Короля, и, радуясь что Вильгельмъ *поддержитъ* ихъ права, бросились къ оружію, дабы, во имя народныхъ вольностей и свободы совѣсти, поставить надъ Ирландскими Католиками Короля Голландца и Кальвиниста. Съ своей стороны, Ирландія, истинная, народная Ирландія, съ увлеченіемъ прилѣпилась къ праву, столь тѣсно связанному съ ея существованіемъ, и въ то время, когда Вильгельмъ Нассаускій уже четыре года сидѣлъ на тронѣ, Лиммерикъ еще сопротивлялся. Это мужественное и безполезное упорство было новымъ обвиненіемъ противъ Ирландіи, не въ глазахъ Вильгельма, который могъ оцѣнить все великое и понять все справедливое, но въ глазахъ изступленныхъ реформистовъ и побѣдоносныхъ Англичанъ. Къ названію *Папистской* Ирландіи было присоединено названіе *Якобитской*, что было вредно для нея, и еще болѣе отвращало Англичанъ. Врагъ Ирландіи по волѣ укрывался подъ именемъ Оранжиста или Протестанта, и Правительство снова начало смотрѣть съ недовѣрчивостью на эту страну, у которой оспоривали всѣ права и желали ей бѣдствій.

Съ этого времени Ирландія вступила на тотъ путь, по которому идетъ она и въ наше время, и котораго самые ужасы не представляютъ ничего кромѣ однообразія. На нее глядѣли съ

Digitized by Google

презрѣніемъ и съ ненавистью рѣшители ея участи; ее обвиняли, обносили многіе изъ ея сыновъ; ею управляли какъ непріятельскою колоніею. Въ ней не признавали никакого права. Если торговля или промышленность ея возбуждали малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ ревнивой Англіи, то этого было довольно, чтобы все истребить, безъ раздумыванія и даже безъ всякаго сожалѣнія. Если строгая и даже неправосудная мѣра казалась необходимою для робкихъ Оранжистовъ, которые устрашались малочисленности своей передъ такимъ множествомъ ненавистей, то ни законъ, ни жалость не останавливали и не смягчали ихъ жестокости. Если безпрестанно возраставшая бѣдность раждала преступленія, то для удержанія отъ нихъ прибѣгали также къ преступленію, и никогда, никому не приходило на мысль остановить ихъ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ эшафода. Униженіе всей страны, угнетеніе Католиковъ: таковы были основныя правила всѣхъ дѣйствій, и при этомъ опасались только того, что еще не довольно дѣлаютъ для достиженія къ сей святой цѣли. Съ каждымъ годомъ увеличивались строгости, потому что съ каждымъ годомъ увеличивались безпорядки: свирѣпые бродяги, доведенные до отчаянія, проливали рѣки крови въ Ирландіи, и падали, во имя жестокаго законодательства, подъ мечемъ солдатъ, столь-

Digitized by Google

же свирѣпыхъ какъ они. Смерть ихъ призывала къ мщенію родственниковъ ихъ и друзей, и вскорѣ нужны были новые палачи для новыхъ убійцъ. Бѣдность, съ каждымъ днемъ болѣе страшная, собирала толпы разбойниковъ и увеличивала общее раздраженіе; ужасы 1641 года казались безконечными, и ни чье воображеніе не могло предугадать, какая судьба ожидала сію несчастную страну, когда Провидѣніе опредѣлило, что уже время положить конецъ преступленіямъ и бѣдствіямъ, которыя грозили превратить въ пустыню, въ груды пепла окровавленнаго этотъ Эринъ, именовавшійся нѣкогда драгоцѣнностью Запада и Островомъ Святыхъ.

Въ то время когда партіи прибѣгали къ оружію и однѣ передъ другими опличались звѣрствомъ, разумъ, правосудіе шли своимъ путемъ въ мірѣ: явились люди, которые громко провозгласили право каждаго вѣрить тому, въ чемъ онъ убѣжденъ, и обязанность Правительствъ заботиться о благѣ народовъ; они признали тиранствомъ и безуміемъ желаніе управлять совѣстью и судить людей по рожденію; они утвердили, что тѣ или другіе догматы не ослабляютъ качествъ гражданина, и что различіе происхожденія отъ того или другаго народа не имѣетъ никакого отношенія

Digitized by Google

къ правамъ человѣка. Сначала это казалось слишкомъ смѣло и было почитаемо утопіею мечтателей. При такомъ понятіи, дѣла шли прежнимъ порядкомъ; только въ душахъ отзывалось непріятное чувство, когда слышали обличеніе себя въ неправотѣ. Однакожъ, постепенно утверждая и распространяя свои мнѣнія, философы убѣдили въ нихъ людей всѣхъ сословій, всякаго сословія, всякаго происхожденія, судей, духовныхъ, вельможъ, и тысячи простыхъ гражданъ. Нѣсколько могущественныхъ Англичанъ, которые съ открытою душою приняли сіи правила, рѣшились напослѣдокъ спросить: не льзя-ли примѣнить оныхъ къ Ирландскимъ Католикамъ? И не справедливѣе-ли, не сообразнѣе-ли съ политикой, не раззорять Католиковъ, не унижать, не умерщвлять, а успокоить и освободить?

Конечно, не велико было число людей, пробудившихся отъ своего пагубнаго усыпленія при этомъ лучезарномъ свѣтѣ; но голосъ ихъ былъ силенъ, потому что намѣреніе было чисто; мнѣніе ихъ было могущественно, потому что оно было безкорыстно.

Къ ихъ усиліямъ спѣшили присоединить свои усилія и прямые патріоты Ирландскіе. Они

Digitized by Google

обсудили шакже, что сила есть худой судья раздоровъ, и что слабымъ никогда невыгодно требовать отъ нея рѣшенія. Они стали—не возмущаться, а соединяться; они оставили своихъ White-Boys (*), и образовали изъ себя комитетъ, общество, и спокойно, однакожь съ твердостью и постоянствомъ, начали просить сначала покровительства, потомъ правосудія, и вскорѣ уравненія съ другими. Мы не будемъ слѣдовать за продолжительными ихъ усиліями, ихъ неудачами, иногда успѣхами, и за всегдашнимъ ихъ постоянствомъ въ достиженіи къ предположенной цѣли. Повѣствованіе обо всемъ

(*) Извѣстно, что шайки грабителей и убійцъ, опустошавшихъ Ирландію, имѣли каждая свое особенное названіе. Знамениты были, между прочимъ: white-boys, *бѣлые ребята*, названные такъ потому, что сверхъ платья надѣвали они рубаху; *дубовыя сердца*, которые носили дубовую вѣтку на шляпѣ; ribbond-men, перевязанные лентами; carders, чесальщики шерсти. Сіи послѣдніе получили свое странное названіе отъ того, что они терзали и убивали кардами людей, которыхъ почитали виновными противъ себя. Ирландецъ Кроу написалъ довольно занимательный романъ изъ ихъ Исторіи.

Digitized by Google

этомъ уже нашло мѣсто въ Журналѣ нашемъ (*), и повторять его было-бы по крайней мѣрѣ безполезно. Но мы счастливѣе Автора упоминаемаго повѣствованія. Разсказавъ о борьбѣ, мы можемъ упомянуть и о побѣдѣ; можемъ говорить, какъ о событіи конченномъ, которое свершилось невозвратно, объ этомъ уравненіи, предметѣ стольких требованій, стольких отказовъ, и, еще не въ давнее время, по мнѣнію многихъ, предпріятіи несбыточномъ.

Уравненіе совершилось мирно, законно, не было куплено пролитіемъ и одной капли крови. О'Коннель и Шиль завоевали его, и Лордъ Веллингтонъ далъ его. Благодаримъ за это Бога! Великая несправедливость не существуетъ, и много притѣсненныхъ вошли въ свои права. Это прекрасно; только этого еще недовольно; предубѣжденія Реформаціи почти изглажены, но предубѣжденія завоеванія и шестивѣковыхъ угнетеній еще живы. Правительство

(*) См. Телеграфъ 1830, N 9-й: *Исторія Ирландскихъ Католиковъ*. Статья сія была заимствована изъ того-же самаго иностраннаго Журнала, изъ котораго заимствуемъ и представляемую нынѣ читателямъ. *Изд.*

Digitized by Google

Англійское сдѣлало великій шагъ на пути справедливости, открытомъ Іаковомъ I-мъ; но много-ли еще остается ему пройдти на семъ пути? Этого не можетъ знать ни одинъ человѣкъ; однакожъ позволено утверждать, что оно должно идти впередъ.

Въ книгѣ Шиля: *Народныя сцены Ирландіи*, гдѣ развивается патріотическое его дарованіе, съ такимъ блескомъ явившееся въ великомъ дѣлѣ служенія отечеству—въ этой книгѣ видна Ирландія нынѣшняя, настоящая, какою сдѣлали ее Генрихъ II-й и Кромвель, и какою оставило уравненіе; Ирландія, со своимъ настоящимъ, обремененнымъ вѣками, и своими нравами всѣхъ вѣковъ; Ирландія, земля разгула и нетерпимости, безпечности и фанатизма, преданности и измѣны, независимости и рабства, роскоши и нищеты, изнѣженности и варварства, добродѣтелей и злодѣяній; Ирландія, со своею народною арфою (*), со своимъ зеле-

(*) Гербъ Ирландіи представляетъ арфу, нѣсколько похожую видомъ на арфу Царя Давида. Впрочемъ, кажется также, что фигура Ирландскаго герба взята съ небольшой, ручной арфы изъ проволоки, бывшей въ употребленіи у бардовъ.

Digitized by Google

нымъ знаменемъ (*), со своимъ вѣнкомъ изъ *шамрока* (**); Ирландія, трепещущая жизнію, гнѣвомъ и надеждою! По примѣру древнихъ героевъ, Шиль, окончивъ бишву, положилъ оружіе и воспѣлъ побѣду. Долго, долго эхо Эрина не повторяло звуковъ тріумфа, и въ *Мелодіяхъ* барда ея чувствуете однѣ слезы.

Впечатлѣнія совершенно различныя, чувствованія совершенно противоположныя волнуютъ душу при чтеніи этой книги. Глядя на сцены одной и той-же страны, одного и того-же времени, думаете, что вы присутствуете въ раз-

---

(*) Мы уже означили выше, отъ чего зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ Ирландіи.

(**) Shamrock, родъ трилистника, очень любимъ Ирландцами, которые говорятъ, что Святый Патрикъ, не зная какъ растолковать язычникамъ-Ирландцамъ таинство Святыя Троицы, сорвалъ вѣтку трилистника и показалъ имъ три листочка, соединенные на стеблѣ. Тогда они поняли его. Въ одной изъ Мелодій Мура есть припѣвъ:

Oh the shamrock, the green, immora shamrock,
Chosen leaf
Of bard and chief,
Old's Erin native shamrock!

Digitized by Google

личныхъ вѣкахъ, и въ различныхъ мѣстахъ, чрезвычайно раздѣленныхъ временемъ и пространствомъ. Поэтическая и пагубная оригинальность Ирландіи, ибо Государство, раздѣленное само въ себѣ, не можетъ существовать!

Послѣдуйте за Шилемъ, сначала въ засѣданіе Клонмельскаго Суда, которое описываетъ онъ съ такою ужасающею истиною; послушайте разсказа объ умерщвленіи невинныхъ братьевъ доносчика; замѣтьте чувствованія обвиняемыхъ и Судей, безстрастіе первыхъ и боязнь послѣднихъ, непріязненное расположеніе зрителей, трудность достать свидѣтелей противъ виновныхъ, почтеніе, которымъ сопровождаютъ ихъ смерть и памятованіе о нихъ; — тотчасъ народное мщеніе и ненависть поколѣній предстанутся уму: въ *Марахъ* вообразите вы побѣдителей, измѣнически убитыхъ побѣжденными, въ *Когахъ*, приведенныхъ передъ судилище, сообщниковъ О'Коннора, судимыхъ Перами Стронгбоу.

Оборачиваю страницу, начинаю краткую, ясную Исторію Католическихъ обществъ, и вотъ я опять на почвѣ законности, умѣренности, разсудительности. Я слышу разбирательства мирныя, я свидѣтель усилій благоразумныхъ, приверженности полезной. Здѣсь рве-

Digitized by Google

ніе превратилось въ благоразуміе; вмѣсто заговорщиковъ я вижу только адвокатовъ.

Теперь взглянемъ на портретъ О'Коннеля, очерченный съ испанною и тонкостью, и мы увидимъ соединенными въ немъ почти всѣ анахронизмы страны: передъ нами Ирландія всѣхъ вѣковъ, всѣхъ образованностей въ одномъ, *многообразномъ* лицѣ *великаго волнователя*. По этой напыщенной ненависти къ Англичанамъ-похитителямъ, по этимъ хвастливымъ обѣщаніямъ избавленія, по этому глубокому убѣжденію, что Ирландія возобладаетъ своею независимостью, по этимъ высокопарнымъ личнымъ надеждамъ, по этому краснорѣчію *Митинговъ*, по этому зеленому экипажу, по дарованію играть на арфѣ, по любви къ возгласамъ, къ здоровьямъ, къ торжеству—кто не узнаетъ потомка Инверрагскихъ Королей, который безъ несправедливости Судьбы самъ былъ-бы Королемъ? Развѣ онъ не достойный ратоборецъ набожнаго, Католическаго народонаселенія, онъ, этотъ дворянинъ, который нѣкогда ѣздилъ за море, въ Сентъ-Омеръ, учиться и предаться на чуждой землѣ Духовенству преслѣдуемой вѣры его народа, этотъ глубокій теологъ, который еще любитъ занятія духовными дѣлами, хотя и отказался отъ нихъ?

Digitized by Google

Килькенниское собраніе развѣ не воскреснетъ со славою въ начальникѣ Общества Католическаго? Развѣ не узнаютъ всего, что претерпѣла и чего желаетъ Ирландія, если станутъ совѣщаться съ Даніиломъ О'Коннелемъ, «гордостью Керрея и славою Моунстера?» Впрочемъ, это не потому, чтобы О'Коннель изсохъ надъ изученіемъ своего предмета, и чтобы глубокое познаніе бѣдствій отечества сдѣлало изъ него пашріота съ блѣднымъ лицомъ, со впалыми щеками и строгою физіогноміею: у *освободителя* цвѣтущее лицо, улыбающійся видъ, веселый духъ. Состояніе его, уже теперь порядочное, грозитъ скоро быть очень значительнымъ; онъ живетъ въ великолѣпномъ домѣ, въ прекраснѣйшей части Дублина; у него роскошная карета, превосходныя лошади; всякій досужный часъ проводитъ онъ весело, впрочемъ, надобно сказать, всегда напередъ обезпечивши выгоды своихъ кліентовъ. О'Коннель искусный, неутомимый адвокатъ; онъ заваленъ дѣлами, о которыхъ забошится усердно, совѣстно, страстно. Тонкость его во всемъ, что относится къ Праву, и превосходное знаніе всѣхъ крючковъ приказныхъ, славны, ибо никто лучше его не умѣетъ управлять Присяжными и выигрывать тяжбы. Посидѣвши довольно надъ бумагами, онъ бросаетъ ихъ и вмѣстѣ съ ними свое ремесло; онъ наряжается въ платье придворнаго,

Digitized by Google

превращается въ Барона, и спѣшитъ украсить своею славою выходъ Вице-Короля, или привѣтствовать Георга IV-го на берегу Дублина, и явиться въ изліяніи сердца болѣе искреннимъ подданнымъ, нежели *дикимъ Ирландцемъ*. Явно, что въ О'Коннелѣ заключена не только *одна* старая Ирландія; на зло своему Милезійскому имени, онъ есть произведеніе смѣси двухъ народовъ: настоящій Англо-Ирландецъ, съ ихъ противоположностями, а иногда и съ ихъ смѣшными сторонами.

Созданіе столь странное, столь мало сообразное съ самимъ собой, не могло быть долго разсматриваемо съ важностью. Почему-то, не смотря на политическія связи, и кажется на запасъ снисходительности искренней, Шиль не могъ вóзлетѣть до народнаго энтузіазма въ очеркѣ своемъ. Не слишкомъ почтительная, хотя и дружеская насмѣшливость, которою проникнутъ остроумный отрывокъ его объ О'Коннелѣ, могла-бы заставить позабыть, если-бы Авторъ не напоминалъ самъ часто, что дѣло идетъ объ *освободителѣ* Эрина, о мужественномъ, любезномъ народу защитникѣ угнетеннаго отечества.

Описавъ народнаго героя Ирландіи, Г-нъ Шиль ведетъ насъ на знаменитый Meeting въ

Digitized by Google

Клерѣ (гдѣ можетъ быть рѣшено было уравненіе Кашоликовъ), и подробнымъ описаніемъ онаго заключаетъ свою книгу.

И такъ насталъ день справедливости, который долго призывали обѣты Ирландіи и негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Свобода совѣсти сдѣлала еще одно завоеваніе въ мірѣ, и правосудіе на этотъ разъ не было вынуждено силою; право не имѣло надобности прибѣгать къ оружію и пятнать чистоту своихъ требованій неизбѣжнымъ, иногда, насиліемъ. Отнынѣ Ирландія не будетъ принуждена вѣрять своихъ жалобъ суду братьевъ, родственниковъ, друзей самихъ оскорбителей своихъ. Возвысится собственный голосъ ея, образуется собственное мнѣніе; она сама выскажетъ все, что есть у нея на сердцѣ. Богъ да покровительствуетъ ее на семъ поприщѣ, исполненномъ надеждъ въ будущемъ!

Заключимъ историческое изысканіе наше нѣсколькими вопросами.

Должно-ли съ набожностью внимать всѣмъ обѣщамъ Ирландскихъ патріотовъ, униженно отрекаться отъ своего разсудка, и, думая только о претерпѣнныхъ ими бѣдствіяхъ, воображать, что они всегда правы? Соглашаясь съ О'Коннелемъ, что остается еще многое

Digitized by Google

измѣнить въ его отечествѣ и уничтожить много несправедливыхъ законовъ, обязаны-ли мы почитать дурными всѣ мѣры, на которыя вздумаетъ онъ нападать? Одобряя вмѣстѣ съ нимъ Католическое управленіе въ Католическомъ Государствѣ, надобно-ли требовать Ирландскаго Парламента для Ирландскаго народа? Любя Ирландію и сострадая о ней, должно-ли упоминать о невозможномъ для нея отдѣленіи отъ Англіи, или о пагубномъ разъединеніи? Не имѣя возможности думать о ея независимости, должно-ли желать ей отдѣльнаго существованія? Не льзя-ли видѣть во всемъ этомъ заблужденія О'Коннеля и друзей его? Да! здравый смыслъ, здравый разсудокъ возвышаютъ свой строгій голосъ, и велятъ, съ неумолимымъ своимъ могуществомъ, оставить въ сторонѣ, для столь важнаго вопроса, патріотическую чувствительность, народное тщеславіе, страданія и ошибки отдаленнаго прошедшаго, поэтическія обольщенія надежды, безполезныя жалобы, изысканія юридическія и возгласы ораторскіе. Разсѣявъ всѣ сіи облака, затмѣвающія блескъ истины, они повелительно, искренно требуютъ, не того, что могло-бы быть счастіемъ и справедливостью въ теченіе вѣковъ, но того, что теперь благоразумно, хорошо, возможно.

Digitized by Google

Поставленный на сію точку зрѣнія, умъ не можетъ долго запрудняться въ рѣшеніи всѣхъ упомянутыхъ вопросовъ: очевидность разительна. Для Ирландіи нужно теперь не образованіе отдѣльнаго, своенароднаго Королевства: едва-ли и одинъ разсудительный человѣкъ посмѣетъ не только сказать, но и подумать объ этомъ! Разсудокъ указываетъ не на покорность или независимость, но на униженіе или равное съ Англіею существованіе. Ирландія должна составлять часть знаменитаго Британскаго Королевства, или — остаться завоеванною колоніею Англіи. Она должна, или вѣчно оплакивать свое паденіе, или стараться изгладить воспоминаніе объ оном; или быть управляемою чужеземцами, или соединиться съ братьями; или повиноваться Парламенту своему, который покоренъ Лондонскому, или избирать часть Парламента общаго. Однимъ словомъ: Ирландія не можетъ быть Королевствомъ отдѣльнымъ; она должна сдѣлаться истинно *соединеннымъ* съ Англіею Королевствомъ.

Digitized by Google

ЛОМБАРДСКАЯ АРХИТЕКТУРА (*).

Пересмотрите сочиненія, въ которыхъ говорится объ Исторіи Искусства въ Италіи; прочитайте путеводители, дорожники, описанія городовъ—почти на всякой страницѣ вы найдете слова: *Архитектура Ломбардская, стиль Ломбардскій, памятники Ломбардскіе.* Вы хотите знать смыслъ этихъ словъ? Тщетно

(*) Статья сія поясняетъ одну изъ основныхъ стихій Итальянской Архитектуры XV-го вѣка, которая перешла въ Россію съ Фіорованти-Аристотелемъ, Алевизомъ, Петромъ и Антоніемъ Фрязинами, и, соединясь потомъ съ собственно-Русскимъ и Византійскимъ вкусомъ, произвела наши Московскіе соборы, церкви, терема и дворцы временъ Іоанна III-го и его преемниковъ. Исторія Художествъ въ Россіи ждетъ еще своего Аженкура, и все, что служитъ матеріяломъ для сей Исторіи, должно быть собираемо тщательно. Сверхъ того, самое изложеніе сей статьи и главный предметъ ея достойны вниманія. *Издат.*

Digitized by Google

будете искать его. Нѣтъ никакого опредѣленія, никакихъ поясненій. Въ этомъ случаѣ полагаются на вашу проницательность, какъ будто говоря о дѣлѣ, извѣстномъ всѣмъ, какъ будто упомянутыя слова представляютъ уму вашему такую-же ясную, опредѣленную идею, какъ слова: *Архитектура Египетская*, *стиль Греческій*, *памятники Римскіе*. Есть однакожъ средство разрѣшить эту задачу; вотъ оно: обозрѣть лично и сравнить съ другими эти зданія, которыя называютъ Ломбардскими. И такъ, пускайтесь въ изысканія, подъ покровительствомъ туземнаго антикварія, какого нибудь старосты церковнаго или звонаря. Или, нѣтъ! остерегитесь этого, потому что недоумѣніе ваше будетъ увеличиваться на всякомъ шагу. Вамъ станутъ показывать памятники всѣхъ родовъ, всѣхъ стилей, всѣхъ вѣковъ. Здѣсь, древній архитравъ, тяжелыя колонны, простыя, твердыя стѣны Римскія; тамъ аркады, маленькія колонны, пышность, легкость, фантазія, Восточная прелесть. Сколькобы ни былъ неопытенъ глазъ вашъ, онъ тотчасъ увидитъ, что между этими различными родами Архитектуры есть разстояніе пяти или шести сотъ годовъ. Но не замѣчайте этого! Не думайте отрицать происхожденія одинакаго во всѣхъ этихъ памятникахъ, которые такъ пестры и чужды одинъ другому, и осо-

Digitized by Google

бенно берегитесь усомниться въ давности котораго нибудь изъ нихъ. Привратники и педели народъ безжалостный. Въ Италіи, какъ въ Парижѣ, и вездѣ, гдѣ только есть церкви, они не понимаютъ насмѣшки, когда идетъ дѣло о Генеалогіи и родословіи: они щекотливѣе самыхъ гордыхъ Бароновъ. По крайней мѣрѣ я никогда не сходилъ въ церковныя подземелья, безъ того что-бы не разсказывали мнѣ, какъ первобытные Христіане, во время мучениковъ, служили тамъ обѣдни; я никогда не видалъ церкви, даже со стрѣльчатыми сводами, но немножко грубаго мастерства и дурной отдѣлки, безъ того что-бы дьячекъ не завѣрялъ меня, что ее построилъ Карлъ Великій. А если еще, хотъ немного, окна въ нихъ съ полукруглымъ сводомъ, то непремѣнно должно вытерпѣть сказаніе, что ихъ строилъ Король Дагобертъ.

Какъ однакожь идти въ этомъ лабиринтѣ? Что дѣлать со всѣми этими памятниками? Что такое, наконецъ, значитъ Ломбардскій стиль? И точно-ли есть Ломбардскій стиль? Эти варвары, которые нахлынули на Италію подъ предводительствомъ Альбоина, принесли-ли они съ собой, изъ лѣсовъ своихъ, особый, собственный имъ родъ Архитектуры? Или, по крайней мѣрѣ, на землѣ Италіи не сдѣлались-

Digitized by Google

ли они архитекторами и не изобрѣли-ли неизвѣстнаго до нихъ стиля? Другими словами: не льзя-ли опредѣленнымъ образомъ означить состояніе Архитектуры въ Италіи до вторженія Лонгобардовъ, во время ихъ властвованія, и послѣ истребленія ихъ?

Нѣкоторые ученые Итальянскіе, Члены Аѳенея въ Бресчіи, хотѣли облегчить сердце, и, нѣсколько лѣтъ назадъ, привели въ исполненіе счастливую мысль: написать программу сего вопроса и сдѣлать его предметомъ состязанія.

Два Разсужденія обратили на себя отличное вниманіе Членовъ Аѳенея: одно, увѣнчанное наградою, есть сочиненіе Графа Кордеро де Санъ Киприно, Хранителя Египетскаго Музея въ Туринѣ; другое, которое удостоилось почетнаго упоминанія, есть трудъ двухъ молодыхъ людей, братьевъ Сакки.

Оба Разсужденія — что можетъ быть и угадываютъ читатели — представляютъ заключеніе, что Архитектуры Ломбардской вовсе нѣтъ; но выводы и событія, на коихъ основываются авторы, такъ различны, и, можно сказать, такъ противорѣчащи одни другимъ, что едва можно понять, какъ не привели они къ заключеніямъ различнымъ. Не оспоривая у

Digitized by Google

труда Г-дъ Сакки достоинства трудолюбивыхъ изысканій, и яснаго расположенія многочисленныхъ матеріяловъ, мы не можемъ скрыть, что у нихъ, по странному недоразумѣнію, выводы кажутся несогласимы съ первоначальными положеніями. Это доказываетъ, не то что выводы сіи ложны, но что путь, которымъ нечаянно дошли до нихъ, непремѣнно долженъ былъ сбить съ толку всякаго, кто сталъ-бы слѣдовать ему неуклонно. Посему, намъ кажется, что сужденіе Аѳенея совершенно справедливо. Опытъ Г-на де Санъ Кинтино не только превосходитъ сочиненіе Г-дъ Сакки, но и составляетъ, безъ всякихъ отношеній, трудъ отличный, исполненный глубокомысленныхъ взглядовъ: это, можно сказать, образецъ Археологической Критики. Жаль только, что при немъ нѣтъ плановъ и геометрическихъ очерковъ, которые въ приличныхъ мѣстахъ объясняли-бы текстъ. Пособіе гравировки было необходимо тѣмъ болѣе, что Авторъ писалъ языкомъ изящнымъ, иногда не употреблялъ техническихъ словъ, и замѣнялъ ихъ словоизвитіями, коихъ метафорическое выраженіе представляетъ смыслъ неопредѣленный и произвольный. Впрочемъ, съ нѣкоторымъ вниманіемъ и терпѣніемъ, мысли его становятся понятны, и о рисункахъ сожалѣете какъ о роскоши и усладженіи для глазъ.

Digitized by Google

Мы постараемся представить здѣсь мнѣнія Г-на Санъ Киптино объ Архитектурѣ Итальянской шестаго, седьмаго и осьмаго столѣтій. Но прежде необходимо обратиться къ первоначальнымъ памятникамъ Христіанства; безъ этого предисловія не льзя вполнѣ оцѣнить всей вѣрности выводовъ Автора. Мы предложимъ не столько изложеніе книги его, сколько поясненіе его идей. Почти все сочиненіе Г-на Санъ Киптино посвящено глубокомысленному разсмотрѣнію вѣка одной, весьма важной для рѣшенія вопроса церкви (Святаго Михаила, въ Павіи), и потому слѣдуя только за Авторомъ, мы, вѣроятно, были-бы оставлены, во время пути, многими изъ нашихъ читателей. Гораздо лучше представить общіе виды, ибо самый точный разборъ книги не всегда есть разборъ самый вѣрный.

Въ то время, когда Христіанство, послѣ трехъ вѣковъ молчанія и смиренія, вышло наконецъ изъ катакомбъ, изъ подземельныхъ церквей въ Италіи, и возсѣло на Императорскомъ тронѣ, существовали два рода Архитектуры въ той части древняго міра, гдѣ вскорѣ основалась Имперія Греческая. Тамъ не подражали болѣе и едва удивлялись прелестной чистотѣ мастерскихъ произведеній Аѳинъ и Коринѳа; тамъ воздвиглись памятники Римскіе, зданія

Digitized by Google

правильныя, въ которыхъ думали подчиняться основаніямъ древняго Греческаго стиля, но, снимая всѣ размѣры его, искажали ихъ неискусствомъ, и выкупали тяжесть неважною прочностью. Не смотря на желаніе Императоровъ, эта великанская Архитектура не могла утвердиться на землѣ изящества и прелести. Когда не стало Икктинусовъ, то могли-ли Римскіе легіоны сдѣлаться архитекторами Іоніи и Греціи? Тогда забыли первобытную чистоту. Подъ прекраснымъ небомъ Греціи могъ процвѣтать только новый стиль, подобный нынѣшней новой Философіи, которая разсѣкала Платона, забывая преданія древней Науки для мечтаній и міра невѣдомаго. Этотъ новый стиль дерзнулъ освободиться отъ всѣхъ законовъ, освященныхъ въ Мемфисѣ, въ Аѳинахъ и въ Римѣ, осмѣлился разбить архитравъ, воздвигнуть аркаду надъ аркадою, куполъ надъ куполомъ, и, также мечтательный и мѣлкій, умѣлъ выразить въ камнѣ и въ мраморѣ всѣ химеры воображенія, умѣлъ ослѣпить глаза и восхитить умъ тысячами колоннъ легкихъ и стройныхъ, множествомъ капителей, выкружекъ, и украшеній фантастическихъ.

Но откуда и какимъ образомъ явилась эта новая Архитектура? Можетъ быть, это узнали-бы мы, изучивъ Исторію и духъ народовъ

Digitized by Google

Сиріи, Персіи и особенно Іоніи, этой страны, столь обильной изобрѣтеніями, и, съ древнихъ временъ, много разъ непокорной правиламъ строгаго, симметрическаго вкуса. Но не будемъ останавливаться надъ этимъ изысканіемъ. Упвердимъ только, что въ Византіи и въ Малой Азіи, во время Константина былъ, вмѣстѣ съ заимствованнымъ отъ Римлянъ, и другой, описанный нами стиль. Восточный геній начиналъ расправлять свои крылья. Уже около X-го столѣтія онъ забавлялся, какъ робкое дитя, неправильными, но блестящими колоннадами Балбека и Пальмиры. Потомъ, возрастая съ каждымъ днемъ, онъ мало по малу сталъ независимымъ, и свободный, смѣлый, оригинальный, былъ уже совершенно своеобразенъ во время Юстиніана, когда по рисункамъ Исидора Милетскаго воздвигся въ Константинополѣ храмъ Святыя Софіи. Съ этого времени, Восточный вкусъ упвердился въ Имперіи Византійской. Римская Архитектура, оставленная съ давнихъ временъ, была совершенно забыта, и ново-Греческій стиль безъ соперничества господствовалъ во всѣхъ странахъ Востока. Подъ новою формою, которая заставляетъ вздыхать безусловныхъ противниковъ древней чистоты, но имѣетъ право на уваженіе болѣе снисходительныхъ друзей Изящнаго, геній старыхъ архитекторовъ Греческихъ пробудился, менѣе пра-

Digitized by Google

вильный, менѣе строгій, но блестящій жизнью, юностью, и болѣе дерзкій, болѣе чудесный. Греки въ другой разъ начали первенствовать въ этомъ великомъ и прекрасномъ Искусствѣ: отъ нихъ узнали тайну его Арабы, отъ нихъ распространилось ученіе онаго во всей Европѣ, когда послѣ пяти или шести сотъ лѣтъ мрака и эгоизма, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Западъ искалъ наконецъ свѣта на Востокѣ.

Но оставимъ Грецію; возвратимся къ Италіи того времени, когда вѣра Христіанская сдѣлалась свободна. Тамъ не было борьбы, не было соперничества между двумя Архитектурами: Римскій стиль одинъ господствовалъ на всемъ Западѣ. Правда, Діоклитіанъ, возвратившись послѣ войнъ въ Азіи, вынесъ съ собой тотъ нерѣшительный, своевольный стиль, которымъ знаменовались первые опыты Восточнаго рода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его дворецъ въ Спалатро, грубое подражаніе нѣкоторымъ частямъ Балбекскаго храма. Но эти грубыя начала, которыя ежедневно развивались и украшались на почвѣ Греческой, должны были остаться безплодными въ Италіи. Они еще болѣе отягчили вкусъ Римскій, они обезобразили простоту его, и не произвели ничего новаго. Ни одной искры воображенія не оставалось болѣе въ Италіи, истощенной осмью столѣтіями величія. По временамъ являлось, въ

Digitized by Google

какомъ нибудь изъ городовъ ея, зданіе, внушенное путешествовавшему архитектору измѣненіями на Востокѣ; но геній народный, отъ презрѣнія или отъ изнеможенія, не принималъ склонности къ нововведеніямъ, и даже въ томъ городѣ, который былъ свидѣтелемъ нововведеній, продолжали строить слѣдуя древнему образу, и прибавляя къ нему только немного болѣе тяжести и грубости. Вскорѣ сообщенія между двумя Имперіями стали рѣже; различіе генія двухъ народовъ, и различіе въ Христіанствѣ, все способствовало продолжительному отчужденію Италіи и Запада отъ архитектоническаго движенія на Востокѣ. Потомъ, варвары овладѣли границами: надобно было думать о защитѣ себя, а не объ оживленіи Архитектуры. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ присовокупилось еще одно, можетъ быть болѣе могущественное, которое долженствовало удержать въ Италіи преданія Римскія. Вмѣсто того, чтобы создать, подобно Христіанству Восточному, храмы новаго образа, Западное Христіанство приняло, для торжествъ вѣрованія своего, нѣкоторыя зданія Рима языческаго, и тогда какъ Христіане Восточные строили *церкви*, Западные примѣнялись къ *базиликамъ*. Скажемъ мимоходомъ, что эта черта можетъ служить знаменіемъ обѣихъ религій.

Digitized by Google

Извѣстно, что базилики въ Римскихъ городахъ были обширныя зданія, гдѣ отправлялось правосудіе. Послѣ засѣданія судей, тамъ говорили о дѣлахъ общественныхъ и торговлѣ. Это были и судилища и торговыя *биржи*. По наружности, эти гражданскіе памятники отличались отъ храмовъ строгою простотою. Ихъ не опоясывали колонны; на нихъ не было лѣпныхъ аттаблементовъ, и фронтоновъ съ богатымъ, величественнымъ полотномъ. Простыя стѣны, съ нѣсколькими, округленными вверху окнами, немногіе валики, рельефомъ, немногія выкружки для поддержанія кровли: вотъ все внѣшнее украшеніе древнихъ базиликъ. Внутри, два ряда параллельныхъ колоннъ образовывали по всей длинѣ зданія три галлереи, неравной ширины, изъ коихъ каждая имѣла свое назначеніе. Средняя, самая широкая и высокая, потому что она возносилась до самаго верха зданія, тогда какъ двѣ другія были перехвачены въ высотѣ своей вторымъ этажемъ, средняя галлерея была занята отчасти народомъ, отчасти адвокатами, писцами, свидѣтелями, и сводчиками или маклерами. Въ двухъ боковыхъ галлереяхъ помѣщались истцы: мужчины съ одной стороны, женщины съ другой. Наконецъ въ верхнихъ галлереяхъ находились Патриціи, жены ихъ и вообще всѣ значительные люди. Въ оконечности трехъ

Digitized by Google

галлерей было пустое пространство, а далѣе, напротивъ средней галлереи, полукруглое углубленіе, подлѣ стѣны котораго засѣдалъ Судья. Подлѣ него стояли, также полукругомъ вдоль стѣны, лавки для присутствующихъ. Это мѣсто правосудія называлось Судилищемъ.

Таковы были базилики во всей Имперіи. Въ каждомъ городѣ находились одна или многія. Но въ каждомъ городѣ были также и храмы. Христіанство, обративъ къ истинной религіи Императора, конечно могло, почти вездѣ, овладѣть сими храмами и примѣнить ихъ къ своему назначенію. Но вообще они были необширны, раздѣлены на мѣлкія отдѣленія, и предназначены только для священнослужителей и для нѣсколькихъ избранныхъ. Не такіе храмы надобны были для религіи, которая хотѣла допустить къ своимъ таинствамъ весь родъ человѣческій. Сверхъ того, храмы языческіе были осквернены: православные ужасались ихъ, и народы менѣе уважали-бы священниковъ, если-бы видѣли, что они занимаютъ тѣ-же самыя мѣста подъ этими сводами, гдѣ идолопоклонствовали жрецы, тогда какъ вѣра повелѣвала убѣгать и страшиться всего, что относилось къ идолопоклонству. Такимъ образомъ храмы были затворены, и Христіанамъ надлежало избрать одно изъ двухъ: или воздвигнуть зда-

Digitized by Google

нія по образцу совершенно новому, или приспособить памятники существующіе, готовые, но лучше нежели храмы расположенные для потребностей раждавшейся вѣры. Первое было благороднѣе и приличнѣе для религіи, но требовало труда и особенно воображенія; второе было исполнимѣе и сверхъ того сообразнѣе съ политикою. Это и приняли. Въ одинъ день базилики превратились въ Христіанскіе храмы. Прежнее, гражданское назначеніе ихъ не было осквернѣніемъ; напротивъ, оно было, въ глазахъ Епископовъ, можетъ быть еще новымъ достоинствомъ, ибо Римское Христіанство, по какому-то предчувствію будущаго своего назначенія, уже тогда помышляло не только о торжествѣ вѣры своей, но и о замѣненіи своимъ образованіемъ, юнымъ и полнымъ жизни, дряхлаго образованія прежняго гражданскаго общества. Возсѣдать на судейскомъ мѣстѣ, въ углубленіи базилики, значило для Епископа, нѣкоторымъ образомъ, наслѣдовать и Великому Первосвященнику и Судьѣ.

Да ничего не было и легче, какъ примѣнить базилики къ новому ихъ назначенію: живопись и мозаика облекли боковыя стѣны ихъ религіозными картинами; легенды, цифры, монограммы и другія таинственныя эмблемы покрыли стѣну полукруглаго углубленія. Касательно располо-

Digitized by Google

женія самаго зданія, почти все осталось какъ было. Епископъ занялъ мѣсто судьи, діаконы сѣли на мѣста присутствующихъ; вся часть базилики, называвшаяся прежде судилищемъ, получила названіе *пресбитеріи;* ее называли также *трибуною*, по воспоминанію о прежнемъ имени; впослѣдствіи, слово *апсидъ* взяло верхъ, потому что Греки именовали такимъ образомъ часть своихъ церквей, соотвѣтствующую задней части базилики.

Пустое пространство между трибуною и галлереями, было раздѣлено на три части: въ средней помѣстили алтарь; двѣ другія были предназначены для Сенаторовъ съ одной стороны, и для знатныхъ дамъ съ другой. Часть большой средней галлереи, которая была ближе всѣхъ къ алтарю, и еще недавно служила мѣстомъ для адвокатовъ и писцовъ, сдѣлалась вмѣстилищемъ пѣвчихъ. Ее назвали chorus, хоръ. По обѣимъ сторонамъ этого хора надобно было построить двѣ небольшія каѳедры, со ступеньками для всхода; на одной каѳедрѣ читали Посланія Апостольскія, на другой Евангеліе. Галлереи боковыя сохранили почти вполнѣ свое прежнее назначеніе; но въ нихъ были уже не истцы, не челобитчицы, а православные обоихъ половъ: мужчины въ правой, женщины въ лѣвой галлереѣ. Только два верхніе этажа были

Digitized by Google

предоставлены исключительно вдовамъ и дѣвицамъ, навсегда посвятившимъ себя Господу. Это были особы, пользовавшіяся тогда особеннымъ уваженіемъ въ обществѣ: съ покрываломъ на головѣ, онѣ всходили на сіи почетныя мѣста, присутствовать святому служенію. Ниже, на помостѣ средней большой галлереи, въ ближайшей къ дверямъ части, которая не была занята хоромъ, имѣли свое мѣсто оглашенные. Имъ дозволяли присутствовать въ храмѣ только во время проповѣди, и покуда продолжались наставленія, общія для всѣхъ. Но какъ скоро начиналось совершеніе таинствъ, одни вѣрные оставались въ боковыхъ галлереяхъ, а оглашенные выходили изъ базилики. Однакожь, чтобы не выставлять ихъ во время непогоды свирѣпости стихій, передъ фасадомъ входа былъ выстроенъ atrium, или преддверіе, большой дворъ, окруженный портиками съ колоннами. По срединѣ сего двора возвышалось небольшое зданіе, осьміугольной формы, поддерживаемое, такъ-же какъ и портики, колоннами или пилястрами: тамъ была купѣль. Прекрасная, великая мысль! Этотъ сосудъ очищенія и омовенія, помѣщенный такимъ образомъ внѣ храма и передъ дверьми святилища, былъ какъ-бы знаменіемъ, и для вѣрныхъ и для непосвященныхъ: онъ напоминалъ первымъ и научалъ другихъ, какимъ путемъ входятъ въ храмъ.

Digitized by Google

Другая мысль, не менѣе прекрасная и можетъ быть еще болѣе трогательная, выражалась тѣмъ, что подъ трибуною вырывали погребъ, который и назывался *исповѣдною*. Тамъ покоились мощи святыхъ, въ память тѣхъ временъ бѣдствія, когда вѣрные съ трепетомъ сходили въ сумракъ катакомбъ, совершать божественныя таинства на гробахъ мучениковъ.

Когда базилика такимъ образомъ была превращена въ Христіанскій храмъ, ея архитектоническое расположеніе сдѣлалось какъ-бы правиломъ вѣры. Церковь усыновила его и обратила въ догматъ, хотя расположеніе сіе было случайное, а не нарочно изобрѣтенное. Желая посвятить Богу Христіанъ новые храмы, благочестивый Константинъ и другіе Императоры воздвигали ихъ по образцу базиликъ. Тамъ роскошествовали украшеніями; употребляли золото, драгоцѣнные каменья, живопись, какъ новое убранство, и чтобы еще болѣе возвысить великолѣпіе храма, удвоивали въ немъ ряды колоннъ и дѣлали по пяти галлерей, вмѣсто трехъ, что видимъ напримѣръ въ церкви Святаго Павла. Но всѣ сіи перемѣны подробностей ни сколько не измѣнили главнаго расположенія зданія, и общій характеръ его оставался тотъ-же. Римскій стиль продолжалъ господствовать; Римскій стиль утвердился, когда Церковь приняла базилики; онъ послужилъ какъ-бы переходомъ

Digitized by Google

отъ вкуса и обычаевъ общества древняго къ новому.

Такова была Архитектура въ Италіи, когда, почти черезъ сто лѣтъ послѣ Константина, варвары перешли горы и ринулись вдоль береговъ Адріатическаго моря. Скоро все сокрушилось передъ ихъ могуществомъ, и Готѳы сдѣлались обладателями Италіи. Надобно-ли говорить, что эти люди, воспитанные только для войны и грабежа, не принесли съ собой новой системы для Архитектуры? Когда и случалось, что они производили постройки, въ которыхъ видно различіе съ Римскими, то это было единственно по инстинкту варварскому; они были такъ грубы, такъ неискусны, что не могли развить своего рода Архитектуры и ввести его въ употребленіе; сверхъ того, война не оставляла имъ досуга. Немногіе памятники, которые они построили, или, лучше сказать, велѣли построить, свидѣтельствуютъ, какъ мало думали они о нововведеніяхъ. Муратори и всѣ ученые Итальянцы согласны въ этомъ отношеніи. И здѣсь было тоже, что почти всегда бываетъ, когда побѣдители менѣе образованы нежели побѣжденные: Готѳы покорились обычаямъ и средствамъ Римлянъ. Взгляните на ротонду Равеннскую, которую построилъ Теодорикъ, желая быть схо-

Digitized by Google

ропенъ въ ней: тамъ все Римское; едва, въ частяхъ самыхъ побочныхъ, найдете вы нѣкоторые слѣды Восточнаго рода; а Теодорикъ еще былъ воспитанъ въ Византіи. Но у него работали Итальянцы, и онъ долженъ былъ сообразоваться со вкусомъ Италіи. Эша ротонда есть подражаніе мавзолеямъ Августа и Адріана, подражаніе, болѣе счастливое нежели можно было-бы ожидать отъ времени утомленія и невѣжества. Но геній Теодорика возжегъ умы нѣкоторыхъ художниковъ: онъ разсыпалъ ободренія и показывалъ религіозное уваженіе къ древнимъ зданіямъ. Онъ писалъ къ Даніилу и Симмаху, своимъ архитекторамъ; «Возстановите памятники, пострадавшіе отъ войны, но такъ возстановите, чтобы этого не было замѣтно, и чтобы древняя постройка ихъ была приведена только въ первобытное состояніе.» Мы были-бы счастливы, если-бы и теперь многіе, которые вѣрно почитаютъ свой вкусъ болѣе нѣжнымъ, нежели вкусъ Короля Варваровъ, удостоивали говорить архитекторамъ государственнымъ тоже, что говорилъ Теодорикъ своимъ.

Многіе другіе памятники, въ Сполетто, въ Римѣ, въ Террачинѣ, приписываемые также Готескому Королю, ознаменованы стилемъ совершенно Римскимъ, и можетъ быть менѣе лож-

Digitized by Google

нымъ, менѣе искаженнымъ нежели каковъ былъ стиль во время Діоклитіана. Когда изъ этихъ варваровъ выходили одаренные геніемъ люди, то они всевозможно старались подражать лучшимъ временамъ Рима, старались быть Цезарями и воскресить древнюю Имперію. Таковъ былъ въ позднѣйшее время Карлъ Великій. Въ эти времена упадка, идеалъ и утопія Философовъ были еще не въ будущемъ: тогда умѣли мечтать только о прошедшемъ. Воображеніе народовъ западныхъ, пораженное великимъ колоссомъ Римскимъ, не искало и не предчувствовало ничего выше его. Или варварство, или древній Римъ: средины не было.

Готѳы едва начали образовываться, когда могущество ихъ вдругъ поколебалось. Велисарій и Нарсесъ побѣдили ихъ, изгнали, и возвратили Императорамъ Италію, древнюю осѣдлость Имперіи. Греческій Экзархъ прибылъ изъ Константинополя въ Равенну, и поселился во дворцѣ Готѳскихъ Королей. Если-бы властвованіе Грековъ было продолжительнѣе, и если-бы новые варвары, которыхъ они столь неблагоразумно призвали къ себѣ на помощь, не кинулись на завоеваніе ихъ, то вѣроятно, что еще съ шестаго вѣка они водворили-бы на землѣ Италіи вкусъ и стиль, процвѣтавшіе въ Византіи. Два памятника, въ это время воздвигнутые въ Равеннѣ, конечно могли-бы одни,

Digitized by Google

при другихъ обстоятельствахъ, произвести сей переворотъ. Одинъ изъ нихъ есть *купѣльная* Святаго Іоанна, построенная Архіепископомъ Неономъ, а другой, прекрасная и огромная осьміугольная церковь Св. Виталія. Въ этихъ двухъ памятникахъ, особенно въ церкви Св. Виталія, блеститъ Византійскій стиль, чистый, свободный, облегченный отъ всякой примѣси Римской. Но примѣръ сей только тогда могъ-бы имѣть счастливое дѣйствіе, когда-бы не только была свободна Италія отъ новыхъ вторженій, отъ новыхъ бѣдствій, но и воображеніе Итальянцевъ имѣло-бы время привыкнуть къ этому новому стилю, оцѣнить легкость и прелесть его, и перейдши отъ энтузіазма къ подражанію. Но было совсѣмъ иное: чужеземный стиль сначала мало понравился, былъ худо понятъ, и доказательствомъ сего служитъ то, что вскорѣ послѣ воздвиженія церкви Св. Виталія, во время господства Грековъ, Епископъ Урсинусъ построилъ огромную и великолѣпную базилику Святаго Аполлинарія, тщательно соображаясь съ древнимъ первообразомъ, и стилемъ чисто Римскимъ.

Такимъ образомъ опыты Архитектуры Восточной, сдѣланные Греками въ Равеннѣ, остались безъ подражанія и безъ послѣдствія. Въ этомъ состояніи были дѣла, когда Лонгобар-

Digitized by Google

ды устремились на Италію. И такъ мы теперь дошли до той задачи, которую должно рѣшить. Но послѣ всего, что видѣли мы, рѣшеніе сіе можетъ-ли быть сомнительнымъ? Кто вообразитъ себѣ, что Лонгобарды, еще болѣе свирѣпые, болѣе варвары нежели Готѳы, превзошли ихъ въ чувствѣ и въ практикѣ Искусства? Вздумаютъ-ли въ нихъ видѣть обладателей тайны и новаго способа въ Архитектурѣ? Нѣтъ; когда послѣ сорока лѣтъ грабежа, убійствъ, пожаровъ, Лонгобарды утомились наконецъ ходить по развалинамъ, и, постепенно смягчившись благорастворенiемъ климата и образованными нравами побѣжденныхъ, вздумали возстановить нѣкоторыя зданія, они сдѣлали какъ Готѳы: они употребили руки Итальянцевъ, и послѣдовали старымъ увлеченіямъ Архитектуры Римской.

Тогда было въ мірѣ только два стиля: ново-Греческій и мнимо-Римскій; слѣдственно Лонгобарды, рѣшившись строиться, должны были принять тотъ или другой стиль. И дѣйствительно, памятники, приписываемые имъ нынѣ въ Верхней Италіи, суть или полу-Римской, или Восточной постройки. Остается узнать: какіе принадлежатъ собственно имъ? Въ этомъ заключается весь вопросъ.

Но если-бы послѣ одного взгляда на памят-

Digitized by Google

ники Восточнаго стиля, приписываемые Лонгобардамъ, и не было ясно какъ день, что они гораздо позднѣе ихъ, ибо памятники сіи ознаменованы тѣмъ характеромъ, который и на Востокѣ явился черезъ два вѣка послѣ паденія Лонгобардовъ, но найдется тысяча доказательствъ, что изъ двухъ стилей, Греческаго и Римскаго, они должны были избрать непремѣнно сей послѣдній. Во-первыхъ, по природѣ и положенію, они были чужды обычаямъ Востока; они были враги Грековъ; они безпрестанно грабили и поражали ихъ на границахъ Равеннскаго Экзархата. Въ теченіе двухъ вѣковъ, когда они занимали Италію, они можетъ быть и двухъ недѣль не прожили съ Греками въ мирѣ. Какимъ-же образомъ могли они получить отъ нихъ архитекторовъ? Какъ могли они полюбить ихъ Архитектуру? Они даже не видали церкви Св. Виталія въ Равеннѣ: только издалека блистала передъ ними верхушка ея купола; а между тѣмъ передъ глазами ихъ, во всѣхъ городахъ, были театры, базилики, храмы, дворцы, памятники всякаго рода, построенные Римлянами. Они говорили какъ Римляне, одѣвались какъ Римляне, однимъ словомъ, сдѣлались Римлянами, или лучше сказать Римляно-Итальянцами; какимъ-же образомъ, повторимъ это еще разъ, вздумалось-бы имъ принять Архитектуру Грековъ, Грековъ, ихъ враговъ, которые и въ

Digitized by Google

Равенне, собственномъ своемъ городѣ, во время своего могущества, пытались такъ безуспѣшно ввести въ Италіи стиль Византійскій?

Вы не убѣждены еще? Оставьте Лонгобардовъ и осмотрите Италію послѣ ихъ паденія, Италію въ концѣ осьмаго вѣка, и даже въ продолженіе девятаго. Какая Архитектура господствуетъ тамъ? Таже, съ небольшими измѣненіями, которая господствовала во время Готескихъ Императоровъ. Посмотрите на базилику Святаго Климента in monte Celio въ Римѣ: она принадлежитъ къ девятому вѣку, а планъ ея почти въ точности взятъ съ базиликъ первобытныхъ. Потому-то почти всѣ, кто описывалъ ее, полагали, что она основана въ пятомъ вѣкѣ; только не обращали вниманія на одно: что въ Римѣ было двѣ базилики Святаго Климента; одна, основанная въ 308-мъ году, по ветхости своей была готова развалиться около конца осьмаго вѣка, и сломана по приказу Папы Адріана I-го; другая, о которой упоминается въ первый разъ во время папствованія Григорія IV-го, около 827 года, была построена при подошвѣ горы Челіо. Явно, что нынѣ существуетъ сія послѣдняя; но она разительно похожа на базилики первыхъ вѣковъ. Есть нѣкоторая разница въ подробностяхъ; напримѣръ, окна гораздо уже прежнихъ; по-

Digitized by Google

мостъ хора выше помоста боковыхъ трапезъ; рѣзьба на перилахъ хора и на нѣкоторыхъ другихъ частяхъ внутреннихъ украшеній, уже показываетъ какъ-бы предчувствіе Восточнаго характера; но эти нововведенія, подтверждающія вѣкъ памятника, ни мало не отымаютъ у него характера главнаго, и тѣмъ не менѣе доказывается, не только этою базиликою Святаго Климента, но и другими памятниками, коихъ время извѣстно столь-же достовѣрно, что даже въ девятомъ вѣкѣ, на Западѣ, и особенно въ Италіи, сохранялась большая часть преданій и способовъ, которые употребляли Римляне въ своихъ постройкахъ.

Въ это время однакожъ начала появляться, нечувствительно и безотчетно, наклонность къ Восточному роду. Карлъ Великій, подражая Римлянамъ въ постройкѣ своего Ингельгеймскаго дворца, и другихъ зданій, воздвигнутыхъ на берегахъ Гаронны и Рейна, питалъ удивленіе къ чудеснымъ странамъ Востока. Предчувствіе говорило ему, что тамъ должно возжечь свѣтильникъ Искусствъ и Наукъ; онъ обращалъ взоры къ Азіи, и требовалъ у нея ученыхъ и художниковъ. Храмъ Святаго Виталія въ Равеннѣ поразилъ его удивленіемъ, и вскорѣ явился блестящій снимокъ съ сего храма въ Ахенѣ. Если-бы послѣ смерти Карла

Digitized by Google

управлялъ Европою другой, столь-же геніяльный человѣкъ, то, можетъ быть, великое движеніе одиннадцатаго вѣка явилось-бы прежде, и Западъ раньше воспользовался-бы тѣмъ просвѣщеніемъ, которое долженъ былъ пролить на него Востокъ. Но извѣстно какой глубокій мракъ налегъ на всю Европу, послѣ свѣтлаго царствованія Карла Великаго; извѣстно, какъ въ концѣ девятаго вѣка и во весь десятый вѣкъ, постепенно угасали всѣ послѣднія искры древней образованности, будто для того, что-бы самая непроницаемая ночь опять-таки надъ нашими странами, прежде нежели первые лучи новаго дня начали освѣщать ихъ. Странное суевѣріе, дума о концѣ міра, въ десятомъ вѣкѣ способствовала еще бо́льшему огрубѣнію умовъ. Особенно должна была потерпѣть отъ сего Архитектура, ибо вѣра, которая одна воздвигаетъ изящные храмы, угасала съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Народы, упадшіе духомъ, какъ будто склоняли вниманіе къ послѣднему дню своему, и отнюдь не хотѣли употреблять своихъ трудовъ и сокровищъ на постройку сіенъ во славу Бога. Такимъ образомъ самый ничтожный, постыдный для Архитектуры вѣкъ, есть этотъ несчастный вѣкъ десятый.

Съ восходомъ одиннадцатаго, новая эра началась для Западнаго міра, и особенно для

Digitized by Google

Италіи. Уже царствованіе Оттона Великаго предуготовило это возрожденіе. Онъ освободилъ, онъ избавилъ города Италіи отъ тиранскихъ угнетеній, коими задушали ихъ мелкія власти, и города Италіи начали отдыхать. Вскорѣ они растворили свои врата, и Востокъ принесъ къ нимъ свои благовонія, свои ткани, свои шали, свои сокровища Науки и вкуса. Вмѣстѣ съ торговлею и богатствомъ возродились школы, исчезли развалины въ городахъ, и самые города распространились и начали соперничать одинъ съ другимъ въ красотѣ и величіи.

Тогда-то Восточная Архитектура снова явилась при вратахъ Италіи, не такъ уже какъ въ шестомъ вѣкѣ, то есть не среди бѣдствій войны, не передъ варварами, врагами Византіи, и не какъ во времена Карла Великаго, покровительствуемая только прихотью и предвѣдѣніемъ генія; она явилась передъ народами богатыми, передъ умами обновленными, и жадными къ новостп, принявшими ее съ восторгомъ. Она проникла сначала черезъ Адріатическое море, потомъ черезъ Арно. Съ одной стороны Венеціяне, съ другой Пизанцы, первые дали ей убѣжище, и тогда-то воздвиглись церковь Святаго Марка, въ Венеціи, и величественный, богатый соборный храмъ въ Пизѣ.

Digitized by Google

Вскорѣ общины Анконская, Моденская, Луккская, Феррарская, Веронская, Бергамская, Пармская, Миланская, всѣ большіе города Верхней Италіи, послѣдовали примѣру Венеціянъ и Пизанцевъ. Въ немного времени земля Италіи покрылась памятниками Восточными. Сначала простой и строгій въ своемъ великолѣпіи, потомъ изящный и легкій, наконецъ болѣе украшенный, болѣе цвѣтистый съ каждымъ днемъ, этотъ новый стиль безъ соперничества господствовалъ въ продолженіе двухъ столѣтій, до тѣхъ поръ, когда Европа, по непостоянству человѣческому, дѣлающему изъ Исторіи Искуства столь плѣнительную драму, Европа, въ тринадцатомъ вѣкѣ, воспламенилась восторгомъ къ другой, совершенно новой Архитектурѣ, которая только въ Италіи была принята съ холодностью. Это Архитектура съ стрѣльчатымъ сводомъ, которая создала хоры въ Кельнскомъ куполѣ, и шпиль Фрейбургскій въ Брейсгау!

Но уже пора обратиться къ Лонгобардамъ и къ Бресчійскому Лѣтенею. Можетъ быть иные удивятся, что занимающій насъ вопросъ представляетъ столько затрудненій. Какимъ образомъ, скажутъ намъ, если всѣ церкви Италіи, построенныя въ Восточномъ стилѣ, принадлежатъ къ одиннадцатому или двѣнадцатому вѣку

Digitized by Google

какимъ образомъ народное преданіе, и даже ученость, могли до сихъ поръ приписывать ихъ Лонгобардамъ, особенно когда въ тоже время приписывали имъ памятники, явно Римскаго слиля? Это смѣшеніе, конечно, странно, и шѣмъ любопытнѣе узнать причину онаго.

Вотъ отъ чего произошла ошибка. Во всѣхъ странахъ можетъ существовать, касательно хронологіи памятниковъ, заблужденіе, въ которое легко впадаютъ и ученые и народъ. Дѣло въ томъ, что возстановляютъ-ли церковь, или передѣлываютъ ее съ перваго камня до послѣдняго, она почти всегда сохраняетъ свое имя. Что-бы скорѣе приблизиться къ вопросу, занимающему насъ, скажемъ, что въ Сполетшѣ, въ Павіи, и въ другихъ городахъ, процвѣтавшихъ во время Лонгобардовъ, многія церкви были выстроены или обновлены ими. Имена сихъ церквей сохранены Исторіками, и нынѣ, въ тѣхъ-же самыхъ городахъ, существуютъ церкви того-же имени. И отъ того-то обыкновенно думаютъ, что это однѣ и тѣже церкви, то есть по существованію имени заключаютъ о собственномъ ихъ существованіи. Но пусть придетъ историкъ-художникъ; онъ броситъ на эти памятники взглядъ сомнѣнія, перейдетъ отъ сомнѣнія къ хронологическимъ изысканіямъ, и наконецъ откроетъ, какимъ образомъ новая церковь, можно сказать,

Digitized by Google

привилась къ старой; онъ обнаружитъ невольный обманъ тѣхъ, которые дѣлали ее старше четырьмя или пятью столѣтіями.

Г-нъ Санъ Киншино видѣлъ, что въ этомъ и состояло его дѣло. Изучивъ архитектурный характеръ памятниковъ, мнимо-Ломбардскихъ, и убѣдившись, что невозможно согласиться съ приписываемою имъ древностью воздвиженія, онъ рѣшился доказать, при пособіи учености, ложность свидѣтельства о ихъ началѣ. Это было самымъ лучшимъ отвѣтомъ на программу Академіи. Желая встрѣтить непріятеля прямо, лицомъ къ лицу, Г-нъ Санъ Киншино напалъ на цѣлъ памятникъ, который прежде всего выставляютъ люди, такъ искусно запутавшіе вопросъ: это церковь древней столицы Лонгобардовъ, Святый Михаилъ въ Павіи.

Несомнѣнно, что Лонгобарды, оказывавшіе Святому Михаилу суевѣрное уваженіе, построили въ Павіи, около конца шестаго столѣтія, церковь, посвященную сему Святому Архангелу. Но не замѣтили, ни Аженкуръ, болѣе трудолюбивый нежели проницательный, ни Г-нъ Маласпина, Авторъ *Путеводителя въ Павіи*, ни Г-нъ Росмини, Авторъ *Исторіи Милана*, что въ 924-мъ году Венгерцы превратили въ пепелъ городъ Павію, и что во время этого

Digitized by Google

ужаснаго пожара сгорѣли сорокъ три церкви; что въ 1004-мъ году новый пожаръ истребилъ все, что оставалось отъ древней Павіи, и между прочими памятниками дворецъ, прилегавшій къ древней церкви Святаго Михаила.

Доказавъ многими другими, не менѣе убѣдительными свидѣтельствами, что Ломбардская церковь Св. Михаила не могла пережить десятаго столѣтія, Г-нъ Санъ Киптино подтверждаетъ, событіями и сужденіями неопровергаемыми, что нынѣшняя церковь построена въ послѣдней половинѣ одиннадцатаго столѣтія, между 1050-мъ и 1100 годами. Онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что церковь Святаго Михаила называютъ *главною*, безъ сомнѣнія для отличія отъ древней, которая была не столь велика и прекрасна. Наконецъ, онъ разбиваетъ, одно по одному, всѣ мнѣнія Аженкура, который легковѣрно сдѣлалъ себя эхомъ всѣхъ преданій, разсѣянныхъ касательно сего предмета въ Италіи неполною ученостью. Вся эта часть сочиненія Г-на Санъ Киптино есть истинный образецъ разбирательства и Археологической Критики.

Не въ Павіи, не въ Сполетто, не въ Бергамо, не въ Веронѣ удалось Г-ну Санъ Киптино открыть памятники, построенные во время владычества Лонгобардовъ, и сохранившіе-

Digitized by Google

ся почти въ первобытномъ видѣ, а только въ Луккѣ и Туринѣ. Архивы Луккскіе, по какому-то чуду, не были никогда разграблены или сожжены; они остаются во всей полнотѣ, и восходятъ, почти за каждый день, до шестаго или пятаго вѣка нашей эры. Такимъ образомъ въ нихъ есть исторія двухъ церквей, которыя, по свидѣтельству сихъ архивовъ, остаются донынѣ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлочныхъ измѣненій, почти въ томъ-же видѣ, въ какомъ были во время построенія ихъ Лонгобардами. Эти церкви суть: Святаго Михаила и Святаго Фридіена. Обѣ онѣ носятъ на себѣ характеръ ложнаго Римскаго стиля: это двѣ базилики, почти въ родѣ церкви Св. Климента. Наконецъ, по мнѣнію Г-на Санъ Киништино, дворецъ delle Torre, въ Туринѣ, долженъ принадлежать также къ эпохѣ Ломбардской, и хотя доказательства его въ семъ случаѣ не столь удовлетворительны какъ тѣ, которыя извлекъ онъ изъ Луккскихъ архивовъ, касательно двухъ тамошнихъ церквей, однакожъ и послѣ нихъ не остается большаго сомнѣнія.

Вообще, сочиненіе его проливаетъ совершенно новый свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ Исторіи Искусства, и мы думаемъ, что оно должно прекратишь всѣ споры касательно сего предмета. Отнынѣ будетъ извѣст-

Digitized by Google

но, что Лонгобарды не принесли съ собою, и не открыли по завоеваніи Италіи, особенной системы Архитектуры; что никогда не употребляли они никакого инаго рода построекъ, кромѣ тѣхъ, какія уже употреблялись въ Италіи; что этотъ родъ перешелъ къ нимъ отъ древнихъ Римлянъ, только измѣненный, испорченный въ предшествовавшіе имъ вѣка; наконецъ, для наученія всѣхъ путеводителей и ciceroni, утверждается положительно, что не ко временамъ Лонгобардовъ, а къ одиннадцатому и двѣнадцатому столѣтіямъ должно относить большую часть изящныхъ зданій, посвященныхъ религіи, которыя удивляютъ наблюдателя въ Верхней Италіи.

Мы должны, прежде нежели окончимъ нашу статью, сказать нѣсколько словъ о сочиненіи Г-дъ Сакки. Выводы ихъ, какъ мы уже упомянули, тѣже что и у Г-на Санъ Кинтино: и Гг. Сакки думаютъ, что Лонгобарды не знали иной Архитектуры, кромѣ той, которая употреблялась въ Италіи во время ихъ завоеваній; однакожь они безъ малѣйшаго затрудненія приписываютъ Лонгобардамъ, не только церковь Св. Михаила въ Павіи, но и другія, еще болѣе новыя зданія, коихъ стиль, для глазъ самыхъ неопытныхъ, обличаетъ происхожденіе Восточное и довольно недавнее. Въ то-же вре-

Digitized by Google

мя они ставятъ въ рядъ Ломбардскихъ церквей двѣ базилики, Св. Михаила и Св. Фридіена въ Луккѣ, а Г-нъ Санъ Киншино утверждаетъ, по достовѣрнымъ признакамъ, что это постройки седьмаго и осьмаго столѣтій, во всемъ напоминающія Римскій стиль. Не понимаемъ, отъ чего произошло такое смѣшеніе! Можно подумать даже, что Авторы не взглянули на тѣ памятники, о коихъ пишутъ, или, что по крайней мѣрѣ не одарены они тою проницательностью, тою разборчивостью, тѣмъ художническимъ взглядомъ, безъ которыхъ, не смотря ни на какую ученость, обыкновенно идутъ ощупью въ Исторіи Искусствъ.

Впрочемъ, оцѣнка памятниковъ составляетъ не главную часть опыта Г-дъ Сакки. Они болѣе историки нежели художники; если они оказываются не великими судіями въ Архитектурѣ, то намъ пріятно вѣрить, что они гораздо свѣдущѣе въ познаніи нравовъ, вѣрованій, обычаевъ Италіи временъ Лонгобардовъ. Они, такъ сказать, случайно присоединились къ вопросу объ Архитектурѣ: сочиненіе ихъ было, вѣроятно, уже написано, когда Аѳеней предложилъ свою задачу, и они только прибавили нѣсколько главъ, чтобы явиться на состязаніе. Этимъ объясняется, отъ чего нѣкоторыя части ихъ сочиненія изложены такъ по-

Digitized by Google

верхностно, и такъ худо освѣщены Критикою. Не льзя не благодарить Г-дъ Сакки — хотя, правду сказать, это составляетъ все ихъ сочиненіе — за изысканія ихъ объ *экономіи, и нравственномъ и политическомъ состояніи* Лонгобардовъ. Сюда принадлежитъ и опытъ о *Христіанской Символикѣ*, занимающій въ книгѣ ихъ довольно мѣста. Въ ихъ способѣ читать, изъяснять и угадывать созданія Скульптуры и Архитектуры Христіанской, есть много истины; однакожь сдѣлавшись исключительною, система сія становится, можетъ быть, не столь истинною, и легко заставитъ находить гіероглифы тамъ, гдѣ очень часто все зависѣло отъ прихотей воображенія. При всемъ этомъ, глубокомысленныя изъясненія двухъ молодыхъ Итальянскихъ ученыхъ заслуживаютъ хвалу.

Съ Французскаго.

Digitized by Google

ГОФФМАНЪ И ПАГАНИНИ (*).

Соч. Юлія Жанена.

....Въ этотъ вечеръ я чувствовалъ потребность увидѣть моего Теодора, милаго, невидимаго моего Теодора, мечтательнаго, страстнаго, импровизатора, жаднаго преслѣдователя всякаго *ничто* во всѣхъ его видахъ, смѣлаго рыцаря цвѣтовъ, звука, формы, и всѣхъ способовъ быть художникомъ; храбраго какъ Донъ Кихотъ, пошлаго и благоразумнаго какъ Санхо; счастливаго, уединеннаго, окружающаго себя, для самого себя, картинами невидимыми и гармоніями беззвучными для всѣхъ остальныхъ людей; всегда плавающаго въ невѣдомомъ небѣ. Мнѣ непремѣнно должно было увидѣть въ этотъ вечеръ Теодора.

Прежде было два мѣста, въ которыхъ я могъ надѣяться непремѣнно увидѣть Теодора, при

(*) Читатели, знакомые съ жизнью и сочиненіями Гоффмана, увидятъ въ этихъ фантастическихъ очеркахъ вѣрный портретъ великаго Германскаго писателя. *Перев.*

Digitized by Google

наступленіи каждаго вечера. Благочестивый и добрый, мой бѣдный другъ — поэтъ и человѣкъ чувственный; онъ гармонистъ и живописецъ. Онъ любилъ полусвѣтъ соборной церкви, любилъ ея продолжительное эхо, запахъ ея благоуханій, ея восковыя, огромныя, погашенныя свѣчи, ея расписанные и освѣщенные сверху куполы, ея музыку, священную, дышащую какъ клиросный пѣвецъ, и наполняющую воздухомъ свои легкія, однозвучную и медлительную музыку, начинающуюся и оканчивающуюся стенаніемъ. Очень часто Теодоръ плакалъ въ этомъ храмѣ, и уже потомъ шелъ предаться безумному веселью — въ кабакѣ.

Но храмы опустѣли во Франціи: тамъ нѣтъ болѣе святыхъ хоругвей, нѣтъ инокинь съ бѣлыми руками, нѣтъ благоуханія роскошнаго, нѣтъ великолѣпнаго органа, нѣтъ музыки, нѣтъ болѣе ничего. Теодоръ закрываетъ лицо передъ храмомъ, не входитъ туда, и вздыхаетъ проходя передъ порталомъ, еще прекраснымъ. За то, каждый вечеръ уходитъ онъ, часомъ раньше прежняго, въ кабакъ.

И такъ я не пойду въ храмъ; пойду прямо въ кабакъ. Поспѣшимъ; въ этотъ часъ Теодоръ укрывается тамъ, въ своихъ огромныхъ креслахъ, устроиваетъ для вечера оркестръ и раздаетъ каждому музыканту его партитуру, каждому пѣвцу его ноты. Бериите, господа и

Digitized by Google

госпожи, свои дуэты, кварштеты, тріо; выбирайте; располагайтесь, господа музыканты. Наблюдайте знакъ, ударъ смычка, мѣру. И когда они дождались перваго удара, то во всю ночь продолжится гармонія, восторгъ, потому что въ этотъ часъ Теодоръ повелѣваетъ толпою музыкантовъ, и цѣлымъ хоромъ голосовъ прелестныхъ, чистыхъ, ясныхъ, восхитительныхъ, полныхъ чувства и волшебства, голосовъ, которыхъ было-бы достаточно для всѣхъ театровъ въ мірѣ. Дайте Теодору собраться съ духомъ, дайте ему огородить себя нѣсколькими бутылками стараго Рейнвейна, вставленными въ кружокъ стакановъ съ Шампанскимъ виномъ, шипучимъ и жалобнымъ какъ сельская волынка, и никогда не будете вы безпокоиться о спектаклѣ и хорошей музыкѣ, которые должны сей часъ начаться, о точности и чувствѣ пѣвцовъ, объ одушевленіи и силѣ оркестра. Теодоръ, мой Теодоръ умѣетъ создать всѣхъ этихъ людей; онъ богъ ихъ и глядитъ на нихъ какъ творецъ; это онъ, одинъ онъ; во всѣхъ этихъ людяхъ слышите вы его, только его.

Да, потому что Теодоръ истинный художникъ. Видите-ли, въ углу трактира, этотъ столъ, маленькій, запятнанный виномъ и уставленный ендовами? Теодоръ, по волѣ превра-

Digitized by Google

щаетъ его, когда захочетъ, въ обширный театръ, гдѣ играются всѣ роды музыки, буффа и серія, важное и шутливое. Какъ отцвѣчаетъ онъ все это — не знаю. Бутылки съ засмоленными пробками изображаютъ у него лѣса и кустарники, кружка съ широкими крыльями дѣлается и дворцомъ, и хижиною, смотря потому какова пьеса, пастушеская или военная. Надобно-ли ему огнедышащую гору или громъ? Газъ, освобожденный отъ всякой неволи, понесется вверхъ и напомнитъ вамъ Везувій и бурю Виргилія. Чаша съ пылающимъ пуншемъ представляетъ иногда море и фосфорическія волны его, вспыхивающія отъ удара весломъ, а иногда просто ослѣпительную люстру, освѣщающую залу. Теперь, когда готово все, города, палаты, хижины, обширные лѣса, говорливые волканы, зажженная люстра, когда и оркестръ на своемъ мѣстѣ, пуспь взлетаетъ занавѣсъ и является актриса, играющая любовницъ, пусть начинается пѣніе. Теперь демонъ Теодора сорвался съ цѣпи. Берегитесь: онъ поетъ; приготовьте уши, слушайте оперу, достойную Моцарта. Мелодія то важна, то величественна: иногда это военный маршъ, иногда веселое, живое движеніе шутливаго танца, иногда басъ, иногда теноръ, речитативъ и пѣніе — тутъ есть все. Драма начинается, запутывается, завязывается, развязы-

Digitized by Google

ваешся, и оканчивается тогда только, когда демонъ уходитъ отъ Теодора; а демонъ повинуется Теодору: онъ уходитъ тогда только, когда Теодоръ не можетъ болѣе повелѣвать.

Только послѣ этого исчезаетъ все: демоны, театръ, музыканты, музыка; лѣсъ палъ, палаты и хижина опустѣли, волканъ лишился своей огненной лавы, люстра угасла. Ищутъ Теодора: онъ до завтра упалъ подъ свой театръ; онъ спитъ.

Поспѣшимъ-же придти, пока Теодоръ еще не воздвигъ своего театра, пока еще не выросъ у него лѣсъ, не приготовленъ волканъ, не зажжена люстра, не раздана музыка актерамъ.

Запыхавшись пришелъ я въ кабакъ и увидѣлъ, что Теодоръ уже приготовляетъ все. Въ этотъ вечеръ Теодоръ былъ печаленъ и похожъ на человѣка; во взглядѣ его не было ничего вдохновеннаго; волосы его отвѣсно падали на лобъ; можно было-бы почесть его проспымъ смоприпелемъ за кенкетами, отъ конораго пахнетъ масломъ, не узнать въ немъ бога Олимпа, воздвигнутаго его руками. Когда онъ увидѣлъ меня— странное дѣло! — казалось, что ему было пріятно видѣть меня, чего никогда не случается съ нимъ въ эти часы. Я съ безпокойствомъ нашелъ его въ такомъ упадкѣ духа.

— О, мой милый Теодоръ! — сказалъ я. — Что сдѣлалось съ тобой? Твое страдальческое

Digitized by Google

лицо показываетъ человѣка больнаго, или мучимаго страшными помыслами.

«А, это ты, Джюліо!» сказалъ мнѣ онъ. «Джюліо! геній мой пропадаетъ, голова слабѣетъ. Повѣришь-ли, что во время этого хлоднаго дождя, въ этомъ сыромъ углу, я не нахожу ни одного пѣвца въ своихъ повелѣніяхъ, ни одной аріи въ душѣ своей. Джюліо! я ничего не могу дѣлать въ этотъ вечеръ; а это очень утомительно.»

Онъ вздохнулъ и продолжалъ: «Но если мы не можемъ въ этотъ вечеръ быть художниками, будемъ людьми, Джюліо! Напьемся! Для начала, зажги, пожалуста, Джюліо, люстру въ моемъ театрѣ.»

— Я очень радъ усѣсться подлѣ тебя, мой Теодоръ. Я не постигъ Искуства, но я научился у тебя, какъ хорошо и весело напиваться. Но, послушай мой великій Теодоръ! Неужели всегда ты долженъ останавливаться на своемъ собственномъ геніи? Неужели долженъ ты непремѣнно самъ себѣ творить восторги каждый вечеръ? Неужели никогда не будешь ты наслаждаться геніемъ, который находится не въ твоей душѣ? Напримѣръ, въ этотъ вечеръ для чего не идти со мной послушать игру на скрыпкѣ? Можетъ быть мы найдемъ Кремон-

Digitized by Google

скую скрыпку, похожую на шу, которую вы описалъ.

«Ты говоришь о скрыпкѣ?» возразилъ онъ. «Да, я слыхалъ скрыпачей, и хорошихъ скрыпачей. Клянусь старымъ Французскимъ виномъ, текущимъ какъ масло, что три дни назадъ, здѣсь, за этимъ столомъ, я слышалъ скрыпичный концертъ, какого не слыхалъ никогда ни одинъ человѣкъ. Впрочемъ, развѣ самъ я не хорошій скрыпачъ, Джюліо?

Онъ началъ искать свою скрыпку. Его скрыпка висѣла между длинною связкою копченыхъ сельдей, и соленымъ бычьимъ языкомъ, которые уже съ годъ ожидали праздника. О, скрыпка Теодора была въ жалкомъ состояніи: двухъ струнъ недоставало на ней, двѣ другія были спущены; ниши паука проникли до самой души ея; увидѣвъ это, Теодоръ застыдился. — Такъ это вой инструментъ, Теодоръ?

Я прибавилъ:—Да, прежде былъ вы хорошій скрыпачъ. Ты былъ смѣлый музыкантъ. Пѣніе раждалось подъ твоими пальцами; смычекъ твой отвѣчалъ каждому вдохновенію твоей души; вы выбрасывалъ наружу всѣ звуки, которые наполняли твое сердце. Тогда было твое хорошее время, другъ мой; тогда не предавался вы, какъ эгоистъ, этимъ одинокимъ удовольствіямъ; тогда міръ слышалъ твой геній и

Digitized by Google

наслаждался имъ; ты какъ художникъ игралъ на этомъ инструментѣ; но теперь инструментъ нѣмъ; у него нѣтъ болѣе голоса, нѣтъ выраженія, нѣтъ любви; ты не такъ часто глядишь на него, какъ на эти копченыя сельди и на этотъ соленый языкъ... Да, Теодоръ, ты краснѣешь не безъ причины: это стыдно!

Тогда Теодоръ, своевольный и причудливый, пораженный моими упреками, рѣшился успокоить меня и пошелъ за мной: я увлекъ его въ Оперу. Сначала, онъ мало изумился и былъ грустенъ входя.—Гадкій лѣсъ! Печальныя палаты! И какъ блѣдна эта люспра! О мой оркестръ! Гдѣ ты? — сказалъ онъ. — Ты изловилъ меня въ непріятныя силки, Джюліо! Что я сдѣлалъ тебѣ? Зачѣмъ ты привелъ меня сюда?

Не должно за это сердиться на Теодора. Онъ пресыщенъ своими музыкальными восторгами! Онъ всякій день слышитъ прелестную, восхитительную музыку.

Видя этихъ мужчинъ и женщинъ, которые сидѣли такъ чинно; видя ихъ газовые чепчики, обремененные цвѣтами, ихъ галстухи, превосходно повязанные, ихъ плашья, обтянутыя вокругъ тѣла, Теодоръ говорилъ мнѣ: Неужели эти люди пришли сюда слушать музыку? Потомъ онъ смѣялся тихонько, глядѣлъ на меня съ жалоб-

Digitized by Google

нымъ видомъ и какъ будто говорилъ: что я сдѣлалъ тебѣ, Джюліо? Я молчалъ, я дожидался. Вышелъ на сцену человѣкъ, со скрыпкой и со смычкомъ: Теодоръ глядѣлъ во всѣ глаза.

Сначала онъ видѣлъ только скрыпку и смычекъ; потомъ онъ увидѣлъ человѣка — видѣлъ одного человѣка, если угодно: тамъ рука, тутъ другая, станъ прямой, одно бедро сплющенное, другое одеревенѣлое, прямое, ростъ высокій, лицо худощавое, морщиноватое, огромное, волосы развѣвающіеся, улыбка, мысль, презрѣніе, увѣренность, геній, тамъ все, все.—Видишь-ли?— говорилъ мнѣ Теодоръ. — Видишь-ли какой онъ? У меня есть старые обои, на которыхъ изображена Святая Тереза: когда мои обои развѣваются отъ вѣтру, сгибаются и разгибаются, хлещутъ туда и сюда, вверхъ и внизъ, они точно этотъ человѣкъ! Этотъ человѣкъ такая-же фантасмагорія, какъ они. Я не очень увѣренъ, что это человѣкъ; но вѣрно то, что это скрыпка и смычекъ. — Тутъ смычекъ поднялся, скрыпка оперлась на плечо, смычекъ и скрыпка, плечо и рука, все пришло въ содроганіе.

О Боже мой! Что было съ Теодоромъ при этомъ видѣніи! Оно преслѣдовало его; онъ былъ на новомъ для него шабашѣ вѣдьмъ. Пѣ-

Digitized by Google

ніе окружало его со всѣхъ сторонъ; Теодоръ мой былъ облитъ гармоніею, погруженъ, утопленъ въ гармоніи; его шѣснило, сжимало, подавляло пѣніе, живое, медленное, насмѣшливое, жалобное; эти звуки могли умертвить. Бѣдный Теодоръ! Онъ былъ побѣжденъ въ этотъ разъ; онъ не имѣлъ здѣсь власти остановить оркестръ; онъ могъ сколько угодно говорить: довольно! довольно! смычекъ двигался безпрестанно, какъ помело вѣдьмы, которая приноситъ воду въ нашей Нѣмецкой Балладѣ. Скрыпка и смычекъ не переставали—и все новые звуки, все невѣдомые напѣвы — Теодоръ не могъ долѣе выдерживать.

Когда наконецъ скрыпка и смычекъ окончили свое дѣло, человѣкъ поклонился. Великій человѣкъ сошелъ со всей высоты своей; онъ искривился, согнулся вдвое, кланялся вправо, влѣво, прямо.—Какой грустный поклонъ—сказалъ Теодоръ.

«Итальянскій поклонъ!» возразилъ я.

— Музыкантъ долженъ кланяться по Нѣмецки—сказалъ Теодоръ.—О, когда у меня также была скрыпка (я думалъ иногда, что играю на скрыпкѣ), когда у меня была скрыпка, и когда толпа говорила мнѣ: играй! я надѣвалъ шляпу на голову, брался за свой стаканъ, за-

Digitized by Google

куривалъ свою трубку, и если приходила охота, игралъ какую нибудь нечаянную фантазію. И въ то время, когда внимательная толпа слушала, ожидала конца, заключенія, я снова брался за свой стаканъ, уходилъ вдругъ, и не кланялся до земли, какъ этотъ Итальянецъ. Да увѣренъ-ли ты, Джюліо, что это Итальянецъ?

Снова явился Итальянецъ; онъ вышелъ играть adagio. Онъ былъ простъ и прогателенъ, полонъ выразительности и прелести. — Беру тебя въ свидѣтели — сказалъ мнѣ Теодоръ — что я играю adagio такъ-же хорошо. Я не страшусь никакого adagio, написаннаго человѣкомъ и для людей. Я не уклоняюсь ни отъ какого затрудненія: ты знаешь это, Джюліо; но я боюсь музыки, которой не льзя достичь; я не умѣю гнаться въ исполненіи за невозможными нотами. Помнишь-ли таинственную музыку, которую получилъ я однажды? Вотъ была для меня тяжкая работа. Хотя неясно, однакожь чувствовалъ я, что есть гармонія въ этихъ нотахъ; но я не находилъ ея, этой гармоніи. Я понималъ, что это былъ поэтическій языкъ, но эта поэзія ускользала отъ меня. Разумѣется, это была мистификація генія; но эта ложь была исполнена духа и генія музыкальнаго; это было настоящее волшебное слово, которое надобно было только умѣть произ-

Digitized by Google

нести, чтобы сотворить чудеса. Представь себѣ ученаго передъ гіероглифами Изидина храма: такъ былъ я, съ эшими таинственными сонатами.

— Сколько сдѣлалъ я усилій прочитать эти пустяки! Сколько мученій вытерпѣлъ я! Рука моя была разбита; я изувѣчилъ всѣ члены свои— и едва нѣсколько звуковъ могъ я извлечь изъ своей непокорной скрыпки! Смычекъ мой не хотѣлъ размножиться, быть разнообразнымъ; онъ не хотѣлъ одинъ и въ одно и тоже время летать тамъ, и слѣдовать за мною здѣсь; я видѣлъ, что грифъ моей скрыпки былъ не одушевленъ, когда ему надлежало-бъ быть чувствующимъ. Несчастный я! Тщетно обращался я вдругъ и къ рѣзкому, и къ густому, и къ средпему: ничего не могъ я выразить! А Итальянецъ этотъ! Онъ играетъ эту музыку; онъ понимаетъ ее, онъ бросаетъ ее мнѣ въ душу! Какъ онъ дѣлаетъ это, Джюліо? Какъ онъ дѣлаетъ? Видишь-ли ты его руку? Что, развѣ она раздѣлена у него на двое, когда онъ достаетъ въ одно время двѣ крайнія точки? Развѣ пальцы у него длиннѣе моихъ, жилы сильнѣй, душа огромнѣе моей? Однакожь, я самъ великій художникъ; я воображалъ себѣ оперы, которыя изящнѣе Моцартовыхъ; я мечталъ о такихъ инструментахъ, которые обняли-бы небо и

Digitized by Google

землю, которые примѣнились-бы ко всѣмъ возможнымъ тонамъ; но я не изобрѣлъ этой скрыпки. Я видѣлъ музыкантовъ, сошедшихъ съ неба или вышедшихъ изъ-подъ земли, но никогда не видалъ я такого человѣка, гибкаго, нервнаго, который смѣется и ругается про себя. Видишь-ли ты какъ онъ вспыхнулъ на этого басиста? Кажется, онъ убилъ-бы этого несчастнаго музыканта, который ошибся въ десятитысячной долѣ ноты! Посмотри: глаза его въ пламени, сердце кипитъ гнѣвомъ, скрыпка его требуетъ мщенія! О страшный художникъ! Но вотъ онъ кончилъ, вотъ онъ кланяется. Не кланяйся такъ низко, художникъ ничтожный! Кто здѣсь слушаетъ тебя? Это знатные господа, дѣти Королевскія, Представители народовъ? А тебѣ что за дѣло до нихъ? Только я, художникъ, одинъ я могу судить о тебѣ. Не сгибайся-же передо мною; мы братья; Искуство уравниваетъ насъ. Ты играешь лучше меня; такъ что-жъ? Таковъ былъ обѣтъ матери твоей. Я художникъ самъ собою; мать моя просто кинула меня въ свѣтъ, при пособіи пошлой бабки; я былъ воспитанъ въ радости, въ невинности, въ пирахъ; я былъ счастливъ во всю жизнь; я зналъ любовь, пилъ, пѣлъ, сказывалъ веселыя сказки, былъ мирный собесѣдникъ, неустрашимый питухъ; и въ то-же время я художникъ! — Такъ говорилъ самъ съ собою

Digitized by Google

Теодоръ, волнуемый на этотъ разъ единственною страстью, которой не зналъ онъ прежде — завистью!

Онъ опять началъ: — Джюліо! Тутъ есть что нибудь сверхъестественное, что нибудь выше ума нашего, слѣдствіе какого нибудь необыкновеннаго пособія: безпрерывно вѣрная игра его доказываетъ это. Никогда мысль человѣческая не изобрѣтала счисленія болѣе запутаннаго, и никогда пальцы человѣка не выполняли его такъ вѣрно, такъ чисто. Понимаешь-ли ты, Джюліо? Ни одного звука фальшиваго, ни одной ноты слабой, ни одного счисленія ошибочнаго! Какъ изъяснить это? Да и что сдѣлалъ небу я, я, такой ничтожный? Чувствуешь-ли ты, что этого ничего нѣтъ, и что оба мы бредимъ? Развѣ ты не видишь, что это играетъ скрыпка сама собою, одна? Ахъ, проклятая скрыпка! Я повиновался тебѣ, я покорился твоимъ прихотямъ; я повѣрилъ тебѣ, когда ты сказала мнѣ крикливымъ тономъ: невозможно! Я повѣрилъ тебѣ; я дошелъ, до чего хотѣла ты довести меня, а не далѣе; я остановился, когда утомилась ты. Гадкій, безумный человѣкъ я! Скрыпка обманула меня, побѣдила, бросила о землю, какъ дурака. Вмѣсто того, что-бы поставить своего коня къ солнцу спиною, какъ сдѣлалъ Александръ, я хо-

Digitized by Google

шелъ усмирить моего коня, какъ наѣздникъ обыкновенный. И вотъ я лежу на землѣ, а на конѣ Александръ! О несчастный, несчастный!

— О, несчастливъ, кто не умѣлъ поступить со скрыпкою какъ съ рабомъ, кто не умѣлъ сказать ей: ты будешь покорена! Да, да, смѣлѣй, Итальянецъ! Стыди меня, уничтожай меня свободно. Посмотри, Джюліо: вотъ онъ обрываетъ три струны; онъ жестокъ для себя самого, болѣе нежели Спартанскій Ареопагъ! Онъ оставляетъ одну, только одну струну для всѣхъ страстей! одну струну для всей этой души! одну струну для этого необъятнаго пѣнія! — Едва переводя дыханіе, въ безпокойствѣ, съ разинутымъ ртомъ, Теодоръ слушалъ, слегка усмѣхался отъ времени до времени. Въ улыбкѣ его было простодушное легковѣріе. Добрый Теодоръ!

Онъ вышелъ поспѣшно. — Что скажешь ты, Теодоръ? Хорошо-ли это? — спросилъ я.

Онъ пустился бѣжать, шелъ тихо, шелъ скоро, пѣлъ, плакалъ, находилъ изумительные напѣвы, бѣсился, повторялъ свои лучшія драмы, вдругъ падалъ духомъ, и наконецъ вдругъ оборотился ко мнѣ, отвѣчая, черезъ часъ, на мой вопросъ:

— Хорошо-ли это! Хорошо-ли это! Господи Боже мой! Для чего такой вопросъ? — Онъ

Digitized by Google

одушевлялся болѣе и болѣе, онъ совершенно возвысилъ голосъ свой, онъ былъ весь музыка, тѣломъ и душею. Вотъ мой Теодоръ на небесахъ. Онъ поетъ уже для меня, онъ пробѣгаетъ шкалу тоновъ, попеременно бѣшеныхъ и нѣжныхъ, онъ важенъ и шутливъ, онъ тиранъ, молодая дѣвушка, знатная дама, простой человѣкъ; онъ ропщетъ, плачетъ, смѣется, отчаявается, онъ весь драма, оркестръ, онъ богъ Искуства. Сколько слезъ пролить заставилъ онъ меня въ этотъ вечеръ! Сколько ощущеній пробудилъ онъ въ душѣ моей! Только въ этотъ вечеръ понялъ я, сколько Искуства и страсти было въ этомъ человѣкѣ, и сколько поэзіи отнимаетъ у насъ эта невидимая жизнь художника, когда презирая внѣшній міръ, занимаясь Искуствомъ только для самого себя, онъ скрывается, стараясь быть счастливъ по своему, онъ прячетъ свою славу какъ стыдъ, мечтаетъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, думаетъ не вслухъ, любитъ не вслухъ, и счастливъ, живя какъ Аріель, или шаловливый Пукъ, герой *Сна въ лѣтнюю ночь.*

Я понялъ также, отъ чего я столько любилъ Теодора. Теодоръ — это само Искуство, скрытое, Искуство не понимающее себя, Искуство пьяное, лѣнивое, себялюбивое, однакожь Искуство истинное, народное, Искуство, которое

Digitized by Google

презираетъ свѣтъ, и составляетъ славу какой нибудь лавки, или счастіе кабака.

И такъ не сердись, Теодоръ, что ты нашелъ на театрѣ художника, столь-же великаго какъ самъ. Я знаю, что тебѣ непонятно соединеніе этихъ двухъ словъ: Искуство и театръ, Искуство и нарядность, Искуство и свѣтъ, и публика рукоплещущая; но, по счастью, Теодоръ, есть исключенія изъ этого общаго правила Поэзіи и Драмы. Счастливъ художникъ, побѣдившій эту великую трудность; онъ является среди людей, какъ откровеніе ихъ могущества; онъ доставляетъ имъ наслажденія невѣдомыя; онъ учитъ ихъ силѣ изящнаго, когда оно просто, когда оно дѣйствуетъ само по себѣ, одно; наконецъ, онъ пробуждаетъ заснувшую страсть въ такихъ душахъ какъ твоя; онъ заставляетъ ихъ разливаться на внѣшность, открывать себя подобнымъ имъ; онъ возбуждаетъ ихъ соревнованіемъ генія; онъ заставляетъ молодую дѣвушку раскрывать самую тайную свою мысль, показывать ее торжественно, не краснѣть ни страсти своей, ни дарованія. Поблагодари-же случай, который заставилъ наконецъ тебя говорить, и принудитъ быть художникомъ не для одного себя.

Такъ размышляя, мы очутились у дверей кабака. Хозяйка уже легла, и широкія занавѣсы

Digitized by Google

Уже время было послушаться Теодора. Я привелъ все въ порядокъ на его театрѣ: поставилъ лѣсъ, сдѣлалъ хижину и зажегъ люстру.

На другой день, оба мы были пьяны: обоихъ можно простить. Теодоръ художникъ, а я люблю Теодора и хотѣлъ утѣшить его.

КРИТИКА.

Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочиненіе Спра Вальтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. 14 частей. СПб. 1831 и 1832 г. Въ т. А. Смирдина. 282, 256, 288, 281, 291, 311, 275, 264, 456, 482, 327, 452, 326, 181 и XCVI стр. in-12.

Валтеръ Скоттъ какъ будто страшился своего предпріятія, издавая Исторію Наполеона, и потому назвалъ ее *Жизнію Наполеона Бонапарте*. Въ самомъ дѣлѣ: для чего такъ назвалъ онъ ее? Жизнь человѣка, имѣвшаго вліяніе на судьбу народовъ, не есть-ли сама Исторія? Мы не думаемъ, чтобы геніяльный творецъ *Веверлея* напередъ приготовлялъ себѣ ничтожную, дѣтскую оговорку, что онъ писалъ *не Исторію*, а *жизнь одного человѣка*. Подобныя оговорки идутъ за что нибудь въ Русской Литтературѣ, а не передъ судомъ Европы. Одна-

Digitized by Google

кожь, и В. Скоттъ конечно не безъ намѣренія далъ своей книгѣ то заглавіе, подъ которымъ она явилась въ свѣтъ (The Life of Napoleon Buonaparte). Не оговаривавшься, а сложить съ себя часть бремени хотѣлъ онъ, ибо не льзя думать и того, чтобы столь глубокомысленный писатель сдѣлалъ безъ разсужденія надпись надъ своимъ трудомъ нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ чемъ состоитъ различіе между Жизнеописаніемъ и Исторіею человѣка? Человѣкъ живетъ въ дѣяніяхъ своихъ, и какъ-бы великъ, или какъ-бы малъ ни былъ онъ, всегда есть сходство въ жизни самаго великаго съ самымъ малымъ. Великій человѣкъ также проводитъ треть или четверть своей жизни во снѣ, и также какъ самый глупый пьетъ, ѣстъ, прогуливается, дурачится, и, еще важное обстоятельство, проводитъ нѣсколько лѣтъ жизни въ состояніи, близкомъ къ безумію и называемомъ дѣтствомъ. Но за то, когда проходятъ лѣта дѣтства, лѣта ничтожества умственнаго, тогда человѣкъ возвышается надъ міромъ животныхъ и творитъ свою Исторію. Нечего скрывать, что большая часть людей, увы! остаются въ дѣтствѣ на всю свою жизнь! Исторія ихъ бываетъ такъ-же однообразна, такъ-же пуста дѣяніями, какъ Исторія собакъ, разумѣется добрыхъ, которую хотѣлъ читать Карамзинъ, наскучивши Исторіею людей, *осквернennою злодѣяніями* (*). Но тѣмъ яснѣе доказывается первое положеніе наше, что жизнь людей великихъ есть настоящая Исторія. Она есть

(*) *Сочиненія Карамзина*, ч. IV-я, стр. 215-я.

Digitized by Google

окружали посшель, какъ непроницаемая стѣна; лампа еще горѣла. Теодоръ взялъ свою скрыпку, напялилъ струну, которая оставалась на ней; сталъ искать смычка.... напрасно.

— Завтра ты принесешь мнѣ смычекъ — сказалъ онъ.

« Хочешь-ли принесу и ошальный три струны, другъ мой? »

— Принеси мнѣ завтра смычекъ—повторилъ онъ.

Замѣтивъ, что я гляжу на него съ прискорбіемъ, и стараюсь угадать, чего недостаетъ ему, онъ сказалъ: — Друзья погубили меня. Они такъ забошились обо мнѣ, что наконецъ вовсе испортили. Спасибо вамъ, злые люди, у меня не было ни одной минуты несчастія; я никогда не былъ бѣденъ, боленъ; здоровье убиваетъ меня! Чего хорошаго ждешь ты отъ меня съ этими толстыми щеками, съ этимъ фіолетовымъ носомъ, съ этими растрепанными волосами, съ этимъ крѣпкимъ сномъ, съ этою широкою грудью, и съ этимъ желудкомъ, который переваритъ желѣзо? Мнѣ недоставало несчастія, недоставало мнѣ клеветы и страсти къ игрѣ. Онъ, напротивъ, онъ былъ бѣднякъ, онъ просилъ милостыню, онъ испыталъ то,

Digitized by Google

что хуже нежели просить милостыню: онъ давалъ уроки въ своемъ Искусствѣ; онъ, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, заставлялъ своихъ учениковъ проходить гаммы хроматическія! Понимаешь-ли ты, Джюліо, это мученіе? Придти къ безсмысленному, къ человѣку безъ души, безъ сердца, безъ ума, сказать ему: Дѣлай то, дѣлай это! и потомъ протянуть руку. И этотъ безсмысленный, лѣтъ черезъ десять, хвалится своимъ учителемъ и можетъ сказать, играя фальшиво и гадко: Теодоръ былъ моимъ учителемъ, я учился у Теодора!.. Нѣтъ, нѣтъ! А онъ былъ въ такомъ униженіи. Онъ былъ игрокъ, онъ проигралъ даже свою скрыпку. Скрыпку! Онъ умеръ-бы безъ нея. Онъ былъ сожженъ страстями, и страстями Итальянскими! Его не понимали, ему завидовали, его клеветали, преслѣдовали! Развѣ ты не видалъ какъ онъ блѣденъ и худъ, какъ мертвы его глаза, какъ изогнутъ его станъ, какъ весь онъ похожъ на привидѣніе! И за то онъ первый въ своемъ Искусствѣ, самый великій, единственный; музыкантъ и вмѣстѣ пѣвецъ, мыслящій и выражающій свою мысль; уже мертвый и все живой; человѣкъ, котораго я уничтожилъ-бы дхновеніемъ, а онъ убилъ меня однимъ взмахомъ смычка.

— Только страдая дѣлаются геніями, Джюліо. Выпьемъ, если хочешь. —

Digitized by Google

чемъ, мы не намѣрены здѣсь замѣчать ошибокъ В. Скотта, ошибокъ частныхъ, какъ въ его Исторіи Революціи, такъ и въ Исторіи Наполеона. Французскіе Журналы 1827 и 1828 годовъ наполнены разборами и замѣчаніями, гдѣ высказано едва-ли не все, что можно было сказать Французамъ, которые имѣли болѣе средствъ, и даже болѣе обязанности выставить ошибки, несообразности, недоразумѣнія и промахи Англійскаго Историка. Они исполнили это съ нѣкоторою запальчивостью, однакожь по большей части справедливо, честно, съ знаніемъ дѣла. Любопытные могутъ прочесть сіи замѣчанія, которыми В. Скоттъ отчасти и воспользовался при второмъ изданіи своей книги.

Мы хотимъ взглянуть на сочиненіе его съ иной точки зрѣнія; хотимъ видѣть общность Исторіи Наполеона, и опредѣлить, до какой степени проникнулъ въ это дивное явленіе Англійскій Историкъ? Постигъ-ли онъ всю обширность дѣйствія, какое имѣлъ Наполеонъ въ современной Исторіи, и далъ-ли себѣ отчетъ въ силѣ, направленіи и внутренней мысли его?

Историкъ непремѣнно долженъ имѣть, кромѣ всѣхъ дарованій умственныхъ, религіозное чувство: безъ него, онъ будетъ падать подъ бременемъ задачъ, которыя Провидѣніе низводитъ на землю. Это испыталъ на себѣ и В. Скоттъ. Закоренѣлый въ предразсудкахъ своего народа, Протестантъ и Тори, величавшійся именемъ Баронета, онъ видѣлъ въ Наполеонѣ счастливаго хищника, не болѣе. Онъ гля-

Digitized by Google

дѣлъ на него безъ соображенія обстоятельствъ, безъ вниманія къ великой, могущественной и глубокой мысли, которую угодно было Провидѣнію явить въ бѣдномъ урожденцѣ Корсики. Для него, Наполеонъ есть полководецъ, политикъ, завоеватель, всего болѣе хищникъ—и только. Онъ не видалъ въ немъ, потому что не могъ видѣть, орудія Божескаго. Отъ того и великій урокъ Исторіи, который столь явенъ въ человѣкѣ, потрясшемъ цѣлый міръ, остался для него безплоденъ. Посмотрите, что̀ стараетсѧ развить онъ въ своей Исторіи Наполеона, и какую мысль преслѣдуетъ отъ первой страницы до послѣдней. Онъ показываетъ ошибки и заблужденія своего героя; онъ критикуетъ его какъ политика и полководца, какъ Государя и законодателя, и думаетъ доказать, что Наполеонъ былъ явленіе несвоевременное, неумѣстное, что онъ увлекся счастіемъ своимъ и при перемѣнѣ попутнаго вѣтра претерпѣлъ кораблекрушеніе. Только для этого и нужно было В. Скоттѹ написать Исторію Революціи Французской, и распространиться въ изслѣдованіи подвиговъ Наполеона, такъ что *человѣкъ Судьбы* становится у него нарушителемъ порядка, не много повыше какого нибудь Карпуша, и то лишь потому, что кругъ дѣйствія былъ у него обширнѣе. Мысль бѣдная и совершенно ложная! Какое изъ всѣхъ явленій міра можетъ быть почтено несвоевременнымъ? Кто осмѣлится сказать, что человѣкъ, измѣнившій видъ Европы, не былъ предназначенъ къ тому свыше? Что̀ значитъ счастіе, какъ не такое сближеніе

Digitized by Google

Исторія проявленія духа человѣческаго, и слѣдственно чѣмъ важнѣе было дѣйствіе отдѣльно какого либо человѣка на міръ, чѣмъ болѣе заключалъ онъ въ себѣ той нравственной силы, которою заставлялъ народы двигаться цѣлыми царствами, срывать горы, переплывать океаны и одерживать побѣды надъ природою, однимъ словомъ, чѣмъ болѣе было дѣйствіе его въ мірѣ нравственномъ, тѣмъ болѣе достойны подвиги его Исторіи. Скажутъ, что посему Исторія философа должна-бъ была представлять томы для бытописателей; такъ, но она исчезаетъ въ вѣкахъ, ибо великая идея, брошенная на бумагу, только столѣтіями проявляется въ мірѣ, и дѣйствіе оной на каждое поколѣніе столь незамѣтно, что оно ускользаетъ отъ самаго проницательнаго вниманія. Напротивъ дѣйствователь цѣлыми народами, Государь, завоевашель, полководецъ, *мгно* рѣшающій судьбу цѣлыхъ поколѣній — вотъ истинное достояніе Исторіи. Таковъ былъ и Наполеонъ, сосредоточившій въ себѣ Государя, завоевателя и полководца, въ самыхъ исполинскихъ, изумительныхъ размѣрахъ. Имя его есть имя великой эпохи Исторической, и потому частность его, жизнь его какъ одного человѣка, уничтожается передъ его Исторіею. Называть *Исторію* Наполеона *Жизнью* его, столь-же странно, какъ называть Исторіею жизнь какого нибудь Титулярнаго Совѣтника. *Исторія Его Благородія, благодѣтельнаго помѣщика такого-то*, названіе столь-же нелѣпое, какъ и *Жизнь Наполеона Бонапарте*. Намъ скажутъ, что Плутархъ написалъ безсмертныя *Жизни* великихъ

Digitized by Google

людей; да, безсмертныя изложеніемъ своимъ, но несообразныя съ достоинствомъ Исторіи. Плутархъ очарователенъ своимъ дарованіемъ въ самомъ разсказѣ, но какъ Историкъ, онъ, вмѣстѣ со многими великими писателями Древности, не можетъ служить образцомъ. П. Л. Курье, который былъ вѣрнымъ судьею въ такихъ дѣлахъ, справедливо сказалъ, что для остраго слова, Плутархъ готовъ заставить Антонія одержать побѣду надъ Августомъ.

И такъ мы должны разсматривать *Жизнь Наполеона Бонапарте*, написанную Валтеромъ Скоттомъ, какъ Исторію сего великаго человѣка. Авторъ самъ подтверждаетъ мнѣніе наше, ибо изъ девяти томовъ, два заняты у него Исторіею Революціи Французской. Для чего было-бы это въ жизнеописаніи Наполеона? Неужели всѣ замѣчательные люди, порожденные Революціею, должны имѣть авангардомъ Исторію сей кровавой эпохи? Нѣтъ, потому что всѣ они были столько участниками въ ней, а Наполеонъ, съ VIII-го года Республики, сосредоточилъ ее въ одномъ себѣ и довелъ до конца. Съ паденіемъ его настала эпоха Возстановленія прежняго порядка дѣлъ.

Могъ-ли В. Скоттъ написать безпристрастно Исторію Французской Революціи? Какъ Англичанинъ и Торп, онъ не имѣлъ *Историческаго* безпристрастія, и, даже слѣдуя источникамъ Французскимъ, часто передѣлывалъ событія, часто представлялъ ихъ какъ они отражались въ головѣ его, а не какъ совершались въ дѣйствительности. Впро-

Digitized by Google

Тѣмъ болѣе столь исполинское явленіе, какъ Наполеонъ!

Не только можно, но и не льзя объяснить себѣ его иначе, какъ разсмотрѣвъ съ означенной нами точки зрѣнія путь его.

Наполеонъ явился на политическомъ поприщѣ въ то время, когда Франція была въ величайшемъ истощеніи, когда гидра безначалія сдѣлалась для нея нестерпимою, когда потребенъ былъ человѣкъ, который могъ-бы соединить въ рукѣ своей всѣ силы народа, и противопоставить ихъ внутреннимъ врагамъ, еще болѣе нежели внѣшнимъ непріятелямъ. Бездомный гражданинъ Республики, онъ не имѣлъ правъ на участіе въ правленіи, и долженъ былъ завоевать ихъ силою. Воспитанный для войны, онъ употребилъ войну для пріобрѣтенія сихъ правъ, и первый счастливый подвигъ навсегда рѣшилъ судьбу его. Война сдѣлалась для него средствомъ къ пріобрѣтенію новыхъ правъ, новой силы; она была для него необходима не однимъ поэтическимъ очарованіемъ своимъ, но и тѣми пріобрѣтеніями, которыя слѣдовали почти за каждою его побѣдою. Событія краснорѣчиво говорятъ объ этомъ: нѣсколько побѣдъ въ Италіи сдѣлали его первымъ человѣкомъ во Франціи; блестящее, хотя и безплодное завоеваніе Египта, утвердило воинскую славу его и убѣдило всѣхъ, что юность лѣтъ не препятствуетъ дарованіямъ его быть зрѣлыми. По возвращеніи въ Европу, онъ сдѣлался Первымъ Консуломъ, то есть повелителемъ Франціи. Между

Digitized by Google

шѣмъ, возводя его на столь высокую степень славы и могущества, Провидѣніе уже готовило и разрушительныя начала для его славы и могущества. Англія была поставлена препятствіемъ для самыхъ обольстительныхъ его предпріятій. Она истребила флотъ Французскій, она помѣшала завоеванію Египта и гигантскимъ планамъ юнаго завоевателя на Индію; она не хотѣла признать *дѣйствительныхъ* побѣдъ и завоеваній Франціи *законными*; наконецъ она скрѣпляла союзъ всѣхъ вооружавшихся противъ Франціи Государствъ. Наполеонъ не любилъ забывать такихъ противниковъ. Англія сдѣлалась цѣлью, которой не упускалъ онъ изъ виду ни при одномъ изъ своихъ предпріятій, и вызовъ, сдѣланный Сиднеемъ Смитомъ Наполеону, можно почесть символомъ гигантомахіи Наполеона съ Англіею (*). Презирая

(*) Сиръ Сидней Смитъ, всегда отличавшіися какимъ-то рыцарскимъ характеромъ, оскорбилъ Наполеона во время осады Сенъ-Жанъ-д'Акры, приглашая Французскихъ солдатъ оставить ихъ вождя, а Турецкихъ подданныхъ возвратиться къ законной власти и покинуть богоотступника. Наполеонъ, въ приказѣ по арміи, объявилъ, что Англійскій Командоръ сошелъ съ ума. Сидней Смитъ прислалъ къ нему вызовъ на дуэль. Наполеонъ съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что Марльборуга нѣтъ у Англичанъ, и слѣдственно ему не съ кѣмъ изъ нихъ драться, а если-бы во Французской арміи и нашелся какой нибудь гренадеръ, который вызвался-бы на единоборство съ Сиднеемъ Смитомъ, то онъ не позволитъ ему этого, потому что каждый Французскій солдатъ благороднѣе Сира Сиднея Смита.

Digitized by Google

обстоятельствъ, при которомъ человѣкъ можетъ совершить предназначенное ему? Безъ такого сближенія обстоятельствъ онъ не сдѣлалъ-бы ничего, и палъ-бы подъ бременемъ препятствій. Наполеонъ могъ тысячу разъ погибнуть отъ пули, утонуть въ грязи подлѣ Аркольской гати, попасться въ плѣнъ къ Англичанамъ переплывая Средиземное море, замерзнуть отъ Русскаго мороза. Этого не было. Слѣдственно Провидѣніе хранило его и вело къ цѣли великой. Мысль сія не освѣщаетъ Исторіи, сочиненной В. Скоттомъ, и потому онъ видитъ все въ ложномъ свѣтѣ. Необычайная, дивная сила, которая была заключена въ Наполеонѣ, только затрудняетъ Англійскаго Историка, и потому-то онъ старается всячески уменьшить, унизить ее, и доказать, что Наполеонъ былъ совсѣмъ не такъ великъ, какъ это кажется. По его выводу, Провидѣніе безъ цѣли произвело такое могущество, и дало ему полное развитіе!

Нѣтъ! Наполеонъ, правда, не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые живутъ въ мірѣ для поддержанія извѣстнаго порядка дѣлъ. Но онъ былъ предназначенъ явить идеи новыя, невѣдомыя до него. Онъ былъ дѣйствователь не въ обыкновенномъ кругѣ общественной жизни, а на поприщѣ міра, слѣдственно гражданскіе или уголовные законы были не для него писаны. Провидѣніе было руководителемъ его. В. Скоттъ судитъ его какъ адвокатъ, а онъ долженъ былъ судить какъ Историкъ. Въ этомъ главная его ошибка, распростра-

Digitized by Google

нившаяся и на всѣ подробности написанной имъ Исторіи.

Можетъ быть, найдутся люди, которые станутъ обвинять насъ въ фатализмѣ, какъ нѣкогда обвиняли они Тьера; Шатобріанъ отыскалъ даже цѣлую школу *Фаталистовъ Историковъ*. Такимъ людямъ, прежде всего можемъ отвѣчать, что вѣра въ Провидѣніе такъ-же далека отъ фатализма, какъ сознаніе мыслящаго человѣка отъ довѣрчивости слабоумнаго. Если-же они станутъ утверждать, что нашимъ способомъ изъясненія событій можно разрѣшить все, безъ дальнихъ затрудненій, то мы скажемъ, что это отчасти справедливо, ибо нѣтъ сомнѣнія, что всѣ люди, безъ исключенія, покорены единой, общей мысли; но они дѣйствуютъ нераздѣльно, массами, тогда какъ лица, творящія Исторію, дѣйствуютъ непосредственно, сами собою, по волѣ Провидѣнія; они властвуютъ волею другихъ, и могуществомъ своимъ заставляютъ ихъ способствовать проявленію своей собственной воли. Дѣйствія человѣка обыкновеннаго только споспѣшествуютъ общему порядку дѣлъ, и слѣдственно должны, по необходимости, исчезать въ дѣйствіяхъ многочисленныхъ обществъ, называемыхъ государствами и народами. Вотъ отъ чего нѣтъ Исторіи для нашихъ мелкихъ, ежедневныхъ дѣлъ, и нѣтъ возможности объяснить ихъ никакимъ способомъ умствованія, ибо нѣтъ для нихъ, такъ сказать, данныхъ. Но всякое дѣйствіе, выходящее изъ круга дѣлъ обыкновенныхъ, становится осязаемо и доступно для Исторіи.

Digitized by Google

далъ на произволъ своихъ приближенныхъ, и — всего болѣе — оскорбилъ ихъ народность, ихъ самобытность. Такія обиды не прощаются. Потрясенная Наполеономъ Европа должна была возстать противъ него при первомъ благопріятномъ случаѣ, и возстала, когда погибъ въ Россіи главный колоссъ его силъ, и когда Александръ явился освободителемъ народовъ. Сражаясь съ цѣлою Европою, Наполеонъ тщетно истощалъ весь свой геній: побѣдами не льзя купить нравственнаго убѣжденія въ справедливости своего дѣла, и потому вмѣсто одного падшаго въ борьбѣ съ нимъ воина, являлось ихъ нѣсколько, между тѣмъ какъ число приверженцевъ его уменьшалось съ каждымъ днемъ. Онъ хотѣлъ оканчивать неравную борьбу, тогда какъ Европа только начинала ее, если можно въ семъ случаѣ выразиться словами незабвеннаго Русскаго Полководца. Она преслѣдовала въ Наполеонѣ разрушительную, пагубную мысль его о всемірномъ господствѣ, и не положила оружія до тѣхъ поръ, покуда онъ не былъ принужденъ оканчивать жизнь свою на тѣсномъ пространствѣ дальняго острова. Такимъ образомъ Наполеонъ погибъ не столько отъ вещественной силы оружія, сколько отъ сопротивленія той нравственной идеѣ, которая обладаетъ человѣчествомъ. Онъ долженъ былъ горькимъ опытомъ доказать, что идти на перекоръ уставамъ всемірнаго общества, не возможно, и что грозное наказаніе ждетъ нарушителя законовъ божескихъ, управляющихъ законами человѣческими. Онъ хотѣлъ преобразить по своей мысли всемірный уставъ общества, и для этого

Digitized by Google

долженъ былъ уничтожать ихъ самобытность, и развитіе, котораго достигли они слѣдуя обыкновенному, законному порядку дѣлъ. Мысль, выражаемую человѣчествомъ, онъ хотѣлъ замѣнить своею собственною мыслію.

Исторія не представляетъ намъ другаго, подобнаго примѣра. Древній Александръ былъ завоеватель великій, но завоеваніемъ оканчивались всѣ его предпріятія, и сверхъ того судьба такъ рано прекратила жизнь его, что въ Македонскомъ героѣ міръ видѣлъ только начало великой драмы. Чингисханъ и всѣ Азіятскіе завоеватели не идутъ въ примѣръ. Эти люди управлялись фатализмомъ, безъ всякой нравственной идеи. Напротивъ Наполеонъ, какъ философъ давалъ себѣ отчетъ въ малѣйшей подробности своихъ дѣйствій, которыя всѣ были направлены къ тому, чтобы въ немъ одномъ сосредоточивалась судьба цѣлаго міра. Онъ не былъ врагъ народовъ; нѣтъ, онъ желалъ имъ добра, но хотѣлъ, чтобы единственно отъ него исходило все. Такая безчеловѣчная мысль достойна проклятія, а не благословенія, ибо какой изъ ничтожныхъ предъ Богомъ смертныхъ можетъ взять на себя то, что принадлежитъ только Всемогущему? Кто осмѣлится сосредоточить въ себѣ волю царей и народовъ, а не частныхъ лицъ, не одного народа, который долженъ имѣть надъ собою власть, сосредоточенную въ единомъ лицѣ? Наполеонъ хотѣлъ разрушить все, и на развалинахъ существующаго порядка воздвигнуть *свой*, новый порядокъ. Какъ-бы смѣясь надъ безсиліемъ смертнаго,

Digitized by Google

Англію на словахъ, Наполеонъ въ душѣ своей почиталъ только ее достойнымъ себя противникомъ, ибо кромѣ Россіи, которой союза и дружбы всегда искалъ онъ, всѣ другія Европейскія Государства казались ему жертвами, обрѣченными для насыщенія его честолюбія.

Мы произнесли слово, знаменующее другую причину паденія Наполеона. Честолюбіе было господствующею страстью души его, столь возвышенной и благородной, что мѣлкія страсти не могли найдти въ ней мѣста. Наполеона упрекаютъ властолюбіемъ; но это есть неизбѣжное слѣдствіе честолюбія, не того мѣлкаго, ничтожнаго честолюбія, которое довольствуется наружными знаками возвышенности, но которое дѣйствительно хочетъ быть выше многихъ, если не всѣхъ безъ исключенія. Страсть пагубная, безумная, и ни сколько несообразная съ просвѣщеніемъ XIX вѣка! Она обладала Наполеономъ выше всякой мѣры и внѣ всякихъ границъ. Онъ почиталъ себя первымъ человѣкомъ во вселенной. Загляните въ его исповѣдь передъ потомствомъ, въ Записки Ласъ-Казаса: съ какимъ простодушіемъ, съ какою искренностью высказываетъ Наполеонъ свои честолюбивые замыслы, и думаетъ преображать весь міръ по своей мысли! Съ какою откровенностью хочетъ онъ, что-бы міръ повиновался ему, для собственнаго своего блага! Не наружныхъ формъ власти, не дыму честолюбія хочетъ онъ, а самой власти для преобразованія міра. Странное ослѣпленіе великаго человѣка! Онъ за-

Digitized by Google

былъ о человѣчествѣ, онъ уже не помнишъ, что въ мірѣ есть неизмѣняемые законы, и что не льзя заставить *судьбу, какъ колесо вертѣться отъ барабана.* Никакой геній человѣческій не въ силахъ истребить того, что болѣе или менѣе начертано въ душѣ каждаго, и что въ общности составляетъ мысль вѣка. Что значитъ одинъ человѣкъ передъ цѣлымъ міромъ? Но Наполеонъ стремился къ своей цѣли, и хотѣлъ покорить себѣ даже природу. Онъ долженъ былъ пасть передъ такими непріятелями, каковы человѣчество и природа: онъ палъ.

Вспомнимъ, что Наполеонъ возвысился въ самый разгаръ Революціи, когда большая часть умовъ современнаго ему поколѣнія Французовъ мечтала о Республикѣ, и видѣла ее даже подъ кинжалами Сентябрщиковъ и передъ эшафодами Террористовъ. Захвативъ въ свои руки власть, онъ пошелъ прямо на перекоръ любимой идеѣ своихъ Французскихъ современниковъ, установилъ, вмѣсто буйной свободы, самый жестокій, тиранскій деспотизмъ, и слѣдственно оскорбилъ умы и разрушилъ любимыя мечты соотечественниковъ. Послѣ этого Французы были готовы сдѣлаться его врагами, и только еще обольстительный геній побѣды, не оставлявшій Наполеона, удерживалъ непокорные умы. Но онъ можетъ измѣнить ему, и тогда горе честолюбцу.

Въ то-же время, слѣдуя за мечтою своею о всемірномъ владычествѣ, онъ сдѣлалъ себѣ врагами чужеземные народы, ибо унизилъ ихъ побѣдами, ослабилъ отнятіемъ многихъ областей, пре-

Digitized by Google

судьба дозволила ему захватишь въ руки свои неслыханное дотолѣ могущество. Бывали полчища многочисленнѣйшія; бывали Государства, болѣе Наполеонова обширныя и многолюдныя; но никогда міръ не видалъ такого крѣпкаго и обширнаго соединенія могущества всѣхъ родовъ. Франція была при Наполеонѣ многолюднѣйшимъ изъ Европейскихъ Государствъ. Будучи обитаема народомъ просвѣщеннымъ, заключая въ себѣ всѣ искусства, всю образованность современную, она казалась еще страшнѣе нравственною, чѣмъ вещественною силою. Величайшій геній, повелитель ея, былъ окруженъ сонмомъ людей, достойныхъ его. Знаменитые полководцы, глубокіе политики, величайшіе ученые во всѣхъ родахъ, и войско, испытанное двадцатью годами побѣдительныхъ войнъ, поддерживали тронъ исполина, который давалъ законы полъ-Европѣ. Средняя часть нашей части свѣта повиновалась ему безпрекословно. Вліяніе Наполеона во всѣхъ другихъ Государствахъ казалось неуклонимымъ, безграничнымъ. Одно слово его, которое онъ всегда былъ готовъ подкрѣпить силою сшрашныхъ армій, ниспровергало и творило царства.... При такомъ могуществѣ, при такомъ блескѣ славы, и съ такими залогами судьбы, кто устоялъ-бы противъ искушенія, кто не почелъ-бы себя дѣйствительно призваннымъ измѣнить все по своему вдохновенію? Да, судьба отдала все это Наполеону, какъ-бы желая сдѣлать разительнѣе урокъ свой. Разрушеніе могущества его было столь-быстро, что черезъ полтора года послѣ вступленія въ Москву, Наполеонъ

Digitized by Google

былъ уже изгнанникомъ, и среди волнъ Средиземнаго моря углублялся въ думу о тлѣнности всего подлуннаго. Послѣдніе годы его жизни можно почесть медленною смертію, которая лишь на минуту отлетала отъ бѣднаго изгнанника, и погрузила его въ большее забвеніе при громахъ Ваперлооской битвы.

Такое дивное, поучительное явленіе, не осталось безплоднымъ даже для современниковъ его. Наполеонъ пояснилъ для нихъ много идей, разсѣялъ много заблужденій, подшвердилъ много истинъ. Первая заслуга его въ томъ, что онъ показалъ, сколь безумно идши прошивъ мысли своего вѣка. Никакое, даже *Наполеоновское* могущество не выдержишъ борьбы съ нею. Исторія показала это людямъ на многихъ страницахъ своихъ, но никогда не высшавила она своего великаго урока шакими яркими, огненными буквами. Паденіе Наполеона было Валшазаровымъ пиромъ для цѣлаго свѣша. И какая отрасль общественной жизни, какая часть ея, какая изъ полишическихъ или нравственныхъ идей не получила новаго развишія отъ него? Не удивляйшесь-же, что имя Наполеона вспрѣчаешся вамъ шакъ часто въ книгахъ и Журналахъ, въ поэзіи и въ разсказахъ народовъ. Другой, не столь великій символъ, давно сдѣлался-бы пошлымъ отъ безпрестаннаго повшоренія; напрошивъ имя Наполеона, чѣмъ болѣе удаляешся на историческое разстояніе, шѣмъ болѣе принимаешъ значеніе великое, поэшическое, понятное для всякаго. Онъ былъ уничтожишелемъ многихъ заблужденій, нѣкогда повелѣвавшихъ міромъ, и жершвенникъ, на которомъ сго-

Digitized by Google

рѣли они, долго останется свѣтлою точкою и путеводною звѣздою для политика, для историка, для поэта. Наполеонъ показалъ ничтожность силы, не подкрѣпляемой нравственнымъ одобреніемъ народовъ; онъ показалъ сколь гибельно употребленіе насильственныхъ мѣръ, каковы были его преобразованія Государствъ, завоеваніе Испаніи, Португаліи, континентальная система, походъ въ Россію, и проч. и проч. Онъ научилъ историковъ судить вѣрнѣе о побудительныхъ причинахъ многихъ, искони славившихся событій; онъ поставилъ ихъ на истинную точку, и собственнымъ примѣромъ показалъ, отъ чего и какъ падаютъ величайшія Государства. Наконецъ поэзія обогатилась въ немъ идеями и картинами гигантскими. Какой изъ Плутарховыхъ героевъ, породившихъ столько драмъ, станетъ на ряду съ исполиномъ нашего времени? Какой періодъ Исторіи представляетъ столько поэзіи въ самыхъ событіяхъ? Пирамиды Египта и пламенѣющая Москва; жители Юга, погибающіе въ снѣгахъ Сѣвера, и жители береговъ при-Волжскихъ, вступающіе въ Парижъ; Императоръ Французовъ среди сонма царей въ Дрезденѣ, и плѣнникъ на островѣ Св. Елены!... И все это живо, явно, въ нашей памяти, передъ нашими глазами. Не явно-ли во всемъ этомъ опредѣленіе Всевышняго Промысла, и указаніе на неизмѣняемую стройность всемірнаго хода дѣлъ? Что значатъ преходящія, временныя потрясенія, передъ общностью великаго, вѣчнаго порядка?

Приступая къ своему труду, Историкъ долженъ былъ проникнуться всѣми сими идеями, постиг-

Digitized by Google

нуть всю глубину ихъ, обдумать каждое событіе, и забыть свой народный эгоизмъ передъ зерцаломъ Исторіи. Онъ долженъ былъ развить намъ всю великую драму, называемую *Наполеонъ*. Показать: какимъ образомъ возникло это удивительное явленіе, какими путями Неисповѣдимый велъ своего посланника къ могуществу безпримѣрному, и какія причины способствовали его паденію: вотъ въ чемъ состояла обязанность историка. Событія изумительны, но едва-ли менѣе изумителенъ и тотъ трудъ, который долженъ подъять историкъ Наполеона. Не безъ истины будутъ слова, что изложить въ совершенствѣ все сдѣланное Наполеономъ, есть подвигъ почти равный собственнымъ его подвигамъ. В. Скоттъ палъ подъ бременемъ этого труда. Онъ только совокупилъ въ одной рамѣ всѣ событія, отъ рожденія Наполеона до удара заступомъ надъ его гробомъ. Онъ разсказалъ все, довольно подробно, и позволялъ себѣ философствовать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Юридическіе вопросы, которыхъ также встрѣчается довольно много въ Исторіи Наполеона, изслѣдованы имъ съ большою тонкостью, и сіи изслѣдованія составляютъ лучшія мѣста въ книгѣ В. Скотта. Но за всѣмъ тѣмъ, трудъ его ни сколько не показываетъ значенія событій, и еще менѣе объясняетъ общность оныхъ. Разсказывать не трудно, особливо человѣку съ такимъ великимъ даромъ слова, какимъ обладалъ В. Скоттъ. Но развѣ голой, простой, не оживленный единою мыслью разсказъ его есть Исторія? Прочитавши всѣ девять томовъ его сочиненія, вы наполните голову свою множествомъ образовъ,

Digitized by Google

происшествій, картинъ, но безъ всякаго отчета уму. Вамъ надобно самимъ пересоздавать для себя все, что разсказываетъ Шотландскій Баронетъ, который—жалкая истина!—въ иныхъ мѣстахъ искажалъ отъ себя многое, или до такой степени запутывалъ событія, что вы не отличите у него лжи отъ истины. И не думайте, чтобы это было слѣдствіемъ дурнаго намѣренія: представитъ событія въ превратномъ видѣ. Нѣтъ! это слѣдствіе того, что В. Скоттъ былъ Англичанинъ, не любилъ Наполеона, и пользовался источниками безъ разбора. Но, повторимъ, что можно было-бы простить все это, если-бы онъ, ошибаясь въ частностяхъ, вѣрно представилъ намъ общность Исторіи Наполеона. Къ сожалѣнію—ибо какъ не пожалѣть объ огромномъ трудѣ, свершенномъ безъ мысли — въ общности своей книга В. Скотта не имѣетъ никакого достоинства. Не льзя не упрекнуть Англійскаго Историка и за то, что онъ не умѣлъ скинуть съ себя Англійскаго эгоизма, что онъ глядѣлъ почти на всѣ поступки Наполеона съ какою-то неумѣстною насмѣшливостью и съ непріязненностью, которыя неприличны для Историка. Отъ того почти всѣ подвиги его героя представлялись ему ребяческими, безразсудными, несправедливыми. Читатели видятъ, что насъ не льзя обвинять въ пристрастіи къ Наполеону: мы прямо называемъ его честолюбцемъ, нарушителемъ естественнаго хода дѣлъ, недостойнымъ благословенія современниковъ и потомства; но въ то-же время, кто можетъ безъ удивленія видѣть этотъ всеобъемлющій умъ, эту необычайную силу духа, этотъ геній, которыми

Digitized by Google

Провидѣніе надѣлило его? Для насъ важны не мѣлочные недостатки Наполеона, а геній человѣка, проявлявшійся въ жизни его подъ столь разнообразными видами. Какое поучительное зрѣлище, какая высокая драма въ Исторіи этого безпримѣрнаго человѣка! Покажите намъ, въ какомъ видѣ, подъ какими формами, въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ, дабы мы могли исполнишься благоговѣнія къ Волѣ Того, Который ведетъ насъ всегда къ лучшему, и въ необычайныхъ явленіяхъ, подобныхъ Наполеону, указываетъ путь, коимъ должно идти человѣчество. Здѣсь все любопытно, и потому чѣмъ подробнѣе, вѣрнѣе, безпристрастнѣй будетъ разсказъ вашъ, тѣмъ лучше. Каково-же, съ такими понятіями о вещахъ, видѣть гордаго Британца, который за своимъ поршеромъ отпускаетъ вамъ неумѣстныя остроты, и думаетъ только о защитѣ своихъ милыхъ политическихъ мнѣній! Это было хорошо въ романахъ В. Скотта, гдѣ народность его составляетъ новое достоинство, но это нестерпимо въ Исторіи. Напримѣръ, когда дѣло дошло до свекловичнаго сахара, которымъ Наполеонъ хотѣлъ досадить Англичанамъ, Боже мой! какъ разыгрывается гнѣвъ Историка! Какъ насмѣшливо разсуждаетъ онъ объ этомъ частномъ, мѣлочномъ случаѣ въ дѣяніяхъ Наполеона! Замѣтимъ однакожь, что это была мысль благодѣтельная, и Провидѣніе, обращающее все въ пользу нашу, извлекло даже изъ нелѣпой континентальной системы сѣмена добра. Необходимость заставила континентальныя фабрики соперничать съ Англійскими, и такимъ образомъ мануфактурная промышленность двинулась впередъ. В.

Digitized by Google

Скоттъ не хотѣлъ видѣть этого; онъ Англичанинъ.—Другой примѣръ: Наполеонъ, при завоеваніи Италіи, взялъ, въ видѣ контрибуціи, лучшія произведенія Искусствъ. Онъ имѣлъ на это право неоспоримое: право побѣдителя. Мысль его: соединить въ столицѣ Франціи лучшія произведенія знаменитыхъ художниковъ, была слѣдствіемъ того направленія, которое показали мы выше, ибо со времени первыхъ своихъ успѣховъ, Наполеонъ уже мечталъ сдѣлать Францію средоточіемъ всего великаго и прекраснаго, а Парижъ столицею міра. В. Скоттъ не видитъ поэзіи его мысли, и начинаетъ съ нимъ тяжбу, точно какъ передъ судомъ присяжныхъ доказывая, что Наполеонъ не имѣлъ права отнять у Итальянцевъ ихъ сокровищъ. Но кто-же споритъ объ этомъ? Не имѣлъ права, какъ, напримѣръ, не имѣли-бы его мы съ В. Скоттомъ; но какъ *Наполеонъ* — подлежитъ-ли онъ суду гражданскому? Не слишкомъ-ли тѣсенъ такой обзоръ для Историка?

Вотъ два небольшіе примѣра, какими глазами глядѣлъ Англійскій Историкъ на событія! Мы могли-бы привести множество подобныхъ, гдѣ ясно видно, что онъ не понималъ главной мысли, которая руководствовала Наполеона всегда и во всемъ. Но для такого разбора многотомной Исторіи надобно слишкомъ много времени и мѣста. Ограничимся чѣмъ можно, и, для новаго примѣра, разсмотримъ подробнѣе одно изъ рѣшительныхъ событій въ Исторіи Наполеона: походъ въ Россію.

(До слѣдующей книжки).

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Сочиненія и Переводы въ стихахъ Павла Катенина*, съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній Князя Николая Голицына. 2 части. СПб. 1832. Въ т. вдовы Плюшара. XI, 183 и 190 стр. in-8.

Не много писалъ Г. Катенинъ, но сочиненія его бывали поводомъ ко многимъ спорамъ. Свѣжо помню, какъ въ 1819 году хохоталъ я читая остроумный разборъ *Мстислава Мстиславича*; припоминаю себѣ, какъ сокрушался я читая споры объ *Ольгѣ*, и никогда не забуду какъ много смѣялись мы, цѣлымъ обществомъ пріятельскимъ, прочитывая замѣчанія на замѣчанія Г-на Катенина объ *Исторіи Русской Литтературы* Г-на Греча. Вѣроятно были и еще какія нибудь состязанія *за, противъ, во славу* или *въ ущербъ сочиненій* Г-на Катенина; не могу сказать сколько именно, только помню, что много было споровъ о сочиненіяхъ и мнѣніяхъ сего писателя; въ памяти моей, *сочиненіе Г-на Катенина и споръ за него*, остались неразлучны.

Блаженныя времена прошли! Мы теперь спо-

Digitized by Google

римъ менѣе, и болѣе любимъ давашь себѣ отчетъ обо всѣхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ явленіяхъ. Сверхъ того, мы собственно не принадлежимъ ни къ одной изъ тѣхъ партій, которыя развивали знамена и шли въ борьбу за *Ольгу*, за *Мстислава*, за *Лѣшаго*, за окшавы и за мнѣнія Г-на Каченина. Мы въ лучшемъ положеніи для разбора Сочиненій его, и, если можно, для рѣшенія вопроса: ошъ чего столько шумѣли о нихъ?

Упомянутое нами слово: партіи, объясняетъ многое. Надобно сказашь о нихъ нѣчшо. Ошъ начала нынѣшняго столѣтія существовали у насъ въ Литературѣ двѣ главныя партіи, или школы: Карамзинистовъ и Славянофиловъ. Многіе люди, даже съ дарованіемъ, увлеченные гармоническою, прелестною прозою Карамзина, сдѣлались подражателями его во всемъ, даже въ недосшашкахъ, которыхъ у Карамзина было довольно. Аханье, вздохи, словесный филанпропизмъ, однообразіе напѣва, и безошчешное, излишнее употребленіе словъ и оборошовъ иностранныхъ, были отличительными признаками первой партіи. Прошивъ эшого возсшалъ Авторъ книги: *О сшаромъ и новомъ слогѣ*, имѣвшій шакже многихъ и жаркихъ поборниковъ. Эша, другая партія, вдалась въ крайность прошивоположную: какъ Карамзинисшы подражали во всемъ иностранному, шакъ Славянофилы хошѣли все обрашишь къ Славянскому языку, къ древнимъ обычаямъ и навыкамъ, и несправедливо почишая современниковъ своихъ Славянами, хошѣли доказашь, что надобно оставишь иностранцевъ, и заимсшвовашь всѣ силы души и

Digitized by Google

слова изъ роднаго, какъ полагали они, источника. Здѣсь, какъ почти всегда бываетъ въ спорахъ, обѣ стороны имѣли справедливыя основанія, были обѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ правы, и только ошибались въ выводахъ, въ слѣдствіяхъ. Карамзинъ оказалъ нашему языку великую услугу тѣмъ, что, заимствовавъ для него нѣкоторыя формы и слова изъ иностранныхъ языковъ, писалъ на немъ прекрасно и былъ изящнымъ образцомъ такого слога, какого до него не знала Россія. Виноватъ-ли онъ, что не нашлось ему достойнаго преемника, не нашлось дарованія, которое, идя проложеннымъ путемъ, очистило-бы его отъ шерній и волчцовъ, остававшихся на немъ? Послѣдователи Карамзина увеличили только недостатки его слога, навербовали кучу излишнихъ, нелѣпыхъ иностранныхъ словъ и выраженій, превратили вздохи его въ рыданія, чувствительность въ слезливость, и вмѣсто умнаго заимствованія отъ иностранцевъ, хотѣли сдѣлать насъ вовсе не Русскими? Основная мысль Карамзина: брать хорошее у чужеземцевъ и благоразумно усвоивать его себѣ—была справедлива, прекрасна, необходима для образованнаго народа. Однакожь, поставьте себя на мѣсто его современниковъ, которые не могли, такъ какъ мы, судить объ этомъ по опыту, по слѣдствіямъ; они видѣли только мутный потокъ иностраннаго, который готовъ былъ затопить богатыя нивы Русскаго Слова. Они должны были остановить его, и также справедливо утверждали мысль, оправданную опытомъ, что главныя улучшенія для языка, для Словесности, должны быть заимствованы изъ роднаго міра, изъ

Digitized by Google

уцѣлѣвшихъ памятниковъ Русскаго духа, изъ стихій Русскаго быта, ибо таково было основаніе ихъ мысли. Она была несправедлива только примѣненіемъ своимъ, ибо анти-Карамзинисты хотѣли сдѣлать насъ опять не Русскими, а Славянами, хотѣли, чтобы мы забыли объ иностранцахъ, и для прошедшаго мертваго оставили настоящее, живое, утвержденное употребленіемъ и дарованіями. Казалось, надобно было-бы тѣмъ и другимъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобы стать на точку истины. Однакожь это дѣлается не такъ-то скоро.

Мало по малу, первые состязатели удалились съ боеваго поприща. Мѣсто ихъ заняли двѣ новыя, происшедшія отъ нихъ, измѣненныя временемъ партіи. Карамзинисты породили новую школу, которую можно именовать поклонниками Карамзина. Оставивъ безусловное подражаніе сему необыкновенному писателю, они полагаютъ, что не льзя идти далѣе его; что не именуя его Русскимъ Аристотелемъ, должно слѣдовать ему какъ Русскому Аристотелю, только не вводя новыхъ иностранныхъ словъ, и заимствуя мысли не у тѣхъ чужеземныхъ писателей, у которыхъ заимствовался Карамзинъ, ибо эти люди уже знаютъ Романтизмъ и читаютъ не однихъ Французскихъ Классиковъ; они готовы на всякое улучшеніе, только было-бы оно въ духѣ Карамзина. Впрочемъ эта школа не такъ многочисленна печатно, какъ словесно, и не столько дѣйствуетъ она въ Литтературѣ, сколько въ такъ называемомъ лучшемъ обществѣ. Къ ней принадлежатъ въ обществѣ даже тѣ лю-

Digitized by Google

ди, которые въ Словесности составляютъ прямую противоположность Карамзину. Школа Славянофиловъ осталась въ другой части нашей Словесности, къ которой принадлежатъ люди, прилежно изучавшіе иностранныя Литтературы, и убѣжденные, что прежде всего надобно быть чистымъ сыномъ своего отечества, заимствовать силу и краски у своего народа, и воскрешать старинный, а если можно то и древній бытъ, древній языкъ, древнія понятія, потому что все это въ нынѣшнемъ Русскомъ мірѣ образовано слишкомъ по иностранному. Эти люди уже во многомъ убавили требованія Славянофиловъ, и пристали къ нимъ потому только, что основная мысль сихъ послѣднихъ справедлива; но они ошиблись въ средствахъ, и думаютъ, что воскрешаютъ Русскій духъ, говоря: *возвративый* вмѣсто *возвратившій*, *рамо* вмѣсто *плечо*, *ланита* вмѣсто *щека*. Ошибка ихъ въ томъ, что они по слѣдамъ предшественниковъ своихъ почитаютъ Рускихъ Славянами, и Церковно-Славянскій языкъ древнимъ Русскимъ. Впрочемъ, это люди, по большей части основательно учившіеся, глубоко понимающіе Романтизмъ, и готовые на все прекрасное — только подъ Славянскимъ знаменемъ. Къ этому разряду писателей принадлежатъ почетныя имена Русской Литтературы: Грибоѣдовъ (*), Жандръ,

(*) Который даже въ *Горѣ отъ ума* жалуется на то, что мы брѣемъ бороды и не носимъ долгополыхъ кафтановъ.

Digitized by Google

Авторъ *Пжорскаго*, и нѣкоторые другіе. Къ нимъ принадлежитъ и Г-нъ Кашенинъ.

Но всякій писатель, принадлежа или нѣтъ къ какой-бы то ни было школѣ, имѣетъ и собственную свою физіогномію въ Литтературѣ. Г. Кашенинъ пишетъ стихи, и надобно признаться, большею частію неудачно. Мы могли-бы привести безчисленные сему примѣры, и доказать, что онъ ни сколько не владѣетъ ни стихомъ, ни языкомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не льзя не отдать справедливости его усиліямъ ввести въ нашу Словесность новые виды, новые роды, и обогатить ее заимствованіями изъ Русскаго быта и Русской старины. Это усилія благородныя, которыя показываютъ писателя мыслящаго и желающаго добра Литтературѣ. Но форма ни сколько не повинуется внутренней мысли сего писателя. Остроумные противники его воспользовались этимъ, и начали осмѣивать всѣ неудачные *Славянизмы* Г-на Кашенина. Поборники его, убѣжденные въ правотѣ основной мысли своего собрата, начали защищать его. Вотъ происхожденіе тѣхъ споровъ, которые нѣкогда оглушали насъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ надобно было-бы отличить наружную отдѣлку отъ сущности сочиненій Г-на Кашенина, и тогда рѣшеніе было-бы справедливо. Повторяемъ, что стихи у Г-на Кашенина по большей части не хороши, и часто очень дурны; однакожь онъ въ 1814 году началъ и въ слѣдующихъ продолжалъ писать настоящія Русскія Стихотворенія, каковы: *Наташа, Убійца, Лѣшій*; онъ въ

Digitized by Google

то-же время постигалъ сущность Поэзіи Романтической, чему доказательствомъ служатъ его переводы изъ Аріосша и Данѣе. Надобно уважать не одну бойкость языка въ писателѣ, но и мнѣнія его, когда есть въ нихъ истина.

Какъ не пожалѣть послѣ сего, что Г. Каченинъ брался переводить Французскихъ Классиковъ. Могъ-ли онъ совладѣть съ людьми, у которыхъ почти все достоинство въ языкѣ, въ стихѣ ихъ, запечатлѣнномъ высокою наружною красою вѣка Людовика XIV? Онъ *неузнаваемо* перевелъ изъ Корнеля четвертое дѣйствіе *Горацiевъ*, и изъ Расина Разсказъ Терамена и отрывки изъ *Гоѳолiи* и *Эсѳири* (впрочемъ отрывки изъ Эсѳири не помѣщены въ его *Сочиненiяхъ и Переводахъ*). Сверхъ того находимъ у него четвертое дѣйствіе изъ *Медеи* Лонжепьера, и нѣсколько переводовъ мелкихъ стихотвореній Французскихъ. Все это можно объяснить только тѣмъ, что Г. Каченинъ переводилъ и писалъ многое случайно, для бенефисовъ, для пріятелей. Къ такому разряду принадлежитъ *Пиръ Іоанна Безземельнаго*, служившій прологомъ къ одной драмѣ Кн. Шаховскаго.

Разумѣется, что всего болѣе дорожилъ Г. Каченинъ своими собственными сочиненіями и — прибавимъ — переводами изъ Итальянскихъ и Нѣмецкихъ писателей. Но мы уже сказали, почему не могли они имѣть успѣха, и до сихъ поръ не обращаютъ на себя никакого вниманія: Г. Каченинъ не хорошо владѣетъ языкомъ и дурно пишетъ стихи; это объясняетъ все. Доказательствомъ нашего мнѣнія

Digitized by Google

можетъ служить каждая строчка разсматриваемой книги.

Здѣсь могли-бы мы окончить наши замѣчанія. Но вниманіе наше должно обратиться еще къ одному предмету: къ Предисловію, которое находится во главѣ Сочиненій Г-на Кашенина. Его писалъ нѣкто Г. Бахтинъ, вовсе неизвѣстный въ Литтературѣ. Но прочитавъ это Предисловіе, всякій увидитъ, что Г. Бахтинъ есть горячій защитникъ Г-на Кашенина. Онъ издалъ нынѣ его Сочиненія и въ Предисловіи своемъ находитъ у Г-на Кашенина: оригинальность, богатство вымысла, разнообразіе, и проч. и проч. Мы, напротивъ, видимъ совсѣмъ не то, и для поясненія мысли нашей скажемъ еще слѣдующее.

Оригинальность состоитъ не въ томъ только, что-бы писать иное, или иначе нежели другіе. Это особенный даръ, который не нуждается ни въ нововведеніяхъ, ни въ новыхъ мірахъ, ни въ новыхъ словахъ. Оригинальность заключается не въ самихъ предметахъ, а во взглядѣ, въ душѣ того, кто описываетъ ихъ. Всѣ предметы оригинальны, ибо всѣ они могутъ производить на душу поэта или мыслителя впечатлѣнія новыя. Но для писателя обыкновеннаго, не имѣющаго самобытности, все старо, все негодно, пошло, потому что онъ все видитъ по впечатлѣніямъ чужимъ, а не своимъ собственнымъ. Первый врагъ его есть извѣстная пошлость: *ни что не ново подъ луною*, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ все ново, ибо каждый человѣкъ живетъ своею жизнію, видитъ все своими глазами, имѣетъ свою

Digitized by Google

душу, и для него міръ долженъ быть новъ, потому что онъ видитъ его въ первый разъ. Но, къ несчастію, прежде насъ жили люди, которые почти обо всемъ сказали свое мнѣніе, и вотъ эти мнѣнія дѣлаютъ міръ не новымъ для того, кто не умѣетъ забыть ихъ. Они господствуютъ въ немъ, они задушаютъ его, и ни одно впечатлѣніе не смѣетъ, какъ къ землѣ ласточка въ полетѣ своемъ, прикоснуться къ душѣ его, которая есть та неисполнимая призма, гдѣ все преображается, все принимаетъ новый видъ. Между тѣмъ многіе изъ такихъ людей одарены безпокойнымъ чувствомъ, которое заставляетъ ихъ искать новаго, среди ничтожностей окружающаго ихъ, и они думаютъ, что найдутъ самобытность въ странностяхъ, въ противоположности обыкновенному ходу дѣлъ, мыслей и словъ. Эти люди почти всегда презираютъ обыкновенное, почитаютъ себя призванными создать что-то великое, и повинуясь упомянутому безпокойному чувству, творятъ однѣ странности. Это пигмеи, одаренные смѣлою душою; но какой Геркулесовскій подвигъ могутъ свершить они, со своимъ крошечнымъ, безсильнымъ тѣломъ? Въ нравственномъ мірѣ эти люди называются оригиналами.

Если Издатель *Сочиненій* Г-на Кашенина видитъ въ немъ оригинальность этого рода, то мы почти готовы согласиться съ нимъ. Но если онъ разумѣетъ оригинальность Державиныхъ, Хемницеровъ, Крыловыхъ, то мы отнюдь несогласны съ его мнѣніемъ. Желать быть чѣмъ нибудь, и быть дѣй-

Digitized by Google

ствишельно, большая разница. Слѣпушкинъ, Алипановъ, и многіе другіе изъ Русскихъ мужичковъ, хотятъ быть поэтами; ихъ и хваляшъ за это, и хвалятъ справедливо; но поэты-ли они? Г. Кашенинъ хочетъ быть оригиналенъ; но дѣйствишельно-ли онъ оригиналенъ? Честь и хвала ему, что онъ искалъ оригинальности прежде многихъ другихъ. Но Издашель его *Сочиненій* смѣшалъ намѣреніе съ исполненіемъ — только!

Да, Г. Кашенинъ стремился быть оригинальнымъ писашелемъ, и хотѣлъ познакомить насъ съ оригинальными авторами иностранныхъ Литтературъ; но у него не достало силъ для такого подвига. Общаго, темнаго, несообразнаго съ силами желанія мало для художника. Надобно что-бы каждая мысль, во всѣхъ подробностяхъ своихъ, была для него ясна, и выражаема имъ въ формахъ изящныхъ. Только тогда вниманіе его, устремленное на какой-бы то ни было предметъ, будетъ иешочникомъ прекраснаго. Но безъ этой особенной поэтической силы, нечего и думать о *разнообразіи*, о *богатствѣ вымысловъ*. Бериште какіе угодно предметы, разрабошывайте какую угодно Литтературу, вы не произведете ничего, если въ васъ нѣтъ души художнической.

P. S. Въ концѣ *Сочиненій* Г-на Кашенина напечашаны два стихошворенія Князя Н. Голицына. Это переводъ двухъ Одъ Ж. Б. Руссо. Въ нихъ болѣе силы и мастерской отдѣлки, чѣмъ во многихъ стихошвореніяхъ Г-на Кашенина.

Еще одно замѣчаніе. Разсматриваемая нами книга

Digitized by Google

напечатана съ такими непростительными, варварскими ошибками противъ Правописанія, что это не дѣлаетъ чести ни типографіи, въ которой она печаталась, ни корректору, который смотрѣлъ за печатаніемъ ея.

— *Пестрыя Сказки съ краснымъ словцомъ*, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, Магистромъ Философіи и Членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя В. Безгласнымъ. Съ эпиграфомъ: *Какова Исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель въ тридесятое царство. Фонъ-Визинъ.* СПб. 1833. Въ т. Экспедиціи заготовленія Государственн. бумагъ. XIV и 156 стр. in-12.

Мы нашли въ этой книгѣ совсѣмъ не то, чего ожидали. Было объявлено, что Сказки, или фантазіи, помѣщавшіяся въ альманахахъ подъ одною фирмою и запечатлѣнныя одинакимъ духомъ, одинакимъ воззрѣніемъ на предметы, печатаются и вскорѣ будутъ изданы всѣ вмѣстѣ. Мы хотѣли испытать впечатлѣніе отъ общности ихъ, ибо оно бываетъ не таково какъ отъ частностей, и тогда надѣялись дать отчетъ свой объ этомъ явленіи, пріятномъ въ неразнообразной Русской Литтературѣ. Но мы обманулись въ своемъ ожиданіи. *Пестрыя Сказки* совсѣмъ не тотъ *Домъ сумасшедшихъ*, котораго мы ожидали. Это совершенно иныя созданія, и почти всѣ они были новы для насъ, кромѣ одной *Пестрой Сказки*, помѣщенной въ *Кометѣ Бѣлы*. Пріятель Г-на Гомозейки, Г. Безгласный увѣдомляетъ, что онъ со временемъ издастъ *Домъ Сумасшедшихъ*, а теперь, покуда, заставляетъ публику

Digitized by Google

довольствоваться *Пестрыми Сказками.* Такимъ образомъ, должны и мы сказать свое мнѣніе, покуда лишь о нихъ.

Но что такое онѣ, эти *Пестрыя Сказки,* изданныя въ самомъ дѣлѣ пестро, на полусиней бумагѣ, съ рамкою кругомъ каждой страницы, съ испечатаннымъ разными красками заглавнымъ листкомъ, и съ виньетками въ родѣ Жоанно? Въ наше время не любятъ мнѣній ab abrupto; да и не въ нашемъ обычаѣ судить безъ доказательствъ, безъ предварительнаго, адвокатскаго изложенія мыслей о дѣлѣ вообще—разумѣется если рѣчь идетъ о книгѣ сколько нибудь замѣчательной. Надобно и здѣсь сказать прежде всего о родѣ сочиненій, къ которому принадлежатъ *Пестрыя Сказки.*

Въ душѣ человѣческой есть вѣра въ чудесное, несообразное съ обыкновеннымъ порядкомъ дѣлъ. У младенца и у взрослаго, у дикаго и у просвѣщеннаго человѣка, вездѣ, подъ всѣми градусами, во всѣхъ климатахъ, есть къ этому особенное чувство, которое лелѣетъ онъ въ глубинѣ души своей, скрываетъ какъ заповѣдную тайну, и часто не умѣетъ дать ему настоящаго названія. Оно является подъ безчисленнымъ множествомъ видовъ. Древніе облекали почти всѣ силы природы таинственными символами, и вѣрили, что Юпитеръ колеблетъ сводъ небесъ маніемъ бровей, что Солнце прекрасный молодой человѣкъ, прогуливающійся въ колесницѣ, что Нептунъ ударомъ трезубца производитъ бури. Они вѣрили всѣмъ подобнымъ сказаніямъ, ибо не могли изъяснить себѣ иначе явленій природы. Но просвѣщеніе, невидимо разсѣявающее мракъ заблу-

Digitized by Google

жденій, вскорѣ дало иное значеніе символамъ, сначала непостижимымъ, которые обратились въ вѣрованіе, въ религію, имѣвшую свою систему, и уже самые Греки оставили намъ много вѣрныхъ понятій о природѣ. Съ явленіемъ истинной Вѣры, Миѳологія Древнихъ пала въ забвеніе, и Христіанскій міръ освободился отъ языческихъ преданій. Но указанное выше чувство къ чудесному не погибло въ человѣкѣ. Оно приняло новыя формы, и господствовало надъ умами въ видѣ злыхъ духовъ, сглазовъ, наговоровъ, и проч. Наконецъ, когда прошло время и этого рода суевѣрій, когда человѣкъ еще ближе познакомился съ истинными причинами всего видимаго имъ, тогда остался еще для него міръ невидимый вещественными очами, и управляемый фантазіею. Вступая въ глухой, темный лѣсъ, человѣкъ уже не думаетъ встрѣтишь тамъ Фавновъ и Лѣшіевъ, но не можетъ освободиться отъ какого-то неизъяснимаго чувства, похожаго на робость. Одинъ, въ таинственномъ, удаленномъ отъ живыхъ существъ подземельѣ, или еще болѣе на кладбищѣ, среди безмолвныхъ гробовъ, ночью, онъ невольно проницается трепетомъ. Какія думы, какія мысли волнуютъ его, когда стоитъ онъ, въ темную ночь, на берегу моря, которое съ однообразнымъ ропотомъ хлещетъ въ берегъ, и съ шипѣніемъ разсыпаетъ у ногъ его свои волны! Онъ хочетъ проникнуть въ тайный языкъ природы; онъ хочетъ узнать, о чемъ говорятъ ему волны моря, о чемъ сѣтуютъ уединенныя въ лѣсахъ птицы, что̀ шепчетъ ему вѣтерокъ мимолетный, и какую вѣсть приноситъ серебристый свѣтъ луны? Это чувство не-

Digitized by Google

истребимо въ человѣкѣ, и нѣкоторые изъ новыхъ поэтовъ, особенно Германскихъ, основали на немъ прекрасный родъ поэзіи, называемый фантастическимъ. Чистую, младенчески вѣрующую душу надобно имѣть тому, кто хочетъ жить въ этомъ неосязаемомъ мірѣ. Надобно вѣрить чудесному, разумѣется не съ чувствомъ простолюдина, но съ чувствомъ поэта, и вѣрить искренно, дабы заставить поддаваться обаянію и тѣхъ людей, которымъ хотите вы передавать свои ощущенія. Величайшимъ образцомъ въ семъ родѣ служитъ Гоффманъ. Нѣкоторые ставятъ въ разрядъ фантастическихъ писателей и великаго Жанъ-Поля, но несправедливо. Жанъ-Поль былъ философъ, и умѣлъ облекать въ піитическія формы глубокія мысли свои. Но Гоффманъ какъ поэтъ вѣрилъ явленію призраковъ изъ огня и воды, изъ стклянокъ и изъ-подъ лавокъ, изъ табачнаго дыму и изъ кружки пива. Отъ того сочиненія его ознаменованы истиною въ самыхъ бурныхъ увлеченіяхъ фантазіи, отъ того *возможное* является у него какъ-бы *дѣйствительнымъ*, ибо гдѣ предѣлъ *тому, что можетъ быть*? Надобно было при этомъ, что-бы Гоффманъ имѣлъ свою, только ему принадлежащую кисть—и вотъ тайна очарованія, заключающагося во всѣхъ его картинахъ.

Въ нашъ вѣкъ, холодный вѣкъ разсудительности и приличій, можно также причислить къ *чудесному* явленіе людей, подобныхъ Гоффману. Мы стыдимся вѣрованій и еще болѣе нарушенія общепринятыхъ мнѣній, принадлежащихъ ложно понимаемой образованности. Мы не умѣемъ отдѣлить поэта отъ человѣка свѣтскаго, общественнаго. Опутанные от-

Digitized by Google

ношеніями, которыя такъ важны въ глазахъ многихъ, мы даже съ самымъ добрымъ желаніемъ не умѣемъ вполнѣ предаваться увлекающему насъ чувству, и если иногда выходимъ изъ круга пошлаго благоразумія своего, то не забываемъ напоминать окружающимъ насъ, что мы только шутимъ и сей часъ опять сдѣлаемся благоразумны. Можетъ быть это очень хорошо для какихъ нибудь отношеній, но это убійство для всякой поэзіи. Этимъ запечатлѣны и разсматриваемыя нами *Сказки*.

Читая ихъ видите ясно, что Авторъ говоритъ не искренно съ вами. Онъ только принялъ на себя роль добродушнаго разскащика, только надѣлъ маску, сдѣланную столь неискусно, что изъ-подъ нея видна его собственная физіогномія. Послѣ этого, нѣтъ очарованія, нѣтъ покорности его чудеснымъ разсказамъ; мы становимся съ нимъ осторожны, и не вѣримъ ни одному слову его! Прибавьте къ этому, что онъ охолодилъ разсказы свои приданными имъ значеніемъ и формою, которыя вовсе несообразны съ основною мыслію его созданій. Внутренній смыслъ ихъ—нравоученіе, а форма—аллегорія. Изъ каждой Пестрой Сказки можно извлечь преблагоразумное, назидательное изрѣченіе; форма всѣхъ ихъ чисто аллегорическая; слѣдственно Авторъ возвратился къ забытому, несообразному съ нашимъ вѣкомъ роду *распространенной басни*. Все это подтвердимъ мы доказательствами.

Ни одинъ читатель не можетъ сомнѣваться, что Авторъ хотѣлъ ввести насъ въ тотъ чудесный

Digitized by Google

міръ, гдѣ самовластно господствуетъ фаншазія. Онъ представляетъ намъ балъ, который даетъ кто-то въ ретортѣ — да въ ретортѣ! — и что еще ужаснѣе, подъ ретортою — огонь. Одинъ изъ гостей чуть не изжарился тамъ и рѣшился вылѣзть изъ этой жаркой бани; но только показалъ онъ свой носъ изъ горлышка реторты, какъ дьяволенокъ, который шутилъ такъ неучтиво надъ гостями и надъ хозяиномъ бала, схватилъ его и бросилъ въ Лапинскій словарь. Тутъ нашелъ мученикъ нашъ *паука*, *мертвое тѣло*, *калпакъ*, *Игошу* и всѣ прочія Сказки, явившіяся нынѣ подъ именемъ Пестрыхъ. Признаюсь, эта холодная, безцвѣтная, ничего не сказывающая аллегорія, усыпанная блестками начитанности — обдаетъ холодомъ прозаизма! Посмотримъ однакожь, что есть въ другихъ, *настоящихъ* Сказкахъ, потому что балъ въ ретортѣ служитъ имъ только введеніемъ.—*О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ.* Къ пьяному приказному, когда онъ сидѣлъ зимою въ холодной избѣ, явился кто-то, потерявшій свое тѣло. Онъ заставилъ приказнаго написать прошеніе о сыскѣ своего тѣла, и люди изъясняютъ это происшествіе каждый по своему. Разговоръ приказнаго съ владѣльцемъ мертваго тѣла отличается истиною. — *Жизнь и похожденія одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ, или Новый Жоко.* Это похожденія паука. Онъ разсказываетъ о своей любви, о своихъ войнахъ, преслѣдованіяхъ отца, и прочемъ. Какъ ни становишесь на мѣсто этого паука, вы не поймете, зачѣмъ разсказывалъ онъ свои приключенія? Неужели для того, что-бы сказать великую истину

Digitized by Google

всѣ предметы бываютъ велики и малы по сравненію? — *Сказка о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось въ Свѣтлое Воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ.* Вотъ по какому: онъ заигрался въ карты съ сослуживцами, и когда одинъ изъ игравшихъ задулъ свѣчи, то всѣ карты превратились въ игроковъ, а игроки въ карты, которыя начали играть Иванами Богдановичами, Начальниками Отдѣленій и Столоначальниками. Всѣхъ этихъ господъ нашли спящими, подъ стульями и столами. Предоставляю читателямъ разрѣшить, что̀ хотѣлъ Авторъ сказать своею аллегоріею. — *Игоша.* Это родъ маленькаго домоваго, но представленнаго не такъ, какъ обыкновенно̀ разсказываютъ о немъ нянюшки. *Просто Сказка.* Это сонъ какого-то Валтера, которому представилось, что калпакъ влюбился въ туфлю и наконецъ былъ запачканъ ваксою. Вѣрно здѣсь тотъ смыслъ, что не надобно сближаться съ порочными, отъ которыхъ можно запачкаться? По крайней мѣрѣ аллегорія новая! — *Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить по Невскому проспекту.* Сколько уже бывало нападеній на чужеземное воспитаніе! Авторъ опять возобновляетъ старинную войну, и аллегорически представляетъ, какъ изъ дѣвушекъ дѣлаютъ нарядныхъ куколъ. — *Таже Сказка, только на изворотъ.* Кукла воскрешена какимъ-то Индійскимъ мудрецомъ; она понимаетъ все возвышенное и прекрасное, но выходитъ замужъ за бездушнаго урода, который говоритъ только о лошадяхъ. Поэтическая красавица умираетъ съ горя.

Digitized by Google

Вотъ всѣ *Пестрыя Сказки.* Крашкіе намеки о каждой изъ нихъ могушъ показашь чишашелямъ, справедливо-ли назвали мы эши созданія холодными аллегоріями. Да! они холодны и по вымыслу и по разсказу. Ни одной смѣлой, молніеносной исшины, ни одного поэшическаго воззрѣнія нѣшъ въ нихъ. Всѣ мысли Авшора проникнушы презрѣніемъ къ людямъ, но презрѣніемъ несамобышнымъ, близорукимъ, и неприличнымъ для шого, кшо самъ не умѣешъ уносишь насъ изъ міра обыкновеннаго, кшо обѣщая великолѣпный спекшакль забавляешъ кукольною комедіею. Думая лешашь въ мірѣ фаншазіи, Авшоръ не ошдѣляешся ошъ земли и вводишъ насъ въ обыкновенный правильный садъ, гдѣ вмѣсшо мраморныхъ сшашуй насшавилъ онъ фаншасшическихъ уродцовъ. Мы въ мірѣ аллегоріи. Но чшо значишъ аллегорія безъ мысли? Непоняшный сборъ словъ, образовъ, лицъ и намековъ. Эшошъ недосшашокъ особенно замѣшенъ въ шрехъ первыхъ Сказкахъ.

Такимъ образомъ Авшоръ не досшигъ своей цѣли ни въ одномъ ошношеніи. Желая написашь фаншасшическія Сказки, онъ сбился въ аллегоріи, и не оживилъ даже эшого умершаго рода ни новосшью мыслей, ни живосшью разсказа, ни осшроуміемъ. Онъ не умѣлъ соблюсши и шого просшодушія, кошорое хошѣлъ наложишь на себя искусшвомъ. Въ нѣкошорыхъ мѣсшахъ онъ уже слишкомъ аришокрашически говоришъ съ своими чишашелями. Вошъ одинъ примѣръ, кошорый шакже послужишъ и образчикомъ слога Авшора *Пестрыхъ Сказокъ.*

Digitized by Google

«Хорошо вамъ, моя любезная, пишущая, отчасти читающая и отчасти думающая брашія! Хорошо вамъ, на высокихъ чердакахъ вашихъ, въ тѣсныхъ кабинетахъ, между покорными книгами и молчаливой бумагой! Изъ слуховаго окошка, и иногда—извините—и изъ передней вы смотрите въ гостиную; изъ нея доходитъ до васъ невнятный говоръ, шарканье, фраки, лорнеты, поклоны, люстры—и только. За что-жь вы такъ сердитесь на гостиныя? Смѣшно слушать! Вы—опять извините за сравненіе, право я не виноватъ въ немъ—вы вмѣстѣ съ лакеемъ сердитесь, зачѣмъ баринъ ѣздитъ четвернею въ покойной каретѣ, зачѣмъ онъ просиживаетъ на балѣ до четырехъ часовъ утра, зачѣмъ изъ бронзы вылитая *Стразбуржская* колокольня считаетъ передъ нимъ время, зачѣмъ Рафаэль и Коррѣджію висятъ передъ нимъ въ золотыхъ рамахъ, зачѣмъ онъ говоритъ другому вѣжливости, которымъ никто не вѣритъ; развѣ въ томъ дѣло? Господи Боже мой! Когда выйдутъ изъ обыкновенія пошлыя нѣжности и приторныя мудрованія о простомъ, искреннемъ, откровенномъ семейственномъ кругѣ, гдѣ къ долгу человѣчества причисляется: вставать въ 7 часовъ, обѣдать въ $2\frac{1}{2}$ и ложиться спать въ 10? Еще разъ скажу: развѣ въ томъ дѣло?» И нѣсколько далѣе: «Нѣтъ, господа, вы не знаете общества! Вы не знаете его важной части—гостиныхъ! Вы не знаете ихъ зла и добра, ихъ Озириса и Тифона. И отъ того: достигаютъ-ли ваши эпиграммы своей цѣли? Если-бы вы посмотрѣли, какъ смѣются въ гостиныхъ, смотря

Digitized by Google

мимоходомъ на ваши сраженія съ какимъ-то фантомомъ! смотря какъ вы плачете, вы негодуете, до истощенія издѣваетесь надъ чѣмъ-то несуществующимъ!... »

Смиряемся передъ этою свѣтскою мудростью, и безспорно готовы согласиться, что въ гостиныхъ не вѣчно зѣваютъ и злословятъ, что въ свѣтскомъ обществѣ не только пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, что тамъ вырастаютъ мысли высокія и чувствованія возвышенныя. И надобно-ли намъ самимъ разстилаться на паркетѣ, что-бы знать какъ живутъ и что чувствуютъ тамъ, такъ-же какъ надобно-ли быть крестьяниномъ, торгашемъ, подъячимъ, солдатомъ, что-бы вѣрнѣе всѣхъ этихъ людей давать себѣ отчетъ въ ихъ дѣяніяхъ и чувствованіяхъ? Мнѣ кажется, Сочинитель самъ сражается съ фантомомъ и высказываетъ мысль, недостойную философа. Міръ театръ: иной изъ отдаленнаго угла видитъ и слышитъ больше, нежели другой сидя подлѣ самаго оркестра. Провидѣніе надѣляетъ избранныхъ своихъ особеннымъ зрѣніемъ и слухомъ, особою способностью проникать въ глубину сердца, и страстей человѣческихъ, въ какихъ-бы видахъ, подъ какими-бы образами ни являлись онѣ. Но какъ условія, непремѣнаго для прорицателей всего истиннаго и прекраснаго, оно требуетъ чистой, свѣтлой, любящей души. Этого не льзя пріобрѣсти никакимъ искуствомъ, не льзя замѣнить никакою пылью остроумія, не льзя купить никакою начитанностію и поддѣльностью. Вы хотите быть твор-

Digitized by Google

цомъ въ мірѣ изящнаго? Избирайше-же шѣ стороны его, которыя досшупны вамъ, ошъ которыхъ сильно трепещешъ душа ваша — и шогда смѣло передавайше людямъ свои ощущенія. Иначе бумага примешъ одни шребованія ваши, которыя послужашъ свидѣшельсшвомъ безсилія человѣческаго. Предосшавьше шакимъ просшолюдинамъ какъ Гоффманъ, Жанъ-Жакъ, Жанъ-Поль, Жаненъ, говоришь душѣ и сердцу: шакимъ людямъ душны и страшны госшиныя, и пошому-шо, можешъ бышь, они доволсшвуются природою и человѣчесшвомъ. Для ума есшь много другихъ поприщъ.

— *Монастырка.* Сочиненіе Аншонія Погорѣльскаго. *Часть вторая.* СПб. Въ ш. Н. Греча. 1833. 315 сшр. in-8.

Давно издана первая часшь *Монастырки.* Въ 1830 году (Телеграфа Ч. XXXII-я сшр. 95-я) извѣщали мы о появленіи въ свѣшъ эшого романа, и ошчасши сказали о немъ свое мнѣніе. Но шеперь, чишашели, вѣроящно, забыли даже содержаніе первой часши, а не шолько извѣсшіе наше о ней. Совѣшуемъ имъ, для собсшвеннаго ихъ удовольсшвія, перечишашь *Монастырку* съ первой часши, а мы скажемъ здѣсь свое мнѣніе о ней вообще, шо есшь объ обѣихъ часшяхъ ея.

Digitized by Google

Монастырка созданіе не высокое, не геніяльное, но чрезвычайно пріятное, милое. Занимательность ея такъ естественна, такъ проста и слѣдственно близка всякому, что искуство Автора почти незамѣтно — а это едва-ли не большое искуство. Случалось-ли вамъ, въ прохладной тѣни лѣтомъ, или въ свѣтлой, теплой комнатѣ зимою, слушать разсказъ умнаго, наблюдательнаго человѣка, который умѣетъ представить самыя обыкновенныя приключенія занимательно? Чтеніе *Монастырки* похоже на такой пріятный отдыхъ тѣломъ и душою. Семейство Дюндика, Анна Андреевна, милая Монастырка Анюта, и отставной свѣтскій человѣкъ Владиміръ Блистовскій, вмѣстѣ съ толпою другихъ лицъ, знакомы всякому, кто живалъ въ провинціяхъ. Софронычъ и Цыганскій Атаманъ Василій оригинальны. Мы сказали, что Авторъ естественно велъ происшествія своего романа. Только въ одномъ мѣстѣ онъ отступилъ отъ этого, а именно въ концѣ второй части, когда Анюта странствуетъ въ лѣсу, подъ защитою Василья. *Радклифизмъ* (просимъ извиненія!) какъ-то не у мѣста въ романѣ изъ семейной жизни. Но за то какъ хорошо явленіе таинственнаго посланника въ домѣ Дюндиковыхъ, хорошо именно потому, что оно естественно, и необходимо для развязки романа.

Языкъ Автора чистъ и правиленъ; но въ немъ нѣтъ живости, нѣтъ огня, и вообще онъ довольно безцвѣтенъ, такъ что его не льзя назвать слогомъ. Можно повторить и объ изложеніи *Монастырки*, что

Digitized by Google

это ясный, простой разсказъ умнаго, образованнаго человѣка.

— *Вступленіе на престолъ Князя Александра Тверскаго.* Историческая Повѣсть, въ стихахъ. С. Константина Бахтурина. М. Въ т. А. Семена. 1833. 56 стр. in-12.

Замѣчаютъ-ли читатели, какъ рѣдко приходится намъ говорить о новыхъ произведеніяхъ Русскаго Стихотворства? Мы почитаемъ это признакомъ не упадка, а возвышенія сей важной отрасли Словесности. Не только улучшилось самое стихосложеніе наше, но и внутреннее достоинство стихотвореній стало на такую высокую степень, что во всѣхъ пишущихъ отразилась мысль: не являться съ ничтожными произведеніями въ стихахъ. Есть исключенія: они и будутъ всегда и вездѣ; но вообще самое слабое изъ современныхъ намъ стихотвореній гораздо выше многаго, что за двадцать лѣтъ давало право на поэтическую славу. Возьмемъ въ примѣръ стихотворную повѣсть Г-на Бахтурина: *Александръ Тверской.* Она заключаетъ въ себѣ ужасные недостатки, но въ ней много стиховъ звучныхъ, сильныхъ, гармоническихъ. Авторъ ея не вѣдаетъ старой Руси, искажаетъ избранное имъ событіе, и, что всего страннѣе, представляетъ намъ Ханскую наложницу, Зору, страстно влюбленною въ Князя Александра Тверскаго, и любимую имъ такъ-же. Надобно-ли опро-

Digitized by Google

вергать все это? Надобно-ли ученымъ образомъ знать Исторію нашу и старину, что-бы видѣть несообразности, подобныя тѣмъ, въ какія впалъ Авторъ? Посмотрите, напримѣръ, у него языкъ стараго времени:

Безмолвенъ ты!... Я понимаю
Безгласный, страшный твой отвѣтъ!...
Такъ не напрасно я страдаю,
Въ тебѣ любви и тѣни нѣтъ!
Едва ты выѣдешь изъ стана,
Займетъ твой юношескій умъ
Величье Княжескаго сана,
И Зору выгонитъ изъ думъ!
А я!... Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ сомнѣньемъ,
Зачѣмъ мечтательной бѣдой
Дружиться сердцу съ подозрѣньемъ?

Это говоритъ Зора, и Александръ отвѣчаетъ ей такимъ-же языкомъ! Истина пострадала здѣсь; но кто скажетъ что стихи дурны? Между тѣмъ это пишетъ человѣкъ, худо знающій даже стихосложеніе. Вотъ доказательства:

И горя тяжкаго примѣта
Одна у всадниковъ въ очахъ.
Вдали бѣлѣяся какъ *снѣгъ*....

Здѣсь перемѣшаны рифмы, такъ-же какъ и въ слѣдующихъ стихахъ:

И съединится наша рать
Со всѣми Русскими полками!

Digitized by Google

За правыхъ Богъ! А въ *увлеченьи*
Не вѣкъ-же быть родной странѣ....

Наружная отдѣлка и гармонія сдѣлались нынѣ общею принадлежностью почти всякаго пишущаго стихи. Но тѣмъ строже надобно быть къ внутреннему достоинству стихотвореній. Жаль что Г. Бахтуринъ не послѣдовалъ этому правилу. Повѣсть его принадлежитъ къ числу тѣхъ исключеній, о коихъ упомянули мы выше.

— *Руководство къ Исторіи Политической системы Европейскихъ Государствъ и Колоній ихъ*, отъ образованія оной, по открытіи обѣихъ Индій, до возстановленія оной, чрезъ низверженіе престола Французской Имперіи, и до освобожденія Америки. Въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Г. Герена. Переводъ съ четвертаго изданія. *Часть первая.* СПб. Въ т. Гинце. 1832. XXXI и 272 стр. in-8.

Книга сія принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ сочиненіямъ Геерена. Политическая система Европейскихъ Государствъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Новой Исторіи, тѣмъ болѣе, что она имѣла великое дѣйствіе не на одну Европу, но и на другія части свѣта. Показать начало, основныя силы ея и развитіе—вотъ задача, которую старался разрѣшить Геерен. Не произнося мнѣнія нашего о трудѣ его, мы бу-

Digitized by Google

демъ ожидать появленія остальныхъ частей Русскаго перевода сей важной книги, и тогда постараемся дать о ней подробный отчетъ. Рекомендуемъ незнакомымъ съ оригиналомъ сей книги Русскій переводъ ея, который ясенъ и вразумителенъ. Видно что Переводчикъ занимался своимъ дѣломъ тщательно и съ должнымъ уваженіемъ къ Автору и къ публикѣ.

— *О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества.* Сочиненіе Доктора Ястребцева. *Второе, умноженное и переработанное, изданіе.* Москва. Въ Университетской Т. 1833. IV и 247 стр. in-8 (*).

Къ числу важнѣйшихъ книгъ Русскихъ, явившихся въ послѣднее время, причисляемъ мы трудъ Г-на Ястребцева, въ новомъ, умноженномъ и переработанномъ изданіи. Предметъ книги его достоинъ вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка, отца семейства и патріота, ибо Г. Ястребцевъ разсуждаетъ и о домашнемъ, и о гражданскомъ воспитаніи, часто восходя до самыхъ высшихъ вопросовъ Умозрѣнія и Нравственности. Педагогическая

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 5 р. ассигн. за экземпляръ.

Digitized by Google

часть, то есть ученіе въ разныхъ его видахъ, изложена у него подробно. Такъ и надлежало, ибо это составляетъ главный предметъ его труда. Вообще желали-бы мы, что-бы почтенные отцы семействъ въ нашемъ отечествѣ, приняли на себя трудъ внимательно прочесть и обдумать книгу Г-на Ястребцева. Мы увѣрены, что она сдѣлалась бы у нихъ настольною книгою, ибо они нашли-бы въ ней разрѣшеніе многихъ вопросовъ, затрудняющихъ при воспитаніи дѣтей. Она гораздо полезнѣе и наставительнѣе иностранныхъ шракшашовъ о воспитаніи, ибо Авторъ ея судилъ обо всемъ въ примѣненіи къ Россіи. Сколько предразсудковъ, заблужденій и вредныхъ для воспитанія обычаевъ разсѣялось-бы, и сколько пользы, истинной образованности, блага, распространилось-бы у насъ, если-бы вняли совѣтамъ Г-на Ястребцева!

Въ новомъ изданіи это уже не крашкое разсужденіе, не брошюрка, а огромная книга, гдѣ всѣмъ частямъ дано надлежащее развитіе.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Арманъ дю Плесси, Герцогъ Ришельё, родился въ Парижѣ, 5 Сентября (н. ст.) 1585 года. 22 лѣтъ получилъ онъ Епископство Люсонское. Когда, послѣ умерщвленія Генриха IV, слабый, ничтожный Людовикъ XIII-й занялъ тронъ Франціи, Марія Медичи, мать его, сдѣлалась попечительницею Короля и обратила особенное вниманіе на Ришельё. Въ 1616 году онъ получилъ достоинство Великаго Милостынераздавателя и Государственнаго Секретаря. Но могущество Маріи поколебалось: любимецъ ея Кончини (Маршалъ д'Анкръ) былъ убитъ, жена его, Галигей, кончила жизнь на эшафодѣ, и Королева была отослана въ Блуа. Ришельё, черезъ два года послѣ сего (въ 1619), успѣлъ было примирить Короля съ матерью, но согласіе ихъ было непродолжительно, потому что Королева шла противъ Коннетабля Люиня и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ. Посреди сихъ враждующихъ партій, не любимый ни одною, хотя обѣ считали его полезнымъ въ интригахъ своихъ, Ришельё только силою ума поддерживалъ себя и даже незамѣтнымъ образомъ умѣлъ возвышаться. Марія примирилась съ Королемъ, и по ея ходатайству Ри-

Digitized by Google

шельё, оказавшій въ семъ случаѣ услуги, былъ сдѣланъ Кардиналомъ, въ 1623 году. Между тѣмъ Коннетабль Люинь умеръ, Министерство Маркиза Вьёвиля было ниспровергнуто, и въ 1624 году Ришельё занялъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, а вскорѣ сдѣлался и первымъ Министромъ. Тогда-то раскрылась вся хитрость ума его и вся обширность его политики. Онъ увидѣлъ, что можетъ прямо идти къ цѣли своей, не нося маски передъ бывшею покровительницею своею Маріею. Онъ совершенно овладѣлъ умомъ Короля, хотя слабодушный Государь сей и чувствовалъ, что Ришельё не знаетъ предѣловъ честолюбію и не щадитъ никакихъ средствъ для исполненія обширныхъ, глубокихъ плановъ своихъ, которые дѣйствительно были ужасны для современниковъ, но благодѣтельны своими послѣдствіями. Ришельё увидѣлъ, что прежде всего должно ему уничтожить двѣ причины зла и бѣдствій во Франціи: противоборство сильныхъ аристократовъ и вліяніе Габсбургскаго Дома, которому благопріятствовала Марія. Онъ рѣшился ниспровергнуть сію женщину, бывшую первою виновницею его возвышенія. Но въ то-же время раздирала Францію борьба Католиковъ съ Гугенотами, сіе начало многихъ, кровавыхъ сценъ, и вѣчный предлогъ для честолюбивыхъ вассаловъ и родственниковъ предшествовавшихъ Королей. Ришельё началъ употреблять сіи партіи къ взаимному ихъ уничтоженію. По Нантскому эдикту, Гугеноты пользовались почти одинакими правами съ другими подданными Франціи; у нихъ были свои округи, гдѣ гос-

Digitized by Google

подствовали они исключительно и всегда могли поколебать власть Короля. Гнѣздомъ имъ была знаменитая крѣпость Ла Рошель. Взятіе, такъ-же какъ и защита сей крѣпости, остались образцовыми въ лѣтописяхъ Военнаго Искуства. Войсками предводительствовалъ самъ Ришельё. По усмиреніи Гугенотовъ, вторымъ дѣломъ его было удаленіе Маріи Медичи отъ Двора. Въ этомъ случаѣ Ришельё дѣйствовалъ съ такою тонкою хитростью, что день, въ который одержалъ онъ рѣшительную побѣду надъ всѣми сообщниками Королевы, названъ La journée des dupes. Въ слѣдующемъ году послѣ сего, Королева была отослана въ Компіень. Это, и почти совершенное уничтоженіе правъ Парламента и Духовенства, оскорбили всѣхъ дворянъ, высшихъ и нисшихъ. Начали составляться заговоры противъ Ришельё, изъ коихъ многіе были страшны; но онъ умѣлъ не только уничтожать ихъ, но и всякій разъ употреблять къ большему укрѣпленію своей власти. Одинъ изъ этихъ заговоровъ послужилъ канвою превосходнаго сочиненія Альфреда де Виньи: *Сенъ-Марсъ*. Надобно сказать, что средства Ришельё были кровавы, ужасны, одушевлены адскою хитростью; онъ дѣйствовалъ часто какъ самый низкій, ползающій придворный, часто какъ тиранъ; однакожь, если сообразимъ, что вся Политика того времени приводилась въ движеніе подобными пружинами, что всѣ средства считались позволенными, и что великое правило: *возвышаться унижаясь*, какъ слѣдствіе духа времени, было въ общемъ употребленіи, то можемъ нѣсколь-

Digitized by Google

ко извинить Ришельё и видѣть въ немъ великаго человѣка, который умѣлъ поразить гидру крамолы, умѣлъ уничтожить всѣ партіи, ослаблявшія власть Короля, нанесъ рѣшительный ударъ заговорамъ, и унизивъ, низвергнувъ аристократовъ, скрѣпилъ распадавшіяся силы Государства, сосредоточивъ ихъ въ мощной рукѣ своей, для славы и долголѣтія отечества. Не менѣе важны были услуги его въ политикѣ и войнахъ съ другими Государствами. Во время Тридцатилѣтней войны открылось обширное поприще для его политики. Человѣкъ, съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовавшій Протестантовъ во Франціи, употреблялъ величайшія мѣры, искуство Дипломаціи и даже силу оружія, для поддержанія ихъ въ Германіи, единственно съ цѣлію ослабить могущество страшной для него Австріи. Король Шведскій, славный поборникъ Реформаціи, получалъ отъ него всякія пособія до тѣхъ поръ, покуда самъ не сдѣлался опаснымъ соперникомъ Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, когда блестящія побѣды Густава Адольфа заставили Кардинала видѣть въ повелителѣ Швеціи Государя, страшнаго еще болѣе нежели Габсбургскій Домъ, тогда онъ тотчасъ лишилъ его всей своей помощи. Война съ Испаніею, начатая имъ и продолжавшаяся до 1659 года, доставила Франціи обладаніе Каталоніею и Руссиліономъ, и содѣйствовала отторженію Португаліи отъ Испаніи. Онъ старался также ослабить власть Австрійскаго Дома въ Италіи; отъ его политики Маншуанское Герцогство перешло къ Герцогу Неверскому. Вообще, Ришельё представляетъ собою

Digitized by Google

одно изъ первостепенныхъ лицъ въ Исторіи Франціи. Характеръ его былъ отвратителенъ, но умъ его невольно приводитъ въ изумленіе. Онъ соединялъ въ себѣ величайшіе пороки (отчасти принадлежащіе и вѣку его), съ самыми высокими силами ума. Онъ сдѣлалъ много зла Франціи, особенно въ частности; но онъ-же возвелъ ее и на высокую степень могущества; можно сказать, что Франція жила данною ей отъ него жизнію до самой Революціи. Онъ былъ обладаемъ страстію честолюбія болѣе всѣхъ другихъ страстей, и среди обширныхъ занятій своихъ соперничалъ даже съ современными стихотворцами. Впрочемъ Ришельё покровительствовалъ Искуства и Науки. Имъ основаны Французская Академія и Jardin des plantes. Ришельё умеръ въ 1642 году, въ Декабрѣ.

Не жизнь сего знаменитаго Министра хотѣли мы представить здѣсь читателямъ нашимъ, а столько легкій очеркъ его дѣяній, легкое напоминаніе о томъ, что заставляетъ Французовъ уважать его на ряду съ величайшими изъ государственныхъ мужей. Между прочимъ они воздвигли ему тотъ памятникъ, котораго очеркъ приложенъ къ сей книжкѣ Телеграфа. Кардиналъ изображенъ полулежащимъ; его поддерживаетъ Религія; у ногъ его опечаленная Исторія оплакиваетъ смерть искуснаго Министра, умѣвшаго такъ могущественно управлять дѣлами Франціи. Великолѣпный памятникъ сей изваянъ изъ мрамора, славнымъ художникомъ Жирардономъ, по рисунку Лебрёна. Это одно изъ лучшихъ произведеній

Digitized by Google

Жирардона. Сначала оно было помѣщено въ одномъ изъ придѣловъ Сорбоннской церкви, построенной самимъ Кардиналомъ. Въ 1793 году, во время опустошенія церквей, революціонеры хотѣли разрушить сей памятникъ, и ударомъ штыка былъ отбитъ носъ на лицѣ Кардинала; при чемъ извѣстный Ленуаръ, желавшій воспротивиться варварамъ, получилъ рану въ руку. Впослѣдствіи памятникъ былъ перенесенъ въ Музей, устроенный въ монастырѣ des Petits-Augustins. По возвращеніи Людовика XVIII онъ былъ снова поставленъ на первое свое мѣсто, гдѣ находится и донынѣ.

Какъ произведеніе Искусства, по мысли и по выполненію, памятникъ сей достоинъ большаго вниманія. Длина его 14 футовъ, ширина 5 фут. 9 дюймовъ. Лицо Кардинала чрезвычайно похоже на лучшіе портреты его.

Передъ симъ-то памятникомъ, какъ увѣряютъ, нашъ Великій Петръ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, остановился, долго разсматривалъ его и сказалъ: — Великій человѣкъ! Я отдалъ-бы тебѣ половину моего царства, если-бы ты научилъ меня управлять остальною! — Впрочемъ не льзя ручаться за достовѣрность сего анекдота.

Digitized by Google

— *О мѣстоположеніи древняго Θарсиса* (Tharcessus). — Съ вопросомъ, гдѣ лежалъ древній Θарсисъ, встрѣчаются два мнѣнія: по одному, надобно быть Θарсису внѣ Чермнаго моря, а по другому, въ Испаніи. Послѣдняго мнѣнія держится славный Геренъ въ своей Древней Исторіи, и въ этомъ случаѣ онъ ошибается ученически.

Не льзя оспоривать достовѣрности доказательствъ, какія здѣсь приведутся въ опроверженіе Геерена. Въ книгѣ Пѣсней Давидовыхъ не разъ говорится, что Богъ сокрушилъ корабли Θарсисскіе восточнымъ вѣтромъ, и сія восточность, не стану спорить, можетъ относиться одинаково къ Средиземному, къ Индійскому, и къ Аравійскому морю; слѣдственно вопросъ тѣмъ еще не рѣшается.

Онъ рѣшается слѣдующими мѣстами изъ Исторіи Іудейской:

а). 3 кн. Царствъ, гл. 9, ст. 26. «И сотворилъ Соломонъ корабль въ Газеонъ-Гаверѣ, что при Элаѳѣ, въ землѣ Едомской, и для управленія симъ кораблемъ, равно и для наученія Іудейскихъ матросовъ, выпросилъ у союзника, Царя Тирскаго, искусныхъ людей.» — Вотъ начало мореплаванія Іудейскаго!

б). Той-же книги гл. 10, ст. 22. »Корабль Соломоновъ, отправляясь вмѣстѣ съ кораблями Царя Хирама, возвращался черезъ три года, и приво-

Digitized by Google

зилъ изъ Ѳарсиса золото, серебро, слоновую кость, обезьянъ, павлиновъ.» — Трехъ лѣтъ не нужно для плаванія въ Испанію, да и обезьянъ и павлиновъ природныхъ тамъ не бывало.

в). Гл. 22, ст. 48. «Іосафатъ состорилъ корабли Ѳарсисскіе, что-бы идти въ Офиръ за золотомъ, но тѣ корабли сокрушились въ Газеонъ-Гаверѣ.» — Какъ въ семъ стихѣ, такъ и въ вышеприведенномъ, переводчики Библейскіе называютъ сіи корабли Ѳарсисскими, какъ-бы показывая тѣмъ, что первоначальное назначеніе мореходства Іудейскаго было плаваніе въ Ѳарсисъ, а не въ Офиръ, который вѣроятно лежалъ, ближе или далѣе, въ параллели попутной и одновѣтренной. Слѣдственно, если Ѳарсисъ былъ на Востокѣ, тамъ-же надобно быть и Офиру, или напротивъ тому и другому въ Африкѣ.

И такъ, ошибка Геерена въ положеніи Ѳарсисочевидна, и я могъ-бы тѣмъ кончить, если-бы не хотѣлъ пуститься въ догадку дальнѣйшую, но съ вопросомъ мало связанную. Если достовѣрно, что Ѳарсисъ и Офиръ лежали въ одномъ морскомъ направленіи, то для чего-бы первый рудникъ полагать на Западѣ, а не на Востокѣ, когда Финикійскіе мореходцы обыкновенно ходили въ Персидскій заливъ, для торговли на своихъ островахъ, и когда на Восточной сторонѣ залива есть не выдуманный, историческій Ѳарсисъ (*)? Не здѣсь-ли

(*) Подъ именемъ Ѳарсиса, Древніе, я думаю, разумѣли берега тогдашней Персіи или Фарса.

Digitized by Google

дѣйствишельно Ѳарсисъ Соломоновъ и Финикійскій? Офиръ не былъ-ли на осшровѣ Цейланѣ? Догадка сего рода, по крайней мѣрѣ, естесшвеннѣе шой извѣсшносши, какая намъ досшалась о гнѣздахъ и пушяхъ древней промышленносши.

Если-бъ и справедливо было, чшо въ сшранѣ Ѳарсиса не замѣчены новѣйшими пушешесшвенниками копи рудныя, то легко можно было-бы на подобное возраженіе дашь ошповѣдь. Пришомъ, одинъ какой-нибудь поршъ сей сшраны могъ бышь складкою привозныхъ ошнуда мешалловъ.

Если-бы спросили, какими ошпусками запасался корабль Іудейскій, для вымѣна драгоцѣнныхъ шоваровъ, я-бы не зналъ, чшо ошвѣчашь, пошому чшо Палесшина имѣла въ избышкѣ шолько пшеницу, медъ и елей, но цѣнносшь сихъ сшашей могла-ли соошвѣшсшвоваш цѣнносши поименованныхъ дорогихъ привозовъ?

Словцовъ.

1832. г.
Тобольскъ.

— *Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.* Привыкши находишь въ вашемъ Журналѣ рецензіи, большею часшію дѣльныя и осшроумныя, я весьма удивился, прочишавши въ № 15 Телеграфа 1832, на сшр. 450—451-й, приложенныя къ сшашьѣ: *Nota bene*

Digitized by Google

Автору Первоначальной Географіи, замѣчанія о преподаваніи Астрономіи. Я увѣренъ, что большая часть читателей оставили ихъ безъ вниманія; но какъ Авторъ нападаетъ на самое преподаваніе Астрономіи, которое вообще находится у насъ въ цвѣтущемъ состояніи, то и почитаю справедливымъ покорнѣйше просить о помѣщеніи въ вашемъ Журналѣ моего письма.

Авторъ жалуется, что *есть множество знаній, кои не обработываются и не приспособляются къ понятіямъ и нуждамъ человѣка; для подтвержденія сего достаточно*, говоритъ онъ, *указать на состояніе, въ которомъ находится у насъ Астрономія: приспособлена-ли она хотя нѣсколько къ пользѣ общественной?* — Покажемъ несправедливость сихъ жалобъ и неосновательность того, кто произноситъ оныя.

Преподаваніе Астрономіи должно имѣть двоякую цѣль. Во 1-хъ) объяснить устройство системы міра и изложить тѣ великіе законы, коими управляется движеніе тѣлъ небесныхъ; во 2-хъ) показать приложенія Астрономіи къ нуждамъ общественнымъ. До какой степени преподаваніе Астрономіи достигаетъ нынѣ цѣли своей въ послѣднемъ отношеніи, предоставляемъ читателямъ судить по искусству молодыхъ офицеровъ, коими ежегодно обогащается флотъ нашъ. Что касается до первой цѣли, то объ этомъ мы можемъ заключать по изданнымъ отъ Гг. Профессоровъ сочиненіямъ или программамъ преподаванія: изъ разсматриванія

Digitized by Google

оныхъ откpывается, что въ иныхъ изъ нашихъ заведеній лекціи располагаются преимущественно по руководству *Литрова*, въ другихъ-же или по Біоту, или по Шуберту и Деламбру, или по изданнымъ отъ самихъ Профессоровъ руководствамъ, основаннымъ на трудахъ упомянутыхъ ученыхъ; слѣдовательно если есть какіе нибудь недостатки въ такомъ расположеніи, то сіи недостатки принадлежатъ системамъ знаменитѣйшихъ астрономовъ. Впрочемъ, не только важныя астрономическія теоріи не упускаются у нихъ изъ вида, но и о каждомъ почти любопытномъ явленіи упоминается. До какой степени исполняется на самомъ дѣлѣ то, что обѣщаютъ программы, объ этомъ судить мы не можемъ; но вспомнивъ, что между Профессорами Астрономіи въ Россіи находятся весьма извѣстные астрономы, кажется, не льзя сомнѣваться, чтобы преподаваніе не было въ цвѣтущемъ состояніи въ нашихъ училищахъ. Сверхъ того, многія отличныя Записки, печатаемыя въ актахъ С. Пешербургской Академіи, и нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія, ясно показываютъ, что Астрономія у насъ *обработывается* съ успѣхомъ.

Авторъ упомянутыхъ замѣчаній преимущественно нападаетъ, хотя и со многими оговорками, на формулы, кои предлагаются въ Астрономіи. Что-бъ видѣть всю ничтожность сихъ замѣчаній, мы представимъ сперва, что̀ должно разумѣть подъ *формулами* въ Астрономіи.

Астрономія, какъ и всѣ науки, имѣетъ необходимо двѣ части, тѣсно между собою связанныя;

Digitized by Google

предметъ первой составляютъ факты, предметъ второй умозрѣнія, на оныхъ основанныя. Показать явленія во всей ихъ наготѣ, и научить какъ надлежитъ дѣлать разборъ и оцѣнку наблюденій, есть главная цѣль первой части; здѣсь необходимость Анализа Математическаго очевидна, ибо токмо онъ даетъ способы опредѣлять точность наблюденій и сравнивать оныя между собою; во второй части опредѣляются законы явленій, или неизмѣнныя формы, подъ которыми представляются намъ явленія, и объясняются ближайшія причины, отъ вліянія коихъ явленія происходятъ. Сего не можно иначе достигнуть, какъ давши умозаключеніямъ столь простой видъ, что-бы можно было съ удобностію обнимать весь ходъ явленія, и всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ происхожденіе онаго. Таковой видъ доставляется умозаключеніямъ черезъ пособіе Математическаго Анализа, и называется обыкновенно *формулою*, такъ что исчисленіе, удовлетворяя требованіямъ Логики, подобно всякому другому разсужденію, отличается отъ сего послѣдняго токмо тѣмъ, что излагается помощію нѣкоторыхъ условныхъ знаковъ и получаетъ чрезъ то возможную опредѣленность и точность. Посему, вычисленія даютъ единственныя средства составлять астрономическія теоріи, и повѣрять принятыя учеными объясненія небесныхъ явленій, открывая, до какой степени согласуются наблюденія съ теоретическими выводами. Изъ сего легко вывесть заключеніе, что лишить Астрономію пособія математическаго, значитъ уни-

Digitized by Google

чтожитъ самую науку; даже изобилiе формулъ почитаютъ астрономы признакомъ обработанности теорiй, а не безполезнымъ излишествомъ. Разнообразныя обстоятельства, въ которыхъ можетъ находиться наблюдатель, требуютъ большаго разнообразiя и въ формулахъ; наблюденiя, производимыя на морѣ, и въ постоянныхъ обсерваторiяхъ, представляютъ ясный примѣръ, что многiе способы, выгодные въ одномъ случаѣ, въ другомъ вовсе употреблены быть не могутъ.

Если-бъ Авторъ замѣчанiй нападалъ только на многочисленность формулъ, то могъ-бы еще найдти извиненiе; но онъ именно нападаетъ на то, что составляетъ главное основанiе Астрономiи. Не забавно-ли мнѣнiе Автора, что никто самъ собою не можетъ извлечь никакой пользы изъ теорiи параллаксовъ, аберрацiй, прецессiи, колебанiя! Во всякой наукѣ есть свои технические термины, и наборомъ оныхъ ничего доказать не льзя; притомъ всѣ знаютъ, что ученый образъ выраженiя въ Наукахъ Математическихъ, есть совсѣмъ не темный, но, напротивъ, самый простой и опредѣленный; сказать-же что нѣтъ пользы въ формулахъ, коихъ составъ и употребленiе объяснены, въ коихъ токмо вмѣсто буквъ надобно поставить числа, что-бъ имѣть практическiй результатъ, значитъ и имѣть никакого понятiя о Наукахъ Математическихъ. Наконецъ дохожу до самаго нелѣпаго. Не отрицая полезности знанiя выводить формулы, Авторъ замѣчанiй думаетъ, что непремѣнно на-

Digitized by Google

добно, при преподаваніи Астрономіи, отдѣлить доказательства отъ существенной части науки. Что̀ можетъ значить сія *существенная часть*, понять трудно; до сихъ поръ всѣ думали, что доказательства, какъ развитія главныхъ положеній, составляютъ одну изъ существеннѣйшихъ частей науки. Истина тогда только существуетъ для насъ тогда только̀ можетъ имѣть въ глазахъ нашихъ прелесть, когда мы имѣемъ *полное* въ ней *убѣжденіе*. И какая была-бы надобность въ преподаваніи, цѣль котораго есть объясненіе науки, когда-бы Профессоръ ограничивался разсказомъ о главныхъ положеніяхъ, ни мало не развивая оныхъ? Если Автору замѣчаній хочется узнать нѣчто объ Астрономіи, безъ пособія, такъ называемаго имъ, Астрономическаго Анализа, то мы рекомендуемъ ему книжицы, извѣстныя подъ названіемъ *Астрономій для незнающихъ Математики*; можетъ быть онъ многому изъ оныхъ научится; но ввести такія руководства въ Университеты, или въ офицерскіе классы Морскаго Кадетскаго Корпуса, не льзя, при нынѣшнемъ состояніи образованности. Забавно, какимъ сравненіемъ доказываетъ Авторъ свое мнѣніе: *Неужели для того, что-бъ писать на столѣ письмо, надобно умѣть дѣлать столъ?* Авторъ правъ, столяромъ быть не нужно; но кажется нужно умѣть читать и писать; нужно знать Граммашику; точно такъ-же, что-бы съ успѣхомъ заниматься Астрономіею, нѣтъ надобности учиться выливать стекла, употребляемыя для астрономическихъ инструментовъ, а довольно

Digitized by Google

знать Ариѳметику, Геометрію, Алгебру, Тригонометрію, и еще кое-что; если-бы все это было извѣстно нашему Автору, то онъ менѣе досадовалъ-бы на употребленіе Математики.

Авторъ жалуется, что будто о важнѣйшихъ открытіяхъ въ Астрономіи не упоминаютъ при преподаваніи сей науки. Не знаю, что разумѣетъ онъ подъ словомъ открытія; если это относится къ открытіямъ комет, и тому подобному, то не льзя повѣрить, что-бы Профессоръ, особенно въ такомъ заведеніи, гдѣ Астрономія составляетъ одну изъ главнѣйшихъ наукъ, умалчивалъ объ этомъ, ибо такія новости разглашаются даже въ газетахъ; что-же касается до важныхъ открытій, отъ коихъ зависитъ усовершенствованіе астрономическихъ теорій, то на упущеніе оныхъ конечно не можетъ жаловаться Авторъ замѣчаній. Какую въ глазахъ его могутъ имѣть цѣну труды Деламбровъ, Бринклевъ, Бесселей, Литровыхъ, и проч., когда онъ увѣренъ въ безполезности теоріи параллаксовъ, нутаціи, прецессіи, и т. п.? И что думать о томъ, кто говоритъ, будто въ Механикѣ законъ всеобщаго тяготѣнія выводится изъ законовъ Кеплера *независимо ни отъ чего?* Просимъ однакожь взглянуть на стр. 354–360 I-го тома Механики Пуассона, книги всѣмъ извѣстной; тамъ увидите, что доказательство онаго закона зависитъ *отъ многаго*, и надобно весьма порядочно знать высшія вычисленія, что-бъ его понять. Послѣ сего не въ правѣ-ли мы заключить, что для Автора замѣ-

Digitized by Google

чаній, сама Небесная Механика Лапласа была-бы то-же, что солнце для слѣпаго?

А. С.—ть.

1833 г. Февраль.
С. Петербургъ.

— *О Нѣмецкомъ Театрѣ въ Москвѣ.* — Драматическія представленія фамиліи Гебгардъ, нѣкогда бывшей на С. Петербургскомъ Театрѣ, кончились 9-го Апрѣля. Не льзя не пожалѣть, что, по причинѣ продолжительной болѣзни Г. Гебгарда, дано было только одиннадцать представленій, изъ которыхъ въ десятомъ; назначенномъ въ пользу Г. Беркольца, 14-го Февраля, Г. Гебгардъ вовсе не участвовалъ. Жалѣемъ также и о достойнѣйшихъ артисткахъ, коихъ искуство при семъ случаѣ было самымъ непріятнымъ образомъ унижено. Мы, въ качествѣ любителей изящнаго, уже обращали посредствомъ сего Журнала вниманіе здѣшней публики на почтенное семейство Гебгардъ. И теперь почитаемъ обязанностію, изъявить ему отъ лица всей публики благодарность за тѣ пріятные часы, которые оно доставило намъ.

Высшая цѣль Искуства — возбуждать участіе въ сердцахъ образованныхъ. Не цѣною за входъ, но ободреніемъ и вниманіемъ истинный художникъ побуждается къ усовершенствованію своего Искуства. Излишне было-бы обсуживать достоинство каждой изъ игранныхъ семействомъ Гебгардъ ролей.

Digitized by Google

Въ иностранныхъ и даже въ Русскихъ Журналахъ уже было сказано, что природа щедро надѣлила дарами своими Г-на и Г-жь Гебгардъ. Представленія ихъ кажутся не искуственными, но дѣйствительными зрѣлищами общежитія. Благородныя положенія, превышающія всѣ усилія самаго ученаго танцовщика; естественная грація въ движеніяхъ, которую можно больше чувствовать, нежели описать; краснорѣчивая игра лица, и особенно глазъ, сего зеркала души; истинное Искуство, безъ принужденія овладѣвающее сердцемъ; правильное психологическое разумѣніе каждой роли, равно какъ чистый, вѣрный, соотвѣтственный характеру лица языкъ, все сіе приведено у нихъ въ единство, въ гармонію. Выборъ драматическихъ пьесъ былъ сообразенъ небольшому кругу артистовъ. При томъ замѣчено, что всѣ пьесы были играны въ первый разъ, и каждая сопровождалась справедливымъ одобреніемъ. При первомъ представленіи трагедіи: *Христина, Королева Шведская*, и водевиля: *Маленькій барабанщикъ Ратанланъ*, восхищенная публика вызвала фамилію Гебгардъ. Едва-ли кто нибудь изъ зрителей забудетъ тѣ сладостныя впечатлѣнія, какія производила въ нихъ дѣвица Александрина Гебгардъ въ *Христинѣ, Королевѣ Шведской*, въ *Слѣпой Габріелѣ*, въ *Ольгѣ, нѣмой сиротѣ Русской*, въ *Баронессѣ Вальдмолль*, въ *Маріаннѣ*, и особливо въ пьесѣ: *Страшная ночь въ Доминго, или Тони*. Равно показали свое истинное дарованіе Г-нъ и Г-жа Гебгардъ, и дочери ихъ, дѣвицы: Минна, Паулина и Марія, въ *Маленькомъ матросѣ*, въ *Пажѣ Герцога Вандомскаго*, въ *Маленькомъ*

Digitized by Google

барабанщикѣ Ратапланѣ. Послѣднюю изъ наименованныхъ здѣсь артистокъ мы видѣли только однажды.

Г. Гебгардъ хотѣлъ сдѣлать опытъ, понравятся-ли представленія его здѣшней публикѣ, и достигъ своей цѣли. Многіе изъ любителей Театра изъявили Г. Гебгарду желаніе, что-бы онъ продлилъ свое пребываніе въ здѣшней столицѣ и устроилъ новый Нѣмецкій Театръ. Г. Гебгардъ не отказался выполнить сіе желаніе. Скажемъ, что публика не обманулась, ибо нашла въ семъ достойномъ артистѣ способнаго къ таковому предпріятію. *Желательно только, что-бъ благосклонные любители поддержали его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и облегчили ему способы къ достиженію предполагаемой цѣли.* Имя Гебгардъ уже нѣсколько лѣтъ извѣстно въ С. Петербургѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что оно поддержитъ то уваженіе, коимъ всегда пользовалось. Многіе любители Театральнаго Искуства, изъ Нѣмцевъ, изъявили благородному покровителю талантовъ, Его Сіятельству Г-ну Московскому Военному Генералъ-Губернатору, Князю Димитрію Владиміровичу Голицыну, желаніе свое завести въ Москвѣ Нѣмецкій Театръ, и высокій сановникъ съ благосклонностію принялъ оное. Что касается до насъ, то мы усердно благодаримъ взявшихъ на себя сей трудъ, и искренно желаемъ въ ономъ успѣха, для удовольствія публики. Старанія любителей Театра показываютъ ихъ живѣйшее участіе въ Искуствѣ, и даже эстетическое чувство. Если духъ сей распространится, то мы надѣемся, что *вечерніе бостоны потеряютъ*

Digitized by Google

свою привлекательность и уступятъ времяпровожденію болѣе возвышенному. Остается еще пожелать, что-бъ извѣстный покровитель всего изящнаго, Князь Юсуповъ, продлилъ къ Нѣмецкому Театру свою благосклонность. Какъ благодарны были-бы ему за то всѣ любители Театра! Это поселило-бы въ насъ надежду видѣть будущею зимою Нѣмецкій Театръ, образованный Г-мъ Гебгардомъ.

P. S. Къ живѣйшему нашему удовольствію услышали мы, что фамилія Гебгардъ, по особенному ходатайству достопочтеннаго любителя Искусствъ, Сенатора Александра Александровича Башилова, получила дозволеніе продолжить свои драматическія представленія на неопредѣленное время. Поздравляемъ каждаго любителя Искусства съ симъ предстоящимъ намъ удовольствіемъ. Желательно только, что-бъ и публика, столь много поощряющая высокія наслажденія, ободрила своимъ благосклоннымъ участіемъ сію исполненную дарованій фамилію, имѣющую потребность въ нѣкоторыхъ новыхъ лицахъ, для надлежащаго усовершенствованія своихъ представленій и для разнообразія пьесъ. Выписка артистовъ сопряжена съ значительными издержками, и потому совѣтуемъ Г. Гебгарду, по примѣру его предшественника, Г. Штейнсберга, открыть абонементъ. Тогда онъ будетъ имѣть въ виду нѣчто вѣрное, и можетъ не опасаться неудачи отъ своего предпріятія. Недостающихъ артистовъ, особенно для мужскихъ ролей, надлежало-бы выписать заблаговременно, и въ семъ случаѣ мы ожидаемъ отъ Г. Геб-

Digitized by Google

гарда самаго лучшаго выбора, тѣмъ болѣе, что во время послѣдняго своего путешествія въ Германіи онъ познакомился со многими отличными артистами. Русская публика часто оказывала въ подобныхъ обстоятельствахъ живѣйшее участіе. Почему-же не надѣяться, что и въ семъ случаѣ ожиданіе наше не останется напраснымъ? Пожелаемъ фамиліи Гебгардъ съ увѣренностію приступить къ своему предпріятію, въ полной надеждѣ на благосклонное вниманіе публики, умѣющей цѣнить наслажденія истинно благородныя.

(Сообщено).

Въ 6 N° Моск. Телеграфа, на стр. 205-й, стр. 2, ошибкою напечатано: *скончался въ* 1814 *году*, вмѣсто: *сошелъ съ трона въ* 1814 *году*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

50-й ЧАСТИ.

Осада Антверпена, подъ предводительствомъ Принца Пармскаго, въ 1584 и 1585 годахъ. Сочиненіе Шиллера..... 3,151.
Историческія причины нынѣшняго состоянія Ирландіи..... 379, 459.
Нѣсколько замѣчаній о Камчаткѣ. Г-на Забѣлы... 36.
Мысли Канта о сохраненіи здоровья..... 311.
Ломбардская Архитектура..... 488.
Софіевка. Изъ путевыхъ записокъ Г-на Андреева. 68.
Карлъ Великій и Наполеонъ..... 170.
Записки Герцогини Абрантесъ (первый отрывокъ). 348.
Два отрывка изъ Былины: *Кощей безсмертный*. Сочиненіе А. Ѳ. Вельтмана..... 49.
Наваринская битва. Разсказъ Евгенія Сю.. 173, 324.
Гоффманъ и Паганини. Сочиненіе Юлія Жанена. 522.

Критика: *Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Манилѣ и Индо-Китайскомъ Архипелагѣ*. Петра Добеля. СПб. 1833 г..... 83.
Рѣшеніе вопроса: По причинѣ безпрестаннаго умноженія массы Историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Исторіи, не оказывается-ли нужнымъ измѣнить обыкновенный способъ преподаванія сей науки, и какой онъ долженъ быть именно, какъ вообще, такъ и особенно въ Университетахъ? — *Разсужденіе*, написанное Кандидатомъ Владиміромъ Цыхомъ, для полученія степени Магистра по части Историческихъ наукъ. Харьковъ. 1833 г..... 207.

Digitized by Google

Царствованіе Царя Михаила Ѳеодоровича и Взглядъ на Междуцарствіе. Соч. В. Н. Берха. СПб. 1831 г. — *Царствованіе Царя Алексія Михайловича.* Соч. В. Н. Берха. СПб. 1831 г. — *Исторія Петра Великаго.* Соч. Вен. Бергмана. Перев. съ Нѣм. Часть I-я. СПб. 1833 г. — *Обозрѣніе царствованія и свойствъ* Екатерины Великой. Соч. Павла Сумарокова. 3 ч. СПб. 1833 г. ..... 378.

Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. Де Шаплетъ. 14 ч. СПб. 1831 и 1832..... 541.

Руеская Литтература..... 98, 228, 413 и 562.

Иностранная Литтература..... 127 и 248.

Смѣсь..... 142, 266, 447 и 589.

Парижскія моды.....

При сей части Телеграфа находятся: три очерка съ картинъ Смирка, изображеніе Жирардонова памятника Герцогу Ришелье, снимокъ съ заглавнаго листа Апокризиса, и шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google